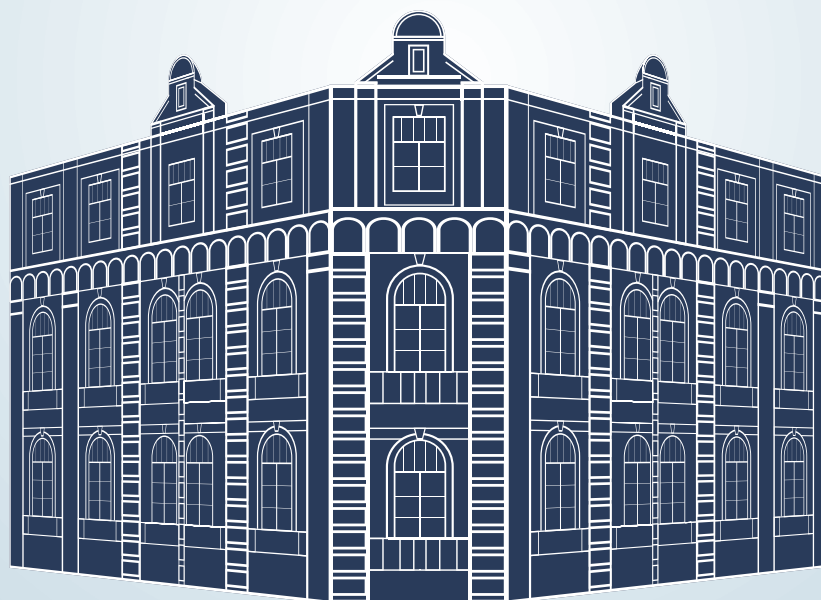

**БЮЛЛЕТЕНЬ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
2021 ГОД**

**ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Бюллетень Суда Евразийского экономического союза является печатным изданием и официальным источником опубликования актов Суда, учрежден в соответствии с пунктами 4 и 116 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Электронная версия Бюллетеня Суда размещена на официальном интернет-сайте Суда <http://courteurasian.org/>.

Содержание

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза Э.В. Айриян	10
Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза Э.В. Айриян (на английском языке)	13
Судебные акты Суда Евразийского экономического союза	
Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11 января 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	16
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 11 января 2021 года	23
Особое мнение судьи Федорцова А.А. от 11 января 2021 года	36
Резюме	42
Summary	44
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 13 января 2021 года об оставлении заявления АО «СУЭК-КУЗБАСС» без движения	46
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 3 февраля 2021 года о принятии к производству заявления АО «СУЭК-КУЗБАСС»	51
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС»	56
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 14 апреля 2021 года	75
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 14 мая 2021 года о принятии к производству жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года	79
Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 июля 2021 года по жалобе Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года	82
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 15 июля 2021 года	94

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 4 октября 2021 года об отказе в удовлетворении ходатайств АО «СУЭК-КУЗБАСС»	100
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 29 ноября 2021 года об отказе в удовлетворении ходатайства АО «СУЭК-КУЗБАСС»	104
Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 3 декабря 2021 года	111
Резюме	120
Summary	124
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 января 2021 года об оставлении заявления ОДО «ДОМИНАНТА-ФАРМ» без движения	128
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 2 февраля 2021 года о принятии к производству заявления ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ»	132
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 марта 2021 года о возобновлении производства по делу по заявлению ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ»	136
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года по заявлению ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ»	138
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 14 июня 2021 года о принятии к производству жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года	152
Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 16 июля 2021 года по жалобе Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года	154
Резюме	164
Summary	168
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 2 февраля 2021 года об оставлении заявления ЗАО «Дельрус» без движения	172

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 2 февраля 2021 года об оставлении заявления ТОО «Дельрус РК» без движения	176
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 февраля 2021 года о принятии к производству заявления ЗАО «Дельрус»	179
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 февраля 2021 года о принятии к производству заявления ТОО «Дельрус РК»	182
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК»	185
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 14 апреля 2021 года	200
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 мая 2021 года о принятии к производству жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года	206
Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2021 года по жалобе Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года.	208
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 18 октября 2021 года	219
Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 21 октября 2021 года	223
Резюме	231
Summary	234
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 3 февраля 2021 года об отказе в принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии	237
Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 5 февраля 2021 года	241
Резюме	250
Summary	251

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 22 февраля 2021 года по заявлению ООО «Поларис Инт»	252
Резюме	268
Summary	270
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 марта 2021 года о принятии к производству заявления ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг»	272
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года по заявлению ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг»	276
Особое мнение судьи Айриян Э.В. от 27 апреля 2021 года	288
Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 27 апреля 2021 года	293
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 27 апреля 2021 года	306
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 14 мая 2021 года о принятии к производству жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года	313
Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июня 2021 года по жалобе Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года	316
Резюме	334
Summary	337
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 8 июня 2021 года о принятии к производству заявления ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга»	340
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по заявлению ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга»	343
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 2 ноября 2021 года	357

Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 29 ноября 2021 года о принятии к производству жалобы ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года	369
Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 23 декабря 2021 года по жалобе ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года	371
Резюме	381
Summary	385
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 июня 2021 года об оставлении заявления ИП Фельбуша Д.Ю. без движения	389
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 июля 2021 года о принятии к производству заявления ИП Фельбуша Д.Ю.	394
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по заявлению ИП Фельбуша Д.Ю.	398
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 24 ноября 2021 года о принятии к производству жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года	413
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 5 июля 2021 года об отказе в принятии к производству заявления ООО УК «Содружество»	415
Резюме	418
Summary	420
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 20 сентября 2021 года о принятии к производству заявления ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА»	422
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 декабря 2021 года по заявлению ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА»	425

Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2021 года об оставлении без движения жалобы ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 декабря 2021 года	435
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 20 сентября 2021 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	438
Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 23 ноября 2021 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	442
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. 23 ноября 2021 года	450
Особое мнение судьи Федорцова А.А. 23 ноября 2021 года	457
Особое мнение судьи Колоса Д.Г. 26 ноября 2021 года	460
Резюме	476
Summary	478
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 сентября 2021 года о принятии к производству заявления АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод»	480
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 сентября 2021 года о принятии к производству заявления ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ»	487
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 сентября 2021 года о принятии к производству заявления ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод»	494
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 ноября 2021 года о прекращении производства по делу по заявлениям АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» и ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод»	501
Резюме	512
Summary	514

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 ноября 2021 года о принятии к производству заявления ООО «Таможенно-Логистический Оператор»	516
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 декабря 2021 года о принятии к производству заявления Министерства юстиции Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	524
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 декабря 2021 года об оставлении заявления АО «ИнВест Мультимодал» без движения	527

Э.В. АЙРИЯН
Председатель Суда
Евразийского
экономического союза

Уважаемые читатели!

Представляю Вашему вниманию очередной выпуск Бюллетеня Суда Евразийского экономического союза за 2021 год.

В 2021 году Суд продолжил активно осуществлять свою деятельность в соответствии со Статутом Суда (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, далее – соответственно Статут, Договор). Согласно пункту 2 Статута целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Количество поступивших в Суд заявлений в 2021 году продемонстрировало стабильный рост и превысило почти в два раза число заявлений, поступивших в 2020 году, и в четыре раза – в 2015 году. Заявителями по делам о разъяснении стали Республика Казахстан, Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия), по делам о разрешении споров – хозяйствующие субъекты из Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Украины.

Тематика поступивших в Суд обращений охватила такие сферы правового регулирования, как государственные закупки, промышленные субсидии, функционирование таможенного союза, общие принципы и правила конкуренции, меры защиты внутреннего рынка, техническое регулирование, исполнение Комиссией решений Суда.

В настоящем Бюллетене опубликованы 2 консультативных заключения, 13 решений¹, 33 постановления.

¹ Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 года по делу по заявлению ООО «Монокристалл», Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 15 февраля 2021 года были опубликованы в Бюллетене Суда Евразийского экономического союза за 2020 год.

Предоставление Судом консультативных заключений зарекомендовало себя эффективным правовым инструментом в совершенствовании договорно-правовой базы Союза. Правовые позиции Суда, сформулированные в консультативных заключениях, содействуют нормотворческой деятельности и правоприменительной практике Комиссии, взаимодействию государств-членов при решении общих задач в правовой сфере Союза.

Консультативное заключение от 11 января 2021 года предоставлено Судом по заявлению Комиссии о разъяснении положений Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору). Основанием для обращения в Суд послужило отсутствие единообразного подхода государств – членов Союза к вопросу повторного (многократного) установления ими особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима на срок не более 2 лет. Суд пришел к выводу о том, что Положениями пунктов 11 и 31 Протокола не предусмотрена однократность установления государствами-членами особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг, и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок. Суд также указал на необходимость применения принципа пропорциональности при реализации Комиссией своих полномочий по рассмотрению уведомлений об актах государств-членов, устанавливающих подобные особенности и изъятия, а также обращений об их отмене.

По заявлению Комиссии о разъяснении положений Договора в части промышленной политики, Судом предоставлено консультативное заключение от 23 ноября 2021 года. В практике работы Комиссии возникли вопросы, касающиеся применения принципа недискриминации при осуществлении промышленной политики в рамках Союза, закрепленного в статье 92 Договора. В частности, при проведении мониторинга исполнения Договора Комиссией выявлялись случаи введения уполномоченными органами государств-членов мер, приводящих к дискриминации товаров, произведенных на территории государств-членов, как по отношению к товарам, произведенным в других государствах-членах, так и по отношению к товарам, обращающимся на рынке Союза и произведенным в третьих странах. Суд заключил, что действие принципа недискриминации, закрепленного в положении статьи 92 Договора, распространяется на всю сферу промышленного сотрудничества в рамках Союза, при этом промышленные субсидии являются самостоятельной сферой правового регулирования, предусмотренной статьей 93 Договора. Суд также констатировал, что указанный принцип предусматривает наличие обязательств государств-членов Союза обеспечивать режим наибольшего благоприятствования промышленным товарам как государств-членов, так и третьих стран.

В 2021 году Судом также рассмотрены различные категории дел по заявлениям хозяйствующих субъектов.

Лидирующую позицию по предметному критерию занимают дела в сфере функционирования таможенного союза – 73,3% от общего числа рассмотренных дел о разрешении споров.

Далее следуют дела в области общих принципов и правил конкуренции – 20% от общего числа рассмотренных дел о разрешении споров.

На третьем месте дела в области мер защиты внутреннего рынка – 6,6% от общего числа рассмотренных дел о разрешении споров.

Рассмотренные споры включают две категории дел:

по заявлениям хозяйствующих субъектов о соответствии решений Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза – 12 дел;

по заявлениям хозяйствующих субъектов об оспаривании действия (бездействия) Комиссии – 3 дела.

Представленные в настоящем выпуске Бюллетеня судебные акты содержат позиции по широкому кругу вопросов и направлены на единообразное применение права Союза, обеспечение функционирования единого рынка в рамках ЕАЭС. Уверена, они будут востребованы профессионалами, занимающимися вопросами евразийской экономической интеграции.

С уважением,

Председатель Суда
Евразийского экономического союза

Э.В. Айриян

Dear readers!

I'm pleased to bring to your attention the latest issue of the Bulletin of the Court of the Eurasian Economic Union for 2021.

In 2021, the Court continued to actively operate in accordance with the Statute of the Court (Annex 2 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014, hereinafter respectively referred to as the Statute, the Treaty). According to Paragraph 2 of the Statute, the objective of the Court's activities is to ensure, in accordance with the provisions of this Statute, uniform application by the Member States and Bodies of the Union of the Treaty, international treaties within the Union, international treaties of the Union with a third party and decisions of the Bodies of the Union.

The number of applications received by the Court in 2021 showed a steady growth and was almost twice as high as the number of applications received in 2020 and four times higher than in 2015. The applicants for clarification cases were the Republic of Kazakhstan, the Eurasian Economic Commission (hereinafter referred to as the Commission), for dispute resolution cases – business entities from the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Russian Federation, Ukraine.

The subject matter of the applications received by the Court covered such aspects of legal regulation as public procurement, industrial subsidies, the functioning of the Customs Union, general principles and rules of competition, internal market protection measures, technical regulation, execution of the Court's judgments by the Commission.

This Bulletin contains 2 advisory opinions, 13 judgements¹, and 33 orders.

Delivering advisory opinions by the Court has proven to be an effective legal tool in improving the Treaty and legal basis of the Union. The Court's legal findings, formulated in the advisory opinions, contribute to the rule-making activity and law enforcement practice of the Commission, the interaction of the Member States in solving common tasks in the legal sphere of the Union.

The advisory opinion of January 11, 2021 was delivered by the Court on the application of the Commission for clarification of the provisions of the Protocol on the Procedure for Regulating Procurement (Annex № 25 to the Treaty). The ground for applying to the Court was the lack of a uniform approach of the Member States of the Union to the repeated (multiple) introduction by them of specific features of procurement of certain types of goods, works, services and exemptions from the national treatment for a period not exceeding 2 years. The Court concluded that the provisions of paragraphs 11 and 31 of the Protocol do not provide for one-time establishment by the Member States of specific features of the procurement of certain types of goods, works, services, and exemptions from the national treatment in the course of public (municipal) procurement. The Court also pointed out the need to apply the principle of proportionality in the exercise by the Commission of its po-

¹ The Judgment of the Appeals Chamber of the Court of the Eurasian Economic Union dated February 15, 2021 in the case based on the application of Monocrystal LLC, separate opinion of Judge K.L. Chaika dated February 15, 2021 were published in the Bulletin of the Court of the Eurasian Economic Union for 2020.

wers to consider notifications of acts of Member States establishing such special features and exemptions, as well as applications for their abolition.

Following the Commission's request for clarification of the provisions of the Treaty relating to industrial policy, the Court delivered an advisory opinion dated November 23, 2021. The Commission's practice has encountered issues relating to the application of non-discrimination principle in the implementation of the industrial policy within the Union, enshrined in Article 92 of the Treaty. In particular, when monitoring the implementation of the Treaty, the Commission identified cases of introduction by the authorized bodies of the Member States of measures leading to discrimination of goods produced in the territory of the Member States, both in relation to goods originating from other Member States and in relation to goods circulating in the market of the Union and originating from third countries. The Court concluded that the operation of non-discrimination principle enshrined in the provision of Article 92 of the Treaty applies to the entire field of industrial cooperation within the Union, while industrial subsidies are an independent area of legal regulation provided for by Article 93 of the Treaty. The Court also pointed out that the said principle provides for the existence of obligations of the Member States of the Union to ensure the most favored nation treatment for industrial goods of both the Member States and third countries.

In 2021 the Court also considered various categories of cases on applications of economic entities.

The leading position by the subject matter criterion belongs to cases in the sphere of the functioning of the Customs Union – 73.3% of the total amount of the considered dispute resolution cases.

Next follow the cases in the sphere of general principles and rules of competition – 20% of the total amount of the considered dispute resolution cases.

In third place are the cases in the sphere of internal market protection measures – 6.6% of the total amount of the considered dispute resolution cases.

The considered disputes include two categories of cases:

on applications of economic entities on compliance of decisions of the Commission with the Treaty and (or) international treaties within the Union – 12 cases;

on applications of economic entities contesting an action (failure to act) of the Commission – 3 cases.

The court acts included in the current issue of the Bulletin contain findings on a wide range of issues and are aimed at the uniform application of law of the Union, ensuring the functioning of a common market within the EAEU. I am confident that they will be useful to professionals dealing with issues of Eurasian economic integration.

Yours faithfully,

E.V. Hayriyan

President of the Court of the Eurasian Economic Union

**СУДЕБНЫЕ АКТЫ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

11 января 2021 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего, судьи-докладчика Айриян Э.В., судей Ажибраимовой А.М., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Винник В.В.,

исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73-75, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 14, 19, 72, 75, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза,

предоставляет следующее консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия, ЕЭК) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении Комиссии указано, что в соответствии с пунктами 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору), (далее – Протокол), государство – член Евразийского экономического союза вправе в одностороннем порядке, установленном своим законодательством о закупках, установить в исключительных случаях особенности осуществления закупок отдельных видов товаров, работ и услуг и изъятия из национального режима на срок не более 2 лет соответственно.

Как следует из заявления Комиссии, положениями раздела XXII «Государственные (муниципальные) закупки» Договора и Протокола, запрет на повторное (многократное) установление особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок не установлен. Условие их установления заключается в исключительности случаев для их введения.

Комиссией совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами государств – членов Союза проведена работа по вопросу сближения позиций в отношении возможности повторного установления изъятия из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок, которая не привела к выработке единообразного подхода к данному вопросу.

Комиссия просит Суд предоставить консультативное заключение о разъяснении положений пунктов 11 и 31 Протокола в части возможности однократности либо многократности установления государствами – членами Евразийского экономического союза особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок в установленном порядке.

Постановлением Большой коллегии Суда от 14 октября 2020 года заявление Комиссии принято к производству.

II. Выводы Суда

2.1. В соответствии с пунктом 1 статьи 31 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская Конвенция) договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Положением пункта 2 статьи 31 Венской Конвенции установлено, что для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения:

а) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

б) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору.

Большая коллегия Суда отмечает, что в преамбуле Договора закреплено стремление укрепить экономики государств-членов Евразийского экономического союза и обеспечить их гармоничное развитие и сближение, а также гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию.

В число основных принципов функционирования Союза статья 3 Договора включает обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов государств-членов. Положения статьи 4 Договора одной из основных целей Союза определяют стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.

Цели и принципы регулирования в сфере государственных (муниципальных) закупок закреплены в Разделе XXII Договора.

Пунктом 1 статьи 88 Договора к целям и принципам регулирования в сфере государственных закупок отнесены: регулирование отношений в сфере закупок законодательством государства-члена о закупках и международными договорами государств-членов; предоставление государствам-членам национального режима в сфере закупок.

Пунктом 3 данной статьи установлено, что закупки в государствах-членах осуществляются согласно Протоколу.

В соответствии с пунктом 1 Протокола определяется порядок регулирования закупок.

Подлежащие разъяснению пункт 11 Протокола включен в раздел II. «Требования в сфере закупок», пункт 31 – в раздел III. «Национальный режим и особенности его обеспечения».

Согласно пункту 11 Протокола государство-член вправе в одностороннем порядке в своем законодательстве о закупках установить особенности осуществления закупок, связанные с необходимостью соблюдения конфиденциальности информации о потенциальных поставщиках до окончания осуществления закупки, а также в исключительных случаях на срок не более 2 лет – особенности осуществления закупок отдельных видов товаров, работ и услуг.

Решения и действия в отношении установления таких особенностей принимаются в порядке, предусмотренном пунктами 32 и 33 Протокола.

Положение пункта 31 Протокола устанавливает, что государство-член вправе в одностороннем порядке, установленном своим законодательством о закупках, установить в исключительных случаях изъятия из национального режима на срок не более 2 лет.

2.2. Для целей разъяснения Большая коллегия Суда применяет «Порядок рассмотрения ЕЭК уведомлений государств – членов Евразийского экономического союза о принятии актов об установлении государствами-членами изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок, обращений государств-членов по вопросам отмены таких актов, а также принятия Комиссией решений о необходимости отмены таких актов», утвержденный Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2015 года № 69 (далее – Порядок).

Порядок определяет рассмотрение Комиссией уведомлений об актах государств-членов об установлении ими особенностей и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок; рассмотрение обращений об отмене актов; проведение консультаций; принятие решений о необходимости отмены актов.

Порядок устанавливает процедуру рассмотрения Комиссией трех видов уведомлений:

1. О принятии актов об установлении изъятий из национального режима.
2. О принятии актов об установлении государствами-членами особенностей осуществления закупок.
3. О принятии актов об осуществлении конкретной закупки у определенного потенциального поставщика.

Приложения 1 и 2 к Порядку содержат Перечень показателей и сведений, представляемых для обоснования необходимости принятия акта и обращения

об отмене акта, а также используемых ЕЭК для подготовки заключений о наличии либо об отсутствии оснований для принятия решения о необходимости отмены акта (далее – Перечень).

2.3. Пунктом 2 Протокола национальный режим определяется как режим, предусматривающий, что каждое государство-член для целей закупок обеспечивает товарам, работам и услугам, происходящим с территорий государств-членов, потенциальным поставщикам государств-членов и поставщикам государств-членов, предлагающим такие товары, выполняющим работы и оказывающим услуги, режим не менее благоприятный, чем предоставляемый товарам, работам и услугам, происходящим с территории своего государства-члена, а также потенциальным поставщикам и поставщикам своего государства, предлагающим такие товары, выполняющим работы и оказывающим услуги.

В соответствии с пунктом 6 Порядка изъятием из национального режима является установленное актом одного государства-члена ограничение доступа потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) других государств-членов к участию в процедурах государственных закупок конкретных товаров (работ, услуг) либо ограничение доступа к государственным закупкам, осуществляемым в определенных отраслях экономики.

Согласно пункту 8 Порядка к уведомлению об акте, направляемому уполномоченным органом в Комиссию, правительства государств-членов и уполномоченные органы, прилагаются в числе прочих следующие документы (материалы) и сведения:

«б) обоснование необходимости принятия акта, которое в том числе включает следующие сведения:

обоснование исключительности случая, включая информацию, предусмотренную пунктом 9 Порядка, если принимаемый акт устанавливает особенности осуществления государственных закупок отдельных видов товаров (работ, услуг) или изъятия из национального режима. При этом ссылка на любой подпункт пункта 9 Порядка не является достаточным обстоятельством для обоснования исключительности случая».

Указания на признаки, на основании которых производится оценка и классификация исключительности случаев, определенные в пункте 9 Порядка, не являются в силу подпункта б) пункта 8 Порядка достаточным обстоятельством для обоснования исключительности случая.

Согласно пункту 11 Порядка для целей обоснования необходимости принятия акта, в том числе исключительности случая, установления особенностей осуществления государственных закупок отдельных видов товаров (работ, услуг) или изъятий из национального режима, вместе с уведомлением об акте могут представляться сведения согласно приложению № 2 в отношении государства-члена, направляющего уведомление об акте.

Указанное приложение № 2 содержит Перечень из 10 макроэкономических показателей и сведений, представляемых государствами-членами, к которым отнесены также специфические характеристики товара (работы, услуги), позволяющие сделать вывод о допустимости и необходимости изъятия из национального режима.

Большая коллегия Суда считает, что исходя из взаимосвязанного прочтения положений статьи 88 Договора, пунктов 11 и 31 Протокола следует вывод о том, что нормы пунктов 11 и 31 Протокола не содержат нормативного закрепления однократности установления государствами – членами Союза особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима на срок не более 2 лет.

Данной нормой международного договора государствам – членам Союза предоставлено право на неоднократное установление таких особенностей.

Большая коллегия Суда отмечает, что словосочетание «в исключительных случаях» не тождественно понятиям однократности и ограничения количества установлений государством-членом особенностей и изъятий из национального режима при осуществлении государственных (муниципальных) закупок.

Право государства-члена на реализацию предоставленных нормами пунктов 11 и 31 Протокола правомочий является безусловным, относится к национальной компетенции и не может быть ограничено как в отношении количества применения особенностей и изъятий из национального режима при проведении закупок на товар, который ранее уже являлся предметом установления особенностей и изъятий из национального режима, так и в отношении иных товаров, работ, услуг.

Государства-члены обосновывают исключительность случаев в соответствии с пунктами 11 и 31 Протокола для установления особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг на срок не более 2 лет, а также изъятий из национального режима на срок не более 2 лет, с учетом положений пункта 9 и приложения № 2 к Порядку.

Данный вывод согласуется с результатом мониторинга Комиссии практики применения в государствах – членах Союза положений пунктов 11 и 31 Протокола в части неоднократности установления особенностей и изъятий, который был представлен Комиссией на запрос Суда. Повторные особенности закупок и изъятия из национального режима за период с 1 января 2015 года по 31 декабря 2019 года установлены 29 актами государств-членов: в Республике Беларусь принято 9 актов, в Российской Федерации – 20 актов. Остальные государства-члены также придерживаются позиции о неоднократном установлении таких особенностей и изъятий из национального режима.

Иное толкование пунктов 11 и 31 Протокола лишает государство-член возможности после применения особенностей или изъятия из национального режима при наступлении одного исключительного случая применять со-

ответствующие меры и адекватно реагировать на исключительную ситуацию при наступлении иного или повторения того же случая, что может привести к негативным последствиям, нарушив при этом разумный паритет между целью построения единого экономического пространства и учетом национальных интересов государства-члена.

2.4. Большая коллегия Суда констатирует, что суверенному праву государства-члена устанавливать на основании пунктов 11, 31 Протокола особенности и изъятия корреспондирует право другого государства-члена при получении уведомления об их установлении инициировать проведение консультаций без возможности их игнорирования. Данное право реализуется при получении уведомления об установлении особенностей и изъятий до принятия акта, которым предполагается их установление. Целью проводимых консультаций является сближение позиций государств-членов, участвующих в них, относительно вводимых изъятий и особенностей.

Государство-член после принятия акта, которым установлены особенности и изъятия, вправе направить в Комиссию обращение о необходимости отмены актов об установлении государствами-членами особенностей осуществления государственных закупок и изъятий из национального режима.

Комиссией при рассмотрении уведомления об акте, устанавливающем особенности или изъятия, оценивается наличие документов (материалов) и сведений, указанных в пунктах 8, 10 и 11 Порядка, их соответствие положениям пунктов 11, 31 и 32 Протокола в части срока действия особенностей или изъятий из национального режима, срока направления уполномоченным органам уведомления об акте, наличия обоснования принятия акта в соответствии с пунктами 11 и 31 Протокола и исключительности случая. По результатам такой оценки готовится заключение, которое направляется в правительства государств-членов и уполномоченные ими органы.

По итогам рассмотрения обращения Комиссия в срок, не превышающий 10 рабочих дней с даты проведения консультаций и (или) истечения сроков, указанных в пункте 24 Порядка, готовит заключение о наличии либо об отсутствии оснований для принятия решения о необходимости отмены акта, которое включает в себя итоги анализа, предусмотренного подпунктом «б» пункта 21 Порядка. В частности, такой анализ проводится по показателям и сведениям, предусмотренным приложением № 2 к Порядку (при этом ни один из указанных показателей в отдельности не является достаточным для проведения анализа), в том числе на предмет: негативных экономических последствий для экономик государств-членов вследствие принятия акта; ущерба отрасли экономики одного или нескольких государств-членов вследствие принятия акта.

Учитывая сформулированный Судом в Консультативном заключении от 7 декабря 2018 года о разъяснении применения пункта 2 статьи 97 Договора

подход, реализация Комиссией своих полномочий возможна в тесной связи с принципом пропорциональности как одним из общих принципов права Союза.

В целях соблюдения принципа пропорциональности следует устанавливать, соответствует ли ограничение достижению поставленной задачи и предусматривает ли только то, что необходимо для ее достижения.

Изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что тест пропорциональности включает в себя проверку двух компонентов:

действительно ли предлагаемая мера (в частности, установление особенностей, изъятий из национального режима) будет способствовать в конкретной ситуации решению одной поставленной задач;

пределы соразмерности указанной меры для достижения заявленной цели.

Второй компонент теста пропорциональности предполагает подтверждение отсутствия менее ограничительных способов достижения той же цели.

2.5. С учетом изложенного, Большая коллегия Суда считает обоснованным предоставить следующее разъяснение вопроса заявителя.

Положениями пунктов 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) не предусмотрена однократность установления государствами – членами Евразийского экономического союза особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг, и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных закупок).

III. Заключительные положения

Копию консультативного заключения направить заявителю.

Текст консультативного заключения опубликовать на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий, судья-докладчик

Э.В.Айриян

судьи

А.М.Ажибраимова

Ж.Н.Баишев

Д.Г.Колос

Т.Н.Нешатаева

В.Х.Сейтимова

Г.А.Скрипкина

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-2/7-20-БК)

город Минск

11 января 2021 года

Не вполне соглашаюсь с обоснованием вынесенного консультативного заключения Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 января 2021 года и в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение.

В настоящем деле представители Республики Беларусь и других государств – членов Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) разошлись в понимании пунктов 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Протокол), согласно которым государство – член Союза вправе в одностороннем порядке в своем законодательстве о закупках установить (в исключительных случаях) особенности осуществления закупок отдельных видов товаров, работ и услуг и изъятия из национального режима на срок не более 2 лет. Пунктом 11 Протокола предусмотрено, что подобное установление возможно по двум основаниям: связанным с необходимостью соблюдения конфиденциальности информации о потенциальных поставщиках до окончания осуществления закупки, а также в исключительных случаях на срок не более 2 лет.

Предположение, что одностороннее установление особенностей осуществления закупок в исключительных случаях возможно однократно на срок не более 2 лет (срок рассматривается как указание на однократность), выдвигалось как основание для запрета повторного установления изъятий из общих правил.

Исходя из изложенного Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) разъяснил, что государства – члены Союза вправе вводить ограничения в сфере государственных закупок сроком на два года неоднократно, но привел обоснования этого права на основе актов Союза, без учета основополагающего международно-правового принципа суверенитета государств – членов Союза. Между тем сам вопрос возник из отрицания этого принципа: при передаче компетенции международной организации государство – член Союза обязано согласовывать любые свои действия с Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия). К сожалению, формулировки вынесенного консультативного заключения не исключают такого подхода.

Полагаю, основными недостатками подхода Суда являются: 1) не учтено соотношение сверхимперативных норм и принципов *jus cogens* и позитивных норм права Союза – нормы позитивного права не могут противоречить *jus cogens*; 2) при этом не учитывается, что перечень изъятий из национального режима в сфере государственных закупок не подлежит расширению в одностороннем порядке; 3) наднациональный орган, Комиссия, не является контрольно-распорядительным органом в отношении суверенных государств – членов Союза по вопросу о введении изъятий как в исключительных случаях в сфере государственных закупок, так и в связи с необходимостью соблюдения конфиденциальности информации о потенциальных поставщиках до окончания осуществления закупки, но обязана единообразно применять международные нормы. При этом вновь подчеркну, что на недостаточную мотивированность судебной оценки негативно влияет отсутствие чистоты выборных процедур в Суде, от которых судьи от Российской Федерации намеренно отстраняются с 2011 года.

1. В основе настоящего дела лежат различные подходы к пониманию реализации суверенитета государств (общепризнанного принципа международного права, нормы *jus cogens*) вследствие участия в международном договоре, природы происхождения Союза, а также реализации суверенных прав государств, которые не были переданы на уровень Союза.

Согласно статье 3 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с настоящим Договором, на основе, в том числе, уважения общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности, а также добросовестного (*bona fides*) соблюдения договорных обязательств (*pacta sunt servanda*).

Государственный суверенитет как сущностная характеристика принципиального характера основного субъекта международного права – государства – заключается в том, что государство обладает полнотой власти над определенной территорией и ее постоянным населением, является независимым от любой власти на внешней арене. В настоящее время эти характеристики дополняются позитивной обязанностью государств по соблюдению и защите прав своего населения.

Принцип суверенитета (верховенство и независимость власти) первоначально развивался как норма обычного международного права, впоследствии был сформулирован в судебных решениях и, вероятно, наилучшим образом был описан в решении Постоянной палаты третейского суда в деле об острове Пальмас (Нидерланды/Соединенные Штаты Америки) от 4 апреля 1928 года: «Суверенитет в отношениях между государствами означает независимость. Независимость в отношении части земного шара – это право осуществлять на ней функции государства, без участия любого другого государства. Разви-

тие национальной организации государств в течение последних нескольких столетий и, как следствие, развитие международного права установили этот принцип исключительной компетенции государства в отношении своей территории таким образом, чтобы сделать его отправной точкой в решении большинства вопросов, касающихся международных отношений».

Отдельно отмечаю, что применительно к настоящему делу важным является вопрос о соотношении суверенитета государства и заключения государством международного договора. Данный вопрос был решен в международном праве еще в начале XX века: в решении Постоянной палаты международного правосудия от 17 августа 1923 года по делу «О пароходе „Уимблдон“» суд отказался «усматривать в заключении любого договора, по которому государство обязуется совершить или воздерживаться от совершения конкретного действия, отказ от своего суверенитета».

Впоследствии, как и принято в международном праве, принцип, сформулированный в обычае, получил позитивное закрепление в международном договоре как общепризнанный принцип международного права (норма *jus cogens*) в статье 2 Устава Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года.

Следовательно, с точки зрения международного права суверенитет предполагает независимое исполнение полноты власти в отношении соответствующей территории и населения, в том числе в сфере экономики, создания условий хозяйствования. При этом заключение международного договора не является отказом от суверенитета, но служит средством реализации суверенных функций.

2. Применительно к наднациональным международным организациям отмечаю, что государства-члены не отдают свой суверенитет таким организациям. Международные организации обладают отдельной международной правосубъектностью и являются производным от государств субъектом международного права. Из создания такой организации не следует, что возникнет единое государство, которое впоследствии получит суверенитет, но при этом созданная наднациональная организация получает те оперативные функции, которые ранее были присущи национальным государственным органам. Организации передаются функции, но не суверенитет.

Именно из этого исходит Договор: согласно пункту 1 статьи 1 Договора государства учреждают Евразийский экономический союз, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Пунктом 2 статьи 1 Договора предусмотрено, что Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, осуществляющей единую, скоординированную и согласованную политику.

Согласно статье 2 Договора единая политика – политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

Именно в рамках единой политики происходит передача оперативных функций. Согласно правовой позиции Суда, изложенной в консультативном заключении от 4 апреля 2017 года, статья 2 Договора предполагает, что для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям: 1) наличие унифицированного правового регулирования; 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

На данный момент на уровень единой политики (наднационального регулирования) переданы не все аспекты функционирования экономик государств – членов Союза. Анализ Договора показывает, что государства передали Союзу часть функций, которые ранее были присущи государственным органам (например, установление таможенного тарифа, проведение антидемпинговых расследований, наложение штрафов за нарушение правил конкуренции на трансграничных рынках и иное), но не заявили о том, что они самоустраиваются от правового регулирования общественных отношений на своей территории, в том числе в области государственных закупок.

В отсутствие единой политики (наднационального, унифицированного регулирования) свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы по-прежнему реализуется государствами – членами Союза путем применения трех режимов, в общих чертах определенных в ГАТТ и повторенных в Договоре: национального (например, согласно пункту 1 статьи 90 Договора в контексте правового режима объектов интеллектуальной собственности), режима наибольшего благоприятствования (например, раздел 2 приложения № 16 к Договору) и преференциального (например, статья 36 Договора).

Таким образом, в контексте свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы суверенитет государств реализуется путем возможной передачи конкретных функций на уровень Союза (единая политика), при этом государства-члены продолжают реализовывать свой суверенитет, проводя согласованную (скоординированную) политику (похожую) или гармонизированную (идентичную) политику с соблюдением требований международного торгового права. Следовательно, реализация свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы сосуществует с суверенитетом государств и позволяет государствам вводить необходимые ограничения движения товаров, что и предусмотрено правом Союза, основывающемся на общепризнанных принципах и нормах международного права.

3. Применительно к государственным закупкам отмечаю, что пунктом 1 статьи 88 Договора среди прочего предусмотрено, что в Союзе декларируется предоставление государствам-членам национального режима в сфере закупок.

Согласно пункту 1 статьи III ГАТТ в основе национального режима лежит то, что внутренние налоги и другие внутренние сборы, законы, правила и требования, затрагивающие внутреннюю продажу, предложение о продаже, покупку, перевозку, распределение или использование товаров, и внутренние правила количественного регулирования, требующие смешения, переработки или использования товаров в определенных количествах или долях, не должны применяться к импортированным или отечественным товарам таким образом, чтобы создавать защиту для отечественного производства (национальный режим предполагает «такое же» отношение).

В ЕАЭС национальный режим раскрыт в Протоколе «своеобразно». Согласно пункту 2 Протокола «национальный режим» для целей государственных закупок предусматривает, что каждое государство-член для целей закупок обеспечивает товарам, работам и услугам, происходящим с территорий государств-членов, потенциальным поставщикам государств-членов и поставщикам государств-членов, предлагающим такие товары, выполняющим работы и оказывающим услуги, режим **не менее благоприятный (значит – такой же или более благоприятный)**, чем предоставляемый товарам, работам и услугам, происходящим с территории своего государства, а также потенциальным поставщикам и поставщикам своего государства, предлагающим такие товары, выполняющим работы и оказывающим услуги. Страна происхождения товара определяется в соответствии с правилами определения страны происхождения товаров, действующими на таможенной территории Союза.

Исходя из сравнительного анализа нормы пункта 1 статьи III ГАТТ и пункта 2 Протокола можно сделать вывод, что содержание национального режима на международном универсальном уровне и региональном уровне Союза различается. Согласно праву Всемирной торговой организации (далее – ВТО) национальный режим предполагает равное применение права как к национальным, так и к иностранным товарам. Право Союза исходит из того, что национальный режим в Союзе предоставляется «не менее благоприятный», то есть, возможно, и лучший, чем национальным производителям.

Одновременно пункт 30 Протокола предусматривает, что каждое из государств-членов обеспечивает в отношении товаров, работ и услуг, происходящих с территориями других государств-членов, а также в отношении потенциальных поставщиков и поставщиков других государств-членов, предлагающих такие товары, работы и услуги, национальный режим в сфере закупок.

Из изложенного следует, что в контексте государственных закупок в Союзе не проводится единая политика, имеющая в своей основе единообразное регулирование. Основными регуляторами в данной сфере по-прежнему явля-

ются государства, предоставляющие как национальный, так и иной режимы другим государствам – членам Союза.

Далее, согласно пункту 31 Протокола государство – член Союза вправе в одностороннем порядке, установленном своим законодательством о закупках, установить в исключительных случаях изъятия из режимов.

Из изложенной формулировки следует, что государства – члены Союза зарезервировали за собой право отступления от национального режима в сфере закупок в исключительных случаях, а также в связи с необходимостью соблюдения конфиденциальности информации о потенциальных поставщиках до окончания осуществления закупки.

Вопрос о разъяснении пункта 31 Протокола напрямую связан с обязанностью государств находить баланс между соблюдением договорных обязательств и возможностью соблюдения публичных (позитивных) обязательств для защиты своего населения и территориальной целостности. Соответственно, принцип суверенитета государства (принцип *jus cogens*) в этом контексте сталкивается с обязанностью по добросовестному исполнению международных договоров (также принцип *jus cogens*).

Заметим, что принципы *jus cogens* коллидируют только друг с другом, а нормы договоров должны соответствовать принципам *jus cogens* (статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция)). При этом международные обычаи и договоры предусматривают суверенное право государств отступать от принятых обязательств в исключительных случаях, связанных с защитой населения и территории. Так, международные обычаи, кодифицированные в Главе V Статей об ответственности государств за международные противоправные деяния (далее – Статьи об ответственности), предусматривают, что государство вправе отступать от принятых обязательств в крайнем случае, например, для целей самообороны, введения контрмер в связи с международно-противоправными отношениями, форс-мажора, бедствия, состояния необходимости, соблюдения сверхимперативных норм *jus cogens*.

На основании допущения таких изъятий формируются и договорные подходы: например, пункт 59 Общих подходов к заключению международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций (приложение № 2 к Регламенту заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты капиталовложений, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2016 года № 992) устанавливает, что положения договоров не должны препятствовать сторонам договора предпринимать меры, например, для защиты жизни и здоровья людей, борьбы с коррупцией, терроризмом и т.п.

Статья 36 Договора о функционировании Европейского союза (в ред. от 13 декабря 2007 года) также предусматривает право государств – членов

Европейского союза вводить количественные ограничения для защиты публичных интересов – общественной морали, здоровья и т.п.

Из указанной практики следует, что принципы международного права предусматривают обстоятельства, позволяющие в крайних случаях отступить от договорных международно-правовых обязательств, например, при наступлении «исключительных» обстоятельств.

4. С целью разъяснения понятия «исключительные случаи» Суду следовало руководствоваться обязательными правилами толкования международных договоров, содержащимися в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции, согласно которому договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Указанные «исключительные случаи» для цели установления изъятий в сфере государственных закупок во многом тождественны тем, которые поименованы в международных договорах, в том числе в пункте 1 статьи 29 Договора, согласно которому государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Кроме того, отмечаю, что в качестве контекста с точки зрения пункта 1 статьи 31 Венской конвенции Суду следовало рассматривать право ВТО, поскольку в силу преамбулы Договора Союз создан с принятием во внимание норм, правил и принципов Всемирной торговой организации, а согласно пункту 1 статьи 1 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы право ВТО является частью правовой системы Союза.

В этой связи отмечаю, что в статьях XX, XXI ГАТТ содержатся общие исключения и исключения по соображениям безопасности, согласно которым государства – члены ВТО вправе применять меры для защиты своего публичного порядка. Данные исключения корреспондируют исключениям, указанным в статье 29 Договора.

Применительно к пункту 31 Протокола отмечаю, что Совет Евразийской экономической комиссии решением от 23 ноября 2015 года № 69 утвердил Порядок рассмотрения Евразийской экономической комиссией уведомлений государств – членов Евразийского экономического союза о принятии

актов об установлении государствами-членами изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок, обращений государств-членов по вопросам отмены таких актов, а также принятия Комиссией решений о необходимости отмены таких актов (далее – Порядок).

Пунктом 9 Порядка предусмотрено, что для целей настоящего Порядка к исключительным случаям относится в том числе необходимость принятия мер для:

- а) охраны жизни и здоровья человека;
- б) защиты общественной морали и правопорядка;
- в) охраны окружающей среды;
- г) охраны животных и растений, культурных ценностей и культурного наследия;
- д) выполнения международных обязательств;
- е) обеспечения национальной обороны и национальной безопасности государства-члена;
- ж) предотвращения истощения невозобновимых природных ресурсов;
- з) исполнения решений международного арбитража, международного коммерческого арбитража и иностранных судебных органов;
- и) закупки определенных товаров (работ, услуг) в связи с отсутствием времени, необходимого для проведения соответствующей процедуры закупки;
- к) выполнения работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту особо опасных, технически сложных и уникальных объектов.

Таким образом, в Порядке оснований больше, чем в статье 29 Договора, но все они имеются в иных международных договорах и по сути соответствуют общим позициям: статье 29 Договора и статьям XX, XXI ГАТТ. Формулировка пункта 9 Порядка, указывающая, что к исключительным случаям относятся «в том числе» и описанные далее случаи, не означает открытость данного перечня прежде всего потому, что такое прочтение не вытекает из права ВТО и права Союза – в статьях XX, XXI ГАТТ, статье 29 Договора перечень исключительных случаев является закрытым: во-первых, «в том числе» означает, что новые случаи должны соответствовать общим основаниям; во-вторых, следует учитывать, что согласно пункту 3 статьи 6 Договора решения Комиссии не должны противоречить настоящему Договору и международным договорам в рамках Союза для цели введения ограничений в сфере государственных закупок. Полагаю также, что перечень «исключительных случаев» не может дополняться государствами – членами Союза в одностороннем порядке, однако государства-члены могут внести изменения в Договор, дополнив перечень «исключительных случаев», или воспользоваться международными обычаями по прекращению и приостановлению действия Договора, например, *rebus sic standibus* (Договор перестает применяться между сторонами вследствие коренного изменения обстоятельств, например, при переходе на новый уровень

интеграции или появления нового вида «исключительных случаев», не поименованных в международных договорах).

Исходя из изложенного полагаю, что смысл пункта 31 Протокола тождественен статье 29 Договора, что предполагает, что изъятия из национального режима могут быть введены в том случае, если такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли.

5. По вопросу о возможной однократности (многократности) вводимых мер в контексте государственных закупок отмечаю, что в силу статьи 32 Венской конвенции возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31 Венской конвенции, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31:

а) оставляет значение двусмысленным или неясным; или

б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

Договор, подготовительные материалы к нему, Протокол, Соглашение о государственных (муниципальных) закупках от 9 декабря 2010 года (далее – Соглашение 2010 года), право ВТО, Порядок не содержат каких-либо указаний на то, что государства – члены Союза не вправе вводить какие-либо ограничения в зависимости от количества исключительных случаев (однократно или многократно). Государства вправе вводить ограничения в исключительных случаях, если того требуют обстоятельства.

Следовательно, в отсутствие единого договорного стандарта государства – члены Союза имеют дискрецию по вопросу об однократности (многократности) вводимых мер.

Ввиду того, что пункт 31 Протокола предусматривает, что государство-член вправе в одностороннем порядке, установленном своим законодательством о закупках, установить в исключительных случаях изъятия из национального режима на срок не более 2 лет, отмечаю, что данное регулирование, возможно, относится к особым сделкам, но является нетипичным, поскольку международные обычаи и договоры, устанавливающие обстоятельства, исключающие ответственность государства в исключительных случаях, также не предусматривают какие-либо сроки введения ограничений. Так, например, у государства существует обязанность по возобновлению соблюдения своих обязательств после того, как обстоятельство, исключающее противоправность, перестало существовать (пункт а) статьи 27 Статей об ответственности). Какой-либо срок при этом не обозначается.

Само по себе введение временного ограничения в сфере государственных закупок не предполагает, что обстоятельства, послужившие основанием к введению данных ограничений, перестанут существовать или в будущем не воз-

никнут новые обстоятельства, которые потребуют введения таких мер. Следовательно, ключевым аспектом в настоящем деле является не срок вводимых мер, но существование обстоятельств, которые послужили основанием для введения данных мер.

6. Итак, коллидирование принципа суверенитета и добросовестного исполнения международного договора предполагает возникновение механизма проверки их соотношения.

В качестве контекста для цели толкования отметим, что применительно к государственным закупкам в правовом порядке ВТО действует Соглашение по государственным закупкам от 30 марта 2012 года (участвует Республика Армения, другие государства – члены Союза не участвуют), которое в статье 3 также устанавливает исключительные случаи, в которых государство – участник данного соглашения вправе применять меры для защиты своего публичного порядка. Указанный перечень во многом соответствует статье 29 Договора, статьям XX, XXI ГАТТ.

Отмечаю, что право ВТО предоставляет государствам-участникам существенную дискрецию по введению мер защиты публичного порядка, устанавливая, что «ничто в настоящих соглашениях не препятствует принятию или применению любой договаривающейся стороной мер» для защиты своего публичного порядка при условии добросовестного применения статей XX, XXI ГАТТ.

Применительно к статье 29 Договора Суд отмечал, что дискреция государств – членов Союза по применению пункта 1 статьи 29 Договора не безусловна, что предопределено ограничительным толкованием условий применения ограничений во взаимной торговле товарами (консультативное заключение Большой коллегии Суда от 30 октября 2017 года).

В этой связи отмечаю, что практика Органа по разрешению споров ВТО показывает, что стандартом при оценке введенных ограничений является соответствие принципу добросовестности – государства не должны злоупотреблять правом на введение изъятий (такие меры не могут являться средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли в значении пункта 1 статьи 29 Договора, статей XX, XXI ГАТТ, статьи 3 Соглашения о государственных закупках ВТО (см., например, доклад Апелляционного органа ОРС ВТО по делу *Brazil — Retreaded Tyres*, para. 224)).

Пункты 32–34 Протокола определяют процесс проверки добросовестности (*bona fides*) введенных изъятий из национального режима в сфере государственных закупок при наличии «исключительных случаев».

Согласно пункту 32 Протокола уполномоченный регулирующий и (или) контролирующий орган власти государства-члена в сфере закупок заблаговременно, но не позднее 15 календарных дней до даты принятия акта об установлении изъятий в соответствии с пунктом 31 Протокола, в письменной форме

уведомляет Комиссию и каждое из государств-членов о принятии такого акта с обоснованием необходимости его принятия (то есть регулирует и контролирует государство).

Государство-член, получившее такое уведомление, может обратиться в направивший его орган с предложением о проведении соответствующих консультаций.

Государство-член, направившее указанное уведомление, не может отказать в проведении консультаций.

Пункт 33 Протокола указывает, что Комиссия вправе принять решение о необходимости отмены акта об установлении изъятий, принятого государством-членом в соответствии с пунктом 31 Протокола, в течение 1 года с даты его принятия.

Отмечаю, что в случае принятия Комиссией решения о необходимости отмены указанного акта принявшее его государство-член вправе оспорить его как в Суде (пункт 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору)), так и исполнить – обеспечить в двухмесячный срок внесение соответствующих изменений в такой акт (признание его утратившим силу).

Рассмотрение Комиссией уведомлений о принятии актов в соответствии с пунктом 31 Протокола и обращений государств-членов по вопросам их отмены, а также принятие Комиссией решений о необходимости отмены таких актов осуществляются в порядке, определяемом Комиссией.

В случае если государство – член Союза, в отношении которого вынесено указанное решение, не выполнит его, каждое из других государств-членов в одностороннем порядке вправе не распространять национальный режим на такое государство-член. Уведомление об этом незамедлительно направляется в Комиссию и каждому из государств-членов.

Следовательно, Протокол содержит уведомительный порядок введения изъятий из национального режима: государства – члены Союза уведомляют Комиссию о вводимых мерах. Комиссия при этом вправе в установленный срок принять решение о необходимости пересмотра введенных мер и вынести его на обсуждение вплоть до обращения в Суд.

При этом стандарт оценки Комиссией введенных изъятий содержится в Порядке и не предполагает, что Комиссия вправе оценивать наличие в государстве – члене Союза «исключительных случаев» для введения соответствующих изъятий: ЕЭК не проверяет, существуют ли в государстве те обстоятельства, которые указаны в пункте 9 Порядка (например, потребность защиты общественной морали, животных и иное).

Стандарт оценки описан в Перечне показателей и сведений, представляемых для обоснования необходимости принятия акта и обращения об отмене акта, а также используемых Евразийской экономической комиссией для под-

готовки заключения о наличии либо об отсутствии оснований для принятия решения о необходимости отмены акта (приложение № 2 к Порядку), согласно которому Комиссия наделена полномочием по проверке исключительно экономических показателей: объем потребления товара, объем государственных закупок и иное.

Следовательно, право Союза исходит из того, что Комиссия оценивает добросовестность исполнения Договора, в том числе и при введении государствами – членами Союза изъятий с точки зрения экономики, при этом проверка наличия в государстве-члене оснований введения изъятий, указанных в пункте 9 Порядка, лежит на самом государстве – члене Союза – таких функций ЕЭК на данный момент не получила.

Относительно вопроса добросовестности исполнения государствами – членами Союза международных договоров также отмечаю, что согласно статье 26 Венской конвенции каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться. При этом принцип добросовестного исполнения международных договоров предполагает, что государство не может быть извлекать выгоду из недобросовестных действий по договору (принцип эстоппель), в том числе путем последующих заявлений об изменении правопонимания.

Эстоппель применим в данном деле по следующим обстоятельствам:

1) согласно материалам дела в государствах – членах Союза сложилась практика повторного (многократного) введения ограничений в сфере государственных закупок и изъятий из национального режима;

2) отсутствуют сведения о том, что при разработке Договора, Соглашения 2010 года (утратило силу в связи с вступлением в силу Договора, но по смыслу соответствует Протоколу) какое-либо из государств выступало за однократное введение ограничений в сфере государственных закупок.

Более того, полагаю, что норма об однократности и не может появиться, поскольку будет противоречить суверенитету государств, создающих международную организацию: изменить возможно лишь функции Комиссии по оценке добросовестности применения Договора (например, можно предоставить ЕЭК право судебного оспаривания пропорциональности принятых ограничений в сфере государственных закупок, при этом субъективный вопрос о пропорциональности также в дальнейшем подлежит объективной судебной оценке).

Вывод

Принцип суверенитета обязывает государства в исключительных случаях регулировать экономические отношения с целью защиты своей территории и населения, поэтому следует сделать вывод, что право Союза предусматривает дискрецию государств – членов Союза по вопросу неоднократного приме-

нения изъятий в сфере государственных закупок при условии, что такие меры необходимы и не могут являться средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли.

Судья

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

судьи Федорцова А.А.

(консультативное заключение о разъяснении пунктов 11 и 31
Протокола о порядке регулирования закупок)

11 января 2021 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее, соответственно – Большая коллегия, Суд) по запросу Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) разъяснила положения пунктов 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, далее, соответственно – Протокол, Договор о ЕАЭС).

Большая коллегия Суда пришла к выводу, что положениями пунктов 11 и 31 Протокола не предусмотрена однократность установления государствами – членами Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок (далее – закупки).

Считаю, что выводы Большой коллегии, изложенные в консультативном заключении, не соответствуют целям и принципам функционирования ЕАЭС и не основаны на праве Союза.

Полагаю, что право Союза не предусматривает возможность повторного установления особенностей осуществления закупок в отношении отдельных видов товаров, работ, услуг, повторного установления одних и тех же изъятий из национального режима. Это следует из:

анализа положений Протокола в свете объекта и целей Договора о ЕАЭС, положений решения Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2015 года № 69;

оценки подготовительных материалов, относящихся к формированию права Союза в сфере закупок;

обстоятельств заключения Договора о ЕАЭС.

Выражая свое особое мнение, исхожу из того, что разъяснение, толкование и развитие права Союза должны быть направлены на реализацию целей и принципов, заложенных в Договоре о ЕАЭС.

1. Положения пунктов 11 и 31 Протокола в контексте целей создания и принципов функционирования Союза

Учреждая Союз, государства-члены желали укрепить свои экономики, обеспечить их гармоничное развитие и сближение, а также гарантировать

устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию (преамбула Договора о ЕАЭС).

Для решения этой задачи государства договорились, что в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (статья 1 Договора о ЕАЭС).

Были провозглашены основные цели Союза, одной из которых является формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (статья 4 Договора о ЕАЭС).

Одним из основных принципов функционирования Союза является соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции (абзац пятый статьи 3 Договора о ЕАЭС).

Общесоюзные цели и принципы получили развитие на отраслевом уровне. В соответствии со статьей 88 Договора о ЕАЭС государства-члены определили цели и принципы регулирования в сфере закупок, основными из которых являются:

предоставление государствам-членам национального режима в сфере закупок;

обеспечение беспрепятственного доступа потенциальных поставщиков и поставщиков государств-членов к участию в закупках, проводимых в электронном формате;

развитие конкуренции, а также противодействие коррупции и другим злоупотреблениям в сфере закупок.

Каждое из государств-членов обеспечивает в отношении товаров, работ и услуг, происходящих с территорий других государств-членов, а также в отношении потенциальных поставщиков и поставщиков других государств-членов, предлагающих такие товары, работы и услуги, национальный режим в сфере закупок (пункт 30 Протокола).

Изъятия из национального режима и особенности осуществления закупок отдельных видов товаров (работ, услуг) – это исключения, которые ограничены как по основаниям, так и по срокам их применения, из общего правила о равном (недискриминационном) доступе хозяйствующих субъектов, их товаров, работ и услуг, к закупкам.

Основываясь на целях, задачах и принципах ЕАЭС, в том числе в сфере регулирования закупок, полагаю, что толкование и разъяснение положений Договора о ЕАЭС, касающихся исключений из естественного порядка функционирования экономического союза, не может быть расширительным и противоречащим целям и задачам Союза.

По моему убеждению, право Союза и логика межгосударственного интеграционного взаимодействия требуют последовательного движения к установлению равных экономических условий для всех хозяйствующих субъектов на всем пространстве ЕАЭС, в том числе в сфере закупок.

2. Грамматическое толкование пунктов 11 и 31 Протокола

Базовый способ толкования международного договора – грамматический – позволяет сделать вывод об «однократном характере» реализации права, изложенного в пунктах 11 и 31 Протокола, исходя из анализа взаимосвязанных терминов «установить», «в исключительных случаях» и «на срок не более 2 лет».

Ключевой смысл международных обязательств, изложенных в указанных пунктах Протокола, выражает глагол «установить». Он является глаголом совершенного вида, определяет действие, достигшее своего внутреннего предела, по достижении которого оно должно исчерпать себя, прекратиться.

Обращаю внимание, что в тексте Договора о ЕАЭС при изложении обязательств сторон помимо формулировки «государства-члены вправе **установить**» (пункты 11 и 31 Протокола) используется словосочетание «государства-члены вправе **устанавливать**» (пункт 3 статьи 74 Договора о ЕАЭС).

Данные формулировки, на мой взгляд, содержат различные подходы к механизму реализации прав государств. Так, если во втором случае предполагается возможность многократного установления (устанавливать), то в первом случае – только однократность (установить).

Используя в пунктах 11 и 31 Протокола термин «установить» применительно к соответствующей ограничительной мере, договаривающиеся стороны намеревались подчеркнуть возможность лишь однократного ее установления.

Кроме того, полагаю, что однократность следует из указания в пунктах 11 и 31 Протокола на исключительный и временный характер мер по ограничению доступа к государственным закупкам.

Иное толкование лишает полезного действия положения пунктов 11 и 31 Протокола о том, что ограничения и изъятия могут быть установлены в исключительных случаях и на срок не более 2 лет.

Договором о ЕАЭС установлен пресекательный срок, который не допускает действие соответствующих изъятий (особенностей) за пределами указанных временных рамок.

Более того, Договором о ЕАЭС не предусматривается продление срока действия соответствующих изъятий (особенностей).

3. Положения пунктов 11 и 31 во взаимосвязи с иными положениями Протокола

Прежде всего, обращаю внимание на иерархическое соотношение норм о закупках, содержащихся в основной части Договора о ЕАЭС и приложениях к нему.

Раздел XXII Договора о ЕАЭС устанавливает цели и принципы регулирования в сфере закупок и представляет собой базисное регулирование. В свою очередь, в Протоколе (приложении № 25 к Договору) установлен порядок ре-

гулирования закупок (исполнительный регламент), который должен подчиняться своей правовой основе, а значит и правилу о национальном режиме в сфере закупок.

Дополнительно необходимо отметить, что абзац второй пункта 11 Протокола в части, касающейся принятия решений и действий в отношении установления соответствующих особенностей осуществления закупок, отсылает к порядку, предусмотренному пунктами 32 и 33 Протокола.

Данная отсылка означает применение к актам об установлении государствами-членами соответствующих особенностей осуществления закупок тех же положений, что и в отношении актов об установлении изъятий в соответствии с пунктом 31 Протокола.

Изложенный в пунктах 32 и 33 Протокола механизм включает в себя, в частности:

заблаговременное информирование государств-членов и Комиссии о принятии акта;

проведение консультаций заинтересованных сторон;

право Комиссии принять решение о необходимости отмены акта, обязанность государства-члена обеспечить внесение соответствующих изменений в такой акт (признать его утратившим силу), последствия в случае неисполнения решения Комиссии о необходимости отмены акта.

В соответствии с абзацем третьим пункта 33 Протокола принят Порядок рассмотрения Евразийской экономической комиссией уведомлений государств – членов Евразийского экономического союза о принятии актов об установлении государствами-членами изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок, обращений государств-членов по вопросам отмены таких актов, а также принятия Комиссией решений о необходимости отмены таких актов, утвержденный решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2015 года № 69 (далее – Порядок ЕЭК), который по смыслу пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года подлежит учету наряду с контекстом Договора как «соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками».

Данный Порядок, как и Договор о ЕАЭС, также не содержит положений о повторном введении одного и того же ограничения (изъятия) в отношении конкретных товаров (работ, услуг) либо продления срока действия такого ограничения (изъятия).

Следует отметить, что в Протоколе совещания по вопросам государственных (муниципальных) закупок от 22 февраля 2018 года № 23-7/пр под председательством директора Департамента конкурентной политики и политики в области закупок ЕЭК с участием представителей всех государств-членов сказано следующее:

«По мнению участников совещания, Договором о Союзе может быть предусмотрена допустимость повторного установления изъятий из национального режима, при условии внесения соответствующих изменений в Порядок ЕЭК, утвержденный решением Совета ЕЭК от 23.11.2015 № 69 (в части увеличения срока направления уведомлений о повторном установлении изъятий, расширения пакета обосновывающих документов, права Комиссии на запрос необходимых для рассмотрения уведомления дополнительных документов, проведение Комиссией соответствующих консультаций, механизма принятия решений в Комиссии и обжалования таких решений)».

Таким образом, экспертные оценки свидетельствуют о недопустимости повторного установления изъятия из национального режима без урегулирования данного вопроса в Порядке ЕЭК.

Из этого я заключаю, что и по этому основанию повторное установление изъятия из национального режима в настоящее время недопустимо, поскольку корректировки Порядка ЕЭК не производились.

4. Подготовительные материалы и обстоятельства заключения Договора о ЕАЭС

До вступления в силу Договора о ЕАЭС регулирование вопросов закупок осуществлялось в соответствии с Соглашением о государственных (муниципальных) закупках от 9 декабря 2010 года (далее – Соглашение).

Абзац первый статьи 4 Соглашения предусматривал, что в исключительных случаях Стороны могут на срок не более 2 лет в одностороннем порядке законодательством государства Стороны устанавливать изъятия из национального режима.

С учетом преювенции правового регулирования в ходе евразийской экономической интеграции полагаю обоснованным отметить, что в представленных Комиссией по запросу Суда протоколах заседаний Комиссии таможенного союза прослеживается намерение государств-учредителей ЕАЭС придерживаться национального режима в сфере закупок без изъятий и ограничений.

Казахстанская сторона еще в 2010 году настаивала «на предоставлении с 2017 года национального режима без возможности установления изъятий, даже через согласование с Комиссией таможенного союза, поскольку создание единого экономического пространства предусматривает равную конкуренцию между поставщиками Сторон»; Российская и Белорусская стороны считали необходимым приблизить эти сроки (Протокол заседания Комиссии таможенного союза по рассмотрению хода выполнения Плана действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, приложение к решению Комиссии таможенного союза от 21 сентября 2010 года № 409).

Полагаю, что все способы толкования пунктов 11 и 31 Протокола указывают на то, что право Союза не предусматривает возможность неоднократного установления изъятий из национального режима и установления особенностей осуществления закупок одних и тех же видов товаров, работ, услуг.

Толкование пунктов 11 и 31 Протокола требует, чтобы государства в рамках регулирования механизма принятия ограничительных мер исходили из возможности только однократного их установления.

На основании изложенного прихожу к выводу, что пункты 11 и 31 Протокола предусматривают только однократную возможность установления государствами в исключительных случаях на срок не более 2 лет особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг, изъятий из национального режима в сфере закупок.

Судья

А.А. Федорцов

Резюме
по делу № СЕ-2-2/7-20-БК
(Евразийская экономическая комиссия)

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК, Комиссия).

О разъяснении положений пунктов 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Особенности осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг – изъятие из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок – принцип пропорциональности.

Протокол о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года); Порядок рассмотрения Евразийской экономической комиссией уведомлений государств – членов Евразийского экономического союза о принятии актов об установлении государствами-членами изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок, обращений государств-членов по вопросам отмены таких актов, а также принятия Комиссией решений о необходимости отмены таких актов (решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2015 года № 69).

Консультативное заключение – разъяснение Договора о Союзе – особые мнения.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении положений пунктов 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (Приложение № 25 к Договору о Союзе). В соответствии с данными пунктами государство – член ЕАЭС вправе в одностороннем порядке, установленном своим законодательством о закупках, установить в исключительных случаях особенности осуществления закупок отдельных видов товаров, работ и услуг и изъятия из национального режима на срок не более 2 лет.

Основанием для обращения послужило отсутствие единообразного подхода государств – членов Союза к повторному (многократному) установлению указанных особенностей и изъятий.

В консультативном заключении от 11 января 2021 года Большой коллегией Суда указано, что исходя из взаимосвязанного прочтения положений статьи 88 Договора, пунктов 11 и 31 Протокола следует вывод о том, что нормы пун-

ктов 11 и 31 Протокола не содержат нормативного закрепления однократности установления государствами – членами Союза особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима на срок не более 2 лет.

Большой коллегией Суда отмечено, что словосочетание «в исключительных случаях» не тождественно понятиям однократности и ограничения количества установлений государством-членом особенностей и изъятий из национального режима при осуществлении государственных (муниципальных) закупок.

К консультативному заключению Суда заявлены особые мнения судей Нешатаевой Т.Н. и Федорцова А.А.

Правовые позиции Суда:

1. Реализация Комиссией своих полномочий по рассмотрению уведомлений об актах, устанавливающих государствами-членами особенности осуществления государственных закупок и изъятий из национального режима, а также по рассмотрению обращений об отмене таких актов возможна в тесной связи с принципом пропорциональности как одним из общих принципов права Союза.

(см. абзацы 3-5 пункта 2.4 Консультативного заключения)

2. Тест пропорциональности включает в себя проверку двух компонентов: действительно ли предлагаемая мера будет способствовать в конкретной ситуации решению одной из поставленных задач; пределы соразмерности указанной меры для достижения заявленной цели. Второй компонент теста пропорциональности предполагает подтверждение отсутствия менее ограничительных способов достижения той же цели.

(см. абзацы 7,8 пункта 2.4 Консультативного заключения)

3. Положениями пунктов 11 и 31 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года) не предусмотрена однократность установления государствами – членами ЕАЭС особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ, услуг и изъятий из национального режима в сфере государственных (муниципальных) закупок.

(см. абзац 2 пункта 2.5 Консультативного заключения)

Summary
of case No. CE-2-2/7-20-БК
(the Eurasian Economic Commission)

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC, Commission).

On the clarification of the provisions of paragraphs 11 and 31 of the Protocol on the Procedure for Regulating Procurement (Annex 25 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014).

Specific features of the procurement of certain types of goods, works, services – exemption from the national treatment in the field of public (municipal) procurement – the principle of proportionality.

Protocol on the Procedure for Regulating Procurement (Annex 25 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014); the Procedure for consideration by the Eurasian Economic Commission of notices of the Member States of the Eurasian Economic Union on adoption of acts on the introduction by the Member States of exemptions from the national treatment in the field of public (municipal) procurement, requests of the Member States on the abrogation of such acts, as well as the adoption by the Commission of decisions on the need to abrogate such acts (the Decision No. 69 of the Council of the Eurasian Economic Commission of November 23, 2015).

Advisory opinion – clarification of the Treaty on the Union – separate opinions.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union requesting clarification of the provisions of paragraphs 11 and 31 of the Protocol on the Procedure for Regulating Procurement (Annex 25 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014). In accordance with these paragraphs, the EAEU Member State as determined in its procurement legislation has the right to unilaterally introduce, in exceptional cases, the specific features of the procurement of certain types of goods, works and services and the exemptions from the national treatment for a period not exceeding 2 years.

The ground for the appeal was the lack of a uniform approach of the Member States of the Union to the repeated (multiple) introductions of these specific features and exemptions.

In the Advisory opinion of January 11, 2021, the Grand Chamber of the Court indicated that, based on an interrelated reading of the provisions of Article 88 of the Treaty, paragraphs 11 and 31 of the Protocol, it follows that the norms of paragraphs 11 and 31 of the Protocol do not contain normative determination of the one-time establishment by the Member States of the Union of the specific features of

the procurement of certain types of goods, works, services and the exemptions from the national treatment for a period not exceeding 2 years.

The Grand Chamber of the Court noted that the phrase “in exceptional circumstances” is not identical to the notions of one-time and limited number of establishments of specific features and exemptions from the national treatment by the Member State in the course of public (municipal) procurement.

Separate opinions of Judges T.N. Neshataeva and A.A. Fedortsov are attached to the advisory opinion of the Court.

Legal findings of the Court:

1. Exercising the Commission’s powers to consider notifications of acts establishing the specific features of public procurement and exemptions from the national treatment by the Member States, as well as to consider applications for the abolition of such acts, is possible in close connection with the principle of proportionality as one of the general principles of the Union law.

(see subparagraphs 3-5 of paragraph 2.4 of the Advisory Opinion)

2. The proportionality test includes the verification of two elements: whether the proposed measure indeed contributes to the solution of one of the set tasks in particular situation; the limits of proportionality of the specified measure to achieve the stated goal. The second element of the test of proportionality implies confirmation that there are no less restrictive ways to achieve the same goal.

(see subparagraphs 7,8 of paragraph 2.4 of the Advisory Opinion)

3. The provisions of paragraphs 11 and 31 of the Protocol on the Procedure for Regulating Procurement (Annex 25 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014) do not provide for a one-time establishment by the EAEU Member States of the specific features of the procurement of certain types of goods, works, services and the exemptions from the national treatment in the field of public (municipal) procurement.

(see subparagraph 2 of paragraph 2.5 of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

13 января 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., под председательством судьи-докладчика Баишева Ж.Н., при секретаре судебного заседания Захарове А.Ю., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и нарушающими права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Акционерное общество «СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС», заявитель, общество) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение Коллегии ЕЭК) и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической

деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» (далее – Решение Совета ЕЭК) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, утвержденную решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года; далее – ТК ЕАЭС), Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (заключена в городе Брюсселе 14 июня 1983 года; далее – Конвенция о ГС) и нарушающими права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Заявитель указывает, что 29 марта 2016 года он ввез на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) товар «комплект очистного узкозахватного комбайна EICKHOFF SL900» (далее – товар). Товар был заявлен с указанием классификационного кода 8430 39 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС – «врубковые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие прочие» (ставка ввозной таможенной пошлины 0 %), после чего таможенным органом было принято решение о выпуске товара.

После выпуска товара Кемеровской таможней (Российская Федерация) проведен контроль правильности классификации вышеуказанного товара посредством проведения камеральной таможенной проверки. По результатам камеральной таможенной проверки Смоленской таможней принято решение, в соответствии с которым товар был переклассифицирован в товарную подсубпозицию 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС – «Машины и механизмы самоходные прочие: машины очистные узкозахватные» (ставка ввозной таможенной пошлины составляла 7,5 %), включенную в ТН ВЭД ЕАЭС Решением Коллегии ЕЭК и перенесенную в новую редакцию ТН ВЭД ЕАЭС (принятую на основании Решения Совета ЕЭК), в результате чего АО «СУЭК-КУЗБАСС» доплатило в бюджет сверх ранее уплаченных таможенных платежей (ввозная таможенная пошлина 18 379 402 рубля 20 копеек, НДС – 3 308 292 рубля 40 копеек) 21 687 694 рубля 60 копеек.

Заявитель полагает, что оспариваемые решения ЕЭК нарушают нормы Союза: ТН ВЭД ЕАЭС, ТК ЕАЭС, Договора, а также требования Конвенции о ГС, так как в нарушение 1 и 6 Основных правил интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС и пункта 3 статьи 6 Договора товарная подсубпозиция «машины очистные узкозахватные» включена не в бескодovou товарную субпозицию 8430 3* «Вру-

бовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие», а в товарную субпозицию 8430 50 «Машины и механизмы самоходные прочие»; в нарушение пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о Комиссии) изменено содержание бескодовой товарной субпозиции 8430 3* «Врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС путем исключения из неё товаров «очистные узкозахватные комбайны»; в нарушение пункта 2 статьи 19 ТК ЕАЭС и абзацев ii, iii подпункта а) пункта 1 статьи 3 Конвенции о ГС изменено содержание бескодовой субпозиции «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС (8430 3*) по сравнению с бескодовой субпозицией «- Coal or rock cutters and tunnelling machinery» / «Haveuses, abatteuses et machines à creuser les tunnels ou les galeries» Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (далее – ГС) (8430 3*) путем исключения из неё очистных узкозахватных комбайнов. Также, по мнению общества, изменено содержание субпозиции «машины и механизмы самоходные прочие» ТН ВЭД ЕАЭС (8430 50) по сравнению с субпозицией «- Other machinery, self-propelled» / «- Autres machines et appareils, autopropulsés» ГС (8430 50) путем включения в неё очистных узкозахватных комбайнов; изменен порядок кодирования в ТН ВЭД ЕАЭС товара «очистные узкозахватные комбайны» по сравнению с установленным в ГС.

Кроме того, заявитель считает, что в нарушение положений пункта 1, подпункта 4 пункта 43, подпунктов 2, 3 и 5 пункта 55 Положения о Комиссии и статьи 19 ТК ЕАЭС Комиссия не инициировала проведение мониторинга законодательства ЕАЭС и приведение ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с её международной основой, несмотря на предоставленную АО «СУЭК-КУЗБАСС» информацию, свидетельствующую о невозможности классификации таких товаров, как очистной узкозахватный комбайн, в какой-либо иной субпозиции, кроме бескодовой товарной субпозиции «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС (8430 3*). Также общество отмечает, что имеющиеся в Комиссии статистические сведения о ввозе на таможенную территорию Союза очистных комбайнов, классифицируемых в различные товарные подсубпозиции ТН ВЭД ЕАЭС, свидетельствуют о том, что на территории ЕАЭС сложилась противоречивая правоприменительная практика.

Рассмотрев заявление АО «СУЭК-КУЗБАСС», а также прилагаемые к нему документы, заслушав судью-докладчика, Коллегия Суда считает, что заявление подлежит оставлению без движения по следующим основаниям.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, меж-

дународных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта; об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В заявлении общество указывает, что, по его мнению, оспариваемые решения Комиссии, а также его бездействие, повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Пунктом 43 Статута Суда установлено, что спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

В заявлении АО «СУЭК-КУЗБАСС» указано, а также из приложенных к заявлению документов следует, что общество обращалось в ЕЭК, а Комиссия письмом от 6 октября 2020 года № АС-2095/0 ответила на обращение, то есть досудебный порядок урегулирования спора заявителем соблюден.

Требования к заявлению хозяйствующего субъекта указаны в статье 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент).

Согласно подпункту «д» пункта 1 статьи 9 Регламента в заявлении хозяйствующего субъекта указываются сведения об оспариваемом решении Комиссии (наименование, номер, дата принятия, источник опубликования). Однако, в заявлении АО «СУЭК-КУЗБАСС» не указаны сведения об источнике опубликования оспариваемых решений Комиссии.

Кроме того, не выполнено заявителем и требование подпункта «а» пункта 3 статьи 9 Регламента (не приложено оспариваемое Решение Совета ЕЭК).

Согласно пункту 4 статьи 9 Регламента заявление и прилагаемые к нему документы представляются в одном экземпляре на бумажном носителе, а так-

же на электронном носителе. Обществом представлено в Суд на электронном носителе только заявление (без приложений).

В соответствии с пунктом 3 статьи 33 Регламента Суд выносит постановление об оставлении заявления без движения в случае, если заявление не соответствует требованиям, предусмотренным Регламентом, и (или) к заявлению не приложены документы, предусмотренные статьей 9 Регламента.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута Суда, пунктом 3 статьи 33, статьями 9, 34, 84 Регламента, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и нарушающими права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, оставить без движения.

Предоставить акционерному обществу «СУЭК-КУЗБАСС» срок для устранения недостатков до 29 января 2021 года.

Копию постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

3 февраля 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., под председательством судьи-докладчика Баишева Ж.Н., при секретаре судебного заседания Айсаутове Б.М.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и нарушающими права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Акционерное общество «СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС», заявитель, общество) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение Коллегии ЕЭК) и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической дея-

тельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» (далее – Решение Совета ЕЭК) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, утвержденную решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года; далее – ТК ЕАЭС), Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (заключена в городе Брюсселе 14 июня 1983 года; далее – Конвенция о ГС) и нарушающими права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Заявитель указывает, что 29 марта 2016 года он ввез на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) товар «комплект очистного узкозахватного комбайна EICKHOFF SL900» (далее – товар). Товар был заявлен с указанием классификационного кода 8430 39 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС – «врубковые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие прочие» (ставка ввозной таможенной пошлины 0 %), после чего таможенным органом было принято решение о выпуске товара.

После выпуска товара Кемеровской таможней (Российская Федерация) проведен контроль правильности классификации вышеуказанного товара посредством проведения камеральной таможенной проверки. По результатам камеральной таможенной проверки Смоленской таможней принято решение, в соответствии с которым товар был переклассифицирован в товарную подсубпозицию 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС – «Машины и механизмы самоходные прочие: машины очистные узкозахватные» (ставка ввозной таможенной пошлины составляла 7,5 %), включенную в ТН ВЭД ЕАЭС Решением Коллегии ЕЭК и перенесенную в новую редакцию ТН ВЭД ЕАЭС (принятую на основании Решения Совета ЕЭК), в результате чего АО «СУЭК-КУЗБАСС» доплатило в бюджет сверх ранее уплаченных таможенных платежей (ввозная таможенная пошлина 18 379 402 рубля 20 копеек, НДС – 3 308 292 рубля 40 копеек) 21 687 694 рубля 60 копеек.

Заявитель полагает, что оспариваемые решения ЕЭК нарушают нормы Союза: ТН ВЭД ЕАЭС, ТК ЕАЭС, Договора, а также требования Конвенции о ГС, так как в нарушение 1 и 6 Основных правил интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС и пункта 3 статьи 6 Договора товарная подсубпозиция «машины очистные узкозахватные» включена не в бескодовую товарную субпозицию 8430 3* «Врубо-

вые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие», а в товарную субпозицию 8430 50 «Машины и механизмы самоходные прочие»; в нарушение пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о Комиссии) изменено содержание бескодовой товарной субпозиции 8430 3* «Врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС путем исключения из неё товаров «очистные узкозахватные комбайны»; в нарушение пункта 2 статьи 19 ТК ЕАЭС и абзацев ii, iii подпункта а) пункта 1 статьи 3 Конвенции о ГС изменено содержание бескодовой субпозиции «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС (8430 3*) по сравнению с бескодовой субпозицией «- Coal or rock cutters and tunnelling machinery» / «Haveuses, abatteuses et machines à creuser les tunnels ou les galeries» Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (далее – ГС) (8430 3*) путем исключения из неё очистных узкозахватных комбайнов. Также, по мнению общества, изменено содержание субпозиции «машины и механизмы самоходные прочие» ТН ВЭД ЕАЭС (8430 50) по сравнению с субпозицией «- Other machinery, self-propelled» / «- Autres machines et appareils, autopropulsés» ГС (8430 50) путем включения в неё очистных узкозахватных комбайнов; изменен порядок кодирования в ТН ВЭД ЕАЭС товара «очистные узкозахватные комбайны» по сравнению с установленным в ГС.

Кроме того, заявитель считает, что в нарушение положений пункта 1, подпункта 4 пункта 43, подпунктов 2, 3 и 5 пункта 55 Положения о Комиссии и статьи 19 ТК ЕАЭС Комиссия не инициировала проведение мониторинга законодательства ЕАЭС и приведение ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с её международной основой, несмотря на предоставленную АО «СУЭК-КУЗБАСС» информацию, свидетельствующую о невозможности классификации таких товаров, как очистной узкозахватный комбайн, в какой-либо иной субпозиции, кроме бескодовой товарной субпозиции «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС (8430 3*). Также общество отмечает, что имеющиеся в Комиссии статистические сведения о ввозе на таможенную территорию Союза очистных комбайнов, классифицируемых в различные товарные подсубпозиции ТН ВЭД ЕАЭС, свидетельствуют о том, что на территории ЕАЭС сложилась противоречивая правоприменительная практика.

Рассмотрев заявление АО «СУЭК-КУЗБАСС», а также прилагаемые к нему документы, заслушав судью-докладчика, Коллегия Суда считает, что заявление подлежит принятию к производству по следующим основаниям.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора,

международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта; об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В заявлении общество указывает, что, по его мнению, оспариваемые решения Комиссии, а также его бездействие, повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Пунктом 43 Статута Суда установлено, что спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

В заявлении АО «СУЭК-КУЗБАСС» указано, а также из приложенных к заявлению документов следует, что общество обращалось в ЕЭК, а Комиссия письмом от 6 октября 2020 года № АС-2095/0 ответила на обращение, то есть досудебный порядок урегулирования спора заявителем соблюден.

Требования к заявлению хозяйствующего субъекта указаны в статье 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент).

Постановлением Коллегии Суда от 13 января 2021 года на основании пункта 3 статьи 33 Регламента заявление общества оставлено без движения и заявителю предоставлен срок для устранения недостатков до 29 января 2021 года.

Письмом от 20 января 2021 года, поступившим в Суд 27 января 2021 года, АО «СУЭК-КУЗБАСС» устранил недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения.

Таким образом, заявление общества, а также приложенные к нему документы *prima facie* отвечают требованиям статьи 9 Регламента.

Согласно пункту 3 статьи 33 Регламента в случае если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, заявление принимается к производству.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута Суда, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление акционерного общества «СУЭК- КУЗ-БАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и нарушающими права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 30 марта 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

14 апреля 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Баишева Ж.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Айсаутове Б.М., с участием:

представителей акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» Барахович Н.Я., Казакова И.В., Пятова А.А.,

представителей Евразийской экономической комиссии Авдеева А.Д., Жихаревой А.В., Кирилеева Р.О., Кравцовой Н.В., Юрлова И.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по заявлению акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии, выраженного в отказе в проведении мониторинга и приведении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза в соответствие с ее международной основой, не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и нарушающими права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Акционерное общество «СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС», истец, общество) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 101) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза, утвержденные решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 (далее соответственно – ТН ВЭД ЕАЭС, ЕТТ ЕАЭС), подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК, ответчик), выраженного в отказе в проведении мониторинга и приведении ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС в соответствие с ее международной основой, не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года; далее – ТК ЕАЭС), Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (заключена в городе Брюсселе 14 июня 1983 года; далее – Конвенция о ГС) и нарушающими права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Истец указывает, что 29 марта 2016 года он ввез на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) товар «комплект очистного узкозахватного комбайна EICKHOFF SL900» (далее – товар) с указанием классификационного кода 8430 39 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС – «врубочные машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие прочие» (ставка ввозной таможенной пошлины 0 %), и таможенным органом принято решение о выпуске товара. Однако по результатам камеральной проверки таможенными органами Российской Федерации было принято решение, в соответствии с которым товар переклассифицирован в товарную под-

субпозицию 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС «машины очистные узкозахватные» (ставка ввозной таможенной пошлины составляла 7,5 %). Данная подсубпозиция включена в ТН ВЭД ЕАЭС оспариваемым Решением № 113 и перенесена в новую редакцию ТН ВЭД ЕАЭС Решением № 101. В результате АО «СУЭК-КУЗБАСС» дополнительно доплатило в бюджет, помимо ранее уплаченных платежей, ввозную таможенную пошлину и налог на добавленную стоимость всего на сумму 21 687 694 рубля 60 копеек.

2 июля 2020 года АО «СУЭК-КУЗБАСС» обратилось в Комиссию для урегулирования вопроса в досудебном порядке. Письмом от 6 октября 2020 года № АС-2095/0 ответчик сообщил истцу об отсутствии правовых оснований для удовлетворения его требований.

Общество считает Решение № 113 и Решение № 101 в оспариваемой части и бездействие ЕЭК не соответствующими Договору, ТК ЕАЭС, ТН ВЭД ЕАЭС и Конвенции о ГС и нарушающими его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Процедура в Суде

АО «СУЭК-КУЗБАСС» обратилось в Суд с заявлением 5 января 2021 года.

Постановлением Коллегии Суда от 13 января 2021 года заявление общества оставлено без движения и истцу предоставлен срок для устранения недостатков.

Постановлением Коллегии Суда от 3 февраля 2021 года заявление АО «СУЭК-КУЗБАСС» после устранения недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения, принято к производству.

В соответствии с пунктом 55 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) в целях полного, всестороннего и объективного рассмотрения дела Коллегией Суда к делу приобщены материалы дела № СЕ-1-2/1-20-КС по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» (далее – ООО «Электронная таможня»), ранее рассмотренного Судом.

По направленным запросам в Суд поступили заключения Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Института государства и права Российской академии наук, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Казанского (Приволжского) федерального университета, Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Eickhoff Bergbautechnik GmbH.

Ответчиком в Суд представлены письменные возражения на доводы заявления.

3. Доводы истца

АО «СУЭК-КУЗБАСС» указывает в заявлении, что оно является крупнейшим производителем угля на российском рынке. Согласно выписке из Единого государственного реестра юридических лиц основным видом деятельности общества является «добыча угля, за исключением антрацита, угля коксующегося и угля бурого, подземным способом». Для добычи угля АО «СУЭК-КУЗБАСС» использует современную технику (в том числе горные машины в виде очистных узкозахватных комбайнов), которую оно приобретает у иностранных производителей.

Истец полагает, что оспариваемые решения ЕЭК противоречат Договору, ТК ЕАЭС, ТН ВЭД ЕАЭС, а также требованиям Конвенции о ГС, так как в нарушение Правил 1 и 6 Основных правил интерпретации (далее – ОПИ) ТН ВЭД ЕАЭС и пункта 3 статьи 6 Договора товарная подсубпозиция «машины очистные узкозахватные» включена в товарную субпозицию 8430 50 «машины и механизмы самоходные прочие». По его мнению, в нарушение пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о Комиссии), пункта 2 статьи 19 ТК ЕАЭС и абзацев ii, iii подпункта а) пункта 1 статьи 3 Конвенции о ГС, Решение № 113 и Решение № 101 изменили содержание бескодовой товарной субпозиции 8430 3* ТН ВЭД ЕАЭС «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» путем исключения из неё товара «очистные узкозахватные комбайны». Также общество считает, что изменено содержание субпозиции 8430 50 ТН ВЭД ЕАЭС «машины и механизмы самоходные прочие» путем включения в неё очистных узкозахватных комбайнов. Одновременно изменен порядок кодирования в ТН ВЭД ЕАЭС товара «очистные узкозахватные комбайны» по сравнению с установленным в Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – ГС).

Кроме того, истец полагает, что в нарушение положений пункта 1, подпункта 4 пункта 43, подпунктов 2, 3 и 5 пункта 55 Положения о Комиссии и статьи 19 ТК ЕАЭС Комиссия не инициировала проведение мониторинга права Союза и приведение ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с её международной основой. Общество отмечает, что имеющиеся в Комиссии статистические сведения о ввозе на таможенную территорию Союза очистных комбайнов, классифицируемых в различных товарных подсубпозициях ТН ВЭД ЕАЭС, свидетельствуют о том, что на территории ЕАЭС сложилась неединообразная правоприменительная практика.

4. Возражения ответчика

Комиссия считает, что отсутствуют правовые основания для осуществления детализации и выделения товара «машины очистные узкозахватные» в бескодовой субпозиции «врубовые машины для добычи угля или горных

пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС, так как указанный товар не соответствует тексту субпозиции 8430 3* ТН ВЭД ЕАЭС.

Конвенция о ГС не относится к международным договорам, заключенным в рамках Союза, следовательно Союз не может участвовать в работе по обеспечению реализации положений Конвенции о ГС, равно как и инициировать какой-либо спор относительно применения той или иной товарной позиции или субпозиции ГС.

По мнению ответчика, с учетом положений статей 2 и 5 Договора, пунктов 39 и 41 Статута Суда рассмотрение вопросов о соответствии решений Комиссии положениям Конвенции о ГС не относится к компетенции Суда. При таких обстоятельствах производство по делу в части рассмотрения требования истца о признании Решения № 113 и Решения № 101 не соответствующими положениям Конвенции о ГС подлежит прекращению.

Наряду с изложенным Комиссия отмечает, что в соответствии со статьей 25 Договора и статьей 19 ТК ЕАЭС международной основой ТН ВЭД ЕАЭС являются ГС и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (далее – ТН ВЭД СНГ). ГС составлена на английском и французском языках, а ТН ВЭД СНГ – на русском языке. С учетом указанных норм Договора и ТК ЕАЭС тексты субпозиций ГС используются в ТН ВЭД ЕАЭС посредством имплементации русскоязычных текстов товарных позиций и субпозиций из ТН ВЭД СНГ без каких-либо изменений. На сегодняшний день текст бескодовой субпозиции «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС полностью идентичен тексту аналогичной субпозиции ТН ВЭД СНГ.

Ответчик полагает, что изменения, внесенные в ТН ВЭД ЕАЭС Решением № 113, фактически утратили актуальность, так как с 1 января 2017 года по настоящее время действует новая редакция ТН ВЭД ЕАЭС, содержащаяся в приложении к Решению № 101.

Комиссия считает необоснованным заявление АО «СУЭК-КУЗБАСС» в части оспаривания ее бездействия.

По мнению ЕЭК, обществом не представлено достаточных доказательств того, что государствами – членами Союза на своей территории неправильно применяются положения Решения № 113 и Решения № 101 в оспариваемой части. Каких-либо обращений от хозяйствующих субъектов по данному вопросу в Комиссию не поступало. Кроме того, истцом не представлено доказательств, подтверждающих наличие нарушений норм права Союза при классификации рассматриваемого товара в государствах – членах Союза.

Ответчик обращает внимание на то, что у Комиссии отсутствуют полномочия на проведение, как предлагает истец, «мониторинга ГС и контроля исполнения международного законодательства, в частности, Конвенции о ГС».

Это обусловлено тем, что ГС не применяется государствами – членами Союза непосредственно, а используется в качестве международной основы для ТН ВЭД ЕАЭС. В свою очередь, таможенно-тарифное и нетарифное регулирование осуществляется в соответствии с национальной товарной номенклатурой либо номенклатурой интеграционного объединения.

5. Выводы Коллегии Суда

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, а также об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

5.1. Пунктом 52 Статута Суда установлено, что порядок рассмотрения дел о разрешении споров в Суде определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент).

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

5.2. Пунктом 1 статьи 42 Договора урегулировано, что на таможенной территории Союза применяются единая ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС, утверждаемые Комиссией и являющиеся инструментами торговой политики Союза.

Согласно пункту 1 статьи 45 Договора ЕЭК осуществляет ведение единой ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС, а также устанавливает ставки ввозных таможенных пошлин, включая сезонные.

Пунктами 3 и 5 статьи 19 ТК ЕАЭС ведение ТН ВЭД ЕАЭС и ее утверждение отнесено к компетенции Комиссии.

В силу подпункта 1 пункта 3 Положения о Комиссии ЕЭК осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза, в том числе в сфере таможенно-тарифного регулирования.

Пунктом 13 Положения о Комиссии предусмотрено, что ЕЭК в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

Взаимосвязанное прочтение указанных норм права Союза позволило Коллегии Суда прийти к выводу о том, что Комиссия наделена полномочиями по ведению ТН ВЭД ЕАЭС, ее детализации, а также внесению изменений в ТН ВЭД ЕАЭС, то есть на принятие оспариваемых Решения № 113 и Решения № 101.

5.3. В соответствии с пунктом 2 статьи 25 Договора «единая ТН ВЭД ЕАЭС» – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, основанная на ГС и единой ТН ВЭД СНГ.

Согласно пункту 2 статьи 19 ТК ЕАЭС международной основой ТН ВЭД ЕАЭС являются ГС и ТН ВЭД СНГ.

Таможенным законодательством ведение ТН ВЭД ЕАЭС возложено на Комиссию. В этих целях ЕЭК осуществляет мониторинг и приводит ТН ВЭД ЕАЭС и пояснения к ней в соответствие с ее международной основой. Эти и иные функции по ведению ТН ВЭД ЕАЭС исполняются ЕЭК самостоятельно и являются ее обязанностью. Порядок ведения Комиссией ТН ВЭД ЕАЭС, включая внесение изменений в нее и в пояснения к ней, а также взаимодействия по этим вопросам ЕЭК и уполномоченных органов государств-членов определяется Комиссией.

В решении по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» Судом сделан вывод о том, что все государства – члены ЕАЭС присоединились к Конвенции о ГС, тем самым приняли на себя обязательства, предусмотренные данным международным договором. Конвенция о ГС наряду с правом Союза подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений в рамках ЕАЭС. В решении Суда по делу по заявлению ООО «Шиптрейд» указано, что Конвенция о ГС, наряду с правом Союза, подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений. На этом основании Суд применя-

ет положения Конвенции о ГС при осуществлении правовой оценки правовых актов и фактических обстоятельств дела.

В соответствии со статьей 1 Соглашения о единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств от 3 ноября 1995 года единая ТН ВЭД СНГ также основана на базе ГС.

Учитывая изложенное, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что положения ТН ВЭД ЕАЭС в части оспариваемых решений ЕЭК подлежат проверке на соблюдение положений ГС как международной основы ТН ВЭД ЕАЭС. При этом несоответствие ТН ВЭД ЕАЭС положениям ГС как ее международной основы означает невыполнение Комиссией императивных требований пункта 2 статьи 25 Договора и пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС и противоречит праву Союза.

5.4. В соответствии со статьей 3 Конвенции о ГС каждая Договаривающаяся Сторона Конвенции о ГС обязуется по отношению к своим таможенно-тарифной и статистическим номенклатурам, в том числе, использовать все товарные позиции и субпозиции ГС, а также относящиеся к ним цифровые коды без каких-либо дополнений или изменений; применять ОПИ ГС, а также все примечания к разделам, группам, товарным позициям и субпозициям и не изменять содержания разделов, групп, товарных позиций или субпозиций ГС; соблюдать порядок кодирования, принятый в ГС. При этом согласно пункту 3 статьи 3 Конвенции о ГС ничто в настоящей статье не запрещает Договаривающейся Стороне создавать в своих таможенно-тарифной или статистических номенклатурах подразделы для более глубокой классификации товаров, чем в ГС, при условии, что любые такие подразделы будут дополнены и кодированы сверх шестизначного цифрового кода, приведенного в Приложении к Конвенции о ГС.

Согласно Правилу 1 ОПИ ГС названия разделов, групп и подгрупп приводятся только для удобства использования; для юридических целей классификация товаров осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями Правил 2-6 ОПИ ГС.

Правило 6 ОПИ ГС содержит норму, определяющую порядок классификации товаров в субпозициях, согласно которой для юридических целей такая классификация осуществляется в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, разделам и группам, учитывая, что сравнимыми являются лишь субпозиции на одном уровне.

Из изложенного следует, что наименования товарных позиций и примечания к разделам или группам являются приоритетными, а для целей определения классификационного кода необходимо руководствоваться наиболее точным наименованием товара и сопоставимой с ним товарной позиции, в которой соответствующий товар упоминается впервые.

Сравнительно-правовой анализ содержания Правил 1 и 6 ОПИ ГС позволяет сделать вывод, что основной принцип отнесения товара к конкретной товарной позиции или субпозиции обусловлен наименованием товара, его характеристиками и свойствами, как они описаны в ГС. Для целей классификации товара ГС использует тексты товарных позиций, дающие наиболее полное описание товара и отражающие наиболее полным образом его физические, химические особенности и область применения.

С учетом изложенного Коллегия Суда приходит к выводу, что при невозможности сопоставить текст товарной позиции и точное наименование товара следует руководствоваться его характеристиками и свойствами, а также обусловленным ими предполагаемым назначением товара.

Таким образом, по мнению Коллегии Суда, из ГС, участниками которой являются все государства – члены ЕАЭС, следует обязанность Комиссии как органа, на который возложено ведение ТН ВЭД ЕАЭС, в целях учета международной основы ТН ВЭД ЕАЭС обеспечить соответствие ТН ВЭД ЕАЭС принципам и положениям ГС, использовать все товарные позиции и субпозиции ГС без их дополнения и изменения, вместе с их соответствующими числовыми кодами, соблюдать числовую последовательность такой системы, применять ОПИ ГС и всех примечаний к разделам, группам и субпозициям и не изменять сферу применения таких разделов, групп, товарных позиций и субпозиций. Несмотря на то, что ЕЭК имеет полномочия по определению содержания товарных позиций, она не вправе произвольно изменять содержание товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС, основанных на ГС и ТН ВЭД СНГ.

ТН ВЭД ЕАЭС утверждена Решением Совета Комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» и действует в оспариваемой части в редакции, утвержденной Решением № 101.

ЕЭК также принята Рекомендация Коллегии Комиссии от 7 ноября 2017 года № 21 «О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС).

Пояснениями к ТН ВЭД ЕАЭС установлено, что они являются одним из вспомогательных рабочих материалов, призванных обеспечить единообразную интерпретацию и применение ТН ВЭД ЕАЭС. Пояснения содержат толкования содержания позиций номенклатуры, термины, краткие описания товаров и областей их возможного применения, классификационные признаки и конкретные перечни товаров, включаемых или исключаемых из тех или иных позиций, методы определения различных параметров товаров и другую информацию, необходимую для однозначного отнесения конкретного товара к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС. Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС состо-

ят из шести томов. Первые пять томов основаны на Пояснениях к ТН ВЭД СНГ, которые, в свою очередь, основаны на русскоязычной версии Пояснений к ГС и утверждены Советом руководителей таможенных служб государств – участников Содружества Независимых Государств. При этом сохранена разбивка материала по томам, принятая в оригинале. Шестой том основан на Пояснениях к Комбинированной номенклатуре Европейского союза и содержит пояснения ЕАЭС. Пояснения, содержащиеся в шестом томе, не заменяют собой пояснения, содержащиеся в первых пяти томах, рассматриваются как дополняющие последние и должны использоваться совместно с ними.

Таким образом, Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС идентичны Пояснениям к ГС в томах I – V и дополнены томом VI.

В деле по заявлению ЗАО «Санофи-Авентис Восток» Судом сделан вывод о том, что Пояснения к ГС содержат техническое описание товаров, практические рекомендации по их классификации и идентификации, признаются официальным толкованием ГС на международном уровне и воспроизведены в Пояснениях к ТН ВЭД ЕАЭС.

В связи с изложенным Коллегия Суда считает возможным применение Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС и Пояснений к ГС в качестве вспомогательных источников толкования ТН ВЭД ЕАЭС и ГС в целях ведения ТН ВЭД ЕАЭС.

5.5. Классификация товара согласно его описанию в товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС сторонами не оспаривается. Истец оспаривает решения ЕЭК в части отнесения товара «машины очистные узкозахватные» к дополнительно установленной подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС.

Коллегией Суда установлено, что содержание товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС идентично содержанию товарной позиции 8430 ГС и включает в себя машины и механизмы прочие для перемещения, планировки, профилирования, разработки, трамбования, уплотнения, выемки или бурения грунта, полезных ископаемых или руд; оборудование для забивки и извлечения свай; снегоочистители плужные и роторные. Буквальное толкование данной правовой нормы свидетельствует о том, что критерием отнесения товаров к товарной позиции 8430 как ТН ВЭД ЕАЭС, так и ГС служат их объективные характеристики и основное функциональное назначение машин и механизмов.

Согласно примечанию 5 к разделу XVI ТН ВЭД ЕАЭС и аналогичному примечанию ГС термин «машина» означает любую машину, оборудование, механизм, агрегат, установку, аппарат или устройство, входящее в товарную позицию группы 84.

Критерий функционального назначения применен в тексте товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС и ГС и конкретизируется в тексте бескодовой субпозиции, в которой описана врубовая машина и ее назначение «для добычи угля или горных пород». Из смыслового содержания данной субпозиции следует, что основным назначением «врубной машины» для таможенной классифи-

кации является выполнение ею главной функции – добычи угля и полезных ископаемых.

5.6. Для более полного уяснения содержания понятия «врубовая машина» Коллегия Суда обращается к Пояснениям к товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС, идентичным Пояснениям к ГС, пункт (III) (А) которых определяет врубовую машину как предназначенную для резания или разрушения угля и руды.

Согласно этим Пояснениям в товарную позицию 8430 включаются машины, предназначенные для воздействия на твердый поверхностный слой земной коры (например, для резания и разрушения горных пород, грунта, угля и т.п.; выемки грунта, бурения и т.п.). Многие машины в дополнение к функциям, описанным в товарной позиции 8429 или 8430 (землеройные, выравнивание, бурение и т.д.), могут также выполнять функции, описанные в товарной позиции 8425, 8426, 8427 или 8428 (подъем, погрузка и т.д.). Эти машины классифицируются в соответствии с примечанием 3 к разделу XVI или Правил 3 (в) ОПИ. Примерами этих машин могут служить: комбинированные угольные врубовые и погрузочные машины, комбинированные траншеекопатели-трубоукладчики и т.д.

Содержание текстов позиции 8430, бескодовой субпозиции «врубовая машина для добычи угля и горных пород» как ТН ВЭД ЕАЭС, так и ГС, раздела III Пояснений к товарной позиции 8430 свидетельствует о том, что упомянутая бескодовая товарная субпозиция включает любые машины, предназначенные для добычи угля или горных пород, осуществляемой путем их резания или разрушения.

В товарную позицию 8430 включаются, в том числе, машины и оборудование для выемки, резания или бурения грунта.

Согласно пункту (III) «Машины и оборудование для выемки, резания или бурения грунта» пояснений к товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС, а также и ГС, эти машины применяются главным образом для работы в шахтах, бурения скважин, проходки туннелей, для открытых способов разработки, бурения мягких пород и т.п. Пунктом (III) (А) Пояснений к товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС, как и ГС, предусмотрено, что врубовые машины предназначены для резания или разрушения угля, руды и т.п. Они имеют штыковой или дисковый рабочий орган, снабженный режущими зубьями (резцами); чаще они имеют бесконечную режущую цепь, движущуюся вокруг металлической направляющей рамы, которую можно отрегулировать по высоте и углу наклона (универсальные машины). Они могут быть смонтированы на самоходном колесном или гусеничном шасси, а некоторые из них (комбайны) могут иметь большие габариты, содержать несколько режущих цепей и встроенный конвейер для погрузки добытого материала на забойный конвейер, в шахтные вагонетки и т.п.

При этом в соответствии с пояснением к субпозициям 8430 31 и 8430 39 в эти субпозиции включаются машины, описанные в пунктах (III) (А), (Б) и (Ж) пояснений к товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС и Пояснений к ГС.

Согласно данной норме в субпозиции 8430 31 и 8430 39 включаются не только врубовые машины, имеющие «штыковой или дисковый рабочий орган, снабженный режущими зубьями (резцами); чаще [...] бесконечную режущую цепь, движущуюся вокруг металлической направляющей рамы» (пункт (А)), но и проходческие щиты, которые «имеют гладкие наружные поверхности и оснащены острыми режущими передними элементами, которые внедряются в грунт под действием гидроцилиндров» (пункт (Б)), а также струги и тому подобные машины, которые «оснащены режущими ножами, лемехами, зубьями, плоскими резцами, клиньями и т.п., которые вдоль передней части установки срезают тонким слоем уголь, глину и т.п. и грузят непосредственно на забойный конвейер и т.п.» (пункт (Ж)).

Таким образом, к субпозиции 8430 3* ТН ВЭД ЕАЭС, основанной на ГС, относятся не только собственно врубовые машины с цепным устройством рабочего органа, но и иные машины, предназначенные «для добычи угля или горных пород», имеющие рабочие органы различных видов. Наряду с этим Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС относят машины для выемки, резания или разрушения угля по их объективным характеристикам и функциям к субпозициям 8430 31 и 8430 39 ТН ВЭД ЕАЭС аналогично ГС.

На основании анализа приведенных норм Коллегия Суда отклоняет довод Комиссии, высказанный в ходе судебного заседания, о том, что решающим критерием для отнесения очистных узкозахватных комбайнов к субпозиции 8430 5* является строение их рабочего органа шнекового типа.

5.7. В судебном заседании установлено, что до принятия Комиссией оспариваемых решений очистные узкозахватные комбайны с учетом их функционального назначения относились и классифицировались декларантами и таможенными органами по коду 8430 39 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС.

Решением № 113 и Решением № 101 внесены изменения в ТН ВЭД ЕАЭС путем создания новой подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС, сформулированной как «машины очистные узкозахватные». Коллегия Суда констатирует, что товар «машины очистные узкозахватные» дискреционным решением регулирующего органа был перенесен из субпозиции 8430 3* «врубные машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» ТН ВЭД ЕАЭС в содержательно отличающуюся от нее субпозицию 8430 5* «машины и механизмы самоходные прочие» ТН ВЭД ЕАЭС. При этом установлено, что машины очистные узкозахватные не изменили объективные характеристики и свойства, сохранили свое первоначальное основное функциональное и техническое назначение.

Определение понятия «машины очистные узкозахватные» дано в Томе VI Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС, согласно которому в «машины очистные узкозахватные» включаются комбайны самоходные, очистные, узкозахватные, предназначенные для резания и погрузки разрушенной горной массы в угольных забоях с использованием скребкового конвейера и механизированных крепей.

Примечанием 3 к разделу XVI ТН ВЭД ЕАЭС, аналогично и ГС, установлено, что комбинированные машины, состоящие из двух или более машин, соединенных вместе для образования единого целого, и другие машины, предназначенные для выполнения двух или более взаимодополняющих или не связанных между собой функций, должны классифицироваться как состоящие только из того компонента или являющиеся той машиной, которая выполняет основную функцию, если в контексте не оговорено иное.

Взаимосвязанное прочтение пояснений к товарной группе 84 (Том IV Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС, Том IV Пояснений к ГС) и пояснений к определению «машины очистные узкозахватные» (Том VI Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС) позволяют Коллегии Суда сделать вывод о том, что, исходя из основного функционального назначения, машины очистные узкозахватные соответствуют описанию товара, отнесенного к субпозициям 8430 31 или 8430 39 ТН ВЭД ЕАЭС (в зависимости от их исполнения), в связи с чем они не могут относиться к субпозиции 8430 50 ТН ВЭД ЕАЭС и подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС. Иное толкование противоречит основной цели принятия Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС – однозначное отнесение конкретного товара к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

5.8. Для оценки возможности принятия Комиссией оспариваемых решений в пределах предоставленной ей дискреции следует установить, привело ли отнесение очистной узкозахватной машины к товарной подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС к сужению содержания и объема бескодовой товарной субпозиции «врубковые машины для добычи угля и горных пород» ТН ВЭД ЕАЭС и ГС.

Под изменением содержания и объема товарной позиции, субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС, а также ГС при ее детализации в ТН ВЭД ЕАЭС на уровне подсубпозиции, Коллегия Суда понимает такую классификацию, в результате которой товары, подлежащие отнесению к установленным позициям и субпозициям ТН ВЭД ЕАЭС, идентично ГС, в силу их наименования, объективных характеристик, свойств и предполагаемого назначения, после их кодирования на большем числе знаков включаются в иные товарные позиции, субпозиции, подсубпозиции ТН ВЭД ЕАЭС.

Анализ ТН ВЭД ЕАЭС свидетельствует о том, что подсубпозиция 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» включена в состав «корзиночной» субпозиции 8430 50 000 «машины и механизмы самоходные прочие» и бескодовой субпозиции «специально разработанные для подземных работ».

Использование Правил 1 и 6 ОПИ ТН ВЭД ЕАЭС, идентичных по содержанию ОПИ ГС, позволяет Коллегии Суда прийти к выводу, что «корзиночная» субпозиция применяется в случае, если на уровне предшествующих товарных субпозиций того же порядка на шести знаках отсутствует описание, соответствующее характеристикам, назначению товара.

Сравнительный анализ понятий «врубовая машина для добычи угля и горных пород» и «машина очистная узкозахватная» свидетельствует о схожести их функционального назначения, которое состоит в добыче угля посредством резания. Учитывая то, что товар классифицируется в первой субпозиции, содержание которой более точно соответствует его функциональному назначению, очистные узкозахватные машины подлежат отнесению к бескодовой субпозиции «врубовые машины для добычи угля и горных пород», классифицируемой в зависимости от наличия либо отсутствия признака самоходности в товарных субпозициях 8430 31 или 8430 39 ТН ВЭД ЕАЭС.

Исходя из изложенного, Коллегия Суда приходит к выводу, что отнесение очистной узкозахватной машины к товарной подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС привело к исключению указанного товара из бескодовой товарной субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС «врубовые машины для добычи угля и горных пород», основанной на ГС, и товарных субпозиций 8430 31 и 8430 39, следовательно, к изменению их содержания. Сравнительный анализ описания товаров в субпозициях 8430 3* и 8430 5* позволяет Коллегии Суда сделать вывод о том, что Решение № 113 и Решение № 101 приняты с нарушением описания товаров, примечаний и пояснений к товарной группе, соблюдения принципа последовательности при формулировании и определении места оспариваемой подсубпозиции в системе товаров ТН ВЭД ЕАЭС.

Данное обстоятельство позволяет Коллегии Суда прийти к выводу о неисполнении Комиссией обязательств, закрепленных в статье 25 Договора, статье 19 ТК ЕАЭС о международной основе ТН ВЭД ЕАЭС, при принятии Решения № 113 и Решения № 101 в оспариваемой части и описании товаров в ТН ВЭД ЕАЭС в рамках полномочий, предоставленных ей пунктом 1 статьи 42 и пунктом 1 статьи 45 Договора, пунктом 5 статьи 19 ТК ЕАЭС.

5.9. Оценивая довод Комиссии об утрате актуальности Решения № 113 в связи со вступлением в силу новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС, утвержденной Решением № 101, Коллегия Суда отмечает, что исходя из абзаца 1 подпункта 2 пункта 39 Статута Суда основанием для инициирования в Суде производства по защите нарушенных прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности является действие (применение) решения Комиссии, не соответствующего праву Союза. В момент ввоза товара истцом Решение № 113 устанавливало и регулировало соответствующие таможенные отношения. Кроме того, согласно информации, размещенной на сайте ЕЭК в сети Ин-

тернет, являющемся официальным источником опубликования ее актов, Решение № 113 не признано утратившим силу. Регулирующим воздействием Решения № 113 явилось внесение изменений в ТН ВЭД ЕАЭС в части включения в неё новой товарной подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС, а ее применение к хозяйствующему субъекту повлекло для него негативные последствия.

Учитывая, что Решение № 101 не содержит указаний на признание ранее действовавших редакций ТН ВЭД ЕАЭС утратившими силу, ТН ВЭД ЕАЭС в редакции Решения № 113 продолжает регулировать таможенные отношения при классификации очистных узкозахватных машин, в связи с чем Коллегия Суда приходит к выводу о наличии у истца правовых оснований для его оспаривания.

5.10. Коллегия Суда считает, что, поскольку отнесению к субпозициям 8430 31 и 8430 39 ТН ВЭД ЕАЭС подлежат как самоходные, так и прочие машины очистные узкозахватные, то определение технических характеристик конкретной машины не входит в предмет спора по настоящему делу, так как истцом оспаривается не решение Комиссии о классификации товара.

В рамках установления функционального назначения врубовой машины как основного критерия ее классификации Коллегия Суда считает необходимым оценить довод истца о неточном переводе английского термина «coal or rock cutters», являющегося наименованием бескодовой субпозиции позиции 8430 ГС.

В соответствии со статьей 20 Конвенции о ГС данный международный договор и ГС, являющаяся приложением к нему, составлены на английском и французском языках, оба текста которой имеют одинаковую силу. Конвенцией о ГС не предусмотрена аутентичность текста на каком-либо ином языке, за исключением указанных в ней.

Основываясь на положениях пунктов 1 и 2 статьи 33 Венской конвенции о праве международных договоров, устанавливающих приоритет текста на аутентичном языке международного договора при его толковании, Коллегия Суда обращается к тексту бескодовой субпозиции «coal or rock cutters» ГС на английском языке.

Из заключения Минского государственного лингвистического университета, представленного по запросу Суда, следует, что англоязычное терминологическое словосочетание «coal or rock cutters» не исчерпывается русскоязычным понятием «врубовые машины», так как данный термин в других отраслях может рассматриваться как «выемочные комбайны», «породные резцы».

Изложенное позволяет Коллегии Суда установить, что использование термина «врубовые машины» в бескодовой субпозиции товарной позиции 8430

в описании товарных субпозиций 8430 31 и 8430 39 ГС не препятствует классификации в рамках данных субпозиций иных видов машин в соответствии с содержанием аутентичной версии ГС.

При таких обстоятельствах Коллегия Суда приходит к выводу, что для соблюдения Союзом обязательств пункта 1 статьи 3 Конвенции о ГС о неизменности содержания разделов, групп, товарных позиций и субпозиций термин «врубовые машины», используемый в ТН ВЭД ЕАЭС, следует толковать более широко, идентично установленному в ГС.

5.11. Несмотря на то, что оспариваемые решения ЕЭК не касаются непосредственно классификации товара, указанные акты Комиссии повлекли изменение классификации товара истца, ввезенного на территорию Союза, и дополнительные таможенные платежи. В судебном заседании установлено, что аналогичные товары ввозились истцом на территорию ЕАЭС в 2017 – 2018 годах и к ним применена новая товарная субпозиция 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС, введенная Решением № 101.

При таких обстоятельствах Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Решение № 113 и Решение № 101 в оспариваемой части повлекли нарушение прав и законных интересов АО «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и международными договорами в рамках Союза.

5.12. Пунктом 4 Положения о Комиссии установлено, что ЕЭК в пределах своих полномочий обеспечивает реализацию международных договоров, входящих в право Союза.

В соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии Коллегия ЕЭК осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства-члены о необходимости их исполнения.

Учитывая изложенное, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что осуществление мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, в том числе ТН ВЭД ЕАЭС, является обязанностью Комиссии.

5.13. В Положении о Комиссии отсутствует норма, обязывающая ответчика проводить мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии на основании лишь обращения хозяйствующего субъекта.

Вместе с тем мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения. В ранее рассмотренных делах Суд указывал, что обращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства государства-члена в той или иной сфере само по себе не

может являться безусловным основанием для мониторинга, однако обращения в Комиссию хозяйствующих субъектов могут быть источниками информации при проведении мониторинга.

Коллегией Суда установлено, что 25 сентября 2019 года ООО «Электронная таможня» обратилось в ЕЭК с просьбой об отмене Решения № 113 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», в котором содержались доводы о том, что Решение № 113 нарушает порядок кодирования товаров, нормы Договора и Конвенции о ГС. 2 июля 2020 года АО «СУЭК-КУЗБАСС» также направило в Комиссию обращение об отмене Решения № 113 и Решения № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» как не соответствующих Договору, ТК ЕАЭС и Конвенции о ГС и о проведении мониторинга в целях приведения ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с ее международной основой.

Комиссия письмом от 6 октября 2020 года № АС-2095/0 сообщила истцу, что АО «СУЭК-КУЗБАСС» неверно понимает суть процедуры мониторинга, осуществляемого ЕЭК, им не представлены данные о неисполнении государствами-членами Решения № 113 и Решения № 101. При таких обстоятельствах, по мнению ответчика, у него отсутствуют основания для проведения мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

В решении по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» Суд пришел к выводу о том, что мониторинг, осуществляемый Комиссией, включает в себя:

сбор и обобщение информации о нормативных правовых актах государств-членов в конкретной сфере правового регулирования;

проведение сравнительно-правового анализа, в ходе которого осуществляется оценка соответствия нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов государств-членов положениям соответствующих актов права Союза;

изучение практики применения государствами-членами в лице уполномоченных органов власти соответствующих актов права Союза;

взаимодействие в целях реализации указанных мероприятий с органами государственной власти государств-членов;

документированное закрепление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров по установленной форме;

представление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров на рассмотрение членам Коллегии Комиссии и в Совет Комиссии;

уведомление Коллегией Комиссии государств-членов о необходимости исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

Итогом проведенного мониторинга должно стать устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов.

Учитывая изложенное, Коллегия Суда считает, что обращения истца и ООО «Электронная таможня» являлись для ответчика источниками информации, в них содержались доводы о возможном несоответствии решений Комиссии праву Союза. Однако ЕЭК, имея компетенцию и достаточное время для проведения мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, в том числе ТК ЕАЭС, ТН ВЭД ЕАЭС, не осуществила соответствующий мониторинг.

5.14. Согласно подпунктам 1 и 2 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС Комиссия обязана осуществлять мониторинг изменений международной основы ТН ВЭД ЕАЭС, а также пояснений по толкованию этой международной основы, по итогам которого приводить ТН ВЭД ЕАЭС и пояснения к ней в соответствие с ее международной основой.

Несмотря на то, что, как установлено Коллегией Суда, принятие Решения № 113 и Решения № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» повлекло нарушение Договора и ТК ЕАЭС, Комиссия на протяжении длительного периода не выполнила возложенную на нее функцию по приведению ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с ее международной основой.

При таких обстоятельствах Коллегия Суда приходит к выводу о том, что продолжающееся бездействие и неосуществление Комиссией возложенных на нее Договором функций по проведению мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза и приведению ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с ее международной основой непосредственно затрагивает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и повлекло нарушение предоставленных Договором и международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов АО «СУЭК-КУЗБАСС».

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 108, 109 Статута Суда, статьями 78, 80 и 82 Регламента, Коллегия Суда

РЕШИЛА:

1. Признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решение

Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза.

2. Признать оспариваемое бездействие Евразийской экономической комиссии не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

3. Пошлину, уплаченную акционерным обществом «СУЭК-КУЗБАСС», вернуть.

4. Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-1-2/2-21-КС)

14 апреля 2021 года

город Минск

В целом соглашаюсь с вынесенным решением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года по делу по заявлению акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС», но считаю, что в мотивировочной части решения не нашел достаточного отражения важный вопрос об ответственности за невыполнение международных обязательств и о природе права Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), неоднократно встречавшийся в практике Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, вновь (см. особые мнения к решениям по делу ЗАО «Санofi-Авентис Восток» и по делу ООО «Монокристалл») заявляю особое мнение по данному вопросу.

Не могу согласиться с позицией об «автономности» права Союза, ограниченного источниками, перечисленными в статье 6 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор). Эта позиция с подачи Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) постоянно повторяется в ходе судебных разбирательств, а в деле АО «СУЭК-КУЗБАСС» даже было заявлено ходатайство о привлечении к делу государства – члена ЕАЭС, отклоненное Судом.

Суд последовательно отвергает такой ограниченный подход. Так, в решении Апелляционной палаты Суда от 21 июня 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» Суд установил, что «международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза при наличии двух кумулятивных условий: 1) все государства – члены ЕАЭС являются участниками международного договора; 2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках ЕАЭС». Затем эта позиция была повторена в решении Апелляционной палаты Суда от 31 октября 2019 года по делу по заявлению ООО «Шиптрейд» и в решении Коллегии Суда от 22 февраля 2021 года по делу по заявлению ООО «Поларис Инт».

В пункте 50 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) в числе источников права, применяемых Судом при осуществлении правосудия, указаны «международные

договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора».

Буквальное прочтение этой нормы позволяет прийти к выводу, что Судом должен применяться более широкий круг договоров (не только те, в которых одновременно участвуют все государства – члены Союза) в целях контроля соответствия норм права Союза нормативным обязательствам государств, создавших такой Союз. При этом нормоконтроль осуществляется Судом в особой процессуальной форме – при разрешении спора о коллизии норм права.

Согласно пункту 2 статьи 1 Договора Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Иными словами, ЕАЭС – вторичный субъект международного права, международная организация, созданная государствами для достижения интеграционных целей в сфере экономики (на данном этапе).

Согласно преамбуле Договора, Союз создан на основе приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права. Согласно статье 3 Договора, Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с Договором, на основе уважения общепризнанных принципов международного права. Одним из важнейших принципов международного права является принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), а также принцип *friendly relations among nations* (дружественные отношения между нациями; пункт 2 статьи 1 Устава Организации Объединенных Наций).

Отсюда следует, что объем права Союза шире указанных в статье 6 Договора источников права Союза и включает иные источники международного права, которые, в частности, перечислены в пункте 50 Статута Суда.

Международной организации, ее органам переданы функции (полномочия, компетенция) государств, в том числе в области исполнения международных договоров (вытекающие из договоров). Учитывая, что полномочия существуют только в паре с обязанностями, следует сделать вывод, что функция международной организации включает парную категорию «полномочия – обязанности».

Таким образом, сам Договор определяет обязанность органов Союза соблюдать взятые государствами-членами обязательства, вытекающие из международных договоров: то, что обязательно для государств – членов Союза, обязательно и для органов Союза в сфере переданной ему компетенции.

Особенно это касается тех сфер, которые отнесены правом Союза к единой политике. В консультативном заключении от 4 апреля 2017 года Суд на основании определений, приведенных в статье 2 Договора, сделал вывод, что для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям: 1) наличие унифицированного правового регулирова-

ния; 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Суть наднационализма заключается в том, что государства отказываются от своей функции и передают ее в международную организацию. Передача полномочий по выполнению функции от государств-членов Евразийской экономической комиссии предполагает, что вместе с ними передаются и все ограничения и обязательства, действовавшие для государств-членов в соответствующей сфере, и ответственность, предусмотренная за их неисполнение.

Таким образом, в сферах, отнесенных к единой политике, должны применяться все международные договоры, в которых участвуют государства – члены Союза.

Иной подход позволял бы государствам – членам Союза обходить взятые на себя международные обязательства через участие в международной организации – ЕАЭС, означал бы нарушение принципов добрососедских отношений, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, и нарушение статьи 3 Договора. Между тем государства – члены ЕАЭС обязались создать благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, в том числе в области соблюдения договоров в сфере международной торговли.

В деле по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС» речь идет о таможенных отношениях и Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – Конвенция о ГС) как международном договоре.

Взаимосвязанное прочтение статей 5 и 25 Договора, пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) позволяет заключить, что функция осуществления таможенного регулирования передана государствами-членами в компетенцию Союза и осуществляется Комиссией.

Таким образом, Конвенция о ГС входит в международное право, обязательное для Союза, и обязательства по ней не могут игнорироваться на том основании, что сам Союз как международная организация в ней не участвует.

Данный вопрос был ранее разрешен в нескольких решениях Суда ЕАЭС и Суда Евразийского экономического сообщества, что позволяет говорить об установившейся единообразной практике Суда: во всех ранее названных решениях Суд подчеркивает международный характер Союза без упоминания «автономности» (конституционности, федеративности и т.д.) правопорядка Союза. При этом статья 6 Договора («Право Союза») содержит не исчерпывающий список источников, но порядок разрешения коллизионных проблем между источниками международного права.

Как и в прежних решениях, Коллегия Суда установила, что дискреция Комиссии при принятии решений об изменении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) диктуется

обязательством по соответствию ТН ВЭД ЕАЭС ее международной основе – Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – ГС). Как готовящиеся к принятию проекты решений Комиссии, так и уже принятые решения по внесению изменений в ТН ВЭД ЕАЭС и по классификации отдельных видов товаров должны проходить обязательную проверку на соответствие ГС.

Суд в своем толковании также должен учитывать международную нормативную основу – Гармонизированную систему. Как следствие этого понимания Суд никогда не определял правопорядок ЕАЭС в качестве независимой от общего международного права правовой системы (автономность – понятие, используемое Судом Европейского союза).

В ЕАЭС преамбула, статьи 1 и 3 Договора подчеркивают, что право Союза основывается на базе общего международного права: Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, строится на принципах приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права, принимает во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации.

Точно так же и сотрудничество Суда ЕАЭС с национальными судами государств-членов строится отличным от Европейского союза образом: на взаимоуважительном диалоге, то есть национальные суды ссылаются на решения международного суда, и суды поддерживают позиции друг друга, находясь в судебном диалоге. В случае расхождения практик компромисс будет найден посредством согласования позиций во избежание фундаментальной ошибки: евразийский консенсус должен находиться в основе решений евразийского суда.

Консенсус возникает без приказа, без требования соблюдать, но с аргументированным убеждением друг друга прислушиваться к тому, как суды толкуют ту или иную норму. Последнее необходимо, так как право ЕАЭС имеет сложную структуру: в основе лежит международный договор, под ним стоит закон, и под всем этим располагается взаимосвязанное толкование, которое не может противоречить подходам национальных конституционных судов. Всё названное должен учитывать Суд ЕАЭС, ибо ставка на преодоление консенсуса приказом, властью наднационального органа способна ослабить интеграцию.

Судья

Т.Н. Нешатаева

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 мая 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.

под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А.,

при секретаре судебного заседания Абдылдабековой К.С.,

рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года по делу по заявлению акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии, выраженного в отказе в проведении мониторинга и приведении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза в соответствие с ее международной основой, не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и международным договорам в рамках Союза и нарушающими права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) 14 апреля 2021 года рассмотрела спор между акционерным обществом

«СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС», истец) и Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК, Комиссия).

Решением Коллегии Суда требования истца удовлетворены.

Оспариваемое решение Коллегии Комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 и решение Совета ЕЭК от 18 октября 2016 года № 101 признаны не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза; оспариваемое бездействие Комиссии признано не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС».

Комиссия, не согласившись с указанным решением Коллегии Суда, 28 апреля 2021 года обратилась с жалобой в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата Суда).

Комиссия, руководствуясь пунктом 110 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут), просит Апелляционную палату Суда отменить полностью решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года в связи с нарушением статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор), статьи 19 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, пунктов 39, 43 и 101 Статута, статей 45 и 78 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), и вынести новое решение по делу, признав решение Коллегии Комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 и решение Совета ЕЭК от 18 октября 2016 года № 101 и оспариваемое заявителем бездействия соответствующими Договору и международным договорам в рамках Союза, а АО «СУЭК-КУЗБАСС» отказать в удовлетворении его требований.

Апелляционная палата Суда, изучив жалобу Комиссии и поступившие с ней документы, приходит к выводу, что данная жалоба подана уполномоченным лицом, срок подачи жалобы соблюден, ее содержание и приложения к ней соответствуют требованиям статьи 63 Регламента.

Оснований для отказа в принятии жалобы к производству или для ее оставления без движения, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 64 Регламента, Апелляционная палата Суда не усматривает.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79-81 Статута, статьями 60-65 и 84 Регламента, Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года по делу по заявлению ак-

ционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии, выраженного в отказе в проведении мониторинга и приведении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза в соответствие с ее международной основой, не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и международным договорам в рамках Союза и нарушающими права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 8 июня 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

РЕШЕНИЕ

15 июля 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., судей Сейтимова В.Х., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.

при секретаре судебного заседания Абдылдабековой К.С.,
с участием:

представителей акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» Барахович Н.Я., Казакова И.В., Пятова А.А.,

представителей Евразийской экономической комиссии Авдеева А.Д., Жихаревой А.В., Кравцовой Н.В., Юрлова И.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года по делу по заявлению акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Евразийской экономической комиссии, выразившегося в отказе в проведении мониторинга и приведении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза в соответствие с ее международной основой, не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и международным договорам в рамках Союза и нарушающими права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года удовлетворены требования акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС», истец) о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) от 10 сентября 2015 года № 113 (далее – Решение № 113) и решения Совета ЕЭК от 18 октября 2016 года № 101 (далее – Решение № 101) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза (далее – ЕТТ ЕАЭС) подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также оспариваемого бездействия Комиссии не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор), Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) и нарушающими права и законные интересы АО «СУЭК-КУЗБАСС».

Комиссия, не согласившись с решением Коллегии Суда, 28 апреля 2021 года обратилась с жалобой в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата Суда), в которой просит отменить решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года и вынести новое решение, признав Решение № 113, Решение № 101 и оспариваемое заявителем бездействие соответствующими Договору и международным договорам в рамках Союза.

Постановлением Апелляционной палаты Суда от 8 июня 2021 года жалоба Комиссии принята к производству.

В возражениях АО «СУЭК-КУЗБАСС» просит оставить решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года без изменения, а жалобу ответчика без удовлетворения.

2. Доводы жалобы

2.1. По мнению Комиссии, Коллегией Суда Решения №№ 101 и 113 необоснованно признаны не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС по следующим обстоятельствам.

2.1.1. Коллегия Суда неверно истолковала положения статьи 25 Договора и статьи 19 ТК ЕАЭС, что повлекло неправильное определение содержания понятия «международная основа Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

По мнению Комиссии, Коллегия Суда необоснованно не приняла во внимание, что международной основой ТН ВЭД ЕАЭС является Гармонизированная система описания и кодирования товаров (далее – ГС) и Товарная номенкла-

тура внешнеэкономической деятельности СНГ (далее – ТН ВЭД СНГ), а также не рассмотрела вопрос о соотношении текстов ТН ВЭД ЕАЭС и ТН ВЭД СНГ.

2.1.2. Коллегия Суда нарушила положения пункта 39 Статута, так как рассмотрела требование истца, которое не относится к компетенции Суда, в части признания Решения № 101 и Решения № 113 не соответствующими Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – Конвенция о ГС).

Как подчеркивает Комиссия, Конвенция о ГС не входит в право Союза, поэтому оспариваемые хозяйствующим субъектом решения Комиссии могут быть проверены исключительно на соответствие положениям Договора и иных международных договоров, входящих в право Союза.

2.1.3. Коллегия Суда не учла установленные Договором принципы и цели функционирования Союза, а также направленность Решения № 113 на установление тарифной защиты в виде ввозной таможенной пошлины в отношении отдельной группы товаров – очистных узкозахватных машин, с целью стимулирования развития производства таких товаров на территории Союза.

2.1.4. Коллегией Суда не дана надлежащая оценка факту нарушения Решением № 101 прав истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

По мнению Комиссии, ввоз товара истцом на таможенную территорию Союза осуществлялся в марте 2016 года, то есть до принятия оспариваемого Решения № 101. Следовательно, Решение № 101 не могло нарушить права и законные интересы заявителя, поскольку на момент ввоза им товара этого решения не существовало.

Как отмечает Комиссия, Коллегия Суда, формулируя вывод о том, что оспариваемые истцом решения Комиссии в части выделения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции в отношении узкозахватных очистных машин не соответствуют Договору, не учла того факта, что вне зависимости от места выделения такой подсубпозиции в ТН ВЭД ЕАЭС, в отношении рассматриваемой группы товаров все равно будет установлена соответствующая ставка ввозной таможенной пошлины.

Таким образом, Коллегия Суда при принятии решения нарушила положения статьи 45 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент).

2.1.5. Коллегия Суда при рассмотрении вопроса о правомерности детализации ТН ВЭД ЕАЭС безосновательно сформировала позицию, исходя из классификации конкретного товара и применения Основных правил интерпретации (далее – ОПИ).

По мнению Комиссии, в силу того, что детализация осуществляется в отношении группы товаров и предполагает формирование текстов выделяемых

позиций для установления общих признаков, объединяющих товары такой группы, ОПИ в таком случае не могут быть применены.

Коллегия Суда, как считает Комиссия, в нарушение положений статей 19 и 20 ТК ЕАЭС, безосновательно рассмотрела вопрос о классификации конкретного товара, который не являлся предметом судебного разбирательства.

2.1.6. Коллегия Суда необоснованно отклонила довод Комиссии, что строение рабочего органа шнекового типа является критерием отнесения очистных узкозахватных комбайнов к субпозиции 8430 5* ТН ВЭД ЕАЭС. По мнению Комиссии, к субпозиции 8430 3* ТН ВЭД ЕАЭС относятся иные машины, предназначенные для добычи угля или горных пород, имеющие рабочие органы различных видов.

2.1.7. Коллегия Суда неверно применила Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС, одобренные рекомендацией Коллегии ЕЭК от 7 ноября 2017 года № 21, придав им приоритет над текстами ТН ВЭД ЕАЭС, утвержденной решением Совета Комиссии от 16 июля 2012 года № 54.

2.1.8. Комиссия считает ошибочным вывод Коллегии Суда, что Решения №№ 101 и 113 приняты с нарушением описания товаров, примечаний и пояснений к товарной группе, соблюдения принципа последовательности при формулировании и определении места оспариваемой подсубпозиции в ТН ВЭД ЕАЭС.

2.1.9. Комиссия не согласна с выводом Коллегии Суда о том, что для соблюдения Союзом обязательств пункта 1 статьи 3 Конвенции о ГС о неизменности содержания разделов, групп, товарных позиций и субпозиций термин «врубковые машины», используемый в ТН ВЭД ЕАЭС, следует толковать более широко, идентично установленному в ГС.

2.1.10. Вывод Коллегии Суда о том, что Решение № 101 и Решение № 113 повлекли изменение классификации товара истца, ввезенного на территорию Союза, и дополнительные таможенные платежи, не основан на нормах права Союза и фактических обстоятельствах дела.

По мнению Комиссии, истцом оспаривается не классификация конкретного товара, ввоз которого он осуществлял на таможенную территорию Союза, а осуществленная Комиссией детализация ТН ВЭД ЕАЭС.

2.2. Комиссия не согласна с признанием Коллегией Суда оспариваемого бездействия не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС, а также нарушающим права и законные интересы АО «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности по следующим основаниям.

2.2.1. Коллегия Суда нарушила положения пункта 39 Статута, так как рассмотрела требование заявителя, которое не относится к компетенции Суда в части оспаривания бездействия Комиссии.

2.2.2. Коллегия Суда нарушила положения пункта 43 Статута, приняв к производству и рассмотрев требование истца об оспаривании бездействия

Комиссии, выразившегося в неустранении коллизии в правоприменительной практике Союза, связанной с неверной классификацией по ТН ВЭД ЕАЭС товара «очистной узкозахватный комбайн» в субпозиции 8430 50 ТН ВЭД ЕАЭС «машины и механизмы самоходные прочие», которое не заявлялось при обращении в Комиссию в порядке досудебного урегулирования спора.

2.2.3. Коллегия Суда нарушила пункт 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее - Положение о Комиссии), установив обязанность Комиссии по проведению мониторинга.

2.2.4. Коллегия Суда неверно истолковала содержание подпункта 4 пункта 43 Положения о Комиссии, установив полномочия ЕЭК на проверку актов Комиссии на предмет их соответствия Договору. По мнению Комиссии, целью мониторинга является обеспечение соответствия законодательства государств-членов положениям актов права Союза.

3. Возражения АО «СУЭК-КУЗБАСС»

Истец не соглашается с доводами жалобы и приводит следующие аргументы.

3.1. В силу пункта 43 Статута и статьи 9 Регламента Коллегия Суда обоснованно признала соблюденным досудебный порядок урегулирования спора и не вышла за пределы своих полномочий при оценке соответствия праву Союза Решений №№ 101 и 113.

3.2. Коллегия Суда надлежащим образом проверила Решения №№ 101 и 113 на соблюдение положений ГС как международной основы ТН ВЭД ЕАЭС и пришла к правильному выводу, согласно которому решения ЕЭК в оспариваемой части повлекли нарушение прав и законных интересов АО «СУЭК-КУЗБАСС».

3.3. Обжалуемое решение Коллегии Суда соответствует принципам и целям функционирования Союза, а довод Комиссии в этой части основан на неверном толковании Договора и ТК ЕАЭС.

3.4. Коллегия Суда пришла к правильному выводу о том, что осуществление мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, в том числе ТН ВЭД ЕАЭС, является обязанностью Комиссии, что следует из взаимосвязанного прочтения пункта 4 и подпункта 4 пункта 43 Положения о Комиссии.

3.5. При оценке правильности детализации ТН ВЭД ЕАЭС Коллегия Суда обоснованно исходила из классификации конкретного товара и применения ОПИ, которые определяют построение ТН ВЭД ЕАЭС.

3.6. Коллегия Суда обоснованно установила, что в содержание бескодовой товарной субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС входят не только врубовые машины, но и иные горные машины, предназначенные для добычи угля и горных пород, осуществляемой путем их резания или разрушения.

3.7. Истец не соглашается с позицией Комиссии, согласно которой вывод Коллегии Суда о том, что Решения №№ 101 и 113 повлекли изменение классификации товара, ввозимого истцом на территорию Союза, а также дополнительные таможенные платежи, как не основанной на нормах права Союза и фактических обстоятельствах.

4. Процедура и пределы апелляционного разбирательства

Статьей 60 Регламента установлено, что Апелляционная палата рассматривает дело в судебном заседании по правилам рассмотрения дела Коллегией Суда, с учетом особенностей, предусмотренных Статутом Суда и главой VII Регламента.

В соответствии с пунктом 1 статьи 69 Регламента Апелляционная палата Суда рассматривает жалобу в пределах доводов, изложенных в жалобе и возражениях на нее, которые могут быть дополнены сторонами в ходе судебного разбирательства.

Учитывая пределы апелляционного разбирательства, определенные пунктом 2 статьи 69 Регламента, Апелляционная палата Суда проверяет соответствие выводов Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

В силу пункта 1 статьи 70 Регламента основанием для изменения или отмены обжалуемого решения Суда является неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права. Согласно пункту 2 статьи 70 Регламента неправильное применение процедурных норм, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, является основанием для изменения или отмены решения Коллегии Суда, если это нарушение привело к принятию неправильного или необоснованного решения.

5. Выводы Апелляционной палаты Суда

5.1. При оценке доводов жалобы о признании Коллегией Суда Решения № 101 и Решения № 113 не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС Апелляционная палата Суда приходит к следующим выводам.

5.1.1. Пунктом 2 статьи 25 Договора и пунктом 2 статьи 19 ТК ЕАЭС установлено, что международной основой ТН ВЭД ЕАЭС являются ГС и ТН ВЭД СНГ. В пункте 5 статьи 19 ТК ЕАЭС предусмотрено обязательство, согласно которому ведение ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется в соответствии с ее международной основой.

В соответствии со статьей 1 Соглашения о единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств от 3 ноября 1995 года единая ТН ВЭД СНГ основана на базе ГС.

В связи с этим Апелляционная палата Суда считает обоснованным вывод Коллегии Суда, что положения ТН ВЭД ЕАЭС в части оспариваемых решений

ЕЭК подлежат проверке на соблюдение положений ГС и ТН ВЭД СНГ как ее международной основы.

Предметом судебного разбирательства являлась правомерность ведения ТН ВЭД ЕАЭС на уровне товарных субпозиций, содержание которых регулируется ГС.

Таким образом, Апелляционная палата Суда соглашается с выводом Коллегии Суда, согласно которому при осуществлении проверки решений Комиссии о соблюдении ГС Суд оценивает их на соответствие пункту 2 статьи 25 Договора и пункту 5 статьи 19 ТК ЕАЭС и считает необоснованным довод Комиссии о неправильном определении содержания понятия международная основа ТН ВЭД ЕАЭС.

5.1.2. В отношении довода Комиссии о том, что Коллегия Суда при рассмотрении спора не учла принципы и цели функционирования Союза, установленные Договором, а также цели принятия Решения № 113, связанные с установлением тарифной защиты в виде ввозной таможенной пошлины в отношении отдельной группы товаров – очистных узкозахватных машин, для стимулирования развития производства таких товаров на территории Союза, Апелляционная палата Суда отмечает следующее.

Как следует из преамбулы, Решение № 113 принято Комиссией в соответствии со статьями 42 и 45 Договора.

Статья 42 Договора предусматривает основные цели применения ЕТТ ЕАЭС, который является инструментом торговой политики Союза и направлен на поддержку отраслей экономики. В силу пункта 1 статьи 45 Договора полномочия по ведению ЕТТ ЕАЭС и ТН ВЭД ЕАЭС возложены на Комиссию.

В соответствии с пунктом 2 статьи 25 Договора ЕТТ ЕАЭС представляет свод ставок таможенных пошлин, применяемых к товарам, ввозимым (ввезенным) на таможенную территорию Союза из третьих стран, систематизированный в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Из буквального толкования изложенных правовых норм следует, что для целей ведения ЕТТ ЕАЭС при установлении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении группы товаров Комиссии надлежит руководствоваться их наименованием для последующего сопоставления с текстами товарных кодов ТН ВЭД ЕАЭС.

С учетом изложенного, Апелляционная палата Суда считает, что решение Коллегии Суда в этой части является обоснованным, а вышеуказанный довод Комиссии подлежит отклонению.

5.1.3. Рассмотрев довод Комиссии о том, что Коллегия Суда не проверила факты нарушения действием Решения № 101 прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Апелляционная палата Суда отмечает следующее.

Как установлено Коллегией Суда, АО «СУЭК-КУЗБАСС» ввозило на территорию Союза очистные узкозахватные комбайны, которые до принятия Комиссией оспариваемых решений классифицировались в товарной подпозиции 8430 39 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС, относящейся к субпозиции «врубковые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие», ставка ввозной таможенной пошлины по которой составляла 0%.

Решением № 113 в ТН ВЭД ЕАЭС введена подсубпозиция 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» и установлена ставка ввозной таможенной пошлины 7,5%, Решением № 101 ставка таможенной пошлины изменена на 5%.

В соответствии с пунктом 39 Статута решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе, когда соответствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью (решение Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад»).

При таких обстоятельствах Апелляционная палата Суда считает обоснованным вывод Коллегии Суда, что Решение № 101 и Решение № 113 в оспариваемой части повлекли нарушение прав и законных интересов АО «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и международными договорами в рамках Союза.

5.1.4. Апелляционная палата Суда отмечает, что довод Комиссии об установлении ставки ввозной таможенной пошлины для рассматриваемой группы товаров вне зависимости от определения подсубпозиции в ТН ВЭД ЕАЭС подлежит отклонению, поскольку предметом оспаривания является правомерность отнесения узкозахватных очистных машин в самостоятельную товарную подсубпозицию, подчиненную субпозиции 8430 50 ТН ВЭД ЕАЭС.

5.1.5. В отношении довода Комиссии о нарушении Коллегией Суда положений статей 19 и 20 ТК ЕАЭС при рассмотрении вопроса о классификации конкретного товара, не являющегося, по мнению Комиссии, предметом судебного разбирательства, а также применения ОПИ при оценке детализации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, Апелляционная палата соглашается с выводами Коллегии Суда и считает, что данный довод является несостоятельным.

Как следует из обстоятельств спора, классификация товара согласно его описанию в товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС сторонами не оспаривается. Истец оспаривает Решения №№ 101 и 113 в части соотношения товара «машина очистная узкозахватная» с дополнительно установленной подсубпозицией 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС.

5.1.6. Апелляционная палата Суда отклоняет довод Комиссии о необоснованности вывода Коллегии Суда, согласно которому строение рабочего органа шнекового типа очистных узкозахватных комбайнов не является критерием отнесения указанного товара к субпозиции 8430 5* ТН ВЭД ЕАЭС, а также довод Комиссии о произвольной интерпретации Коллегией Суда характеристик врубовой машины.

По мнению Апелляционной палаты Суда, вывод Коллегии Суда о том, что при классификации врубовых машин учитываются их объективные характеристики и функциональное назначение, является обоснованным и согласуется со сложившейся практикой, отраженной в решениях Суда от 4 апреля 2016 года и от 21 июня 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт», от 7 апреля 2016 года и от 2 июня 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад».

Коллегия Суда в обжалуемом решении, обоснованно ссылаясь на взаимосвязь пояснений к товарной группе 84 (Том IV Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС, Том IV Пояснений к ГС) и пояснений к определению «машины очистные узкозахватные» (Том VI Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС), сделала правильный вывод, что, исходя из основного функционального назначения, машины очистные узкозахватные соответствуют описанию товара, отнесенного к субпозициям 8430 31 или 8430 39 ТН ВЭД ЕАЭС (в зависимости от исполнения) и не могут относиться к субпозиции 8430 50 ТН ВЭД ЕАЭС и подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС.

Апелляционная палата Суда констатирует, что ключевым признаком, позволяющим отнести машину к бескодовым товарным субпозициям «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» или «бурильные или проходческие машины прочие», является не строение рабочего органа, а функциональное назначение, характеризующее машины, включаемые в указанные товарные субпозиции в соответствии с частью III «Машины и оборудование для выемки, резания или бурения грунта» раздела XVI тома 4 Пояснений к товарной позиции 8430 ТН ВЭД ЕАЭС.

5.1.7. Апелляционная палата Суда не соглашается с доводом Комиссии о том, что Коллегия Суда неверно применила Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС и придала им приоритет над ТН ВЭД ЕАЭС.

Как следует из текста обжалуемого судебного решения, Коллегия Суда обоснованно применила Пояснения к ГС и ТН ВЭД ЕАЭС в качестве вспомогательных инструментов толкования и в соответствии с их содержанием.

5.1.8. Апелляционная палата Суда считает необоснованным довод Комиссии о том, что Коллегия Суда не разграничила детализацию ТН ВЭД ЕАЭС и классификацию конкретного товара.

Апелляционная палата Суда констатирует, что в оспариваемом решении Коллегия Суда дала правильную оценку правомерности более глубокой классификации (детализации) отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС.

5.2. В части доводов жалобы о необоснованности признания Коллегией Суда бездействия Комиссии не соответствующим Договору, ТК ЕАЭС и нарушающим права и законные интересы АО «СУЭК- КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Апелляционная палата Суда отмечает следующее.

5.2.1. Так, в отношении довода Комиссии о том, что Коллегия Суда неверно определила предмет мониторинга, который является функцией Комиссии, следует указать, что пунктом 4 Положения о Комиссии установлено, что ЕЭК в пределах своих полномочий обеспечивает реализацию международных договоров, входящих в право Союза. В соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии Коллегия ЕЭК осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства-члены о необходимости их исполнения.

Апелляционная палата Суда считает, что Коллегия Суда пришла к правильным выводам о том, что выполнение возложенных на Комиссию функций является ее обязанностью, в связи с чем осуществление мониторинга и контроля исполнения международных договоров и решений Комиссии, в том числе ТН ВЭД ЕАЭС, является обязанностью Комиссии. Мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения.

Таким образом, Комиссия должна осуществлять мониторинг применения в государствах-членах ТН ВЭД ЕАЭС, входящей в право Союза, а также актов, которыми вносятся изменения в ТН ВЭД ЕАЭС, в том числе, оспариваемых Решений №№ 101 и 113. Однако предметом мониторинга, относящегося к функциям и полномочиям Комиссии, не является проверка актов самой Комиссии на предмет их соответствия Договору.

Апелляционная палата Суда считает, что подпункт 2 пункта 39 Статута предусматривает две различные по предмету категории споров по заявлению хозяйствующих субъектов: о соответствии решения Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и об оспаривании действия (бездействия) Комиссии.

Апелляционная палата Суда исходит из того, что при рассмотрении спора на основании пункта 1 статьи 45 Регламента Судом осуществляется проверка оспариваемого бездействия на соответствие Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, что предполагает выяснение невыполненной Комиссией обязанности (действия), а также правовых оснований для ее выполнения.

Проверка соответствия актов Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза не относится к предмету мониторинга. Споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров

в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута, отнесены к компетенции Суда Союза, решение которого обязательно для исполнения Комиссией. В этой связи, несогласие Комиссии с доводами и аргументами хозяйствующего субъекта не является основанием для мониторинга и не относится к неправомерному бездействию.

5.2.2. В соответствии с подпунктами 1 и 2 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС Комиссия осуществляет:

мониторинг изменений международной основы ТН ВЭД, а также пояснений по толкованию этой международной основы;

приведение ТН ВЭД и пояснений к ней в соответствии с ее международной основой.

При этом, обязанность проведения мониторинга, предусмотренная подпунктом 1 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС, связана с изменениями, вносимыми в международную основу ТН ВЭД ЕАЭС.

Фактические обстоятельства по данному делу указывают на отсутствие информации об изменениях в ГС.

Апелляционная палата Суда считает, что факт обращения хозяйствующего субъекта в ЕЭК не является безусловным основанием для внесения Комиссией изменения в ТН ВЭД ЕАЭС. При возникновении спора между сторонами факт соответствия (несоответствия) ТН ВЭД ЕАЭС ее международной основе устанавливается Судом.

Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что Коллегия Суда необоснованно признала бездействие Комиссии не соответствующим Договору, ТК ЕАЭС и нарушающим права и законные интересы акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, и в этой части решение Коллегии Суда подлежит отмене.

Иные доводы, приведенные ЕЭК в жалобе на решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года, не нашли своего подтверждения.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 2 пункта 110 Статута Суда, подпунктом «б» пункта 1 статьи 71, пунктами 1-7 статьи 78, статьями 80 и 83 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда,

РЕШИЛА:

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года изменить.

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года в части признания бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза и нарушающим пра-

ва и законные интересы акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности отменить.

Признать бездействие Евразийской экономической комиссии соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В остальной части решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года оставить без изменения.

Пошлина, уплаченная акционерным обществом «СУЭК-КУЗБАСС» при обращении в Суд, возврату не подлежит.

Решение Апелляционной палаты Суда вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/2-21-АП)

город Минск

15 июля 2021 года

1. 15 июля 2021 года Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата) вынесено решение об изменении решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) от 14 апреля 2021 года о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), нарушающим права и законные интересы акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС») в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В указанной части решение Коллегии Суда отменено.

Решение Коллегии Суда в части признания не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС решения Коллегии ЕЭК от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) и решения Совета ЕЭК от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 101) в отношении включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» Апелляционной палатой оставлено без изменения.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Соглашаясь с решением Коллегии Суда о признании Решений №№ 101 и 113 не соответствующими праву Евразийского экономического союза (далее – Союз), полагаю, что вывод Апелляционной палаты в части бездействия Комиссии требует дополнительной правовой аргументации.

2. При оценке довода АО «СУЭК-КУЗБАСС» о противоречии бездействия ЕЭК праву Союза Коллегия Суда, исходя из толкования пункта 4 и подпункта 4 пункта 43 Положения о Комиссии, а также подпунктов 1 и 2 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС, основываясь на правовой позиции, сформулированной Судом в решении по делу по заявлению ООО «ОйлМарин Групп», пришла к выводу о наличии у Комиссии полномочий по проведению мониторинга и контролю исполнения международных договоров в рамках Союза и по приведению ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с ее международной основой. Признав Решения №№ 101 и 113 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС, Коллегия Суда в пунктах 5.12, 5.13 и 5.14 решения пришла к выводу о невыполнении Комиссией функции по мониторингу исполнения государствами-членами права Союза и возложенной на нее обязанности по приведению ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с Гармонизированной системой описания и кодирования товаров (далее – Гармонизированная система), что является бездействием ЕЭК, не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС.

В апелляционной жалобе со ссылкой на подпункт 4 пункта 43 Положения о Комиссии ЕЭК не согласилась с выводами в пунктах 5.12 и 5.13 решения Коллегии Суда в части невыполнения обязанности по осуществлению мониторинга международных договоров в рамках Союза и решений Комиссии государствами-членами, а также включения в предмет мониторинга соответствия актов ЕЭК праву Союза. Комиссия не оспаривала вывод Коллегии Суда, изложенный в пункте 5.14 обжалуемого решения, о признании не соответствующим пункту 5 статьи 19 ТК ЕАЭС бездействия по неприведению ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с Гармонизированной системой.

Апелляционная палата, отменив решение Коллегии Суда в части и признав бездействие Комиссии соответствующим Договору и ТК ЕАЭС, в пунктах 5.2.1 и 5.2.2 мотивировочной части решения разграничила полномочия ЕЭК по проведению мониторинга, предусмотренного подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии и подпунктом 1 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС.

3. Полагаю, что решение Апелляционной палаты при оценке соответствия праву Союза бездействия Комиссии принято с нарушением норм материального и процессуального права Союза.

3.1. В силу пункта 2 статьи 8 Договора и пункта 3 Положения о Комиссии ЕЭК осуществляет деятельность в пределах полномочий, предоставленных ей Договором. В целях реализации данной правовой нормы подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии на ЕЭК *возложены полномочия по мониторингу и контролю исполнения государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.*

Из содержания пункта 2 статьи 8 Договора и пункта 3 Положения о Комиссии следует, что, помимо полномочий, которыми ЕЭК наделена на основании Договора, ей могут быть предоставлены дополнительные полномочия на основании международных договоров в рамках Союза.

В развитие статьи 32 Договора в рамках Союза в качестве международного договора принят ТК ЕАЭС, вступивший в силу с 1 января 2018 года.

Государства – члены Союза в нормо-определении пункта 2 статьи 25 Договора установили, что международной основой ТН ВЭД ЕАЭС является Гармонизированная система и Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности СНГ. Пунктом 1 статьи 45 Договора и пунктом 5 статьи 19 ТК ЕАЭС государства-члены отнесли к компетенции Комиссии ведение ТН ВЭД ЕАЭС, возложив на ЕЭК дополнительные полномочия по: (1) мониторингу изменений международной основы ТН ВЭД ЕАЭС, а также пояснений по толкованию этой международной основы; (2) приведению ТН ВЭД ЕАЭС и пояснений к ней в соответствие с ее международной основой.

Статьей 2 Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – Конвенция о Гармонизированной системе) закреплено, что Гармонизированная система является неотъемлемой частью данной Конвенции, в связи с чем любая ссылка на Гармонизированную систему означает применение данной Конвенции.

Из уяснения пункта 2 статьи 25, статьи 32, пункта 1 статьи 42 Договора, а также пункта 2 и подпунктов 1, 2 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС следует, что со дня вступления в силу ТК ЕАЭС Комиссия *наделена функцией по осуществлению мониторинга соответствия ТН ВЭД ЕАЭС Конвенции о Гармонизированной системе.*

Сравнительный анализ содержания подпункта 4 пункта 43 Положения о Комиссии и подпунктов 1 и 2 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС свидетельствует, что указанные правовые нормы определяют различные по сфере действия, направленности и предмету правового регулирования полномочия ЕЭК по осуществлению мониторинга.

3.2. Осуществление ЕЭК мониторинга на основании подпункта 4 пункта 43 Положения о Комиссии адресовано государствам-членам и имеет цель исключения противоречий их законодательства и правоприменительной практики международным договорам Союза и решениям ЕЭК.

Апелляционная палата, проверяя на соответствие праву Союза оспариваемое бездействие Комиссии, обоснованно подтвердила правовую позицию Коллегии Суда по делу по заявлению ООО «ОйлМарин Групп», изложенную в обжалуемом решении Суда, согласно которой мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения.

Учитывая сферу действия, предмет и направленность мониторинга, реализуемого ЕЭК на основании подпункта 4 пункта 43 Положения о Комиссии, требование АО «СУЭК-КУЗБАСС» о признании бездействия Комиссии по несуществлению мониторинга законодательства и правоприменительной практики государства-члена не основано на фактических обстоятельствах дела, так как отсутствовал спор между истцом и ответчиком, в связи с чем заявление в указанной части Коллегией Суда не подлежало удовлетворению.

3.3. Полномочия Комиссии по осуществлению мониторинга в понимании пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС заключаются в обеспечении соответствия между решением Комиссии об утверждении ТН ВЭД ЕАЭС, являющимся в силу статьи 2 Договора нормативно-правовым актом Союза, и международным договором – Конвенцией о Гармонизированной системе.

Из содержания преамбулы и статьи 3 Договора следует, что государства-члены при создании Союза исходили из необходимости уважения и соблюдения общепризнанных норм международного права, к числу которых относится правило об обязательности и добросовестном выполнении международных договоров (*pacta sunt servanda*). На основании указанного правового установления и положений пунктов 1 и 2 статьи 30 Венской конвенции о праве международных договоров Апелляционной палате следовало прийти к выводу, что несмотря на учреждение Союза и передачу его органам полномочий в пределах и объеме, предусмотренных Договором, положения ранее заключенных государствами-членами международных договоров сохраняют свое действие, а страны-участницы несут ответственность за невыполнение взятых по ним обязательств. Данный подход согласуется с позицией Суда об обязательности для Союза норм универсальных международных договоров, изложенной в решениях Апелляционной палаты по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» и по заявлению ООО «Шиптрейд».

Учитывая, что все государства-члены являются участниками Конвенции о Гармонизированной системе, данный международный договор обязателен для Союза при реализации его органами компетенции в сфере таможенно-тарифного регулирования.

Наделение Комиссии подпунктами 1 и 2 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС полномочиями по мониторингу изменений Гармонизированной системы и по приведению в соответствие с ней ТН ВЭД ЕАЭС, принятой в форме решения ЕЭК, представляет собой реализацию обязательств Союза по добросовестному выполнению международных договоров, участниками которых являются его государства-члены.

Исходя из предписаний пункта 2, а также подпунктов 1 и 2 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС, следует, что Комиссия, осуществляя полномочия по мониторингу изменений Гармонизированной системы и внесению соответствующих

изменений в ТН ВЭД ЕАЭС, обеспечивает соблюдение Союзом обязательств, принятых его государствами-членами на основе Конвенции о Гармонизированной системе.

Пунктами 1 и 3 статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе государствам предоставлено право создавать в национальных таможенно-тарифных номенклатурах подразделы для более глубокой классификации товаров, чем в Гармонизированной системе, при соблюдении следующих обязательств: 1) любые подразделы будут дополнены и кодированы сверх шестизначного цифрового кода; 2) использования товарных позиций и субпозиций Гармонизированной системы, а также относящихся к ним цифровых кодов без каких-либо дополнений или изменений; 3) применения основных правил интерпретации Гармонизированной системы, а также всех примечаний к разделам, группам, товарным позициям и субпозициям и неизменения содержания разделов, групп, товарных позиций или субпозиций Гармонизированной системы; 4) сохранения порядка кодирования, принятого в Гармонизированной системе.

Систематическое толкование норм Конвенции о Гармонизированной системе и пункта 1 статьи 19 ТК ЕАЭС означает возложение государствами-членами на органы Союза обязанности обеспечения соответствия текстов товарных позиций, установленных на уровне Гармонизированной системы, текстам сопоставимых товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС.

Обеспечение соответствия ТН ВЭД ЕАЭС Гармонизированной системе предполагает наличие у Комиссии как негативного, так и позитивного обязательств. Применительно к предмету настоящего спора негативное обязательство означает запрет Комиссии вносить в ТН ВЭД ЕАЭС изменения, противоречащие Гармонизированной системе, то есть включение Решениями №№ 101 и 113 в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные». Позитивное обязательство Комиссии требует от нее при наличии противоречий между ТН ВЭД ЕАЭС и Гармонизированной системой исключить из ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозицию 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», не соответствующую подсубпозиции 8430 3* «врубковые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» Гармонизированной системы.

Невыполнение Комиссией позитивной обязанности по приведению подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», включенной Решениями №№ 101 и 113 в ТН ВЭД ЕАЭС, в соответствие с классификацией отдельного вида товара в Гармонизированной системе свидетельствует о неправомерном бездействии ЕЭК.

С учетом изложенного полагаю, что Апелляционной палате следовало отграничить бездействие Комиссии, выразившееся в неосуществлении мониторинга, предусмотренного подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии, признав его соответствующим праву Союза, от бездействия по неприведению

ТН ВЭД ЕАЭС в части включения в нее подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» в соответствии с Гармонизированной системой, установив его противоречие Договору и ТК ЕАЭС.

3.4. Апелляционная палата, отменив решение Коллегии Суда в части признания не соответствующим праву Союза бездействия Комиссии по непроведению мониторинга и отказу в приведении ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с ее международной основой, помимо нарушения норм материального права, допустила несоблюдение правил судопроизводства в апелляционной инстанции.

3.4.1. Согласно пункту 1 статьи 70 Регламента основанием изменения или отмены решения Коллегии Суда является неправильное применение и (или) несоблюдение норм права.

Пунктом 4 статьи 78 Регламента предусмотрено, что в мотивировочной части решения Суда указываются нормы права, которыми Суд руководствовался при его вынесении.

Из взаимосвязанного уяснения пункта 1 статьи 70 и пункта 4 статьи 78 Регламента следует, что в случае отмены или изменения решения Коллегии Суда в решении Апелляционной палаты подлежат указанию нормы права Союза, нарушенные Коллегией Суда.

Вопреки данным правоустановлениям, Апелляционная палата, отменяя решение Коллегии Суда в части признания не соответствующим праву Союза бездействия Комиссии по неосуществлению мониторинга, не указала нормы Договора и ТК ЕАЭС, которые, по ее мнению, нарушены Коллегией Суда.

3.4.2. В соответствии с пунктом 1 статьи 69 Регламента Суд рассматривает жалобу в пределах доводов, изложенных в жалобе и возражениях на нее, которые могут быть дополнены в ходе судебного разбирательства. Из данной правовой нормы следует, что в отсутствие довода апелланта о несогласии с решением Коллегии Суда Апелляционная палата не вправе осуществлять проверку правовой позиции Коллегии Суда, несмотря на требование жалобы об отмене оспариваемого решения в полном объеме.

Комиссия ни в жалобе, ни в ходе судебного разбирательства не указала на несогласие с выводом, изложенным в пункте 5.14 решения Коллегии Суда, о допущении ЕЭК бездействия, выразившегося в неприведении ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с ее международной основой. Апелляционная палата, отменив решение Коллегии Суда о признании бездействия Комиссии, выразившегося в неприведении ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с Гармонизированной системой в части подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», вышла за пределы рассмотрения дела, установленные пунктами 1 и 3 статьи 69 Регламента

Судья

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

4 октября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе
судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Неша-
таевой Т.Н.,

под председательством судьи-докладчика Баишева Ж.Н.,

при секретаре судебного заседания Айсаутове Б.М.,

рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайства акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года и о приостановлении действия решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза»,

УСТАНОВИЛА:

27 сентября 2021 года акционерное общество «СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС», заявитель, общество) обратилось в порядке, предусмотренном пунктом 115 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2012 года; далее – Статут Суда) в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с ходатайствами о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года в части приведения решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 101) в соответствие с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года; далее – ТК ЕАЭС), о приостановлении действия Решения № 101 в части установления в единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза, утвержденных решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

Заявитель указывает, что решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) и Решение № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» признаны не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС. Решением Апелляционной палаты Суда от 15 июля 2021 года решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года в этой части оставлено в силе.

В соответствии с пунктом 100 Статута Суда по результатам рассмотрения споров, предусмотренных подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия, ЕЭК).

Согласно пункту 111 Статута Суда решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствии с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Коллегия Суда считает, что приведение Комиссией признанного Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза решения ЕЭК или его отдельных положений в соответствии с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза означает обязанность Комиссии исключить из правовой системы Союза решение или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза. При этом, исходя из пункта 100 Статута Суда об обязательности исполнения ЕЭК решения Суда, не допускается замена Комиссией признанного Судом полностью или в части не соответствующим Договору и иным договорам в рамках Союза решения на новое решение аналогичного содержания. Принятие Комиссией актов или совершение действий (бездействия), направленных на сохранение в праве Союза положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, недопустимо.

Пунктом 103 Статута Суда установлено, что без ущерба положениям пунктов 111 – 113 Статута Суда стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Коллегия Суда отмечает, что данная норма Статута Суда предполагает исполнение решения Суда в соответствии с процедурой, установленной Договором и актами, составляющими право Союза. Вместе с тем, Статут Суда

устанавливает для Комиссии разумный срок исполнения решения Суда, но не более 60 календарных дней.

Коллегией Суда установлено, что во исполнение решения Суда Коллегией Комиссии 17 августа 2021 года принято решение № 100 «О признании утратившими силу некоторых решений Коллегии Евразийской экономической комиссии» (далее – Решение № 100), которым Решение № 113 признано утратившим силу.

Учитывая изложенное, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Решение № 113, признанное решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», утратило силу с даты вступления в силу Решения № 100.

Решением № 113 внесены изменения в ТН ВЭД ЕАЭС в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин, в том числе в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

Решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года установлено, что регулирующим воздействием обладает Решение № 113, так как именно этим решением Комиссии ТН ВЭД ЕАЭС дополнена товарной подсубпозицией 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС. Пунктом 2 Решения № 113 установлено, что оно вступает в силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования, то есть его праворегулирующее действие не связано с последующим утверждением Решением № 101 новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС.

В связи с тем, что Решение № 113 утратило силу, прекратилось и его регулирующее воздействие, а классификация товара «машины очистные узкозахватные» с 24 сентября 2021 года должна производиться в порядке, действовавшем до принятия Решения № 113, то есть в товарных субпозициях 8430 31 или 8430 39 ТН ВЭД ЕАЭС (в зависимости от их исполнения).

В ходатайствах АО «СУЭК-КУЗБАСС» считает, что Решение № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не признано утратившим силу и Комиссией не предпринято никаких действий по приведению ТН ВЭД ЕАЭС в соответствие с Договором и ТК ЕАЭС.

Изучив представленные материалы, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Комиссией проводится работа по утверждению новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС.

В соответствии с пунктом 112 Статута Суда при наличии обоснованного ходатайства стороны спора действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, может приостанавливаться по решению Суда с даты вступления в силу такого решения Суда.

Коллегия Суда считает, что в своих ходатайствах общество не привело достаточных доказательств и не обосновало довод о том, что в настоящее время ЕЭК не проводит работу по исполнению решения Суда, а также не привело фактов ввоза товара «машины очистные узкозахватные» после принятия решения Суда, которые таможенные органы классифицировали в товарной под-субпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС.

В случае нарушения прав и законных интересов хозяйствующего субъекта применением признанной Судом не соответствующей Договору и международным договорам в рамках Союза правовой нормы или ненадлежащего исполнения решения Суда, хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд в установленном порядке.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 95 Статута Суда, статьей 48 Регламента Суда, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

В удовлетворении ходатайств акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года и о приостановлении действия решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» отказать.

Копию постановления направить акционерному обществу «СУЭК-КУЗБАСС» и Евразийской экономической комиссии.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

29 ноября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., под председательством судьи-докладчика Баишева Ж.Н., при секретаре судебного заседания Айсаутове Б.М., рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года, о приостановлении действия решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» и решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» в части установления в единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные»,

УСТАНОВИЛА:

19 ноября 2021 года акционерное общество «СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС», заявитель) обратилось в порядке, предусмотренном пунктом 115 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2012 года; далее – Статут Суда), в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с ходатайством о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года, а также о приостановлении действия решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 101) и решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый та-

моженный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) в части установления в единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза, утвержденных решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

В обоснование ходатайства АО «СУЭК-КУЗБАСС» указывает, что решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года Решение № 101 и Решение № 113 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» признаны не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года; далее – ТК ЕАЭС). Решением Апелляционной палаты Суда от 15 июля 2021 года решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года в этой части оставлено в силе.

24 августа 2021 года на официальном сайте Евразийского экономического союза (далее – Союз) опубликовано решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 августа 2021 года № 100 «О признании утратившими силу некоторых решений Коллегии Евразийской экономической комиссии» (далее – Решение № 100), в соответствии с которым Решение № 113 признается утратившим силу.

6 октября 2021 года на официальном сайте Союза опубликовано решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2021 года № 80 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии» (далее – Решение № 80), в соответствии с которым Решение № 101 признается утратившим силу.

АО «СУЭК-КУЗБАСС» отмечает, что Решением № 80, которое вступит в силу 1 января 2022 года, принята новая редакция ТН ВЭД ЕАЭС, которая содержит подсубпозицию 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные». По мнению заявителя Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) приняла акт и совершила действия, направленные на сохранение в праве Союза положения, признанного Судом не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС.

В подтверждение своих доводов заявитель также ссылается на отказ суда Российской Федерации в пересмотре ранее состоявшегося судебного акта по новым обстоятельствам, которым, по мнению заявителя, является решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года.

В этой связи АО «СУЭК-КУЗБАСС» просит Суд принять меры по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года:

- в части приведения Решения № 80 в соответствие с Договором и ТК ЕАЭС и с учетом решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года и решения Апелляционной палаты Суда от 15 июля 2021 года;

- в части приведения Решения № 101 в соответствие с Договором и ТК ЕАЭС путем незамедлительного исключения соответствующих положений Решения № 101 из правовой системы Союза;

- в части приведения Решения № 113 в соответствие с Договором и ТК ЕАЭС путем незамедлительного исключения соответствующих положений Решения № 113 из правовой системы Союза.

Кроме того, заявитель просит Суд приостановить действие Решения № 101 и Решения № 113 в части установления в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» до вступления в силу соответственно Решения № 80 и Решения № 100 или до отмены соответственно Решения № 101 и Решения № 113 в части, не соответствующей Договору и ТК ЕАЭС.

Изучив доводы АО «СУЭК-КУЗБАСС», изложенные в ходатайстве, а также представленные материалы, Коллегия Суда приходит к следующему.

В соответствии с пунктом 100 Статута Суда по результатам рассмотрения споров, предусмотренных подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, Суд выносит решение, которое носит общеобязательный характер и исполняется Комиссией.

Решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года, оставленным в этой части в силе решением Апелляционной палаты Суда от 15 июля 2021 года, Решение № 101 и Решение № 113 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» признаны не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС.

Пунктом 103 Статута Суда установлено, что без ущерба положениям пунктов 111-113 Статута Суда стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Согласно пункту 111 Статута Суда решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Коллегия Суда подтверждает позицию, изложенную Апелляционной палатой Суда в решении от 18 октября 2021 года, о том, что пункт 111 Статута Суда предусматривает пресекательный срок, в рамках которого Комиссия исполняет решение Суда. Какого-либо срока на опубликование, вступление

в силу решения Комиссии за пределами срока исполнения решения Суда в 60 календарных дней право Союза не содержит. Комиссия не вправе своим решением продлевать шестидесятидневный срок утраты силы решения Комиссии, признанного не соответствующим праву Союза.

В постановлении Коллегии Суда от 4 октября 2021 года указано, что приведение Комиссией признанного Судом не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза решения Комиссии или его отдельных положений в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза означает обязанность Комиссии исключить из правовой системы Союза решение или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза. При этом, исходя из пункта 100 Статута Суда об обязательности исполнения Комиссией решения Суда, не допускается замена Комиссией признанного Судом полностью или в части не соответствующим Договору и иным договорам в рамках Союза решения на новое решение аналогичного содержания. Принятие Комиссией актов или совершение действий (бездействия), направленных на сохранение в праве Союза положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, недопустимо.

Решение № 100 о признании утратившим силу Решения № 113 вступило в силу по истечении 30 календарных дней с даты официального опубликования, то есть 24 сентября 2021 года. Это признано АО «СУЭК-КУЗБАСС» в обращении в Суд от 24 сентября 2021 года и указано в постановлении Коллегии Суда от 4 октября 2021 года.

Коллегия Суда исходила из того, что согласно пункту 16 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о Комиссии) решения Комиссии вступают в силу не ранее чем по истечении 30 календарных дней с даты их официального опубликования. Установление иных, более длительных сроков вступления в силу решений Комиссии в нарушение права Союза недопустимо и такие положения не имеют юридической силы. Из содержания статьи 6 Договора следует, что решения Комиссии, в том числе по вопросам вступления в силу, не должны противоречить Договору и международным договорам в рамках Союза, в том числе Положению о Комиссии.

Из изложенного следует, что Решение № 100 о признании утратившим силу Решения № 113 вступило в силу по истечении 30 календарных дней с даты официального опубликования. При этом Решение № 113, признанное решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», утратило силу с даты вступления в силу Решения № 100.

Решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года установлено, что регулирующим воздействием обладало Решение № 113, так как именно этим решением Комиссии ТН ВЭД ЕАЭС дополнена товарной подсубпозицией 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС. Пунктом 2 Решения № 113 было установлено, что оно вступает в силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования, то есть его праворегулирующее действие не связано с последующим утверждением Решением № 101 новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС.

В связи с тем, что Решение № 113 утратило силу, прекратилось и его регулирующее воздействие, а классификация товара «машины очистные узкозахватные» с 24 сентября 2021 года должна производиться в порядке, действовавшем до принятия Решения № 113, то есть в товарных субпозициях 8430 31 или 8430 39 ТН ВЭД ЕАЭС (в зависимости от их исполнения).

При таких обстоятельствах Коллегия Суда считает довод АО «СУЭК-КУЗБАСС» о сохранении действия Решения № 100 до 1 января 2022 года несостоятельным.

АО «СУЭК-КУЗБАСС» ссылается на отказ суда Российской Федерации в пересмотре ранее состоявшегося судебного акта по новым обстоятельствам, однако заявителем по данному делу не исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты и он вправе обжаловать принятые судебные акты в установленном законодательством порядке.

Коллегия Суда отмечает, что заявителем не предоставлены Суду новые доказательства и обстоятельства неисполнения Комиссией решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года, в том числе осуществления хозяйственной деятельности по ввозу машин очистных узкозахватных после вынесения решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года, которые были бы классифицированы таможенными органами в подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», признанной Судом не соответствующей Договору и ТК ЕАЭС.

Относительно требований АО «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года в части приведения Решения № 80 в соответствие с Договором и ТК ЕАЭС и с учетом решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года и решения Апелляционной палаты Суда от 15 июля 2021 года, а также в части приведения Решения № 101 и Решения № 113 в соответствие с Договором и ТК ЕАЭС путем незамедлительного исключения положений Решения № 101 и Решения № 113 из правовой системы Союза Коллегия Суда отмечает следующее.

Решением № 80, которое вступает в силу 1 января 2022 года, Решение № 101 признано утратившим силу.

Решение № 80, в том числе в части повторного включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», может быть оспорено в Суде после вступления в силу любым хозяйствующим субъектом,

в том числе АО «СУЭК-КУЗБАСС», при соблюдении требований о порядке обращения в Суд.

Приведение решений Комиссии в соответствии с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, в том числе исключение из правовой системы Союза решений или их отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, возложено правом Союза на Комиссию в рамках исполнения решения Суда.

В соответствии с пунктом 115 Статута Суда только в случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению.

Изучив представленные материалы, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Комиссией проводится работа по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года в соответствии с процедурой, установленной Договором и актами, составляющими право Союза.

АО «СУЭК-КУЗБАСС» просит Суд приостановить действие Решения № 101 и Решения № 113 в части установления в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» до вступления в силу соответственно Решения № 80 и Решения № 100 или до отмены соответственно Решения № 101 и Решения № 113 в части, не соответствующей Договору и ТК ЕАЭС. Однако, как обоснованно указано в постановлении Коллегии Суда от 4 октября 2021 года, указанные решения Комиссии утратили свое регулирующее воздействие.

Согласно пункту 112 Статута Суда только при наличии обоснованного ходатайства стороны спора действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, может приостанавливаться по решению Суда с даты вступления в силу такого решения Суда.

Коллегия Суда считает, что требование заявителя о приостановлении действия признанных Комиссией утратившими свою силу Решения № 101 и Решения № 113 в настоящее время является необоснованным.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 95 Статута Суда, статьей 48 Регламента Суда, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

В удовлетворении ходатайства акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года, о приостановлении действия ре-

шения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» и решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» в части установления в единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» отказать.

Копию постановления направить акционерному обществу «СУЭК-КУЗБАСС» и Евразийской экономической комиссии.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-1-2/2-21-КС)

город Минск

3 декабря 2021 года

Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд, Союз) 29 ноября 2021 г. вынесено постановление по делу по заявлению акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС» (далее – АО «СУЭК-КУЗБАСС»), которым отказано в удовлетворении ходатайства

АО «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г., приостановлении действия Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 сентября 2015 г. № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» (далее – Решение № 113) и Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 г. № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 101) в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза, утвержденные Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54 (далее – ТН ВЭД ЕАЭС, ЕТТ ЕАЭС), под-субпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

В постановлении от 29 ноября 2021 г. Коллегией Суда сделаны противоречащие фактическим обстоятельствам выводы и неверно истолкованы нормы права Союза, в результате чего вынесенное по делу решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. до настоящего времени не исполнено, в приостановлении действия признанных Судом не соответствующими праву Союза актов отказано, а нарушенные права и законные интересы хозяйствующего субъекта не восстановлены.

Регламент Суда Евразийского экономического союза, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда), наделяет судью правом в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями заявить особое мнение при вынесении решения Суда (пункт 1 статьи 79 Регламента Суда).

Руководствуясь предоставленным Регламентом Суда правом, заявляю особое мнение.

1. Основанием для обращения АО «СУЭК-КУЗБАСС» в Суд с ходатайством о принятии мер по исполнению судебного решения и приостановлении действия признанных Судом не соответствующими праву Союза актов послужили следующие фактические обстоятельства.

Решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. по делу по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС» Решение № 113 и Решение № 101 признаны не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор) и Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, являющемуся приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. (далее – ТК ЕАЭС), в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

Решением Апелляционной палаты Суда от 15 июля 2021 г. решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. в указанной части оставлено без изменения.

27 сентября 2021 г. АО «СУЭК-КУЗБАСС» обратилось в Суд с ходатайствами о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. в виде приведения Решения № 101 в соответствие с Договором и ТК ЕАЭС и о приостановлении действия Решения № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные». Постановлением Коллегии Суда от 4 октября 2021 г. в удовлетворении ходатайств отказано в том числе поскольку Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) на тот момент проводилась работа по утверждению новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС, официальное опубликование которой еще не состоялось, что свидетельствовало о незавершенности процесса исполнения решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г.

В рамках исполнения решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. Комиссией приняты:

- Решение Коллегии Комиссии от 17 августа 2021 г. № 100 «О признании утратившими силу некоторых решений Коллегии Евразийской экономической комиссии» (далее – Решение № 100), которым признано утратившим силу в том числе Решение № 113;

- Решение Совета Комиссии от 14 сентября 2021 г. № 80 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии» (далее – Решение № 80), которым признано утратившим силу в том числе Решение № 101 и утверждена новая редакция ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС, сохранившая подсубпозицию 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», включение которой в ТН ВЭД ЕАЭС Решением № 113 и Решением № 101 признано решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС.

Решение № 100 вступает в силу с даты вступления в силу решения Совета Комиссии об утверждении ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Комиссии, но не ранее чем по истечении 30 календарных дней с даты официального опубликования Решения № 100 (пункт 2 Решения № 100, дата официального опубликования – 24 августа 2021 г.). Решение № 80 вступает в силу по истечении 10 календарных дней с даты его официального опубликования, но не ранее 1 января 2022 г. (пункт 4 Решения № 80, официально опубликовано 6 октября 2021 г.). Таким образом, из взаимосвязанного прочтения Решения № 100 и Решения № 80 следует, что они оба вступают в силу 1 января 2022 г.

19 ноября 2021 г. в Суд поступило ходатайство АО «СУЭК-КУЗБАСС» о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. и приведении в соответствие с ним Решения № 80, Решения № 101 и Решения № 113, а также о приостановлении действия Решения № 101 и Решения № 113 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные».

Постановлением Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г., которое является окончательным и обжалованию не подлежит, в удовлетворении данного ходатайства отказано в полном объеме.

Сложившаяся ситуация демонстрирует уклонение Суда от выполнения возложенной на него Статутом Суда Евразийского экономического союза, являющимся Приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), обязанности принимать меры по исполнению судебного решения, что делает итоговый акт Суда по делу по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС» лишенным практического смысла, не порождающим возникновение соответствующих правовых последствий, не защищающим и не восстанавливающим нарушенные права и законные интересы хозяйствующего субъекта. Кроме того, согласно сложившейся в международном правосудии устойчивой практике стадия исполнения решения суда имеет существенное значение в обеспечении реализации права на доступ к правосудию, включающем в себя гарантии надлежащего исполнения судебного решения.

2. Не могу согласиться с выводом в постановлении Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г., сделанным со ссылкой на решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г., о том, что регулирующим воздействием обладало Решение № 113, поскольку именно им ТН ВЭД ЕАЭС дополнена товарной подсубпозицией 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», и его праворегулирующее действие не связано с последующим утверждением Решением № 101 новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС (страница 5 постановления Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г.).

В пункте 5.11 решения от 14 апреля 2021 г. Коллегия Суда установила, что в 2017 – 2018 годах к ввозимым АО «СУЭК-КУЗБАСС» товарам применялась

новая товарная подсубпозиция 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС, введенная Решением № 101, а также что Решение № 113 и Решение № 101 в оспариваемой части повлекли нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. Таким образом, Коллегия Суда в решении от 14 апреля 2021 г. сделала вывод о наличии регулирующего воздействия как у Решения № 113, так и у Решения № 101, который был неверно интерпретирован в постановлении Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г.

Принятие по вопросу включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» Решения № 113 и Решения № 101 обусловлено разграничением компетенции органов Комиссии.

Так, в соответствии со статьей 45 Договора ведение ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС и установление ставок ввозных таможенных пошлин (за исключением принимаемого Советом Комиссии изменения ставок в отношении чувствительных товаров) отнесено к полномочиям Коллегии Комиссии.

Пунктом 4 приложения № 1 к Регламенту работы Евразийской экономической комиссии, утвержденному Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 98, определены функции и полномочия Совета Комиссии, к числу которых отнесено установление и изменение ставок ввозных таможенных пошлин ЕТТ ЕАЭС в отношении товаров, которые включены в перечень чувствительных товаров (за исключением установления ставок таможенных пошлин ЕТТ ЕАЭС в отношении товаров, включенных в указанный перечень, без изменения их размеров и видов в случае внесения изменений в ТН ВЭД ЕАЭС).

В перечне чувствительных товаров (утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 16 «О перечне чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Евразийской экономической комиссии») отсутствуют бескодовые позиции «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» и «бурильные или проходческие машины прочие», а также коды 8430 31 000 0, 8430 39 000 0 и 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС.

Решение № 113 вносило изменения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин, которые не отнесены к чувствительным товарам, тогда как Решением № 101 была утверждена новая редакция ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС, содержащая в том числе такие товары.

В этой связи Решение № 113 и Решение № 101 приняты в пределах компетенции разных органов Комиссии (Коллегии и Совета), регулируют одни и те же отношения, не противоречат и дополняют друг друга, а следовательно, в равной степени обладают регулирующим воздействием.

3. В постановлении от 29 ноября 2021 г. Коллегия Суда констатировала, что Решение № 113 утратило силу 24 сентября 2021 г. (по истечении 30 календарных дней с даты официального опубликования Решения № 100), в связи с чем с указанной даты прекратилось его регулирующее воздействие, а классификация товара «машины очистные узкозахватные» должна производиться в порядке, действовавшем до его принятия, то есть в товарных субпозициях 8430 31 или 8430 39 ТН ВЭД ЕАЭС (в зависимости от их исполнения). Кроме того, Коллегия Суда указала, что установление иного (свыше 30 календарных дней с момента официального опубликования) более длительного срока вступления в силу такого решения Комиссии недопустимо, является нарушением права Союза и не имеет юридической силы (страницы 5 – 6 постановления Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г.).

Данный вывод Коллегии Суда полагаю немотивированным и не основанным на нормах права Союза по следующим основаниям.

Во-первых, Решение № 113 признано утратившим силу Решением № 100, датой вступления в силу которого (а следовательно, и датой, с которой утрачивает силу Решение № 113) в нем самом определено не 24 сентября 2021 г., а дата вступления в силу Решения № 80 – то есть 1 января 2022 г.

Абзацем первым пункта 16 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору (на который в обоснование своего вывода ссылается в постановлении от 29 ноября 2021 г. Коллегия Суда), установлен минимальный срок вступления в силу решений Комиссии – не ранее чем по истечении 30 календарных дней с даты их официального опубликования. В данном случае оговорка «не ранее» наделяет Комиссию дискреционными полномочиями по установлению иного, более длительного срока вступления в силу ее решений.

Кроме того, в соответствии с пунктами 102 и 111 Статута Суда решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза и не создает новых, а действие решения Комиссии признанного Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда.

В этой связи в рамках существующего правового регулирования Суд не наделен правом Союза полномочием самостоятельно определять отличные от указанных в решениях Комиссии сроки их вступления в силу и утраты ими силы, равно как и признание Судом решений Комиссии не соответствующими праву Союза не влечет их автоматическое изменение или утрату ими силы, в том числе и в части указанных в них сроков.

Во-вторых, вывод об утрате Решением № 113 силы с 24 сентября 2021 г. противоречит иным выводам Коллегии Суда в постановлении от 29 ноября 2021 г. Решение № 80, которое в соответствии с его пунктом 4 вступает в силу по истечении 10 календарных дней с даты его официального опубликования,

но не ранее 1 января 2022 г., было опубликовано 6 октября 2021 г. Следовательно, руководствуясь логикой Коллегии Суда, оно также должно вступить в силу не позднее чем по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования. Однако Коллегия Суда констатировала, что Решение № 80 вступает в силу 1 января 2022 г., не подвергая сомнению возможность длительного отложения его вступления в силу (страница 6 постановления Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г.).

В-третьих, согласно пункту 1 статьи 6 Договора право Союза составляют: Договор; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г., которым Решение № 113 и Решение № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» признаны не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС, в силу пункта 102 Статута Суда не изменяет и не отменяет указанные акты права Союза.

Исходя из этого, действующие и не исключенные из права Союза акты Комиссии, какими до момента утраты ими силы, то есть до 1 января 2022 г., являются Решение № 113 и Решение № 101, продолжают регулировать отношения, связанные с классификацией товаров в товарной подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС.

4. В соответствии с пунктом 100, абзацем вторым пункта 111 Статута Суда принятое Коллегией Суда решение является обязательным для исполнения Комиссией, которая в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда (если иной срок не установлен в самом решении Суда), приводит в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза признанные Судом не соответствующими им положения.

В постановлении Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г. указано, что 60-дневный срок исполнения решения Суда является пресекательным (страница 4 постановления Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г.).

В Договоре отсутствует автономная квалификация понятия «пресекательный» срок, в связи с чем его содержание следует понимать в обычном значении, как срок для реализации субъектом определенного права и невозможность для него осуществления такого права за пределами установленного срока. Применительно к данному делу это означало бы невозможность для Комиссии за пределами 60-дневного срока совершать любые действия, связанные с исполнением решения Суда, с чем не могу согласиться.

Когда рассматриваемым вопросом является не использование субъектом предоставленного ему права, а исполнение Комиссией как органом Союза публичной обязанности по приведению ее решения в соответствие с Договором и ТК ЕАЭС, запрет на совершение таких действий за пределами срока лишен логики и создает предпосылки существования в праве Союза противоречащих ему норм, которые не были изменены или отменены в пределах установленного срока, в том числе по объективным причинам, порождает правовую неопределенность в регулировании отношений, возможность для злоупотребления правом публичным органом и нарушает права и законные интересы хозяйствующих субъектов.

5. Предусмотренная пунктом 103 Статута Суда дискреция сторон спора в самостоятельном выборе формы и способа исполнения решения Суда не исключает действие принципа *bona fide* и необходимости исполнения ими решения Суда добросовестно, в установленный срок и в соответствии с содержащимися в нем положениями. Как следствие, Комиссии при исполнении решения Суда необходимо оценивать временные и организационные меры, направленные на принятие необходимых во исполнение решения Суда решений. При невозможности соблюдения Комиссией установленного срока по объективным причинам Судом в соответствии с абзацем третьим пункта 111 Статута Суда может быть установлен иной срок для приведения решения Комиссии, признанного Судом не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в соответствии с ними.

Помимо пропуска установленного срока исполнения решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г., Комиссией избран не соответствующий принципу добросовестности способ исполнения судебного решения, что выразилось в принятии Решения № 80, хоть и отменяющего Решение № 101, признанное Судом не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», однако содержащего в себе аналогичные положения.

Таким образом, нормы, признанные Судом не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС, сохранены в праве Союза и продолжают действовать, в связи с чем Суду следовало констатировать факт неисполнения решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 г. и принять меры по его исполнению.

6. В постановлении Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г. сделан вывод о том, что Решение № 80 в части повторного включения в ТН ВЭД ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» после его вступления в силу может быть оспорено в Суде в том числе АО «СУЭК-КУЗБАСС» при соблюдении требований о порядке обращения в Суд (страница 6 постановления Коллегии Суда от 29 ноября 2021 г.).

Изложенное свидетельствует о том, что Коллегия Суда не нашла оснований для принятия мер по исполнению решения Суда от 14 апреля 2021 г. и признала его исполненным должным образом путем принятия Решения № 80, которое впоследствии, в случае наличия такой необходимости, может быть обжаловано АО «СУЭК-КУЗБАСС» в Суд. Вместе с тем, Коллегия Суда не дала оценку тому обстоятельству, что в Решении № 80 сохранено признанное Судом не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС включение в ТН ВЭД ЕАЭС Решением № 113 и Решением № 101 подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные». Тем самым Коллегия Суда создала опасный прецедент, допустив возможность подобного исполнения Комиссией решений Суда, а также возложив на хозяйствующего субъекта бремя повторного обращения в Суд по уже рассмотренному правовому вопросу, причем с обязательным соблюдением всех необходимых требований и процедур, в том числе досудебного порядка урегулирования спора.

7. Полагаю, что рассматривая ходатайство АО «СУЭК-КУЗБАСС», которое по изложенным выше обстоятельствам считаю обоснованным, Коллегии Суда в соответствии со статьей 112 Статута Суда следовало приостановить действие Решения № 101 и Решения № 113 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», поскольку указанные акты в настоящее время не исключены из права Союза и продолжают действовать до 1 января 2022 г.

Кроме того, в сложившейся ситуации, демонстрирующей фактическое неисполнение решения Суда от 14 апреля 2021 г., Коллегии Суда при рассмотрении ходатайства АО «СУЭК-КУЗБАСС» необходимо было использовать механизм, предусмотренный статьей 115 Статута Суда, наделяющий Суд правом в случае неисполнения Комиссией решения Суда обратиться в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу.

Вместе с тем, несмотря на очевидность неисполнения Комиссией судебного решения и отсутствие у Коллегии Суда видимых препятствий для обращения в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу, Суд уклонился от принятия таких мер.

Убежден, что только постановление Коллегии Суда об удовлетворении ходатайства АО «СУЭК-КУЗБАСС» свидетельствовало бы о выполнении Судом цели его деятельности, установленной пунктом 2 Статута Суда, – обеспечение в соответствии с положениями Статута Суда единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

8. Выявленные при рассмотрении данного дела проблемы исполнения Комиссией судебных решений и принятия Судом мер по исполнению решений Суда демонстрируют недостаточную эффективность существующих и регулирующих данные отношения норм права Союза и их применения, а также необходимость их совершенствования.

В этой связи в качестве *de lege ferenda* предлагаю рассмотреть возможность закрепления в праве Союза автоматической утраты силы решения Комиссии, признанного Судом не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, по истечении установленного срока на его исполнение.

Судья

Д.Г. Колос

Резюме
по делам № СЕ-1-2/2-21-КС и № СЕ-1-2/2-21-АП
(АО «СУЭК-КУЗБАСС»)

Ключевые слова:

Акционерное общество «СУЭК-КУЗБАСС» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК, Комиссия).

Об оспаривании решения Коллегии ЕЭК от 10 сентября 2015 года № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета ЕЭК от 18 октября 2016 года № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» в части включения в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» – об оспаривании бездействия Комиссии, выраженного в отказе в проведении мониторинга и приведении ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС в соответствие с её международной основой.

Включение в Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) и Единый таможенный тариф (ЕТТ ЕАЭС) подсубпозиции 8430 50 000 2 – машины очистные узкозахватные – товарные подсубпозиции 8430 39 000 0, 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС.

Таможенный кодекс ЕАЭС (ТК ЕАЭС) – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза – Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (Конвенция о ГС).

Решение Коллегии Суда – удовлетворение требований истца – признание оспариваемых решений ЕЭК в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС – признание оспариваемого бездействия Комиссии не соответствующим Договору и ТК ЕАЭС – особое мнение – решение Апелляционной палаты Суда – изменение решения Коллегии Суда в части – признание бездействия Комиссии соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза – особое мнение.

Описание:

Акционерное общество «СУЭК-КУЗБАСС» ввезло на таможенную территорию Союза товар «комплект очистного узкозахватного комбайна EICKHOFF SL900» с указанием классификационного кода 8430 39 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС – «врубковые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие прочие». По результатам камеральной таможенной проверки таможенными органами Российской Федерации товар был переклассифицирован в товарную подсубпозицию 8430 50 000 2 на основании решения Коллегии ЕЭК от 10 сентября 2015 года № 113 и решения Совета ЕЭК от 18 октября 2016 года № 101.

АО «СУЭК-КУЗБАСС» обратилось в Суд ЕАЭС с заявлением об оспаривании решения Коллегии ЕЭК от 10 сентября 2015 года № 113 и решения Совета ЕЭК от 18 октября 2016 года № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные», а также бездействия Комиссии, выраженного в отказе в проведении мониторинга и приведении ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС в соответствие с ее международной основой.

Применив положения Конвенции о ГС, а также проведя анализ аутентичных текстов ГС на английском и французском языках, Коллегия Суда пришла к выводу, что Решение Коллегии ЕЭК № 113 и Решение Совета ЕЭК № 101 приняты с нарушением описания товаров, примечаний и пояснений к товарной группе, соблюдения принципа последовательности при формулировании и определении места оспариваемой подсубпозиции 8430 50 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС в системе товаров ТН ВЭД ЕАЭС, основанной на ГС.

Решением от 14 апреля 2021 года Коллегия Суда удовлетворила требования истца в полном объеме, признав Решение Коллегии ЕЭК № 113 и Решение Совета ЕЭК № 101 в части включения в ТН ВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС подсубпозиции 8430 50 000 2 «машины очистные узкозахватные» не соответствующими Договору и ТК ЕАЭС. Также в своем Решении Коллегия Суда признала оспариваемое бездействие Комиссии не соответствующим Договору, ТК ЕАЭС и нарушающим права и законные интересы АО «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

К решению Коллегии Суда приложено особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н.

Не согласившись с решением Коллегии Суда, Евразийская экономическая комиссия обратилась с жалобой в Апелляционную палату Суда.

В решении от 15 июля 2021 года Апелляционная палата подтвердила выводы Коллегии Суда, сделанные по результатам проверки Решения Коллегии ЕЭК № 113 и Решения Совета ЕЭК № 101 на соответствие положениям ГС как международной основе ТН ВЭД ЕАЭС.

В отношении оспариваемого бездействия Апелляционная палата установила, что обязанность проведения мониторинга, предусмотренная подпунктом 1 пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС связана с изменениями, вносимыми в международную основу ТН ВЭД ЕАЭС. Факт обращения хозяйствующего субъекта в ЕЭК не является безусловным основанием для внесения ЕЭК изменений в ТН ВЭД ЕАЭС.

В этой связи решением от 15 июля 2021 года Апелляционная палата Суда удовлетворила жалобу Евразийской экономической комиссии в части, признав бездействие ЕЭК соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы АО «СУЭК-КУЗБАСС» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

К решению Апелляционной палаты приложено особое мнение судьи Чайки К.Л.

По результатам рассмотрения дела АО «СУЭК-КУЗБАСС» обратилось в Суд с ходатайствами от 27 сентября и 19 ноября 2021 года о принятии мер по исполнению решения Коллегии Суда, а также о приостановлении действия оспариваемых актов. Постановлениями Коллегии Суда от 4 октября и 29 ноября в удовлетворении ходатайств АО «СУЭК-КУЗБАСС» отказано.

К постановлению Коллегии Суда от 29 ноября 2021 года приложено особое мнение судьи Колоса Д.Г.

Правовые позиции Суда:

1. Критериями отнесения товаров к товарной позиции 8430 как ТН ВЭД ЕАЭС, так и ГС служат их объективные характеристики и основное функциональное назначение машин и механизмов. Ключевым признаком, позволяющим отнести машину к бескодовым товарным субпозициям «врубовые машины для добычи угля или горных пород и машины туннелепроходческие» или «бурильные или проходческие машины прочие», является не строение рабочего органа, а функциональное назначение, характеризующее машины, включаемые в указанные товарные субпозиции.

(См. абзац 2 пункта 5.5. решения Коллегии Суда, абзац 4 пункта 5.1.6. решения Апелляционной палаты Суда)

2. Использование термина «врубовые машины» в бескодовой субпозиции товарной позиции 8430 в описании товарных субпозиций 8430 31 и 8430 39 ГС не препятствует классификации в рамках данных субпозиций иных видов машин в соответствии с содержанием аутентичной версии ГС.

(См. абзац 6 пункта 5.10. решения Коллегии Суда)

3. Из содержания Конвенции о ГС, участниками которой являются все государства – члены Союза, следует обязанность Комиссии как органа, на ко-

торый возложено ведение ТН ВЭД ЕАЭС, обеспечить соответствие ТН ВЭД ЕАЭС принципам и положениям ГС, использовать все товарные позиции и субпозиции ГС без их дополнения и изменения, вместе с их соответствующими числовыми кодами, соблюдать числовую последовательность такой системы, применять ОПИ ГС и всех примечаний к разделам, группам и субпозициям и не изменять сферу применения таких разделов, групп, товарных позиций и субпозиций. Комиссия не вправе произвольно изменять содержание товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС, основанных на ГС и ТН ВЭД СНГ.

(См. абзац 7 пункта 5.4. решения Коллегии Суда)

4. Предметом мониторинга, относящегося к функциям и полномочиям Комиссии, не является проверка актов самой Комиссии на предмет их соответствия Договору.

(См. абзац 3 пункта 5.2.1. решения Апелляционной палаты Суда)

5. Факт обращения хозяйствующего субъекта в ЕЭК не является безусловным основанием для внесения Комиссией изменения в ТН ВЭД ЕАЭС. При возникновении спора между сторонами факт соответствия (несоответствия) ТН ВЭД ЕАЭС ее международной основе устанавливается Судом.

(См. абзац 6 пункта 5.2.2. решения Апелляционной палаты Суда)

Summary
of cases No. CE-1-2/2-21-KC and No. CE-1-2/2-21-АП
(JSC SUEK-KUZBASS)

Keywords:

SUEK-KUZBASS Joint-Stock Company (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC, Commission).

On contesting the Decision of the EEC Board No. 113 «On amending the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union and the Common Customs Tariff of the Eurasian Economic Union in relation to certain types of sinking and tunnelling machinery» dated September 10, 2015 and the decision of the EEC Council No. 101 «On amendments to the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union and the Common Customs Tariff of the Eurasian Economic Union» dated October 18, 2016, in part of inclusion of the sub-subheading 8430 50 000 2 “narrow-web shearer loader” in the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union and the Common Customs Tariff of the Eurasian Economic Union – on contesting the failure to act by the Commission, expressed in the refusal to monitor and bring the FEACN of the EAEU and the CCT of the EAEU in line with its international basis.

Inclusion in the Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union (FEACN of the EAEU) and the Common Customs Tariff (CCT of the EAEU) of sub-subheading 8430 50 000 2 – narrow-web shearer loader – commodity sub-subheadings 8430 39 000 0, 8430 50 000 2 of the FEACN of the EAEU.

Customs Code of the EAEU (CC of the EAEU) – Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union – International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System dated June 14, 1983 (HS Convention).

Judgment of the Chamber of the Court – satisfaction of the claims – recognition of the contested decisions of the EEC in part of inclusion in the FEACN of the EAEU and CC of the EAEU of sub-heading 8430 50 000 2 «narrow-web shearer loader» inconsistent with the Treaty and the CC of the EAEU – declaring the contested failure to act by the Commission not in line with the Treaty and the CC of the EAEU – separate opinion – judgment of the Appeals Chamber of the Court – amendment of judgment of the Chamber of the Court in part – declaring the Commission’s failure to act as complying with the Treaty and (or) international treaties within the Union – separate opinion.

Substance of the case:

“SUEK-KUZBASS” Joint-Stock Company imported into the customs territory of the Union the goods “a set of narrow-web shearer loader EICKHOFF SL900” with the classification code 8430 39 000 0 of the FEACN of the EAEU – “coal- or rock-cutters and other tunnelling machinery”. Based on the results of a desktop customs audit conducted by the customs authorities of the Russian Federation, the goods were reclassified under commodity sub-subheading 8430 50 000 2 based on the Decision No. 113 of the EEC Board dated September 10, 2015 and the Decision No. 101 of the EEC Council dated October 18, 2016.

SUEK-KUZBASS JSC filed an application with the EAEU Court contesting the Decision No. 113 of the EEC Board dated September 10, 2015 and the Decision No. 101 of the EEC Council dated October 18, 2016 in terms of inclusion of the sub-subheading 8430 50 000 2 “narrow-web shearer loader” in the FEACN of the EAEU and the CCT of the EAEU, as well as the Commission’s failure to act, expressed in the refusal to monitor and bring the FEACN of the EAEU and the CCT of the EAEU in line with its international basis.

By applying the provisions of the HS Convention, as well as after analysing the authentic texts of the HS in English and French, the Chamber of the Court concluded that the Decision No. 113 of the EEC Board and the Decision No. 101 of the EEC Council were adopted in violation of the description of goods, notes and the Explanatory Notes to the commodity group, observance of the principle of consistency in formulating and determining the place of the disputed sub-subheading 8430 50 000 2 of the FEACN of the EAEU in the commodity system of the FEACN of the EAEU based on the HS.

By judgment dated April 14, 2021, the Chamber of the Court satisfied the claims in full, declaring the Decision No. 113 of the EEC Board and the Decision No. 101 of the EEC Council in part of inclusion in the FEACN of the EAEU and the CCT of the EAEU of the sub-subheading 8430 50 000 2 “narrow-web shearer loader” not in line with the Treaty and the CC of the EAEU. Besides, in its judgment, the Chamber of the Court declared the contested failure to act by the Commission not in line with the Treaty, the CC of the EAEU and violating the rights and legitimate interests of SUEK-KUZBASS JSC in the area of business and other economic activities.

The Separate opinion of Judge T.N. Neshataeva is attached to the judgment of the Chamber of the Court.

The Eurasian Economic Commission disagreed with the judgment of the Chamber of the Court and filed an appeal with the Appeals Chamber of the Court.

In its Judgment dated July 15, 2021, the Appeals Chamber confirmed the conclusions of the Chamber of the Court, made as a result of verification of the Decision No. 113 of the EEC Board and the Decision No. 101 of the EEC Council for compliance with the HS provisions as an international basis for the FEACN of the EAEU.

With regard to the contested failure to act, the Appeals Chamber found that the obligation to conduct monitoring, provided for by subparagraph 1 of paragraph 5 of Article 19 of the CC of the EAEU, is related to changes made to the international basis of the FEACN of the EAEU. The fact that an economic entity recourse to the EEC is not an unconditional ground for the EEC to make amendments to the FEACN of the EAEU.

In this regard, by judgment dated July 15, 2021, the Appeals Chamber satisfied the appeal of the Eurasian Economic Commission in part, declaring the EEC failure to act as complying with the Treaty and (or) international treaties within the Union and not violating the rights and legitimate interests of SUEK-KUZBASS JSC in the area of business and other economic activities.

The Separate opinion of Judge K.L. Chaika is attached to the judgment of the Chamber of the Court.

Based on the results of the consideration of the case, SUEK-KUZBASS JSC filed petitions with the Court dated September 27 and November 19, 2021 for taking measures to enforce the judgment of the Chamber of the Court, as well as to suspend the contested acts. By the orders of the Chamber of the Court dated October 4 and November 29, the petitions of SUEK-KUZBASS JSC were rejected.

The Separate opinion of Judge D.G. Kolos is attached to the order of the Chamber of the Court dated 29 November 2021.

Legal findings of the Court:

1. The criteria for classifying goods under heading 8430 of both the FEACN of the EAEU and the HS are their objective characteristics and the main functional purpose of machines and mechanisms. The key feature that makes it possible to attribute the machine to the codeless commodity subheadings “coal- or rock-cutters and or tunnelling machinery” or “other boring or sinking machinery” is not the structure of the working body, but the functional purpose that characterizes the machines, classified under the specified commodity subheadings.

(see subparagraph 2, paragraph 5.5. of the judgment of the Chamber of the Court, subparagraphs 3,4, paragraph 5.1.6. of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

2. The use of the term “cutters” in the codeless subheading of commodity heading 8430 in the description of commodity subheadings 8430 31 and 8430 39 of the HS does not preclude the classification of other types of machines within these subheadings in accordance with the content of the authentic version of the HS.

(see subparagraph 6, paragraph 5.10 of the judgment of the Chamber of the Court)

3. From the content of the HS Convention, to which all the Member States of the Union are parties, follows the obligation of the Commission, as the body entrusted with maintaining the FEACN of the EAEU, to ensure that the FEACN of

the EAEU complies with the principles and provisions of the HS, to use all commodity headings and subheadings of the HS without additions and amendments, together with their respective numerical codes, to observe the numerical sequence of such a system, to apply general rules for interpretation of the HS and all notes to sections, groups and subheadings, and not to change the scope of such sections, groups, headings and subheadings. The Commission is not entitled to arbitrarily change the content of the commodity headings of the FEACN of the EAEU, based on the HS and FEACN of the Commonwealth of Independent States.

(see subparagraph 7, paragraph 5.4. of the judgment of the Chamber of the Court)

4. The subject of monitoring relating to the functions and powers of the Commission is not the verification of acts of the Commission itself for their compliance with the Treaty.

(see subparagraph 3, paragraph 5.2.1. of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

5. The fact that an economic entity has applied to the EEC is not an unconditional basis for the Commission to amend the FEACN of the EAEU. In the event of a dispute between the parties, the fact of compliance (non-compliance) of the FEACN of the EAEU with its international basis is to be established by the Court.

(see subparagraph 6, paragraph 5.2.2. of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 января 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л. под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Абдылдабековой К.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Общество с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» (далее – ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ») обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 180) не соответствующим нормам статей 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Союза (нормам статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, положениям Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого Таможенного тарифа Евразийского экономического союза», далее - Решение Совета ЕЭК № 54) и нарушающего права и законные интересы ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно Решению № 180 препарат, содержащий соль магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных веществ, применяемый для восполнения дефицита магния в организме и ассоциирован-

ных с ним клинических симптомов, в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 2106 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), что предполагает уплату ввозной таможенной пошлины в размере 10 % от таможенной стоимости товара.

В своем заявлении истец указывает, что при таможенном декларировании данного товара ОДО «ДОМИНАНТФАРМ» использует код ТН ВЭД ЕАЭС 3004 90 000 2. В соответствии с Решением Совета ЕЭК № 54 в отношении кода 3004 90 000 2 установлена ставка ввозной таможенной пошлины в размере 3 % от таможенной стоимости товара. Таким образом, принятие Коллегией Евразийской экономической комиссии Решения № 180, как считает истец, привело к дополнительным расходам для ОДО «ДОМИНАНТФАРМ», связанным с увеличением размера таможенных платежей.

Приемлемость поступившего в Суд заявления ОДО «ДОМИНАНТФАРМ» рассматривается Коллегией Суда с позиции его соответствия субъектной и предметной компетенции, которые определены положениями пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору, далее – Статут).

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Истец является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Республики Беларусь, что подтверждается приложенной копией свидетельства о государственной регистрации и информацией, размещенной на портале Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей Министерства юстиции Республики Беларусь.

Из содержания заявления и приложенных к нему документов следует, что по предмету и по субъекту обращение ОДО «ДОМИНАНТФАРМ» соответствует предъявляемым Статутом требованиям о компетенции Суда.

К заявлению в Суд приложены документы, свидетельствующие о соблюдении истцом досудебного порядка урегулирования спора, установленного пунктом 43 Статута, а также документы, подтверждающие направление ответчи-

ку копии заявления и прилагаемых к нему документов.

Статья 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее - Регламент), определяет требования к заявлению хозяйствующего субъекта о разрешении спора.

Как следует из пункта 1 статьи 9, пунктов 1 и 2 статьи 32 Регламента заявление хозяйствующего субъекта подписывается его руководителем или иными лицами, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, выданными руководителем хозяйствующего субъекта.

Согласно подпункту г) пункта 3 статьи 9 Регламента к заявлению хозяйствующего субъекта прилагается доверенность или иные документы, подтверждающие полномочия на подписание заявления.

Коллегия Суда отмечает, что не все требования к заявлению хозяйствующего субъекта, предусмотренные статьями 9 и 32 Регламента о разрешении спора, выполнены ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» в полном объеме.

Заявление истца подписано директором ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» Сабодаха С.С., приложена копия свидетельства о государственной регистрации ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ».

Однако представленные истцом официальные сведения о государственной регистрации коммерческой организации ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ», а также открытая информация сайта Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей Министерства юстиции Республики Беларусь не подтверждают полномочия Сабодаха С.С. в качестве директора данного хозяйствующего субъекта.

Иные документы, подтверждающие полномочия Сабодаха С.С. в качестве руководителя ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» (протоколы собрания участников Общества, приказы), также к заявлению не приложены.

В соответствии с подпунктом б) пункта 3 статьи 33 Регламента в случаях, если заявление не соответствует требованиям, предусмотренным Регламентом, и (или) к заявлению не приложены документы, предусмотренные статьей 9 Регламента, Суд выносит постановление об оставлении заявления без движения.

Коллегия Суда считает, что наличие вышеуказанных недостатков является основанием для оставления заявления ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» без движения.

Согласно пункту 3 статьи 33 Регламента в случае, если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, заявление принимается к производству.

В случае, если вышеуказанные недостатки не будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, Суд отказывает в принятии заявления

к производству.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута, статьями 9, 32, пунктом 3 статьи 33, пунктом 1 статьи 34, статьей 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление Общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим нормам статей 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза (нормам статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, положениям Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого Таможенного тарифа Евразийского экономического союза») и нарушающего права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности оставить без движения.

Предоставить Обществу с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» срок для устранения недостатков до 29 января 2021 года.

Копию постановления направить заявителю и Евразийской экономической комиссии.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

2 февраля 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л. под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Абдылдабековой К.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Общество с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» (далее – ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ», Общество) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 180) не соответствующим нормам статей 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Союза (нормам статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, положениям Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого Таможенного тарифа Евразийского экономического союза», далее – Решение Совета ЕЭК № 54) и нарушающего права и законные интересы ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно Решению № 180 препарат, содержащий соль магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных веществ, применяемый для восполнения дефицита магния в организме и ассоцииро-

ванных с ним клинических симптомов, в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 2106 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), что предполагает уплату ввозной таможенной пошлины в размере 10 % от таможенной стоимости товара.

В своем заявлении истец указывает, что при таможенном декларировании данного товара ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» использует код ТН ВЭД ЕАЭС 3004 90 000 2. В соответствии с Решением Совета ЕЭК № 54 в отношении кода 3004 90 000 2 установлена ставка ввозной таможенной пошлины в размере 3 % от таможенной стоимости товара. Таким образом, принятие Коллегией Евразийской экономической комиссии Решения № 180, как считает истец, привело к дополнительным расходам для ОДО «ДОМИНАНТФАРМ», связанным с увеличением размера таможенных платежей.

Постановлением Коллегии Суда от 14 января 2021 года заявление ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» оставлено без движения в связи с не подтверждением полномочий директора хозяйствующего субъекта, подписавшего заявление в Суд. Обществу был предоставлен срок для устранения недостатков до 29 января 2021 года.

25 января 2021 года ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» представило в Суд дополнительные материалы.

Приемлемость поступившего в Суд заявления ОДО «ДОМИНАНТФАРМ» рассматривается Коллегией Суда с позиции его соответствия субъектной и предметной компетенции, которые определены положениями пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору, далее – Статут).

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Республики Беларусь, что подтверждается приложенной копией свидетельства о государственной регистрации и информацией, размещенной на портале Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей Министер-

ства юстиции Республики Беларусь.

Из содержания заявления и приложенных к нему документов следует, что по предмету и по субъекту обращение ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» соответствует предъявляемым Статутом требованиям о компетенции Суда.

К заявлению в Суд приложены документы, свидетельствующие о соблюдении истцом досудебного порядка урегулирования спора, установленного пунктом 43 Статута, а также документы, подтверждающие направление ответчику копии заявления и прилагаемых к нему документов.

Статья 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), определяет требования к заявлению хозяйствующего субъекта о разрешении спора.

Как следует из пункта 1 статьи 9, пунктов 1 и 2 статьи 32 Регламента заявление хозяйствующего субъекта подписывается его руководителем или иными лицами, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, выданными руководителем хозяйствующего субъекта.

Согласно подпункту г) пункта 3 статьи 9 Регламента к заявлению хозяйствующего субъекта прилагается доверенность или иные документы, подтверждающие полномочия на подписание заявления.

Заявление истца подписано директором ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» Сабодархой С.С., полномочия которого подтверждаются дополнительно представленными в Суд документами.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору, между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном объеме.

Согласно пункту 3 статьи 33 Регламента в случае, если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, заявление принимается к производству.

Оснований для отказа в принятии к производству не усматривается.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута, статьями 9, 32, пунктами 1, 3 статьи 33, пунктом 1 статьи 34, статьей 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление Общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Евразийской экономической комиссии от

14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим нормам статей 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза (нормам статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, положениям Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого Таможенного тарифа Евразийского экономического союза») и нарушающего права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности принять к производству.

Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 16 марта 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

19 марта 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л. под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Абдылдабековой К.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Общество с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» (далее – ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ») обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 180) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Союза и нарушающего права и законные интересы ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Постановлением Коллегии Суда от 2 февраля 2021 года заявление ОДО «Доминантафарм» принято к производству.

16 марта 2021 года состоялось судебное заседание по делу.

В совещательной комнате при обсуждении возникли вопросы, для уяснения которых усматривается необходимость направления дополнительных запросов в специализированные учреждения фармакологии и медицины государств – членов Союза.

В связи с этим Коллегия Суда считает необходимым возобновить производство по делу и доисследовать ряд вопросов, требующих специальных познаний.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 39, 53, 55, 57, 95 Статута Суда, статьями 52, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

1. Возобновить производство по делу по заявлению Общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим нормам статей 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза (нормам статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, положениям Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого Таможенного тарифа Евразийского экономического союза».

2. Судебное заседание назначить на 23 марта 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Копию постановления направить сторонам.

4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

РЕШЕНИЕ

19 мая 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л. под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Абдылдабековой К.С., рассмотрела в открытом судебном заседании заявление общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Заслушав судью-докладчика, представителей сторон, исследовав материалы дела, Коллегия Суда

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Общество с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» (далее – ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ», общество, истец) является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

ОДО «Доминантафарм» является импортером на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) препарата, содержащего соль магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных веществ. До принятия оспариваемого решения Комиссии при таможенном декларировании указанного товара ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» самостоятельно классифицировал его по коду 3004 90 000 2 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), ставка ввозной таможенной пошлины по которому составляет 3 % от таможенной стоимости товара.

Согласно решению Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответ-

ствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 180) препарат, содержащий соль магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных веществ, применяемый для восполнения дефицита магния в организме и ассоциированных с ним клинических симптомов, в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС, что предполагает уплату ввозной таможенной пошлины в размере 10 % от таможенной стоимости товара.

После принятия Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия, ЕЭК, ответчик) Решения № 180 ОДО «ДОМИНАНТФАРМ» обязано классифицировать импортируемый магнийсодержащий препарат по коду 2106 90 920 0 ТН ВЭД ЕАЭС, что привело к дополнительным расходам, связанным с увеличением размера таможенных платежей.

По мнению истца, Решение № 180 не соответствует нормам статей 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Союза (нормам статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), положениям Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого Таможенного тарифа Евразийского экономического союза» (далее – Решение Совета ЕЭК № 54), и нарушает права и законные интересы ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

15 января 2020 года ОДО «Доминантафарм» в рамках досудебного урегулирования спора обратилось в ЕЭК с жалобой на оспариваемое Решение № 180.

Письмом от 10 февраля 2020 года Комиссия отказала обществу в удовлетворении жалобы.

30 декабря 2020 года в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) от истца поступило заявление о признании Решения № 180 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Процедура в Суде

Постановлением Коллегии Суда от 2 февраля 2021 года заявление общества принято к производству.

2 марта 2021 года в Суд поступили возражения Комиссии на заявление ОДО «Доминантафарм».

В соответствии с пунктом 55 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда), статьей 39 Регла-

мента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда) Судом запрошены материалы и информация у Комиссии, уполномоченных органов государств – членов Союза, профильных медицинских и фармацевтических учреждений государств-членов.

По направленным запросам в Суд поступили ответы из:

министерств здравоохранения: Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации;

таможенных служб: Комитета государственных доходов Республики Армения, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации;

профильных учреждений медицины и фармакологии: Ереванского государственного медицинского университета имени Мхитара Гераци, Белорусского государственного медицинского университета, Института химических наук имени А.Б. Бектурова, кафедры клинической фармакологии Казахского национального медицинского университета имени С.Д. Асфендиярова, Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, Отделения медицинских наук Российской академии наук, Научного центра экспертизы средств медицинского применения Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Сторонами по делу в Суд дополнительно представлены письменные пояснения в связи с поступившими ответами на запросы.

3. Доводы истца

В обоснование своих требований истец приводит следующие доводы:

3.1. При принятии Решения № 180 Комиссией нарушены положения статьи 32 Договора.

Истец указывает на осуществление единого таможенного регулирования в Союзе, что предполагает наличие единых подходов к классификации одного и того же товара на всей территории ЕАЭС.

Решение № 180 противоречит праву Союза, так как не обеспечивает реализацию принципа единого таможенного регулирования.

В подтверждение этого общество приводит практику классификации товара «Магнерот», содержащего соль магния в качестве активного действующего вещества, с добавлением вспомогательных веществ, в товарной под-субпозиции 3004 90 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС.

3.2. При принятии Решения № 180 Комиссией нарушены положения Решения Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284 «О Порядке подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров» (далее – Решение № 284; Порядок), а именно:

не были должным образом изучены представленные иницилирующим таможенным органом документы и материалы;

ЕЭК вправе была запросить дополнительную информацию у таможенных органов, экспертных организаций, специализированных предприятий, органов исполнительной власти государств-членов, а также проводить совещания (консультации) с представителями этих органов, организаций, предприятий, с целью уточнения вопросов, касающихся рассматриваемого в Решении № 180 товара;

ЕЭК вправе была самостоятельно осуществить сбор информации об отдельном товаре с целью его правильной классификации по ТН ВЭД.

Истец считает, что представленная ответчиком информация о процессе подготовки проекта решения о классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС свидетельствует о несоблюдении принципа объективности в деятельности Комиссии.

3.3. При принятии Решения № 180 Комиссией нарушены положения Решения Совета ЕЭК от 16 июля 2012 года № 54 и решения Комиссии Таможенного союза от 28 января 2011 года № 522 «О Положении о порядке применения единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза при классификации товаров» (далее – Решение КТС № 522).

В обоснование данного довода истец указал на неверное применение Комиссией Основных правил интерпретации (далее – ОПИ) ТН ВЭД ЕАЭС в отношении товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС. По мнению общества, товарная позиция 2106 ТН ВЭД ЕАЭС «Пищевые продукты, в другом месте не поименованные или не включенные» является «корзиночной», то есть предполагает, что в нее включаются товары, которые не поименованы или не включены в другие позиции номенклатуры. Соответственно, для включения товара в товарную позицию 2106 ТН ВЭД ЕАЭС следует исключить возможность классификации товара в другой товарной позиции, например, в 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

Общество считает, что требуется индивидуальный подход к классификации препаратов, зарегистрированных в качестве лекарственных средств в официальных фармакопеях.

Истец обращает внимание на неприемлемость объединения препаратов в отдельную группу для последующей классификации по ТН ВЭД ЕАЭС, как это сделано в Решении № 180, с точки зрения подходов Комитета по гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее – Комитет по гармонизированной системе) и сформировавшейся практики классификации товаров на территории Союза.

3.4. При принятии Решения № 180 Комиссией неверно интерпретированы термины «лекарственное средство», «терапевтические цели», «профилактические цели»:

в тексте Пояснений к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, являющихся Приложением №1 к рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 21 (далее – Пояснения), относительно товарной позиции 3003 ТН ВЭД ЕАЭС указано, что к «лекарственным средствам» относятся препараты, перечисленные в официальных фармакопеях;

тексты ТН ВЭД ЕАЭС и Пояснений не содержат определения терминов «терапевтические цели» и «профилактические цели», равно как и не содержатся данные понятия в таможенном законодательстве ЕАЭС. В силу статьи 6 Договора право Союза составляет единую систему, и в отсутствие специальных норм, регулирующих определенную сферу отношений, по мнению истца, следует руководствоваться понятиями в их обычном значении, используемым в применимых актах права Союза.

4. Возражения ответчика

Комиссия считает доводы истца необоснованными и приводит следующие возражения:

4.1. Решением № 180 не нарушена статья 32 Договора, положения которой носят общий характер, закрепляют принцип «единства таможенного регулирования» на территории Союза, но не устанавливают основания и порядок принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров.

Решения о классификации отдельных видов товаров, принимаемые Комиссией, направлены на обеспечение единства подходов в вопросах классификации товаров для таможенных целей на всей таможенной территории Союза.

4.2. Оспариваемое решение принято в целях реализации полномочий Комиссии, установленных статьей 22 ТК ЕАЭС, в соответствии с положениями Порядка, на основании инициативного обращения Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (далее – ГТК РБ).

4.3. Комиссия не согласна с утверждением истца о том, что при принятии Решения № 180 были нарушены положения Порядка и считает, что в каждом конкретном случае ЕЭК обладает дискрецией и самостоятельно определяет необходимость исследования тех или иных документов о классифицируемом отдельном виде товара.

При подготовке и принятии Решения № 180 Комиссией изучена представленная ГТК РБ информация о товаре, необходимая для его классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, произведен анализ общедоступной справочной информации, касающейся рассматриваемого отдельного вида товара.

4.4. Комиссия считает, что доводы истца о неверном применении ОПИ ТН ВЭД ЕАЭС при определении классификационного кода магнийсодержащего препарата основаны на неправильном понимании содержания текстов рассматриваемых товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС и Примечаний.

Комиссией отмечается, что к основным критериям, используемым при классификации по ТН ВЭД ЕАЭС продуктов и препаратов, включаемых в товарную позицию 3004 ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с ее текстом, являются: химический состав; назначение, то есть использование препарата в терапевтических или профилактических целях в качестве лекарственного средства, воздействующего на организм человека при определенном заболевании; вид расфасовки – в виде дозированных лекарственных форм или в формы или упаковки для розничной продажи.

4.5. Факт регистрации товара в качестве лекарственного средства, приводимый обществом как один из критериев для целей его классификации в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС, по убеждению Комиссии, таковым не является и не может приниматься во внимание при оценке соответствия Решения № 180 положениям Договора и международных договоров в рамках Союза.

4.6. При подготовке и принятии оспариваемого классификационного Решения № 180 Комиссия исходила не из произвольной трактовки терминов «лекарственное средство», «терапевтические цели», «профилактические цели» и других, как это утверждает истец, а следовала правилу (подходу), когда в текстах ТН ВЭД ЕАЭС и Пояснениях к ним отсутствуют определения указанных терминов, при осуществлении классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС эти термины могут применяться в их обычном значении, используемом, например, в медицинской и фармацевтической литературе.

4.6. Комиссия считает, что в ходе рассмотрения инициативного обращения ГТК РБ и подготовке проекта Решения № 180 изучена правомерность классификации отдельного вида товара – магнийсодержащего препарата, в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС. Коллегия Комиссии пришла к выводу о невозможности отнесения указанного товара к товарной позиции 3004, поскольку не соответствует ее тексту, а совпадает с критериями товара, отраженными в позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС.

5. Выводы Суда

5.1. В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

В этой связи, осуществляя проверку полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения, Коллегия Суда исходит из следующего.

5.1.1. Являясь постоянно действующим регулирующим органом Союза, Комиссия, в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Договора, действует в пределах полномочий, предоставленных Договором, международными договорами в рамках Союза.

Комиссия в соответствии с пунктами 3, 4, 13 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору (далее – Положение о Комиссии), как орган Союза, осуществляет деятельность в сфере таможенного, таможенно-тарифного и нетарифного регулирования и наделена правом на принятие решений, имеющих нормативно-правовой характер, обязательных для государств-членов и хозяйствующих субъектов.

5.1.2. В соответствии со статьей 32 Договора осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ЕАЭС и регулируемыми таможенными правоотношениями международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями Договора.

Из смысла указанной нормы следует, что единое таможенное регулирование в Союзе предполагает наличие единого подхода к классификации одного и того же товара на территории ЕАЭС. Единое таможенное регулирование осуществляется, в том числе, на основании решений Комиссии, которые имеют нормативный характер и подлежат непосредственному применению на территории всех государств-членов.

Этот вывод также подтверждается положениями пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, согласно которым Комиссия принимает решения о классификации отдельных видов товаров:

в целях обеспечения единообразия применения ТН ВЭД ЕАЭС на основании предложений таможенных органов;

при выявлении различной классификации товаров, в принятых таможенными органами предварительных решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров, принятых таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 21 ТК ЕАЭС.

Пунктом 7 статьи 21 ТК ЕАЭС под отдельными видами товаров понимается совокупность товаров, которые имеют общие классификационные признаки, позволяющие отнести товары с конкретными наименованиями, конкретных марок, моделей, артикулов, модификаций и с иными подобными индивидуальными характеристиками к одному коду в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Из материалов дела следует, что Решение №180 принято на основании инициативного обращения ГТК РБ в соответствии с абзацем первым пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС и направлено на обеспечение единого таможенного регулирования на всей территории Евразийского экономического Союза.

К обращению приложены необходимые документы и материалы в соответствии с пунктом 5 Порядка.

Анализ материалов, представленных Комиссией, показал, что при принятии решения от 14 октября 2019 года № 180 Комиссией соблюдены положения Порядка.

Магнийсодержащие препараты являются совокупностью товаров, обладающих сходным составом потребительских свойств, а значит — отдельным видом товара, в отношении которого Комиссия вправе принимать решения по отнесению его к соответствующему классификационному коду ТН ВЭД ЕАЭС.

На основании вышеизложенного, Коллегия Суда считает, что Комиссия обладала полномочиями на принятие Решения № 180.

Кроме того, Коллегия Суда считает, что сложившаяся в государствах – членах Союза практика таможенной классификации какого-либо товара, в том числе, указанного истцом препарата «Магнерот», в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС на территории Республики Беларусь и Республики Казахстан, не может рассматриваться в качестве правового основания нарушения Комиссией положений статьи 32 Договора.

На основании изложенного Коллегия Суда отклоняет довод ОДО «Доминантафарм» о том, что до принятия Решения № 180 таможенные органы Республики Беларусь и Республики Казахстан классифицировали соответствующий товар в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС, а не в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС.

5.1.3. Коллегия Суда отклоняет довод истца о том, что наличие у препарата регистрационного удостоверения в качестве лекарственного средства в Государственном реестре лекарственных средств Республики Беларусь свидетельствует о необходимости его классификации в группе 30 ТН ВЭД ЕАЭС.

По мнению Коллегии Суда, факт наличия регистрационного удостоверения государства – члена Союза на какой-либо препарат свидетельствует лишь о том, что данный препарат разрешен к использованию на территории государства. Наличие регистрационного удостоверения уполномоченного органа в области здравоохранения не является классификационным критерием и

не может служить основанием для классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС в связи с его отсутствием в текстах товарных позиций и в примечаниях к разделам, группам, товарным позициям, подсубпозициям ТН ВЭД ЕАЭС, имеющим юридическую силу.

Такого же мнения придерживается Комитет по гармонизированной системе, который при рассмотрении на 21 сессии (42.100.Е. HSC/21 March 98) вопроса применения регистрационных документов органов, уполномоченных в области здравоохранения, в качестве основания при классификации товаров по ГС, высказал позицию, что регистрационное удостоверение национального органа в области здравоохранения не может использоваться в качестве основания при классификации товаров по ГС как лекарственного средства.

5.2. Оценивая довод истца о нарушении Комиссией при принятии Решения № 180 принципов и положений ТН ВЭД ЕАЭС, Решения КТС № 522, неверном применении ОПИ в отношении товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС, Коллегия Суда исходит из следующего.

Классификация товаров в ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется в соответствии с ОПИ.

Решением КТС № 522 утверждено Положение о порядке применения единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза при классификации товаров, согласно пункту 5 которого, ОПИ предназначены для обеспечения однозначного отнесения конкретного товара к определенной классификационной группировке, кодированной на необходимом уровне.

Оспариваемое Решение № 180 в соответствии с ОПИ 1 классифицирует магнийсодержащий препарат в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС.

ОПИ 1 установлено, что названия разделов, групп и подгрупп приводятся только для удобства использования ТН ВЭД; для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ 2-6.

Из данного правила следует, что только наименования товарных позиций и примечания к разделам и группам, уточняющие понятия и определения, содержащиеся в ТН ВЭД ЕАЭС, устанавливающие границы классификационных группировок, в которые попадает товар по своим объективным характеристикам и свойствам, а также функциональному назначению, имеют правовое значение, являются приоритетными и учитываются в первую очередь при классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС.

Коллегия Суда для целей обеспечения единообразия интерпретации положений ТН ВЭД ЕАЭС учитывает Пояснения к ней, являющиеся одним из важных вспомогательных рабочих материалов.

Как следует из тома 1 Пояснений товарная позиция 2106 относится к группе 21 «Разные пищевые продукты» раздела IV «Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус; табак и его заменители» ТН ВЭД ЕАЭС.

В соответствии с текстом товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС к ней отнесены пищевые продукты, в другом месте не поименованные или не включенные.

Примечанием (е) к группе 21 «Разные пищевые продукты» ТН ВЭД ЕАЭС установлено, что в нее не включаются дрожжи, используемые в качестве лекарственных средств, или прочие продукты товарной позиции 3003 или 3004.

Согласно пункту 16 раздела IV тома I Пояснений «Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус; табак и его заменители» в товарную позицию 2106 включаются *inter alia* продукты, часто относимые к «добавкам к пище» на базе экстрактов растений, фруктовых концентратов, меда, фруктозы и т.п. и содержащие добавки витаминов и иногда незначительные количества соединений железа. Эти продукты часто бывают расфасованы в упаковки с указанием, что они способствуют укреплению здоровья и улучшению самочувствия. Однако, аналогичные продукты, предназначенные для предупреждения или лечения болезней или недугов, не включаются (товарные позиции 3003 или 3004).

В частности, в отдельную товарную субпозицию выделены смеси витаминов и минеральных веществ, предназначенные для сбалансированного дополнения к питанию.

В свою очередь товарная позиция 3004 относится к разделу VI «Производство химической и связанных с ней отраслей промышленности» группе 30 «Фармацевтическая продукция» ТН ВЭД ЕАЭС.

Коллегия Суда констатирует, что пунктом 2 примечаний к разделу VI ТН ВЭД ЕАЭС установлено, что при условии соблюдения положений примечания 1 товары, относящиеся к товарной позиции 3004, 3005, 3006, 3212, 3303, 3304, 3305, 3306, 3307, 3506, 3707 или 3808, поставляемые в отмеренных дозах или для розничной продажи, должны включаться в эти товарные позиции и не в какие другие товарные позиции Номенклатуры.

Вместе с тем, Коллегия Суда отмечает, что в соответствии с пунктом (а) примечания 1 группы 30 «Фармацевтическая продукция» в данную группу не включаются пищевые продукты или напитки (такие как диетические, диабетические или обогащенные питательными добавками пищевые продукты, пищевые добавки, тонизирующие напитки и минеральные воды), кроме питательных препаратов для внутреннего введения (раздел IV). Это, как правило, имеет отношение к пищевым добавкам, содержащим только питательные вещества. Основными питательными веществами в пищевых продуктах явля-

ются белки, углеводы и жиры. Однако витамины и минеральные соли также играют роль в питании.

В Пояснениях к товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС (том 2 Пояснений) указывается, что пищевые продукты и напитки, содержащие лекарственные вещества, не включаются в данную товарную позицию, если эти вещества добавлены с единственной целью улучшения диетического баланса, увеличения энергетического содержания или питательной ценности продукта или для улучшения его вкусо-ароматических качеств при обязательном условии, что продукт сохраняет свои свойства пищевого продукта или напитка.

В дополнение к этому в данную товарную позицию не включаются пищевые добавки, содержащие витамины или минеральные соли, которые приготовлены в целях поддержания здоровья и хорошего самочувствия, но не имеют указаний к применению их для лечения или профилактики каких-либо заболеваний. Такие продукты, выпускаемые обычно в жидком виде, но которые могут также поставляться в порошках или таблетках, как правило, включаются в товарную позицию 2106 или группу 22 (том 2 Пояснений).

В соответствии с текстом товарной позиции 3004 к ней отнесены лекарственные средства (кроме товаров товарной позиции 3002, 3005 или 3006), состоящие из смешанных или несмешанных продуктов, для использования в терапевтических или профилактических целях, расфасованные в виде дозированных лекарственных форм (включая лекарственные средства в форме трансдермальных систем) или в формы или упаковки для розничной продажи.

Пояснения к товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС предусматривают, что в данную товарную позицию включаются лекарственные средства, состоящие из смешанных или несмешанных продуктов, при условии, что они:

(а) расфасованы в виде дозированных лекарственных форм или в формах, таких как таблетки, ампулы, капсулы, капли или пастилки, лекарственные средства в форме трансдермальных систем или небольшие количества порошка, приготовленные в качестве одноразовой дозы для использования в терапевтических или профилактических целях;

(б) в упаковках для розничной продажи для использования в терапевтических или профилактических целях.

В Пояснениях к группе 30 ТН ВЭД ЕАЭС (том 6 Пояснений) подчеркивается, что описание продукта как лекарственного средства в фармакопее не является определяющим для его классификации в данной группе.

На основе буквального анализа текста товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС, с учетом положений Пояснений, Коллегия Суда приходит к выводу, что объективными признаками товара лекарственного средства, подлежащего классификации в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС, являются:

а) состоящие из смешанных или несмешанных продуктов (состав);

б) расфасованные в виде дозированных лекарственных форм (включая лекарственные средства в форме трансдермальных систем) или в формы или упаковки для розничной продажи (внешний вид).

в) для использования в терапевтических или профилактических целях (предназначение).

Отсутствие любого из отмеченных признаков исключает возможность отнесения товара к товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

Кроме этого, Коллегия Суда отмечает, что из смысла словосочетания «расфасованные в виде дозированных лекарственных форм», «поставляемые в отмеренных дозах» в тексте товарной позиции 3004 и соответствующих положений Пояснений следует, что при классификации препарата в товарной позиции 3004 или 2106 решающее значение имеет концентрация активного вещества, что дает возможность определить его назначение:

- в терапевтических или профилактических целях или
- в целях поддержания здоровья и хорошего самочувствия.

Следовательно, по мнению Коллегии Суда, достаточная дозировка действующего активного вещества, как один из критериев, позволяет определить назначение препарата и его использование для лечения и профилактики болезни и, соответственно, для его классификации в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

Коллегия Суда принимает во внимание мнения министерств здравоохранения, учреждений и организаций медицины и фармакологии государств-членов Союза о том, что дозировка является существенной характеристикой лекарственного препарата, влияющей на область его применения и показания.

С учетом мнений профильных учреждений и организаций также следует вывод о том, что назначением товара, подлежащего классификации в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС, является сбалансированное дополнение к питанию. Описание возможного применения отдельного вида товара в Решении № 180, как «восполнения дефицита магния в организме», не соответствует товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС.

Системный анализ вышерассмотренных положений позволяет Коллегии Суда утверждать, что в случае, когда препарат содержит недостаточное количество активного вещества (витаминов, минеральных солей), в связи с чем не оказывает терапевтического или профилактического действия и не имеет указаний к применению для лечения или профилактики каких-либо заболеваний, он не может классифицироваться в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

5.3. Коллегия Суда считает, что в Решении № 180 отсутствуют четкие критерии, отличающие препараты, содержащие соль магния, не предназначенные для использования в терапевтических и профилактических целях, от препаратов, содержащих соль магния, но не предназначенных для использования

в иных целях, в том числе, отсутствие информации о дозировке в препарате, содержащем соль магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных веществ, применяемом для восполнения дефицита магния в организме и ассоциированных с ним клинических симптомов.

В связи с этим Коллегия Суда отмечает, что Комитет по Гармонизированной системе Всемирной таможенной организации на 21-й сессии (42.100.E.NSC/21/March 98) при рассмотрении вопроса «Различие между лекарствами и пищевыми добавками» отметил, «... что область товарных позиций 3003 и 3004 ограничена продуктами, используемыми в медицине, которые содержат в одной дозе достаточное количество активного вещества с лечебным или профилактическим эффектом против конкретной болезни или недуга».

5.4. Отсутствие в Решении № 180 основных классифицирующих признаков, влияющих на определение кода ТН ВЭД ЕАЭС, свидетельствует о несоблюдении Комиссией принципа правовой определенности.

5.5. Коллегия Суда считает, что Решение № 180 о классификации магнийсодержащего препарата в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС противоречит ТН ВЭД ЕАЭС, что не способствует единообразному применению, не соответствует положениям Договора, международным договорам в рамках Союза и нарушает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

5.6. В соответствии с пунктом 64 Статута возврат пошлины, уплаченной хозяйствующим субъектом при обращении в Суд, осуществляется в случае удовлетворения Судом его требований. Следовательно, пошлина, уплаченная ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ», подлежит возврату истцу.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 64 и 108 Статута Суда, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

1. Требования общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» удовлетворить.

Признать решение Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза.

2. Пошлину, уплаченную обществом с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» при обращении в Суд Евразийского экономического союза, возвратить.

3. Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати дней с даты его вынесения.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 июня 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Баишева Ж. Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К., рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года об удовлетворении требований общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза,

УСТАНОВИЛА:

Судом Евразийского экономического союза (далее – Суд) рассмотрено дело по заявлению общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» (далее – ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ») о признании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение Комиссии от 14 октября 2019 года № 180) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Решением Коллегии Суда от 19 мая 2021 года исковое требование ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» удовлетворено, Решение Комиссии от 14 октября 2019 года № 180 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Не согласившись с принятым решением Коллегии Суда от 19 мая 2021 года, Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) 2 июня 2021 года в соответствии со статьями 61 и 62 Регламента Суда Евразийского экономиче-

ского союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), обратилась в Апелляционную палату Суда.

Комиссия просит Суд отменить решение Коллегии Суда от 19 мая 2021 года и принять новое решение о признании Решения Комиссии от 14 октября 2019 года № 180 соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, а ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» отказать в удовлетворении его требований.

Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что жалоба и приложенные к ней документы соответствуют требованиям статей 62 и 63 Регламента Суда, в связи с чем отсутствуют основания, предусмотренные в пунктах 2 и 3 статьи 64 Регламента Суда, для отказа в принятии жалобы к производству или оставления ее без движения.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79 – 81 Статута Суда, пунктом 1 статьи 33, статьями 61 – 63, пунктом 1 статьи 64, статьями 65 и 84 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда,

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года по делу по заявлению ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ».

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 13 июля 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Ж. Н. Баишев

Д. Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

16 июля 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К., с участием представителей Евразийской экономической комиссии Юрлова И.А. и Колосовой Т.А.,

представителей общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» Абрамовича В.А. и Болточко П.И.,

рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года (дело № СЕ-1-2/1-21-КС) об удовлетворении заявления общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Суд Евразийского экономического союза (далее, соответственно, – Суд, Союз) рассмотрел дело по заявлению общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» (далее – ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ») о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 180) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и международным договорам в рамках Союза. Решением Коллегии Суда от 19 мая 2021 года (далее – решение Коллегии Суда) требования ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» удовлетворены, Решение № 180 признано не соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза.

Не согласившись с принятым решением Коллегии Суда, Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) 2 июня 2021 года в соответствии со статьями 61 и 62 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), обратилась в Апелляционную палату Суда с апелляционной жалобой (далее – жалоба).

Комиссия просит отменить решение Коллегии Суда и принять новое решение о признании Решения № 180 соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза, а ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» – отказать в удовлетворении его требований.

Постановлением Апелляционной палаты Суда от 14 июня 2021 года жалоба принята к производству.

Возражения ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» поступили в Суд 16 июня 2021 года.

2. Доводы жалобы

Оспаривая решение Коллегии Суда, Комиссия приводит следующие доводы.

2.1. Комиссия не согласна с выводом Коллегии Суда о несоблюдении Комиссией принципа правовой определенности. Данный вывод, по мнению Комиссии, основан на неверном понимании Коллегией Суда объективных свойств отдельного вида товара, описываемого в Решении № 180, а также на неправильном применении Основных правил интерпретации единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ОПИ), текстов товарных позиций 2106 и 3004 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Союза, утвержденной Решением Совета Комиссии от 16 июля 2012 года № 54 (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), и примечаний к ним, Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС (приложение № 1 к Рекомендации Коллегии Комиссии от 7 ноября 2017 года № 21, далее – Пояснения).

2.2. Решение № 180 полностью соответствует принципу правовой определенности ввиду соблюдения Комиссией внутренней процедуры принятия решений Комиссии.

2.3. В решении Коллегии Суда не приведены факты, доказывающие наличие правовой неопределенности, влекущей негативные последствия в виде отсутствия единообразной практики применения Решения № 180.

2.4. Комиссия возражает против вывода Коллегии Суда о том, что в Решении № 180 отсутствуют четкие критерии, отличающие товары товарных позиций 2106 и 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

3. Возражения ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ»

ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» просит Суд оставить жалобу Комиссии без удовлетворения по следующим основаниям.

3.1. Решение Коллегии Суда аргументировано. В нем Коллегия Суда отметила, что при подготовке Решения № 180 Комиссии надлежало первоначально исключить классификацию товара в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

3.2. Довод Комиссии об отсутствии терапевтических и профилактических свойств у препарата «Магнерот» необъективен, так как дефицит магния может являться самостоятельным заболеванием (гипомагниемия), имеющим клинические проявления (симптомы).

3.3. Довод ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» о наличии правовой неопределенности в Решении № 180 исходит из содержания заявления ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ» в Суд.

4. Выводы Суда

4.1. Учитывая пределы апелляционного разбирательства, определенные статьей 60, частью второй статьи 61, пунктами 1 и 2 статьи 69 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда проверяет, соответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

Пункт 1 статьи 70 Регламента Суда определяет, что основанием для изменения или отмены обжалуемого решения Суда является неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права.

4.2. В отношении довода Комиссии о неверном понимании Коллегией Суда объективных свойств отдельного вида товара, описываемого в Решении № 180, а также о неправильном применении ОПИ, текстов товарных позиций 2106 и 3004 ТН ВЭД ЕАЭС, соответствующих примечаний и Пояснений к ним Апелляционная палата Суда полагает необходимым отметить следующее.

В соответствии с пунктом 2 Статута Суда Евразийского экономического союза (далее – приложение № 2 к Договору о Союзе) Суд является постоянно действующим судебным органом Союза и обеспечивает единообразное применение государствами-членами и органами Союза Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Для разрешения конкретного спора Суд в соответствии с пунктом 50 Статута Суда применяет:

- 1) общепризнанные принципы и нормы международного права;
- 2) Договор о Союзе, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства-стороны спора;
- 3) решения и распоряжения органов Союза;
- 4) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

В рамках настоящего спора при рассмотрении доводов Комиссии Апелляционной палате Суда надлежит проверить факт соблюдения Коллегией Суда норм права Союза и правильность их применения при принятии решения Коллегии Суда.

4.3. По мнению Комиссии в соответствии с текстом товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС и примечаниями к ней основными критериями для отнесения товаров к указанной товарной позиции являются:

- химический состав препарата (смешанные и несмешанные);
- назначение (терапевтические и профилактические цели);
- вид расфасовки (дозированные формы).

Комиссия считает, что при включении товаров «магнийсодержащие препараты» в товарную позицию 2106 ТН ВЭД ЕАЭС не требуется указания о дозировке активного действующего вещества, а также информации о том, что препарат не используется в терапевтических или профилактических целях.

Анализ текста товарных позиций 3004 и 2106 ТН ВЭД ЕАЭС, примечаний к разделам и Пояснений указывает на то, что в группу 21 «Разные пищевые продукты» не включаются товары (продукты) товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС (примечание 1 (е) к группе 21). В группу 30 «Фармацевтическая продукция» не включаются пищевые добавки (примечания 1 (а) к группе 30).

Наименование товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС «пищевые продукты, в другом месте не поименованные или не включенные» позволяет сделать вывод о том, что в данную «корзиночную позицию» не должны включаться товары, отнесенные к другой товарной позиции. Кроме того, в данную товарную позицию включаются только пищевые продукты.

Следовательно, для принятия решения о классификации магнийсодержащих препаратов необходимо изучить вопрос о том, являются ли они товарами, относящимися к товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС и иным, и только после исключения возможности отнесения товара к товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС они могут быть классифицированы в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС в качестве пищевых добавок.

Апелляционная палата Суда отмечает, что в соответствии с Правилom 1 ОПИ для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам.

Текст товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС предполагает включение в данную позицию товаров, состоящих из смешанных или несмешанных продуктов, для использования в терапевтических или профилактических целях, расфасованные в виде дозированных лекарственных форм (включая лекарственные средства в форме трансдермальных систем) или в формы или упаковки для розничной продажи.

Апелляционная палата Суда соглашается с Коллегией Суда (подпункт 5.1.3 решения Коллегии Суда) в том, что «факт наличия регистрационного удостоверения государства – члена Союза на какой-либо препарат свидетельствует лишь о том, что данный препарат разрешен к использованию на территории государства. Наличие регистрационного удостоверения уполномоченного органа в области здравоохранения не является классификационным критерием и не может служить основанием для классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС в связи с его отсутствием в текстах товарных позиций и в примечаниях к разделам, группам, товарным позициям, подсубпозициям ТН ВЭД ЕАЭС, имеющим юридическую силу».

В пункте 5.2 решения Коллегии Суда отмечено, что в Пояснениях к товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС (том I Пояснений) указывается, что пищевые продукты и напитки, содержащие лекарственные вещества, не включаются в данную товарную позицию, если эти вещества добавлены с единственной целью улучшения диетического баланса, увеличения энергетического содержания или питательной ценности продукта или для улучшения его вкусоароматических качеств при обязательном условии, что продукт сохраняет свои свойства пищевого продукта или напитка. В дополнение к этому в данную товарную позицию не включаются пищевые добавки, содержащие витамины или минеральные соли, которые приготовлены в целях поддержания здоровья и хорошего самочувствия, но не имеют указаний к применению их для лечения или профилактики каких-либо заболеваний. Такие продукты, выпускаемые обычно в жидком виде, но которые могут также поставляться в порошках или таблетках, как правило, включаются в товарную позицию 2106 или в группу 22 ТН ВЭД ЕАЭС.

Комиссия ссылается на позицию Комитета по Гармонизированной системе Всемирной таможенной организации (далее – Комитет по ГС; решение № 42.080, март 1998 года) «Различия между медикаментами и пищевыми добавками» в качестве обоснования исключения магнийсодержащих препаратов, применяемых для восполнения дефицита магния, из товарной позиции 3004 Гармонизированной системы описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации.

Апелляционная палата Суда отмечает, что согласно позиции Комитета по ГС, одного лишь наличия сертификата регистрации в национальном органе здравоохранения в качестве критерия классификации товара, как медикамента, недостаточно.

Помимо этого, Комитет по ГС утвердил принципы классификации таких товаров с индивидуальным рассмотрением каждого случая и ограничением сферы действия товарных позиций 3003 и 3004 только товарами, используемыми в медицине и содержащими в одной дозе достаточное количество ак-

тивного действующего вещества с терапевтическим или профилактическим эффектом от конкретного заболевания или заболеваний.

Как следствие, для классификации в товарных позициях 3003 и 3004 ТН ВЭД ЕАЭС в индивидуальном порядке должны быть изучены дозировка активного действующего вещества с терапевтическим или профилактическим эффектом, а также факт использования препарата в медицине.

В Решении № 180 выделены признаки для определенной группы товаров, таможенная классификация которых осуществляется в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС:

1) наличие в препарате соли магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных веществ,

2) применение препарата направлено на восполнение дефицита магния в организме и ассоциированных с ним клинических симптомов.

Первый из этих признаков может относиться как к пищевым добавкам, так и к лекарствам, в то время как второй признак применим лишь к таким товарам, как лекарства.

При игнорировании содержания текста товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС и Пояснений к ней можно прийти к выводу о том, что любой препарат, отвечающий двум указанным признакам в совокупности, должен классифицироваться в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС.

Таким образом, Решение № 180 носит неопределённый характер, так как позволяет относить к одной группе различные по своим свойствам и объективным характеристикам товары.

Практическое применение подхода, закреплённого в Решении № 180, иллюстрирует внутреннюю несогласованность при таможенной классификации различных препаратов, содержащих соли магния. Учитывая позицию Комитета по ГС, в товарную позицию 3004 включаются анестетики и питательные вещества, вводимые внутривенно, независимо от их терапевтического или профилактического эффекта, что также исключает возможность отнесения таких товаров к товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС.

Так, к примеру, препарат, именуемый «сульфат магния (раствор)» по своим характеристикам представляет собой соль магния (действующее вещество – магния сульфата гептагидрат, вспомогательные вещества – натрия гидроксид, вода для инъекций), показания к применению которого помимо прочего включают гипомagneмию (дефицит магния), ее лечение и профилактику.

Тем самым признаки, сформулированные в Решении № 180, относятся к препарату «сульфат магния» (раствор). Однако данный препарат применяется способом введения раствора внутривенно и внутримышечно (парентерально), что исключает возможность его классификации в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС, поскольку в ней классифицируются пищевые продукты,

не поименованные или не включенные ни в одну другую товарную позицию ТН ВЭД ЕАЭС.

Таким образом, применение Решения № 180 порождает возможность смешения всех видов товаров, содержащих соли магния и применяемых для восполнения дефицита магния, независимо от их объективных свойств и характеристик.

Назначение товара, указанного в Решении № 180, связано с восполнением дефицита магния. Вместе с тем содержание категории «дефицит магния» раскрывается в следующих позициях Международной классификации болезней (пересмотр 10):

Е61.2 «Недостаточность магния»;

Е83.4 «Нарушения обмена магния» (гипермагниемия, гипомагниемия).

В этой связи можно сделать вывод о позиционировании недостаточности магния (дефицита магния) как заболевания. В Решении № 180 используется термин «клинические симптомы», ассоциированные с дефицитом магния, что также подтверждает возможность отнесения дефицита магния к заболеванию.

Таким образом, пояснения Комиссии о том, что дефицит магния не относится к заболеваниям, а прием препаратов, содержащих соли магния, не является лечением и профилактикой конкретного заболевания, не состоятельны.

В то же время, согласно Пояснениям к товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС, существенной характеристикой товаров, классифицируемых в товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС, является их использование «в целях поддержания здоровья и хорошего самочувствия» в отсутствие «указаний по применению их для лечения или профилактики каких-либо заболеваний».

Таким образом, в Решение № 180 включены признаки, не характерные для товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС, а именно направленность препарата на восполнение дефицита магния в организме и ассоциированных с ним клинических симптомов. Данные признаки отвечают назначению товаров, связанному с их использованием в терапевтических и профилактических целях, а не с поддержанием здоровья и хорошего самочувствия.

4.4. Как указывает Комиссия, в качестве примера для принятия Решения № 180 Комиссией был использован препарат «Магнерот», который содержит магний в сочетании с оротовой кислотой (оротат магния) в дозировке 500 мг.

Цель применения препарата – лечение доказанного дефицита магния и ассоциированных с ним клинических симптомов, а именно: мышечных расстройств (нервно-мышечные расстройства, судороги ног), суправентрикулярной аритмии (суправентрикулярная экстрасистолия, пароксизмальная желудочковая тахикардия) в составе комплексной терапии.

Апелляционная палата Суда полагает необходимым отметить, что указание на «доказанный дефицит магния» свидетельствует о необходимости подтверждения диагноза посредством проведения клинической диагностики,

включающей лабораторные исследования (крови и (или) тканей человека) для установления уровня магния в организме и определения тяжести состояния (уровня дефицита магния).

Указание на лечение, направленное на устранение клинических симптомов, по мнению Апелляционной палаты Суда, означает указание на вид симптоматической терапии, которая осуществляется для устранения симптомов заболевания.

Апелляционная палата Суда отмечает, что используемые в Решении № 180 критерии классификации не позволяют выделить отдельный вид товаров, как это предусмотрено пунктом 7 статьи 21 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, далее – ТК ЕЭАС): «под отдельным видом товаров понимается совокупность товаров, которые имеют общие классификационные признаки, позволяющие отнести товары с конкретными наименованиями, конкретных марок, моделей, артикулов, модификаций и с иными подобными индивидуальными характеристиками к одному коду в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности».

На этом основании Апелляционная палата Суда признает необоснованным довод Комиссии о том, что Коллегия Суда неправоммерно установила отсутствие в Решении № 180 четких критериев, отличающих товары товарной позиций 2106 и товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

4.5. В отношении довода Комиссии о соответствии Решения № 180 принципу правовой определенности Апелляционная палата Суда приходит к следующим выводам.

В обоснование своих доводов Комиссия приводит аргументы о соблюдении процедуры принятия Решения № 180.

Следует отметить, что Решение № 180 является актом, имеющим нормативно-правовой характер и обязательным для государств-членов, входит в право Союза и подлежит непосредственному применению на территориях государств-членов, его действие направлено на неопределенный круг лиц (пункт 13 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору о Союзе).

Апелляционная палата Суда отмечает, что в Суде сформирована практика в отношении принципа правовой определенности.

В решении Коллегии Суда по делу по заявлению ООО «Шиптрейд» определены критерии соответствия решения Комиссии принципу правовой определенности:

- текст решения с кодом товара должен позволить хозяйствующим субъектам сделать однозначный выбор кода ТН ВЭД ЕАЭС;
- текст решения должен соответствовать критерию однозначного отнесения товара к определенному коду ТН ВЭД ЕЭАС.

Следует особо отметить, что соблюдение внутренней процедуры не является единственным критерием соответствия акта Комиссии праву Союза, он должен также соответствовать иным нормам, в том числе о правовой определенности. Апелляционная палата Суда полагает, что основополагающим признаком соответствия решения Комиссии принципу правовой определенности является содержание правовых норм и аргументированность текста решения.

Исходя из принципа правовой определенности, формулировки решения Комиссии должны быть четкими, точными и однозначными, не допускающими возможности неединообразного применения, в том числе вследствие невозможности установления их точного содержания.

На основании изложенного для ЕАЭС, алгоритм классификации товара следующий:

1. Последовательное применение ОПИ, текстов товарных позиций.
2. Исключение возможности классификации в позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС (включая анализ дозировки активного вещества, целей (терапевтических, профилактических).
3. Отнесение товара других товарных позиций к корзиночной позиции только в случае, если товар более нигде не поименован или не включен.

Таким образом, Апелляционная палата Суда приходит к выводу о том, что Решение № 180 не соответствует вышеизложенному, необоснованно расширяет охват товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС «Пищевые продукты, в другом месте не поименованные или не включенные» путем включения в нее лекарственных средств, подлежащих классификации в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС «Лекарственные средства (кроме товаров товарной позиции 3002, 3005 или 3006), состоящие из смешанных или несмешанных продуктов, для использования в терапевтических или профилактических целях, расфасованные в виде дозированных лекарственных форм (включая лекарственные средства в форме трансдермальных систем) или в формы или упаковки для розничной продажи».

Решение № 180 не содержит точного описания товара и не является ясным, определенным и недвусмысленным, что не позволяет рассматривать его как соответствующее принципу правовой определенности.

В связи с вышеизложенным довод Комиссии о необоснованности вывода Коллегии Суда о том, что Решение № 180 не отвечает принципу правовой определенности, подлежит отклонению.

5. Апелляционная палата Суда, рассмотрев жалобу Комиссии на основании имеющихся в деле материалов, в пределах доводов, изложенных в жалобе и возражениях на нее, проверив соответствие выводов Коллегии Суда примененным нормам права, установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих

порядок судопроизводства в Суде, не находит оснований для отмены или изменения обжалуемого решения Коллегии Суда.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 1 пункта 110 Статута Суда, подпунктом «а» пункта 1 статьи 71, пунктами 1-7 статьи 78, пунктом 2 статьи 80 и статьей 83 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда

РЕШИЛА:

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 мая 2021 года по делу № СЕ-1-2/1-21-КС об удовлетворении заявления общества с дополнительной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза оставить без изменения, а жалобу Евразийской экономической комиссии – без удовлетворения.

Решение вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Ж. Н. Баишев

Д. Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

Резюме
по делам № СЕ-1-2/1-21-КС и № СЕ-1-2/1-21-АП
(ООО «ДОМИНАНТАФАРМ»)

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК).

Об оспаривании Решения Коллегии ЕЭК от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Таможенно-тарифное регулирование – классификация товаров в таможенных целях – товарные позиции 3004 90 000 2 и 2106 90 920 0 ТН ВЭД ЕАЭС – препарат, содержащий соль магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных веществ.

Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (Конвенция о Гармонизированной системе) – Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС) – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) – Основные правила интерпретации ТН ВЭД (ОПИ).

Решение Коллегии Суда – удовлетворение требований истца – признание решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза – Решение Апелляционной палаты Суда – отказ в удовлетворении жалобы Комиссии – оставление Решения Коллегии Суда без изменения.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «ДОМИНАНТАФАРМ» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением об оспаривании решения Евразийской экономической комиссии от 14 октября 2019 года № 180 «О классификации магнийсодержащего препарата в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Истец полагал, что Решением № 180 препарат, содержащий соль магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных

веществ, применяемый для восполнения дефицита магния в организме и ассоциированных с ним клинических симптомов, ошибочно и без учета его лечебного назначения отнесен в товарную позицию 2106 ТН ВЭД ЕАЭС «Пищевые продукты, в другом месте не поименованные и не включенные».

По мнению истца, товар «препарат, содержащий соль магния в качестве активного действующего вещества с добавлением вспомогательных веществ, применяемый для восполнения дефицита магния в организме и ассоциированных с ним клинических симптомов» подлежит классификации в товарной позиции 3004 90 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС, как это было до принятия оспариваемого решения.

19 мая 2021 года Коллегия Суда удовлетворила требования ООО «ДОМИНАНТАФАРМ», признав решение ЕЭК не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. Суд отметил, что в Решении № 180 отсутствуют четкие критерии, отличающие препараты, содержащие соль магния, не предназначенные для использования в терапевтических и профилактических целях, от препаратов, содержащих соль магния, которые оказывают терапевтическое или профилактическое действие. Суд посчитал, что одним из критериев, позволяющим определить назначение препарата и его использование для лечения и профилактики болезни, является достаточная дозировка действующего активного вещества.

Не согласившись с решением Коллегии Суда, Комиссия обратилась с жалобой в Апелляционную палату.

Решением от 16 июля 2021 года Апелляционная палата оставила Решение Коллегии Суда без изменения, а жалобу Комиссии – без удовлетворения. Апелляционная палата согласилась с выводами Коллегии Суда, указав, что Решение № 180 носит неопределённый характер, так как позволяет относить к одной группе различные по своим свойствам и объективным характеристикам товары. По мнению Апелляционной палаты в Решение № 180 включены признаки, не характерные для товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС (направленность препарата на восполнение дефицита магния в организме и ассоциированных с ним клинических симптомов), отвечающие назначению товаров, связанному с их использованием в терапевтических и профилактических целях, а не с поддержанием здоровья и хорошего самочувствия.

Правовые позиции Суда:

1. Сложившаяся в государствах – членах Союза практика таможенной классификации какого-либо товара не может рассматриваться в качестве правового основания для вывода о нарушении Комиссией положений статьи 32 Договора.

(см. абзац 10 пункта 5.1.2. решения Коллегии Суда)

2. Наличие регистрационного удостоверения уполномоченного органа в области здравоохранения не является классификационным критерием и не может служить основанием для классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС в связи с его отсутствием в текстах товарных позиций и в примечаниях к разделам, группам, товарным позициям, подгруппам ТН ВЭД ЕАЭС, имеющим юридическую силу.

(см. абзац 2 пункта 5.1.3. решения Коллегии Суда, абзац 8 пункта 4.3. решения Апелляционной палаты Суда)

3. Как следует из ОПИ 1, только наименования товарных позиций и примечания к разделам и группам, уточняющие понятия и определения, содержащиеся в ТН ВЭД ЕАЭС, устанавливающие границы классификационных группировок, в которые попадает товар по своим объективным характеристикам и свойствам, а также функциональному назначению, имеют правовое значение, являются приоритетными и учитываются в первую очередь при классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС.

(см. абзац 6 пункта 5.2. решения Коллегии Суда)

4. Наименование товарной позиции 2106 ТН ВЭД ЕАЭС «пищевые продукты, в другом месте не поименованные или не включенные» позволяет сделать вывод о том, что в данную «корзиночную позицию» не должны включаться товары, отнесенные к другой товарной позиции.

(см. абзац 7 пункта 4.3. решения Апелляционной палаты Суда)

5. Объективными признаками товара лекарственное средство, подлежащего классификации в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС, являются:

- а) состоящие из смешанных или несмешанных продуктов (состав);
- б) расфасованные в виде дозированных лекарственных форм (включая лекарственные средства в форме трансдермальных систем) или в формы или упаковки для розничной продажи (внешний вид);
- в) для использования в терапевтических или профилактических целях (предназначение).

Отсутствие любого из отмеченных признаков исключает возможность отнесения товара к товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

(см. абзацы 21, 22 пункта 5.2. решения Коллегии Суда)

6. При классификации препарата в товарной позиции 3004 или 2106 решающее значение имеет концентрация активного вещества, что дает возможность определить его назначение: – в терапевтических или профилактических целях или – в целях поддержания здоровья и хорошего самочувствия.

В случае, когда препарат содержит недостаточное количество активного вещества (витаминов, минеральных солей), в связи с чем не оказывает терапевтического или профилактического действия и не имеет указаний к приме-

нению для лечения или профилактики каких-либо заболеваний, он не может классифицироваться в товарной позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС.

(см. абзацы 23, 27 пункта 5.2. решения Коллегии Суда)

7. Основопологающим признаком соответствия решения Комиссии принципу правовой определенности является содержание правовых норм и аргументированность текста решения.

Исходя из принципа правовой определенности, формулировки решения Комиссии должны быть четкими, точными и однозначными, не допускающими возможности неединообразного применения, в том числе вследствие невозможности установления их точного содержания.

(см. абзацы 6-7 пункта 4.5. решения Апелляционной палаты Суда)

Summary
of cases No. CE-1-2/1-21-KC and No. CE-1-2/1-21-AP
(DOMINANTAFARM LLC)

Keywords:

DOMINANTAFARM Limited Liability Company (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (Commission, EEC).

On challenging the Decision No. 180 of the Board of the EEC “On classification of a magnesium-containing preparation in accordance with the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union” dated October 14, 2019.

Customs tariff regulation – classification of goods for customs purposes – commodity headings 3004 90 000 2 and 2106 90 920 0 of the FEACN of the EAEU – preparation containing a magnesium salt as an active ingredient with added excipients.

International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System (Harmonized System (HS) Convention) – Customs Code of the Customs Union (CU CC) - Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union (FEACN of the EAEU) – General Rules for Interpretation of FEACN (GRI).

Judgment of the Chamber of the Court – satisfaction of the claims – recognition the decision of the Eurasian Economic Commission No. 180 «On classification of a magnesium-containing preparation in accordance with the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union» dated October 14, 2019 as non-compliant with the Treaty on the Eurasian Economic Union and international treaties within the Union – Judgment of the Appeals Chamber of the Court – rejection of the appeal – upholding of the judgment of the Chamber of the Court.

Substance of the case:

DOMINANTAFARM Limited Liability Company filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union contesting the Decision of the Eurasian Economic Commission No. 180 “On classification of a magnesium-containing preparation in accordance with the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union” dated October 14, 2019.

The claimant assumed that by the Decision No. 180 a preparation containing a magnesium salt as an active ingredient with added excipients, used to compensate for magnesium deficiency in the body and associated clinical symptoms, was incorrectly and without considering its therapeutic purpose classified under the heading 2106 of the FEACN of the EAEU «Food preparations not elsewhere specified or included».

According to the claimant, the commodity «a preparation containing a magnesium salt as an active ingredient with added excipients, used to compensate for magnesium deficiency in the body and associated clinical symptoms» should be classified under the commodity heading 3004 90 000 2 of the FEACN of the EAEU, as it was prior to the adoption of the contested decision.

On May 19, 2021, the Chamber of the Court satisfied the claims of DOMINANTAFARM LLC, declaring the Decision of the EEC not in line with the Treaty and international treaties within the Union. The Court noted that the Decision No. 180 lacks clear criteria to distinguish preparations containing a magnesium salt that are not intended for therapeutic and prophylactic use from preparations containing a magnesium salt that have a therapeutic or prophylactic effect. The Court considered that one of the criteria for determining the purpose of the preparation and its use for the treatment and prevention of disease is a sufficient dosage of an active ingredient.

The Commission disagreed with the judgment of the Chamber of the Court and filed an appeal with the Appeals Chamber.

By the judgment dated July 16, 2021, the Appeals Chamber upheld the judgment of the Chamber of the Court, and rejected the Commission's appeal. The Appeals Chamber agreed with the conclusions of the Chamber of the Court, pointing out that the Decision No. 180 has a vague nature, since it allows classifying goods that are different in their properties and objective characteristics into one group. According to the Appeals Chamber, the Decision No. 180 includes features that are not typical for heading 2106 of the FEACN of the EAEU (the preparation purpose is a replenishment of magnesium deficiency and associated clinical symptoms), corresponding to the purpose of the goods associated with their use for therapeutic and prophylactic purposes rather than maintaining health and well-being.

Legal findings of the Court:

1. The common practice of customs classification of any commodity within the Member States of the Union cannot be considered as a legal basis for concluding that the provisions of Article 32 of the Treaty have been violated by the Commission.

(see subparagraph 10 of paragraph 5.1.2. of the judgment of the Chamber of the Court)

2. The presence of a registration certificate of the authorized body in the field of healthcare is not a classification criterion and cannot serve as a basis for classifying goods according to the FEACN of the EAEU due to its absence in the texts of commodity headings and in the notes to sections, groups, commodity headings, sub-subheadings of the FEACN of the EAEU, which are legally binding.

(see subparagraph 2 of paragraph 5.1.3. of the judgment of the Chamber of the Court, subparagraph 8 of paragraph 4.3. of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

3. As follows from the first GRI, only the titles of commodity headings and notes to sections and groups, clarifying the concepts and definitions contained in the FEACN of the EAEU, establishing the boundaries of the classification groups into which the goods fall according to their objective characteristics and properties, as well as their functional purpose, have legal significance, are of the priority and a primary consideration when classifying goods according to the FEACN of the EAEU.

(see subparagraph 6 of paragraph 5.2. of the judgment of the Chamber of the Court)

4. The title of commodity heading 2106 of the FEACN of the EAEU “food preparations not elsewhere specified or included” allows making a conclusion that this “basket heading” should not include goods classified under another commodity heading.

(see subparagraph 7 of paragraph 4.3. of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

5. The objective features of the commodity «pharmaceutical product» to be classified under the heading 3004 of the FEACN of the EAEU are as follows:

- a) consisting of mixed or unmixed products (composition);
- b) packaged in dosage forms (including pharmaceutical products in the form of transdermal systems) or in forms or packages for retail sale (appearance);
- c) for use in therapeutic or prophylactic purposes (intended use).

The absence of any specified feature excludes the possibility of classifying the goods under the heading 3004 of the FEACN of the EAEU.

(see subparagraphs 21, 22 of paragraph 5.2. of the judgment of the Chamber of the Court)

6. When classifying a preparation under the heading 3004 or 2106, the concentration of the active ingredient is decisive, which makes it possible to determine its intended use: – for therapeutic or prophylactic purposes, or – for purposes of maintaining health and well-being.

In case that the preparation contains an insufficient amount of the active ingredient (vitamins, mineral salts), and therefore does not have a therapeutic or prophylactic effect and does not have indications for use for the treatment or prevention of any diseases, it cannot be classified under the commodity heading 3004 of the FEACN of the EAEU.

(see subparagraphs 23, 27 of paragraph 5.2. of the judgment of the Chamber of the Court)

7. The fundamental feature of compliance of the Commission’s decision with the principle of legal certainty is the content of legal rules and the substantiation of the text of the decision.

Based on the principle of legal certainty, the wording of the Commission's decision must be clear, precise and unambiguous, precluding non-uniform application, also due to the impossibility of establishing their exact content.

(see subparagraphs 6-7 of paragraph 4.5. of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

2 февраля 2021 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Туманяна А.Э., при секретаре судебного заседания Малашко А.П., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление закрытого акционерного общества «ДЕЛЬРУС» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Закрытое акционерное общество «ДЕЛЬРУС» (далее – ЗАО «ДЕЛЬРУС», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – Решение № 178) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно оспариваемому Решению № 178 Коллегия Евразийской экономической комиссии (далее – Коллегия ЕЭК) признала утратившими силу пункты 2–8 Решения Коллегии ЕЭК от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – Решение № 165) и возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01.

В заявлении истец указал, что при вынесении Решения № 178 Коллегия ЕЭК вышла за пределы полномочий, предоставленных Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99, допустив расширительное толкование законодательства Союза, фактически интерпретируя порядок рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции таким

образом, что возобновление дела возможно на любом этапе после вынесения и утверждения Решения, а также после его полной отмены Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза. Подобных норм в праве Союза не имеется;

неправильно применила нормы законодательства Союза (пункт 111 Статута Суда Евразийского экономического союза, пункт 44 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99).

В соответствии с подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Истец является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

ЗАО «ДЕЛЬРУС» в своем заявлении указало, какие права и законные интересы, по его мнению, нарушены оспариваемым решением, привело обстоятельства и доводы в обоснование своих требований.

Коллегия Суда считает, что указанный спор по предмету и субъекту обращения относится к компетенции Суда Союза, установленной подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда.

В соответствии с пунктом 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 25 мая 2014 года) для данной категории споров досудебный порядок урегулирования не предусмотрен.

Вместе с тем Коллегия Суда отмечает, что не все требования к заявлению хозяйствующего субъекта, предусмотренные статьями 9 и 32 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), выполнены ЗАО «ДЕЛЬРУС» в полном объеме.

Как следует из пункта 1 статьи 9, пунктов 1 и 2 статьи 32 Регламента, заявление хозяйствующего субъекта подписывается его руководителем или ины-

ми лицами, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, выданными его руководителем.

Заявление ЗАО «ДЕЛЬРУС» подписано Лихачевой Натальей Михайловной.

К заявлению прилагаются копии доверенностей № 4234 на имя Лихачевой Натальи Михайловны и Банных Евгения Сергеевича, № 4251 на имя Арловской Екатерины Дмитриевны, выданных Генеральным директором ЗАО «ДЕЛЬРУС» Шнайдштейном В.А. Копии указанных доверенностей заверены личным штампом Лихачевой Н.М., что не является подтверждением их соответствия оригиналу и не указывает на наличие у нее полномочий на подписание рассматриваемого заявления.

Таким образом, Коллегия Суда считает, что ЗАО «ДЕЛЬРУС» нарушены требования подпункта г) пункта 3 статьи 9 Регламента, согласно которому к заявлению хозяйствующего субъекта прилагается доверенность или иные документы, подтверждающие полномочия представителя на подписание заявления.

В соответствии с подпунктом б) пункта 3 статьи 33 Регламента в случаях, если заявление не соответствует требованиям, предусмотренным Регламентом, и (или) к заявлению не приложены документы, предусмотренные статьей 9 Регламента, Суд выносит постановление об оставлении заявления без движения.

Согласно пункту 3 статьи 33 Регламента в постановлении об оставлении заявления без движения Суд указывает основания для оставления заявления без движения и срок, в течение которого заявитель должен устранить недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения.

В случае, если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, заявление принимается к производству.

В случае, если вышеуказанные недостатки не будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, Суд отказывает в принятии заявления к производству.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута, статьями 9, 32, пунктом 3 статьи 33, пунктом 1 статьи 34, статьей 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление закрытого акционерного общества «ДЕЛЬРУС» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Догово-

ру о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности оставить без движения.

Предоставить ЗАО «ДЕЛЬРУС» срок для устранения недостатков заявления до 24 февраля 2021 года.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

2 февраля 2021 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Туманяна А.Э., при секретаре судебного заседания Малашко А.П., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – Решение № 178) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно оспариваемому Решению № 178 Коллегия Евразийской экономической комиссии (далее – Коллегия ЕЭК) признала утратившими силу пункты 2-8 Решения Коллегии ЕЭК от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – Решение № 165) и возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01.

В заявлении истец указал, что Решением № 178 Коллегия ЕЭК нарушила пункт 111 Статута Суда Евразийского экономического союза, и неправомерно ссылаясь на пункт 44 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99.

В соответствии с подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

ТОО «Дельрус РК» в своем заявлении указало, какие права и законные интересы, по его мнению, нарушены оспариваемым решением, привело обстоятельства и доводы в обоснование своих требований.

Вместе с тем, Коллегия Суда отмечает, что не все требования к заявлению хозяйствующего субъекта, предусмотренные статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), выполнены ТОО «Дельрус РК» в полном объеме.

Как следует из пункта 1 статьи 9, пунктов 1 и 2 статьи 32 Регламента Суда, заявление хозяйствующего субъекта подписывается его руководителем или иными лицами, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, выданными его руководителем.

Заявление в Суд от имени ТОО «Дельрус РК» подписано Генеральным директором ТОО «Дельрус РК» Бурдиным В.В., однако к заявлению не приложены соответствующие документы, подтверждающие его полномочия.

Среди документов, приложенных к заявлению, отсутствует копия свидетельства о регистрации юридического лица, что является требованием подпункта б) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда.

В соответствии с подпунктом б) пункта 3 статьи 33 Регламента Суда в случаях, если заявление не соответствует требованиям, предусмотренным Регламентом, и (или) к заявлению не приложены документы, предусмотренные статьей 9 Регламента, Суд выносит постановление об оставлении заявления без движения.

Согласно пункту 3 статьи 33 Регламента Суда в постановлении об оставлении заявления без движения Суд указывает основания для оставления заявления без движения и срок, в течение которого заявитель должен устранить недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения.

В случае если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, заявление принимается к производству.

В случае если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, не будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, Суд отказывает в принятии заявления к производству.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута Суда, статьей 9, пунктом 3 статьи 33, статьями 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности оставить без движения.

Предоставить товариществу с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» срок для устранения недостатков до 24 февраля 2021 года.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

16 февраля 2021 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Туманяна А.Э., при секретаре судебного заседания Малашко А.П., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление закрытого акционерного общества «ДЕЛЬРУС» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Закрытое акционерное общество «ДЕЛЬРУС» (далее – ЗАО «ДЕЛЬРУС», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – Решение № 178) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно оспариваемому Решению № 178 Коллегия Евразийской экономической комиссии (далее – Коллегия ЕЭК) признала утратившими силу пункты 2–8 Решения Коллегии ЕЭК от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» и возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01.

В заявлении истец указал, что при вынесении Решения № 178 Коллегия ЕЭК:

вышла за пределы полномочий, предоставленных Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99, допустив расширительное толкование законодательства Союза, фактически интерпретируя

порядок рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции таким образом, что возобновление дела возможно на любом этапе после вынесения и утверждения Решения, а также после его полной отмены Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза. Подобных норм в праве Союза не имеется;

неправильно применила нормы законодательства Союза (пункт 111 Статута Суда Евразийского экономического союза, пункт 44 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99).

Постановлением Коллегии Суда от 2 февраля 2021 года заявление ЗАО «ДЕЛЬРУС» было оставлено без движения как не соответствующее требованию подпункта г) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), в связи с тем, что к заявлению была приложена копия доверенности, не подтверждающая полномочия Лихачевой Н.М. на ее подписание.

9 февраля 2021 года в целях устранения недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения, истцом представлен оригинал доверенности, выданной на имя Лихачевой Н.М. № 4234 от 22 сентября 2020 года.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда (Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) рассмотрение данного спора относится к компетенции Суда.

Истец является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

ЗАО «ДЕЛЬРУС» в своем заявлении указало, какие права и законные интересы, по его мнению, нарушены оспариваемым решением, привело обстоятельства и доводы в обоснование своих требований.

Для данной категории споров досудебный порядок урегулирования не предусмотрен в соответствии с пунктом 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере.

Заявление и приложенные к нему документы поданы в соответствии с требованиями, предъявляемыми статьей 9 Регламента Суда.

Недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, ЗАО «ДЕЛЬРУС» устранены в установленный Судом срок.

Согласно пункту 3 статьи 33 Регламента Суда, в случае если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, заявление принимается к производству.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута, статьями 9, 32, пунктами 1, 3 статьи 33, статьями 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление закрытого акционерного общества «ДЕЛЬРУС» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 11 часов 00 минут 18 марта 2021 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

16 февраля 2021 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Туманяна А.Э., при секретаре судебного заседания Малашко А.П., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – Решение № 178) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно оспариваемому Решению № 178 Коллегия Евразийской экономической комиссии (далее – Коллегия ЕЭК) признала утратившими силу пункты 2-8 Решения Коллегии ЕЭК от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» и возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01.

В заявлении истец указал, что Решением № 178 Коллегия ЕЭК нарушила пункт 111 Статута Суда Евразийского экономического союза, и неправомерно ссылалась на пункт 44 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99.

Постановлением Коллегии Суда от 2 февраля 2021 года заявление истца оставлено без движения как не соответствующее требованиям подпунктов б) и г) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), в связи с тем, что к заявлению не приложены документы, подтверждающие полномочия Генерального директора ТОО «Дельрус РК» В.В. Бурдина на подписание заявления, а также отсутствует копия свидетельства о регистрации юридического лица.

9 февраля 2021 года в целях устранения недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения, истцом представлены:

протокол № 1 общего собрания участников от 29 апреля 2020 года о продлении полномочий исполнительного органа Товарищества – Генерального директора В.В. Бурдина до 30 апреля 2023 года;

приказ № 31 л/с от 29 апреля 2020 года о продлении полномочий Генерального директора ТОО «Дельрус РК» на три года за подписью Генерального директора Бурдина В.В.;

копия справки от 5 января 2021 года о государственной перерегистрации юридического лица – ТОО «Дельрус РК».

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда (Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) рассмотрение данного спора относится к компетенции Суда.

Истец является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

ТОО «Дельрус РК» в своем заявлении указало, какие права и законные интересы, по его мнению, нарушены оспариваемым решением, привело обстоятельства и доводы в обоснование своих требований.

Для данной категории споров досудебный порядок урегулирования не предусмотрен в соответствии с пунктом 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере.

Заявление и приложенные к нему документы поданы в соответствии с требованиями, предъявляемыми статьей 9 Регламента Суда.

Недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, ТОО «Дельрус РК» устранены в установленный Судом срок.

Согласно пункту 3 статьи 33 Регламента Суда, в случае если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, будут

устранены в срок, установленный постановлением Суда, заявление принимается к производству.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута, статьями 9, 32, пунктами 1, 3 статьи 33, статьями 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 11 часов 00 минут 18 марта 2021 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

РЕШЕНИЕ

14 апреля 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
председательствующего судьи-докладчика Туманяна А.Э.,
судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,
при секретаре судебного заседания Малашко А.П.,
с участием:

представителей ЗАО «Дельрус» Трусовой Е.А., Муравина А.А., Лихачевой Н.М., Банных Е.С., представителя ТОО «Дельрус РК» Власовой О.Б.,
представителей Евразийской экономической комиссии Сушкевича А.Г.,
Калиева А.А., Дорошкевича В.А., Кривцуна Е.П.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявления закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – Коллегия Комиссии) от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – Решение № 165) закрытое акционерное общество «Дельрус» и товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК», истцы) и их должностные лица были признаны нарушившими подпункт 3) пункта 3 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и привлечены к ответственности с наложением штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» обратились в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлениями об оспаривании Решения № 165.

Решением Коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) от 11 февраля 2020 года по делу в удовлетворении требований ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» было отказано.

Не согласившись с решением Коллегии Суда, ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» обратились с жалобой в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата Суда).

Апелляционная палата Суда решением от 6 ноября 2020 года удовлетворила в части требования ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», отменила в части решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 года и признала Решение № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Комиссии решением от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – Решение № 178) признала утратившими силу пункты 2–8 Решения № 165 и возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22–2018/Д–01.

2. Процедура в Суде

ЗАО «Дельрус» 22 января 2021 года и ТОО «Дельрус РК» 27 января 2021 года обратились в Суд с заявлениями об оспаривании Решения № 178.

Заявления истцов приняты к производству постановлениями Суда от 16 февраля 2021 года.

В рамках подготовки дела к рассмотрению по запросу Суда Комиссия представила копии материалов дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22–2018/Д–01 в части, касающейся подготовки и принятия оспариваемого Решения № 178.

Постановлением Коллегии Суда от 18 марта 2021 года дела по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» объединены в одно производство.

3. Доводы истцов

Истцы считают, что оспариваемое решение Комиссии не соответствует Договору и международным договорам в рамках Союза и нарушает их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В обоснование своих требований истцы приводят следующие доводы.

3.1. Ссылаясь на пункты 110, 111 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 1 к Договору (далее – Статут Суда), истцы отмечают, что во исполнение решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года Коллегия Комиссии приняла Решение № 178, согласно которому признала пункты 2–8 Решения № 165 утратившими силу и возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22–2018/Д–01.

ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» утверждают, что в результате частичной отмены Решения № 165 Коллегия Комиссии оставила в силе пункт 1 Решения № 165 и признала отсутствие оснований для прекращения рассмотрения

дела № 22–2018/Д–01, предусмотренных пунктом 46 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99 (далее – Порядок), и возобновила дело на основании пункта 44 Порядка.

Между тем, как заявляют истцы, Апелляционная палата Суда, отменив в части решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 года, признала Решение № 165 полностью не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

В заявлении истцы утверждают, что Комиссия должна была отменить Решение № 165 полностью, а не частично.

По мнению истцов, возобновление рассмотрения дела № 22–2018/Д–01 противоречит решению Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года и является незаконным.

Кроме того, ЗАО «Дельрус» полагает, что отсутствие в резолютивной части Решения № 165 выводов о наличии либо отсутствии нарушения в действиях (бездействии) ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» общих правил конкуренции на трансграничных рынках, предусмотренных пунктами 1, 4, 5 и подпунктами 1, 2, 4, 5 пункта 3 статьи 76 Договора, что является нарушением пункта 45 Порядка, также не может служить основанием для возобновления дела № 22–2018/Д–01 в отношении ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» по данным составам нарушений, так как нарушает принцип правовой определенности.

Истцы считают, что в соответствии с пунктом 44 Порядка возобновление дела возможно только до момента вынесения Коллегией Комиссии решения по делу, иных случаев возобновления дела законодательством не предусмотрено.

По мнению истцов, Порядком не предусматривается также возобновление дела по итогам вынесения решения Апелляционной палатой Суда о признании решения Комиссии не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

3.2. В письменных пояснениях к жалобе на Решение № 178 и в своих доводах, высказанных в судебном заседании, ЗАО «Дельрус» отмечает, что в процессе рассмотрения дела Комиссией не выносились определения о приостановлении рассмотрения дела, таким образом, течение срока рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, установленного пунктом 16 Порядка, не прерывалось. Соответственно, поскольку определение о возбуждении и рассмотрении дела было вынесено 30 июля 2018 года, определением комиссии по рассмотрению дела от 22 октября 2018 года срок рассмотрения дела был продлен на 60 рабочих дней и истек 23 января 2019 года.

Срок 120 рабочих дней является максимальным для выполнения всех процессуальных действий на стадии рассмотрения дела, дополнительный период

на стадии вынесения решения на основании пункта 44 Порядка не предоставлялся, в связи с чем комиссия по рассмотрению дела полностью исчерпала период, отведенный правом Союза для проведения процессуальной стадии рассмотрения дела, 23 января 2019 года. Соответствующая процессуальная стадия была завершена, в удостоверение чего было принято Решение № 165. Возобновление течения срока на рассмотрение дела и его восстановление после окончательного решения по делу или возврат к иной процессуальной стадии после вынесения решения по делу правом Союза не предусмотрены.

ЗАО «Дельрус» утверждает, что подход Комиссии приводит к получению Комиссией права возобновлять рассмотрение дела после того, как решение Комиссии по этому делу было признано Судом не соответствующим праву Союза. Предоставление Комиссии такого права нарушает принципы процессуальной экономии, правовой определенности, требования к качеству актов органов власти.

3.3. Отмечая, что предусмотренный Статутом Суда 60-дневный срок на приведение Решения № 165 в соответствие с Договором и международными договорами в рамках Союза истек 5 января 2021 года, а Решение № 178 было принято Комиссией 22 декабря 2020 года и вступило в силу по истечении 30 календарных дней с даты его опубликования – 27 января 2021 года, ЗАО «Дельрус» утверждает, что Решение № 178 вступило в силу по истечении более чем трех недель с даты, в которую должно быть исполнено решение Апелляционной палаты Суда.

На этом основании ЗАО «Дельрус» делает вывод о том, что Решение Апелляционной палаты Суда не исполнено Комиссией в установленный пунктами 111, 113 Статута Суда срок, что является ненадлежащим способом исполнения Решения Апелляционной палаты Суда, поскольку оно вступило в силу после истечения срока (60 календарных дней) на исполнение решения Апелляционной палаты Суда и, с учетом возможности использования средств правовой защиты, предусмотренных пунктом 115 Статута, не исключает возможности признания Судом решения Комиссии, принятого с нарушением установленного срока для исполнения решения Суда, не соответствующим праву Союза и иным международным договорам в рамках Союза.

3.4. ЗАО «Дельрус» считает, что возобновление дела Комиссией ведет к его повторному рассмотрению по тем же фактическим обстоятельствам, в отношении тех же лиц, которые уже привлекались Комиссией к ответственности при вынесении Решения № 165, и изучались Судом. Возобновляя рассмотрение дела, Комиссия нарушает базовый принцип международного права – *non bis in idem*.

ЗАО «Дельрус» отмечает, что если Решение № 178 будет признано соответствующим Договору и иным международным договорам в рамках Союза, то это приведет к предоставлению Комиссии права возобновлять рассмотрение

дел в отношении тех же лиц и по тем же основаниям, которые уже исследовались Комиссией. Комиссия de facto получит право возобновления рассмотрения ранее завершенных дел, исправления допущенных при расследовании недоработок и упущений, получения новых доказательств и вынесения любого нового решения бесконечно. По мнению ЗАО «Дельрус», такой подход не только не соответствует принципу non bis in idem, поскольку приводит к возможности повторного привлечения к ответственности, но и дезавуирует окончательность решения Суда и лишает хозяйствующих субъектов возможности эффективно защищать свои права.

ЗАО «Дельрус» констатирует, что уже на протяжении более четырех лет его правовое положение остается неопределенным, в связи с проводимыми Комиссией расследованиями с целью квалификации его действий (бездействия). Неопределенность в квалификации действий хозяйствующего субъекта приводит к трудностям во взаимодействии с поставщиками, осуществляющими проверку своих контрагентов и предъявляющими высокие стандарты к оценке их деловой репутации. Комиссия, возобновив дело, просто вернула дело в то же положение, как если бы никакого судебного разбирательства не было.

Возобновление рассмотрения дела Комиссией после вынесения решения Апелляционной палатой Суда, по мнению ЗАО «Дельрус», не вносит ясность в его правовой статус и квалификацию действий, а наоборот – продляет период правовой неопределенности.

Истцы утверждают, что Комиссия приняла Решение № 178 без учета норм права Союза, в связи с чем просят признать Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 178 от 22 декабря 2020 года «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

4. Возражения ответчика

4.1. Ссылаясь на абзац второй пункта 111 Статута Суда, пункты 44, 45 Порядка, ответчик отмечает, что в описательно-мотивировочной части Решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года указывалось на преждевременность выводов Комиссии относительно наличия конкурентных отношений между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК».

При этом, наличие или отсутствие факта отношений конкуренции между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» имело юридически значимые последствия для выводов Комиссии относительно факта нарушения общих правил конкуренции на трансграничном рынке и квалификации такого нарушения.

Как отмечает ответчик, в остальной части выводов Комиссии Суд Союза констатировал их правильность, доказанность и соответствие Договору и международным договорам в рамках Союза, включая акты органов Союза, принятые во исполнение и (или) развитие соответствующих положений Договора.

Ответчик считает, что разрешение вопросов наличия или отсутствия отношений конкуренции между ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» может быть разрешено при получении Комиссией дополнительной информации.

Взаимное прочтение подпункта 4 пункта 10, пунктов 11 и 13 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе) (далее – Протокол) и пунктов 21 и 23 Порядка, по мнению ответчика, предполагает, что затребование Комиссией дополнительной информации (документов, сведений, пояснений) при осуществлении контроля за соблюдением общих правил конкуренции возможно только в рамках рассмотрения дела и не предполагается после объявления об окончании рассмотрения дела.

Ответчик указывает, что во исполнение решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года не может принять решение по делу ввиду наличия вопросов, требующих дополнительной проработки, о чем сделана соответствующая отметка в протоколе заседания Коллегии Комиссии от 22 декабря 2020 года.

По мнению ответчика, в соответствии с пунктом 44 Порядка дополнительная проработка вопросов, установленных Коллегией Комиссии, осуществляется исключительно комиссией по рассмотрению дела, подготовившей проект решения Коллегии Комиссии по делу, для чего Коллегией Комиссии принято решение о возобновлении рассмотрения дела, о чем комиссией по рассмотрению дела 27 января 2021 года (дата вступления в силу Решения № 178) вынесено соответствующее определение.

Ответчик полагает, что в ходе рассмотрения дела установленные обстоятельства не позволили Апелляционной палате Суда сделать вывод о соответствии Решения № 165 Договору и международным договорам в рамках Союза ввиду неверной квалификации нарушения, в связи с преждевременным установлением Комиссией статуса ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» как конкурентов.

Таким образом, по мнению ответчика, вопрос отмены Коллегией Комиссии Решения № 165 полностью, без разрешения обозначенных вопросов, поставленных Апелляционной палатой Суда, являлся бы незаконным, так как в указанной части Решение № 165 признано соответствующим праву Союза.

4.2. Ответчик считает, что, если по результатам исследования дополнительных доказательств по делу, изложения мнений лиц, участвующих в рассмотрении дела, проведенного опроса лиц, располагающих сведениями об ис-

следуемых комиссией по рассмотрению дела обстоятельствах, рассмотрение возобновленного дела будет окончено и имеющиеся материалы дела будут подтверждать наличие статуса ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» как конкурентов, то Решение № 165 в части квалификации нарушения как нарушения подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора будет подтверждено и, как следствие, правовые основания для отмены Решения № 165 будут отсутствовать. При таких условиях, действия Коллегии Комиссии по полной отмене Решения № 165 будут нести в себе риски наличия оснований для признания их незаконными, а разрешение по существу вопроса наличия или отсутствия факта нарушения без возобновления рассмотрения дела может послужить основанием для неправомерного и необоснованного освобождения виновных лиц от ответственности.

Принимая во внимание положения пункта 45 Порядка и пункта 111 Статута Суда в их системной взаимосвязи, ответчик полагает, что вводная, описательная и мотивировочная части Решения № 165 непосредственно не затрагивают права и законные интересы ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

4.3. В части доводов ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», выражающих несогласие с содержанием Решения № 165, ответчик отмечает, что в настоящее время пунктом 1 Решения № 178 пункты 2 – 8 Решения № 165 признаны утратившими силу, то есть, в отношении ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» резолютивная часть Решения № 165 отменена. Вопрос о наличии или об отсутствии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках в действиях (бездействии) ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», обеспечению конкуренции с указанием сроков их реализации, будет разрешен при рассмотрении Коллегией Комиссии проекта решения, подготовленного комиссией по рассмотрению дела о нарушении общих правил конкуренции по итогам окончания его рассмотрения.

Ответчик полагает, что в связи с изложенным, вопросы существа нарушения (его отсутствия) не могут быть подвергнуты судебной оценке в настоящем заседании, при этом, ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» могут реализовать право на судебную защиту в случае несогласия с решением Коллегии Комиссии, которое будет принято по итогам рассмотрения проекта решения Коллегии Комиссии, подготовленного комиссией по рассмотрению дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках и внесенного для рассмотрения Коллегией Комиссии членом Коллегии Комиссии, курирующим вопросы конкуренции и антимонопольного регулирования, в установленном Регламентом порядке.

В судебном заседании ответчик отметил также, что Решение № 178 по сути не затрагивает права и законные интересы истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, что лишает их права его оспарива-

ния в судебном порядке на основании подпункта 2) пункта 39 Статута Суда, и в результате производство по делу подлежит прекращению.

Ответчик не согласен с доводом истцов о том, что Решение № 178 создаст для них правовую неопределенность, приводит к расторжению контрактов и прекращению отношений с поставщиками, и указывает, что гражданско-правовые отношения не связаны непосредственно с Решением № 178.

Учитывая изложенное и руководствуясь положениями абзаца 2 подпункта 2 пункта 39 и пункта 108 Статута Суда, ответчик просит по результатам рассмотрения дела по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», признать Решение № 178 соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и не нарушающими права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в связи с чем в удовлетворении требований ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» отказать в полном объеме.

5. Выводы Суда

5.1. Согласно пункту 1 статьи 45 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Суда считает, что из смыслового содержания данной правовой нормы следует, что проверка полномочий Комиссии является вопросом публичного порядка, который оценивается Судом *ex officio* в силу прямого указания права Союза и независимо от доводов участвующих в деле лиц.

В этой связи при осуществлении проверки полномочий Комиссии на принятие Решения № 178 Суд не ограничен теми доводами, которые были указаны истцами в заявлениях.

5.2. Являясь органом Союза, Комиссия действует в пределах полномочий, предоставленных Договором и международными договорами в рамках Союза (пункт 2 статьи 8 Договора).

Согласно абзацу второму пункта 111 Статута Суда решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Догово-

ру и (или) международным договорам в рамках Союза в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствии с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен решением Суда.

Вынесенное Судом решение по результатам рассмотрения споров, предусмотренных подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, в соответствии с пунктом 100 Статута Суда является обязательным для исполнения Комиссией.

Решение № 178 принято 22 декабря 2020 года во исполнение Решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года, согласно которому Решение № 165 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Следовательно, оспариваемое Решение Комиссией принято на основании пункта 100 и абзаца второго пункта 111 Статута Суда.

На основании вышеизложенного Коллегия Суда приходит к выводу, что Комиссия обладала полномочиями на принятие Решения № 178.

5.3. Комиссия осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предоставленных Договором и международными договорами в рамках Союза в сферах, определенных пунктом 3 Положения о Комиссии, к которым согласно подпункту 9) отнесена сфера конкурентной политики.

Общие принципы и правила конкуренции установлены в разделе XVIII Договора. Реализация положений данного раздела, в соответствии с бланкетной нормой пункта 7 статьи 76 Договора, осуществляется согласно приложению № 19 к Договору.

Пунктом 1 Протокола установлено, что настоящий Протокол разработан в соответствии с разделом XVIII Договора о Евразийском экономическом союзе и определяет особенности его применения, штрафные санкции за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, порядок осуществления Комиссией контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках (включая взаимодействие с уполномоченными органами государств-членов), взаимодействие уполномоченных органов государств-членов между собой при осуществлении контроля за соблюдением конкурентного (антимонопольного) законодательства, а также введения государственного ценового регулирования и оспаривания решений государств-членов о его введении.

В соответствии с пунктом 11 Протокола разработан Порядок рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках (утвержден Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99), который применяется Комиссией при осуществлении процедуры рассмотрения дел о нарушении установленных в статье 76 Договора общих правил конкуренции на трансграничных рынках на терри-

ториях двух и более государств – членов Евразийского экономического союза (пункт 1 Порядка).

Согласно пункту 2 Порядка дело о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках возбуждается и рассматривается при наличии признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках на основании определения о возбуждении и рассмотрении дела, принимаемого по итогам проведения расследования о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках в соответствии с Порядком проведения расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 98.

В соответствии с пунктом 44 Порядка по окончании рассмотрения дела комиссия по рассмотрению дела подготавливает проект решения Коллегии Комиссии по делу. Коллегия Комиссии принимает решение по делу.

Проект решения Коллегии Комиссии о принятии решения по делу вносится членом Коллегии Комиссии, курирующим вопросы конкуренции и антимонопольного регулирования, на заседание Коллегии Комиссии и принимается в порядке, предусмотренном Регламентом работы Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98.

Коллегия Комиссии не принимает решения по делу в случае установления вопросов, требующих дополнительной проработки, о чем делается соответствующая отметка в протоколе заседания Коллегии Комиссии.

Дополнительная проработка вопросов, установленных Коллегией Комиссии, осуществляется комиссией по рассмотрению дела, подготовившей проект решения Коллегии Комиссии по делу.

Для дополнительной проработки установленных Коллегией Комиссии вопросов комиссия по рассмотрению дела возобновляет рассмотрение дела. О возобновлении дела выносится соответствующее определение.

Рассмотрение возобновленного дела осуществляется по правилам, установленным настоящим Порядком. Возобновленное дело рассматривается в срок, не превышающий 30 рабочих дней со дня подписания определения о возобновлении рассмотрения дела.

Коллегия Суда отмечает, что данная правовая норма регулирует правоотношения, которые возникают после окончания рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках и до вынесения окончательного решения в соответствии с пунктами 45 или 46 Порядка.

Анализ положений Договора, международных договоров в рамках Союза, актов органов Союза, позволяет Коллегии Суда утверждать, что в них отсутствует норма, наделяющая Комиссию правом на возобновление дела о нару-

шении общих правил конкуренции на трансграничных рынках после принятия по нему окончательного решения.

По мнению Коллегии Суда, полномочия Комиссии, связанные с установлением фактических обстоятельств, имеющих существенное значение для решения дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, осуществляются на этапе рассмотрения дела по существу и заканчиваются принятием по нему окончательного решения.

Из этого следует, что дискреция Комиссии на осуществление иных полномочий, предоставленных подпунктом 7) пункта 10 Протокола, в связи с рассматриваемым вопросом, ограничена Решением № 165, которое указывает на окончание производства по делу № 22–2018/Д–01 и исключает возможность его возобновления, а также вступившим в законную силу Решением Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года, признавшим данное решение не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Суда констатирует, что, возобновив рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22–2018/Д–01 со ссылкой на пункт 44 Порядка, Комиссия фактически задействовала процессуальный механизм, не предусмотренный правом Союза, тем самым вышла за пределы полномочий, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, нарушив при этом требования пункта 2 статьи 8 Договора.

Исходя из этого, Коллегия Суда считает обоснованным довод истцов, что Комиссия, допустив расширительное толкование права Союза, фактически интерпретировала Порядок, таким образом, что возобновление дела возможно на любом этапе после вынесения и утверждения решения Комиссии, что не соответствует праву Союза.

Что касается довода ЗАО «Дельрус» о принятии Комиссией Решения № 178 в нарушение принципа *non bis in idem*, устанавливающего невозможность повторного привлечения к ответственности, Коллегия Суда считает его несостоятельным.

5.4. Согласно пункту 16 Порядка рассмотрение дела осуществляется на заседании комиссии по рассмотрению дела. Срок рассмотрения дела не может превышать 60 рабочих дней со дня вынесения определения о возбуждении и рассмотрении дела. При необходимости получения дополнительной информации для принятия решения срок рассмотрения дела может быть продлен не более чем на 60 рабочих дней.

О продлении срока рассмотрения дела комиссия по рассмотрению дела выносит соответствующее определение.

Вместе с тем, для дополнительной проработки установленных Коллегией Комиссии вопросов и после вынесения определения о возобновлении рассмо-

тения дела согласно абзацу шестому пункта 44 Порядка возобновленное дело рассматривается в срок, не превышающий 30 рабочих дней со дня подписания определения о возобновлении рассмотрения дела.

Из системного анализа данных правовых норм следует, что кроме 120 рабочих дней, предусмотренных для рассмотрения дела, комиссии по рассмотрению дела может быть предоставлен дополнительный срок в 30 рабочих дней для дополнительной проработки вопросов при возобновлении дела. Иных сроков для рассмотрения дела правом Союза не предусмотрено.

Из этого следует, что комиссия по рассмотрению дела не наделена правом производить процессуальные действия за пределами установленных сроков, которые восстановлению не подлежат.

Кроме этого, Коллегия Суда считает, что действие сроков, установленных Порядком, распространяется на период со дня вынесения определения о возбуждении и рассмотрении дела и до принятия окончательного решения по делу Коллегией Комиссии. Это значит, что процессуальные сроки, предоставленные Комиссии по рассмотрению дела, имеют пресекающий характер и ограничены принятием окончательного решения.

Коллегия Суда утверждает, что наличие окончательного решения по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках также лишает Комиссию права на восстановление неиспользованного ранее дополнительного срока в 30 рабочих дней, предоставляемого для дополнительной проработки установленных Коллегией Комиссии вопросов и осуществления каких-либо процессуальных действий.

Из материалов дела следует, что определение о возбуждении и рассмотрении дела № 22–2018/Д–01 о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках вынесено 30 июля 2018 года. Определением от 22 октября 2018 года срок рассмотрения дела продлен на 60 рабочих дней в целях получения дополнительной информации. Ввиду отсутствия вопросов, требующих дополнительной проработки, определение о возобновлении рассмотрения дела комиссией по рассмотрению дела не выносилось.

В соответствии с пунктом 23 Порядка 22 января 2019 года председателем комиссии по рассмотрению дела было объявлено об окончании рассмотрения дела и 17 сентября 2019 года Коллегией Комиссии принято Решение № 165, которое решением Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Таким образом, Коллегия Суда констатирует, что комиссия по рассмотрению дела № 22–2018/Д–01 исчерпала предоставленные правом Союза сроки, что лишает ее права на проведение процессуальных действий за их пределами.

Однако, 22 декабря 2020 года Коллегия Комиссии приняла Решение № 178, пунктом 2 которого возобновила рассмотрение дела № 22–2018/Д–01 о нару-

шении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, что не соответствует положениям Договора и международных договоров в рамках Союза.

Следовательно, довод ЗАО «Дельрус» о том, что возобновление дела за пределами сроков для реализации стадии рассмотрения дела и после вынесения решения Коллегией Комиссии недопустимо, Коллегия Суда считает обоснованным.

5.5. Рассмотрев довод ЗАО «Дельрус» о том, что Решение № 178 вынесено за пределами срока, отведенного на исполнение решения Суда, Коллегия Суда отмечает следующее.

Положения абзаца второго пункта 111 Статута Суда обязывают Комиссию привести в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза ее решение или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда.

Коллегия Суда считает, что срок, установленный указанной нормой Статута Суда, соотносится с днем принятия Комиссией соответствующего решения, а не со временем его вступления в силу. Иное толкование ставит сроки исполнения решения Суда в зависимость от сроков, установленных для вступления в силу решения Комиссии, что недопустимо, поскольку срок вступления в силу решения Комиссии определен абзацем первым пункта 16 Положения о Комиссии.

Таким образом, данный довод ЗАО «Дельрус» не обоснован и подлежит к отклонению.

5.6. Согласно пункту 111 Статута Суда действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда. Этим же пунктом Статута Суда регулируется срок исполнения Комиссией решения Суда.

При этом норма пункта 103 Статута Суда наделяет Комиссию правом без ущерба положениям пунктов 111–113 Статута Суда самостоятельно определять форму и способ исполнения решения Суда.

Однако Коллегия Суда считает, что дискреция Комиссии по выбору мер, направленных на приведение ее решения в соответствие с правом Союза, ограничена необходимостью учета выводов Суда по соответствующему делу, изложенных в мотивировочной и резолютивной частях решения Суда.

По мнению Коллегии Суда, признание Судом решения Комиссии не соответствующим праву Союза влечет отмену оспариваемого акта.

Коллегия Суда считает, что условия и порядок оспаривания решений и действий Комиссии, принимаемых по исполнению решения Суда о призна-

нии не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза решений Комиссии, урегулированы специальными нормами пунктов 114-115 Статута Суда, которые представляют собой изъятия из общего порядка обжалования действий и решений Комиссии.

Рассмотрение и оценка пункта 1 Решения № 178, принятого в рамках исполнения решения Суда, могут быть осуществлены только по ходатайству хозяйствующего субъекта о принятии мер по исполнению решения Суда в рамках пункта 115 Статута Суда.

5.7. По мнению Коллегии Суда, любые действия Комиссии, направленные на осуществление контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках и, в том числе, возбуждение и рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках в отношении конкретных хозяйствующих субъектов, возобновление рассмотрения дела и принятие соответствующих решений непосредственно затрагивают права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Пунктами 1 и 2 Решения № 178 Коллегия Комиссии признала утратившими силу пункты 2–8 Решения № 165, а также возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22–2018/Д–01.

Таким образом, Решением № 178 оставлены в силе вводная, описательная и мотивировочная часть, а также пункт 1 резолютивной части Решения № 165, согласно которому признано отсутствие оснований для прекращения рассмотрения дела № 22–2018/Д–01, предусмотренных пунктом 46 Порядка рассмотрения дел, и дана возможность Комиссии по рассмотрению дела № 22–2018/Д–01 производить соответствующие процессуальные действия в отношении ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК».

Следовательно, Решение № 178 непосредственно затрагивает права и законные интересы ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в связи с чем отсутствуют основания для прекращения производства по делу.

5.8. На основании изложенного Коллегия Суда приходит к выводу, что Решение № 178 не соответствует Договору и международным договорам в рамках Союза в части возобновления Комиссией рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01 (пункт 2 Решения № 178) и нарушает права и законные интересы истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В случае удовлетворения Судом требований хозяйствующего субъекта, указанных в заявлении, в соответствии с пунктом 64 Статута Суда осуществляется возврат пошлины.

Руководствуясь пунктами 64, 108 Статута Суда, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда

РЕШИЛА:

Удовлетворить требования закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» в части.

Признать пункт 2 Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Уплаченная истцами пошлина подлежит возврату ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК».

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда в течение 15 календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/3-21-КС)

город Минск

14 апреля 2021 года

1. 14 апреля 2021 года Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) вынесено решение по заявлениям ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» (далее также – истцы) о признании решения Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – Решение № 178) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение. Разделяя основные выводы решения Коллегии Суда, тем не менее, считаю необходимым дать некоторые дополнительные пояснения относительно лежащей в его основе правовой аргументации.

2. Решением Апелляционной палаты от 6 ноября 2020 года решение Комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 о нарушении ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» общих правил конкуренции на трансграничных рынках, вынесенное по результатам рассмотрения дела № 22-2018/Д-01 (далее – Решение № 165), признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

В порядке исполнения решения Суда Комиссия приняла Решение № 178, которым возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01, а также признала утратившими силу пункты 2 – 8 резолютивной части Решения № 165.

С учетом внесенных изменений сохранили силу вводная, описательная и мотивировочная части Решения № 165, а также пункты 1, 9 и 10 резолютивной части.

Вводная часть Решения № 165 содержит дату и место его принятия, состав комиссии по рассмотрению дела, наименования лиц, участвовавших в рассмотрении дела. В описательной части Решения № 165 отражен факт выявления

Комиссией нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках в действиях ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», их доводы и пояснения других лиц, участвовавших в рассмотрении дела. В мотивировочной части Решения № 165 указаны обстоятельства дела, установленные при проведении расследования, их юридическая характеристика, а также доказательства, на которых основаны выводы комиссии по рассмотрению дела. Пунктом 1 резолютивной части Решения № 165 установлено отсутствие оснований для прекращения рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции, предусмотренных пунктом 46 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного Решением Совета ЕЭК от 23 ноября 2012 года № 99 (далее – Порядок № 99). Согласно пунктам 9 и 10 резолютивной части Решения № 165 оно может быть обжаловано в Суд и вступает в силу по истечении 30 дней с даты официального опубликования.

3. Подпункт 2 пункта 108 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут), наделяет Коллегию Суда правом по результатам рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта признать не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза решение Комиссии полностью или в части.

Подпункт 2 пункта 110 Статута к полномочиям Апелляционной палаты относит отмену полностью или в части либо изменение решения Коллегии Суда с вынесением нового решения по делу в соответствии с пунктами 108 и 109 Статута.

Взаимосвязанное уяснение подпункта 2 пункта 108 и подпункта 2 пункта 110 Статута означает, что Апелляционная палата вправе отменить или изменить решение Коллегии Суда и признать решение Комиссии не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза полностью или в части.

Решением Апелляционной палаты Решение № 165 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза в полном объеме.

Апелляционная палата на основании совокупности признаков, включая фактический контроль деятельности истцов одним физическим лицом, наличие указаний от одного хозяйствующего субъекта другому, а также использование сходных до степени смешения фирменных наименований, установила, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» являются частью трансграничной группы лиц с точки зрения пункта 7 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, являющегося приложением № 19 к Договору (далее – Протокол). С учетом изложенного Апелляционная палата пришла к выводу, что установленные в ходе рассмотрения дела обстоятельства указывают на неверную квалификацию нарушения в связи с преждевременным признанием Комиссией ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» конкурентами.

4. Учитывая особый характер решения по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, полагаю, что Коллегии Суда надлежало дать ответ на вопрос, отвечает ли Решение № 165 понятию «нормативного акта» и применимы ли к нему общие положения права Союза о дискреции ЕЭК по выбору способа исполнения судебного акта.

4.1. Договор в статье 6 устанавливает правовую систему Союза, которую составляют международные договоры Союза, решения и распоряжения высших органов Союза и Комиссии.

В соответствии с нормой-определением статьи 2 Договора решение представляет собой акт, принимаемый органами Союза и содержащий положения нормативно-правового характера. Данная норма получила развитие в пункте 13 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору, в силу которой в пределах своих полномочий Комиссия принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов.

В консультативном заключении от 10 июля 2018 года по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь Суд указал, что решения Комиссии, носящие нормативно-правовой характер, входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

Право Союза, определяя решения его органов через присущее им свойство нормативности, не раскрывает содержание последнего.

Законодательство государств – членов Союза под нормативным правовым актом понимает официальный документ установленной формы, принятый нормотворческим органом в пределах его компетенции, который направлен на установление, изменение и прекращение действия норм права как общеобязательных правил поведения постоянного или временного характера, рассчитанных на индивидуально не определенный круг лиц и многократное применение. Данное определение согласуется с дефиницией, выработанной правовой доктриной государств-членов.

Применение данного подхода к решениям ЕЭК позволяет заключить, что решение Комиссии, представляющее собой акт нормативного характера, обязательно для государств-членов, имеет своей целью установление правовых норм, адресовано неограниченному кругу лиц и рассчитано на неоднократное применение.

Согласно подпункту 3 пункта 10 и пункту 14 Протокола Комиссия принимает обязательные для исполнения хозяйствующими субъектами государств-членов и имеющие силу исполнительного документа решения по делам о нарушении общих правил конкуренции, налагающие на частных лиц штрафные санкции, обязывающие их совершить действия, направленные на прекращение нарушения, устранить последствия таких нарушений. Из содержания указанных правовых норм следует, что решения Комиссии по делам о нарушении общих правил конкуренции возлагают обязательства на хозяй-

ствующих субъектов, а не на государства-члены, носят индивидуально определенный характер и не рассчитаны на многократное применение. Изложенное означает, что такие решения не являются актами нормативно-правового характера и не входят в правовую систему Союза.

Данный вывод также подтверждает особый порядок рассмотрения Судом исков о проверке соответствия праву Союза решений по делам о нарушении общих правил конкуренции в соответствии с пунктом 14 Протокола, который исключает необходимость предварительного обращения заявителя в Комиссию для урегулирования вопроса в досудебном порядке и обуславливает приостановление действия решения ЕЭК фактом принятия Судом заявления об его обжаловании к производству.

Направленность решения Комиссии о нарушении общих правил конкуренции на определенный круг лиц приводит к тому, что признание Судом такого решения не соответствующим праву Союза исключает его применение к указанным лицам и возлагает на ЕЭК обязанность отменить соответствующее решение, лишая Комиссию дискреции в выборе способа исполнения судебного акта.

4.2. Указание в пункте 14 Протокола на тот факт, что принятие Судом заявления об обжаловании решения Комиссии по делу о нарушении общих правил конкуренции к производству влечет приостановление действия решения Комиссии до дня вступления решения Суда в законную силу, означает, что признание Судом решения ЕЭК не соответствующим праву Союза исключает возобновление его действия.

При таких обстоятельствах с момента принятия решения Апелляционной палаты о признании Решения № 165 не соответствующим праву Союза оспариваемое решение Комиссии является недействующим, не порождает правовые последствия для лиц, в отношении которых оно принято.

Более того, пунктом 14 Протокола установлено, что решения Комиссии о наложении штрафа или обязывающие нарушителя совершить определенные действия являются исполнительными документами и подлежат приведению в действие национальными органами принудительного исполнения, что влечет применение к таким актам Союза требований их законности, определенности и непротиворечивости. Данный вывод согласуется с законодательством государств-членов об исполнительном производстве.

В силу общеправового принципа законности признание Решения № 165 не соответствующим праву Союза исключает возможность его исполнения органами принудительного исполнения государств-членов, независимо от факта отмены указанного решения Комиссией.

В соответствии с пунктом 45 Порядка № 99 в резолютивной части решения по делу о нарушении общих правил конкуренции содержатся выводы о наличии или об отсутствии оснований для прекращения рассмотрения

дела, о наличии или об отсутствии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках в действиях ответчика, размер штрафа, меры по пресечению и (или) устранению последствий нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках с указанием сроков их реализации.

Учитывая, что требования к решению по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках императивно установлены Порядком № 99, который утвержден решением Совета ЕЭК, Коллегия Комиссии лишена дискреции по изменению структуры и содержания Решения № 165.

Исключение Решением № 178 из резолютивной части Решения № 165 положений о признании действий ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», а также их должностных лиц нарушающими общие правила конкуренции и о назначении штрафа с одновременным сохранением в силе положений об отсутствии оснований для прекращения производства по делу, порядка обжалования и вступления в силу Решения № 165 свидетельствует о несоблюдении требований Порядка № 99 в части содержания решения по делу о нарушении общих правил конкуренции. Изложенное означает, что Решение № 165 не отвечает критериям определенности и непротиворечивости, в связи с чем не может быть приведено в исполнение национальными органами принудительного исполнения и, соответственно, не способно повлечь правовые последствия для ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК». Следовательно, Решение № 165, *de jure* оставаясь действующим, *de facto* ничтожно.

5. Контекстное толкование части 2 статьи 3 и пункта 3 статьи 8 Договора означает, что одним из принципов, на основе которых действуют органы Союза, является добросовестное сотрудничество между ними. Одной из форм реализации данного принципа служит надлежащее и своевременное исполнение Комиссией решений Суда. Данное правило находит правовое закрепление в части 2 пункта 111 Статута, в силу которой решение Суда о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза возлагает на Комиссию обязанность устранить выявленное противоречие и обеспечить соблюдение права Союза.

Из взаимосвязанного уяснения пунктов 1 и 4 статьи 78 Регламента следует, что положения мотивировочной части решения, содержащие толкование норм права Союза, на которых основаны выводы, сформулированные в резолютивной части данного решения, отражают правовую позицию Суда и носят обязательный характер. Соответственно, Комиссии следует обеспечить совместимость избранных ей формы и способа исполнения решения Суда с выводами, изложенными в мотивировочной и резолютивной частях решения Суда.

Уяснение пункта 100 Статута, статьи 83 Регламента об обязательности и окончательности вступившего в силу решения Суда, с учетом принципа добросовестности как общепризнанного принципа международного права, при-

меняемого Судом на основании пункта 50 Статута, означает, что Комиссии при исполнении решения Суда о признании решения о нарушении общих правил конкуренции не соответствующим праву Союза следует аннулировать данное решение в полном объеме.

Признание решения Комиссии не соответствующим праву Союза исключает дискрецию ЕЭК по выбору способов его исполнения и влечет отмену оспариваемого акта.

Применение сформулированного подхода к проверке соответствия праву Союза Решения № 178 и учет того факта, что в мотивировочной части решения Апелляционной палаты изложен вывод о признании ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» частью трансграничной группы лиц с учетом императивной нормы пункта 7 Протокола, исключающей их привлечение к ответственности, означает, что единственным способом исполнения Комиссией решения Суда являлась отмена Решения № 165 в полном объеме.

Судья

К.Л. Чайка

Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 14 апреля 2021 года (дело № СЕ-1-2/3-21-КС)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

31 мая 2021 года

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., при секретаре судебного заседания Панове А.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года по делу по заявлениям закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее соответственно – Коллегия Суда, Суд) рассмотрено дело по заявлениям закрытого акционерного общества «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус») и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК») о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – решение № 178) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

Решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года требования ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» удовлетворены в части. Пункт 2 решения № 178 признан не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) не согласилась с решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года и обратилась в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляци-

онная палата Суда) с жалобой, в которой просит отменить решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года, принять новое решение по делу, признав решение № 178 соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, а ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» в удовлетворении требований отказать в полном объеме.

Апелляционная палата Суда приходит к выводу о том, что жалоба Комиссии соответствует требованиям статей 62, 63 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Основания для отказа в принятии жалобы к производству или для оставления ее без движения, указанные в пунктах 2, 3 статьи 64 Регламента Суда, отсутствуют.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79–81 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года), статьями 61–63, пунктом 1 статьи 64, статьями 65 и 84 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 10 часов 00 минут 15 июня 2021 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Т.Н. Нешатаева

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

РЕШЕНИЕ

город Минск

18 октября 2021 года

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., при секретаре судебного заседания Панове А.А., с участием

представителей Евразийской экономической комиссии Сушкевича А.Г., Калиева А.А., Юрлова И.А.,

представителей ЗАО «Дельрус» Банных Е.С., Вознесенского Н.Н., Муравина А.А.,

представителя ТОО «Дельрус РК» Власовой О.Б.,

рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года по делу по заявлениям закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании пункта 2 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Решением Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года (далее – решение Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года) по делу об оспаривании закрытым акционерным обществом «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус») и товариществом с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК») решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение № 165) требования ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» были удовлетворены в части; решение № 165 признано не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – До-

говор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

Во исполнение решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года Коллегия Евразийской экономической комиссии приняла решение от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – решение № 178), согласно которому: признала утратившими силу пункты 2–8 решения № 165 (пункт 1); возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-0 (пункт 2); установила, что настоящее решение вступает в силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования (пункт 3).

ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» обратились в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлениями об оспаривании решения № 178.

Решением Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года (далее – решение от 14 апреля 2021 года) требования ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» были удовлетворены в части. Пункт 2 решения № 178 признан не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) не согласилась с решением от 14 апреля 2021 года и обратилась в Апелляционную палату Суда с жалобой, в которой просит, руководствуясь пунктом 110 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда), отменить решение от 14 апреля 2021 года и принять новое решение по делу, признав решение № 178 соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, а ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» в удовлетворении требований оказать в полном объеме.

2. Процедура в Суде

28 апреля 2021 года Комиссия направила в Суд жалобу на решение от 14 апреля 2021 года.

12 мая 2021 года жалоба Комиссии поступила в Суд.

Постановлением Апелляционной палаты Суда от 31 мая 2021 года жалоба Комиссии принята к производству.

В рамках подготовки дела к рассмотрению Суд в порядке пункта 55 Статута Суда направил запросы в Государственную комиссию по защите экономической конкуренции Республики Армения, Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, Агентство по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан, Государственное агентство антимонопольного регулирования при Министерстве экономики и финансов Кыргызской Республики, Федеральную антимонопольную службу Российской Федерации, Кассационный Суд Республики Армения, Верховный Суд Респу-

блики Беларусь, Верховный Суд Республики Казахстан, Верховный Суд Кыргызской Республики, Верховный Суд Российской Федерации и получил ответы от указанных органов.

3. Доводы Комиссии

По мнению Комиссии, решение от 14 апреля 2021 года основано на неправильном применении норм материального и процессуального права, неправильной оценке имеющихся в деле доказательств и вынесено с существенным нарушением положений Статута Суда и Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), а также не соответствует принципу правовой определенности, в связи с чем подлежит отмене.

3.1. Для установления компетенции Суда подпункт 2 пункта 39 Статута Суда обязывает Суд устанавливать факт непосредственного воздействия оспариваемого решения Комиссии на права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Решение № 178 не содержало положений, которыми бы непосредственно затрагивались права и законные интересы заявителей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку пунктом 2 решения № 178 разрешался вопрос исключительно процессуального характера (возобновление производства по делу), что не относится к правам и законным интересам ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» не предоставили доказательства того, что решение № 178 непосредственно затрагивает права и законные интересы заявителей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Коллегией Суда указанному доводу Комиссии не дана надлежащая правовая оценка.

По мнению Комиссии, процессуальные права и законные интересы заявителей не являются и не могут квалифицироваться Судом как права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом возобновление производства по делу является правовой гарантией реализации прав и законных интересов Комиссии, которые установлены пунктом 13 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99 (далее – Порядок).

3.2. По мнению Комиссии, поддержанный Коллегией Суда довод ЗАО «Дельрус» о том, что возобновление дела за пределами сроков для реализации стадии рассмотрения дела и после вынесения решения Коллегией Комиссии недо-

пустимо, является необоснованным и основывается на неверном применении положений пунктов 16, 23, 44 и 45 Порядка и пункта 111 Статута Суда в их системной взаимосвязи.

Комиссия полагает, что срок рассмотрения дела в 120 рабочих дней (с учетом продления), установленный в пункте 16 Порядка, и срок в 30 рабочих дней с даты возобновления рассмотрения дела, предусмотренный пунктом 44 Порядка, имеют разную юридическую природу, их фиксации и принятие решения об их течении устанавливаются разными органами и должностными лицами.

В решении Апелляционной палаты от 6 ноября 2020 года было указано о преждевременности вывода о том, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» являются конкурентами, и о квалификации предполагаемого нарушения по подпункту 3 пункта 3 статьи 76 Договора. Таким образом, принятие решения Комиссией об отмене решения № 165 являлось бы прямым нарушением решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года.

3.3. Выбор мер, направленных на приведение решения Комиссии в соответствие с правом Союза, основывается на учете выводов Суда по соответствующему делу, изложенных в мотивировочной и резолютивной частях решения Суда.

Согласно пункту 103 Статута Суда без ущерба положениям пунктов 111 – 113 Статута Суда стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

По мнению Комиссии, положения пункта 111 Статута Суда не ограничивают Комиссию в выборе мер, направленных на приведение ее решения в соответствие с правом Союза.

Пунктом 1 решения № 178 отменены пункты 2–8 решения № 165, которые содержали выводы о наличии нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках в действиях (бездействии) ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК», заключивших антиконкурентное соглашение, а также устанавливали размеры штрафа.

С даты вступления в силу решения № 178 решение № 165 фактически отменено и, следовательно, не затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Комиссия полагает, что мнение Коллегии Суда, согласно которому признание Судом решения Комиссии не соответствующим праву Союза влечет отмену оспариваемого акта полностью, является ошибочным.

4. Возражения ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК»

ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» выражают несогласие с аргументами Комиссии и полагают, что основания для отмены решения от 14 апреля 2021 года отсутствуют.

Коллегией Суда правильно применены нормы материального и процессуального права. Решение от 14 апреля 2021 года является правильным и обоснованным.

4.1. В соответствии с пунктом 39 Статута Суда хозяйствующие субъекты вправе обжаловать в Суде решение Комиссии или его отдельные положения, непосредственно затрагивающие права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Каких-либо изъятий, препятствующих возможности обратиться в Суд с заявлением об оспаривании решения Комиссии о возобновлении рассмотрения дела, право Союза не содержит.

Решение № 178 принято во исполнение решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года. Неправомерное решение № 178 было вынесено в нарушение предусмотренных правом Союза сроков и процедуры возобновления рассмотрения дела, описанной в пунктах 44, 45 Порядка, и непосредственно затрагивает права и интересы ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

4.2. Комиссия вышла за пределы предоставленных Договором полномочий при принятии пункта 2 решения № 178.

В соответствии с пунктом 2 статьи 8 Договора органы Союза действуют строго в рамках полномочий, которые предоставлены им Договором и международными договорами в рамках Союза.

Восстановление Комиссией истекшего процессуального срока не предусмотрено ни Порядком, ни Договором, ни иными международными договорами в рамках Союза.

Комиссия, приняв пункт 2 решения № 178, нарушила пункт 44 Порядка, поскольку указанный пункт не допускает возобновление процессуальной стадии рассмотрения дела после того, как окончательное решение по нему было принято (решение № 165, которое было признано Апелляционной палатой Суда не соответствующим Договору и иным международным договорам в рамках Союза). Возобновление рассмотрения дела возможно только до принятия решения Комиссией; возобновление рассмотрения дела после вынесения решения Комиссии, а также после вынесения решения Судом, не предусмотрено правом Союза.

Подход, излагаемый Комиссией, приводит к предоставлению Комиссии права возобновлять рассмотрение одного и того же дела после того, как решение по этому делу было признано не соответствующим праву Союза.

4.3. Отмена решения № 165 в полном объеме являлась единственным способом исполнения решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года.

Пункт 111 Статута Суда устанавливает обязательство Комиссии привести решение, признанное Судом не соответствующим Договору и (или) междуна-

родным договорам в рамках Союза, в соответствии с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза в срок, не превышающий 60 (шестьдесят) календарных дней с даты вступления в силу решения Суда.

Признание акта Комиссии не соответствующим Договору и иным международным договорам в рамках Союза (без указания на конкретные положения, признаваемые соответствующими праву Союза) влечет ничтожность соответствующего акта в целом. В таком случае единственным способом исполнения решения Суда является полная отмена акта, признанного не соответствующим Договору и иным международным договорам в рамках Союза.

В соответствии с пунктом 100 Статута Суда принятое Судом решение обязательно для Комиссии и подлежит исполнению в порядке и сроки, установленные пунктом 113 Статута Суда. Несмотря на то, что в силу пункта 113 Статута Суда способ исполнения решения Суда Комиссия вправе выбирать самостоятельно, таким исполнением не могут являться действия, направленные на дезавуирование решения Суда, пересмотр обстоятельств дела, возобновление процессуальных сроков и принятие новых решений по уже рассмотренному Комиссией делу.

На основании изложенного ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» просят оставить решение от 14 апреля 2021 года без изменения, апелляционную жалобу Комиссии – без удовлетворения.

5. Выводы Апелляционной палаты Суда

5.1. Решением Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года решение № 165 было признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза в части. Апелляционная палата Суда признала, что решение № 165 содержит правильные выводы относительно определения продуктовых и географических границ товарного рынка, а решение Коллегии Суда от 11 февраля 2020 года – правильную их оценку, что позволило признать право Комиссии на расследование антиконкурентных действий ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК».

Однако установленные в ходе рассмотрения дела обстоятельства не позволили Апелляционной палате Суда сделать вывод о соответствии решения № 165 Договору и международным договорам в рамках Союза ввиду неверной квалификации нарушения в связи с преждевременным установлением Комиссией статуса ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» как конкурентов, так как названные компании, возможно, являются трансграничной «группой лиц» с точки зрения пункта 7 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Протокол), поскольку в материалах дела содержатся данные о наличии в ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» общего участника, обмене электронными письмами с общими установками в исполнительской

практике, заключении однотипных договоров аренды и субаренды калибровочной скамьи, использовании общего фирменного наименования.

Апелляционная палата Суда при отсутствии проверки указанных обстоятельств со стороны Комиссии признала, что вывод Комиссии о том, что ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» выступают в качестве конкурентов, а следовательно, и о квалификации предполагаемого нарушения по подпункту 3 пункта 3 статьи 76 Договора, не подтвердился имеющимися в деле доказательствами.

Таким образом, Апелляционная палата Суда приняла решение от 6 ноября 2020 года, которым решение № 165 было признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, что не допускает замену этого решения на новое решение аналогичного содержания.

5.2. Пунктом 100 Статута Суда предусмотрено, что по результатам рассмотрения споров, предусмотренных подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения Комиссией.

Согласно пункту 103 Статута Суда без ущерба положениям пунктов 111–113 Статута Суда стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Следовательно, согласно пункту 103 Статута Суда Комиссия обладает дискрецией по определению надлежащей формы исполнения решения Суда.

В целях исполнения решения Апелляционной палаты Суда и окончательной квалификации возможного правонарушения ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» Комиссия в решении № 178 возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01 (пункт 2).

В решении № 178 отсутствуют сведения о том, что Комиссия не учитывает правовую позицию Суда, продолжает оценивать участников группы лиц в качестве конкурентов. Во исполнение решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года Комиссия решением № 178 возобновила дело с целью определения наличия (отсутствия) в действиях (бездействии) ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» состава правонарушения.

Апелляционная палата Суда отмечает, что право Союза не предусматривает, что Комиссия не вправе своим решением возобновить производство по делу о защите принципов и правил конкуренции на трансграничных рынках по итогам судебного разбирательства и с учетом правовой позиции Суда, а также о том, что Комиссия не вправе возобновить рассмотрение дела о нарушении правил конкуренции на трансграничных рынках по другому составу правонарушения, в отношении которого не истекли сроки давности привлечения к ответственности.

Так, согласно пункту 44 Порядка для дополнительной проработки установленных Коллегией Комиссии вопросов комиссия по рассмотрению дела воз-

обновляет рассмотрение дела, о чем выносится соответствующее определение. Рассмотрение возобновленного дела осуществляется по правилам, установленным Порядком.

Таким образом, согласно пункту 44 Порядка возобновление рассмотрения дела не исключается после вступления в силу решения Суда при условии соблюдения процессуальных пресекательных сроков.

При этом согласно пункту 12 Методики расчета и порядка наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках (утверждена решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 года № 118; далее – Методика) решение по делу о нарушении не может быть вынесено по истечении 3 лет со дня совершения нарушения. Следовательно, право Союза предусматривает пресекательный трехлетний срок привлечения к ответственности за нарушение правил конкуренции на трансграничных рынках.

Исходя из изложенного, Апелляционная палата Суда приходит к выводу о том, что в рамках своей дискреции после вступления в силу решения Суда Комиссия вправе возобновить производство по делу о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках согласно пункту 103 Статута Суда, пункту 44 Порядка и с учетом действия сроков давности привлечения к ответственности, установленных пунктом 12 Методики.

5.3. Апелляционная палата Суда отмечает, что возобновление расследования по факту предполагаемого нарушения правил конкуренции на трансграничных рынках возможно в пределах установленных сроков давности привлечения к ответственности за нарушение правил конкуренции на трансграничных рынках и направлено на предупреждение и пресечение монополистической деятельности для достижения целей Союза по формированию единого экономического пространства, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (пункт 1 статьи 1 Договора), гарантированию устойчивого роста деловой активности, сбалансированной торговли и добросовестной конкуренции (преамбула Договора), а также защите прав и интересов хозяйствующих субъектов.

Указанные нормы о защите конкуренции в Союзе накладывают обязательства по их соблюдению и на хозяйствующих субъектов, осуществляющих профессиональную предпринимательскую деятельность в качестве участников экономического оборота на трансграничных рынках Союза. К таким обязательствам относится необходимость участия в антимонопольных расследованиях, проводимых Комиссией с целью проверки соблюдения всех требований к поведению (действиям, бездействию) на товарном рынке конкретного хозяйствующего субъекта.

Расследование может подтвердить отсутствие в поведении хозяйствующего субъекта фактов антиконкурентной деятельности. Так, нормы о защите

конкуренции содержат специальные правила об освобождении «группы лиц» от запретов на участие в некоторых соглашениях (например, пункт 7 Протокола), что в целях уточнения квалифицирующего состава влечет необходимость верной оценки поведения конкретного субъекта, а также определения соразмерной санкции. Возобновление рассмотрения дела направлено на защиту прав и интересов хозяйствующего субъекта.

5.4. По общему правилу одним из средств защиты хозяйствующих субъектов, действующих на трансграничном рынке Союза, является соответствие функционирования Комиссии принципу правовой определенности и процессуальной эффективности. Эти принципы налагают ограничение на властные публичные органы – в частности, правом Союза установлены пресекательные сроки как в отношении действий органов, проводящих расследование, так и в отношении ненормативных актов (решений) органов Союза, завершающих расследование, равно как в отношении актов и действий, направленных на исполнение решений Суда. Как следует из ответов уполномоченных органов государств – членов Союза, подобные пресекательные сроки есть в антимонопольном законодательстве всех государств – членов Союза.

Согласно абзацу второму пункта 111 Статута Суда решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствии с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда.

Таким образом, пункт 111 Статута Суда предусматривает пресекательный срок, в рамках которого Комиссия исполняет решение Суда. Какого-либо срока на опубликование, вступление в силу решения Комиссии за пределами срока исполнения решения Суда в 60 календарных дней право Союза не содержит.

Решение Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года вступило в силу с даты его вынесения. Какого-либо особого срока для исполнения данного решения Суд не указал. Следовательно, руководствуясь пунктом 111 Статута Суда, Комиссия должна была завершить все мероприятия, связанные с исполнением решения Суда от 6 ноября 2020 года, до 5 января 2021 года.

Поскольку после признания Апелляционной палатой Суда решения № 165 не соответствующим праву Союза Комиссия вправе решение отменить, изменить его и (или) принять новое, решение Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года было исполнено в части – путем принятия 22 декабря 2020 года промежуточного (процессуального) решения № 178, то есть в рамках срока в 60 календарных дней, предусмотренного пунктом 111 Статута Суда, и в пре-

делах срока давности привлечения к ответственности за нарушение правил конкуренции на трансграничных рынках (3 года).

Однако, учитывая пресекательный характер трехлетнего срока давности привлечения к ответственности за нарушения в сфере конкуренции на трансграничных рынках, Апелляционная палата Суда констатирует, что предполагаемые правонарушения со стороны ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» имели место в марте 2017 года. В Комиссию материалы о предполагаемом правонарушении ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» поступили 17 января 2018 года. 22 декабря 2020 года Комиссия вынесла решение № 178, которым возобновила расследование. Таким образом, на момент принятия решения № 178 срок вынесения решения по действию (бездействию) хозяйствующего субъекта не истек.

Апелляционная палата Суда отмечает, что к настоящему времени пресекательные сроки давности привлечения к ответственности (3 года согласно пунктам 12, 13 Методики) по установленным фактам исчерпаны, что предопределяет невозможность наложения мер ответственности на ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК».

Исходя из изложенного, Апелляционная палата Суда, руководствуясь подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда и подпунктом «а» пункта 1 статьи 56 Регламента, статьей 70, подпунктом «б» пункта 1 статьи 71 Регламента Суда приходит к выводу о необходимости отмены решения от 14 апреля 2021 года и прекращения настоящего дела.

Руководствуясь пунктом 110 Статута Суда, подпунктом «а» пункта 1 статьи 56, статьей 70, подпунктом «б» пункта 1 статьи 71 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда

РЕШИЛА:

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года по делу по заявлениям закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании пункта 2 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности отменить полностью.

Производство по настоящему делу прекратить.

Копию настоящего решения направить сторонам по делу.

Пошлины, уплаченные закрытым акционерным обществом «Дельрус» и товариществом с ограниченной ответственностью «Дельрус РК», вернуть.

Решение вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Т.Н. Нешатаева

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-1-2/3-21-АП)

город Минск

18 октября 2021 года

Не соглашаюсь с решением Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза по делу по жалобе Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года по делу по заявлениям закрытого акционерного общества «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус») и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК») о признании пункта 2 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – решение № 178) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение, поскольку считаю необходимым официально обозначить проблему исполнения решений Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд).

1. Полагаю, что для целей поддержания исполнения решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года резолютивную часть решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года следовало поддержать, поскольку этим решением был отменен пункт 2 решения № 178. Требовалась лишь иная мотивировка, ибо первая инстанция Суда упустила из своего внимания ключевой аспект – трехлетний процессуальный срок давности привлечения к ответственности. Апелляционная палата отменила оспариваемое решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года, оставив в силе оспариваемое решение № 178. Таким образом, рассмотрение дела в Комиссии становится вечным.

Ситуация сложилась таким образом, что к моменту рассмотрения дела Коллегией Суда решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение № 165) было признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза (на основании решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года). На момент

вынесения Коллегией Суда решения от 14 апреля 2021 года пункт 2 решения № 178, согласно которому было возобновлено рассмотрение дела, перестал соответствовать праву Союза, поскольку были исчерпаны сроки давности привлечения к ответственности ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» по фактическим обстоятельствам, имевшим место в 2017 году и выявленным Комиссией в 2018 году.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: срок истек, но Комиссия исправно требует любые доказательства от хозяйствующего субъекта. Апелляционная палата Суда этот процесс не остановила, оставив в силе пункт 2 решения № 178, позволяющий продлить расследование.

2. В праве Союза, к сожалению, отсутствуют какие-либо меры ответственности за неисполнение решений Суда (кроме политической – передачи вопроса исполнения решения Суда на уровень Высшего Евразийского экономического совета согласно пункту 115 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) по ходатайству сторон).

В настоящее время отсутствуют сведения о том, что решения Суда не исполняются государствами – членами Союза, а также хозяйствующими субъектами. Однако исполнение решений Суда Комиссией вызывает обеспокоенность, поскольку практика Суда показывает, что Комиссия пытается выявить способы формального исполнения (фактически – неисполнения) решений Суда и закамуфлировать проблему, административные лица, ответственные за интеграцию, поддерживают эти уловки.

Безусловно, согласно пункту 103 Статута Суда стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда. Тем не менее дискреция стороны спора не является абсолютной, поскольку указанный пункт Статута Суда предусматривает, что она должна быть реализована «без ущерба» пунктам 111–113 Статута Суда, которые предполагают, что решение Суда исполняется в 60-дневный срок.

Применительно к настоящему делу отмечаю, что решение Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года на данный момент не исполнено. Исполнение решения от 6 ноября 2020 года согласно пункту 113 Статута Суда предполагало проведение переквалификации предполагаемого правонарушения в 60-дневный срок (до 5 января 2021 года).

Следовательно, все мероприятия, связанные с привлечением ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» к ответственности за предполагаемые правонарушения должны были завершиться до 5 января 2021 года.

Однако Комиссия избрала такой способ исполнения решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года, который привел лишь к видимости исполнения судебного акта в установленный срок и поспособствовал тому,

что срок давности привлечения к ответственности был пропущен. Формально выглядит, что Комиссия реализовала свое обязательство по исполнению решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года, но ограничилась вынесением 22 декабря 2020 года промежуточного решения № 178, которым признала утратившими силу пункты 2–8 решения № 165, а также возобновила расследование дела в отношении ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК».

Однако согласно пункту 3 решения № 178 данный акт вступил в силу спустя 30 дней после его официального опубликования, состоявшегося 28 декабря 2021 года. Из этого следует, что решение № 178 вступило в силу 27 января 2021 года, то есть за пределами 60-дневного срока, отводимого пунктом 113 Статута Суда на исполнение решения Суда.

В этом случае Суд обязан признать решение Комиссии не соответствующим праву Союза (пункт 111 Статута Суда), ибо, игнорируя пресекательные сроки после вступления в силу решения № 178, Комиссия начала мероприятия, связанные с переквалификацией возможного правонарушения, которые не завершены и к настоящему времени. По итогу на данный момент решение Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года осталось неисполненным – акта Комиссии, в котором делался бы однозначный вывод о наличии (отсутствии) в действиях ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК» состава правонарушения, издано не было.

Отмечаю, что сопоставимая ситуация проявляется в деле по заявлению АО «СУЭК-Кузбасс» против Комиссии (решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года; решение Апелляционной палаты Суда от 15 июля 2021 года; постановление Коллегии Суда об отказе в удовлетворении ходатайства о принятии мер по исполнению от 4 октября 2021 года) – существует угроза того, что решение Суда по этому делу также не будет исполнено путем ссылок на запретительные акты более высокого уровня.

Следовательно, на данный момент практика показывает, что Комиссия в ходе реализации решений Суда использует разные варианты формализации неисполнения решений Суда: добавляет срок вступления в силу конкретных решений к обязательству по исполнению решения Суда в 60-дневный срок, передает решение вопроса органам иного уровня и так далее.

Полагаю, что согласно пункту 103 Статута Суда дискреция Комиссии по вопросу выбора формы исполнения решений Суда должна реализовываться «без ущерба» положениям касательно срока исполнения решения Суда, а также не может приводить к административно-исполнительскому произволу, ставящему под сомнение жизнеспособность евразийской интеграции, а также эффективность работы Суда.

Применительно к настоящему делу отмечаю, что к настоящему времени пресекательные сроки давности привлечения к ответственности (три года согласно пунктам 12, 13 Методики расчета и порядка наложения штрафов за

нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденной решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 года № 118) по установленным фактам исчерпаны.

Это предопределяет невозможность наложения мер ответственности на ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК». За пределами сроков давности Комиссия не обладает полномочиями (компетенцией) как на издание распорядительно-организационных персонифицированных актов, так и на расследование указанных фактов.

Следовательно, с момента истечения сроков давности на проведение расследования и привлечение к ответственности как действия, так и акты публичных органов власти в Союзе по этому вопросу являются юридически недействительными (ничтожными) и не должны порождать юридически значимых последствий во времени и пространстве.

Таким образом, к настоящему времени у органа, проводящего расследование, отсутствуют полномочия (компетенция) на привлечение компаний к ответственности в связи с истечением сроков давности привлечения к ответственности, и пункт 2 решения № 178 противоречит праву Союза.

Исходя из изложенного, полагаю, что Апелляционной палате Суда следовало признать пункт 2 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза, что равно оставлению в силе решения Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года с уточненной мотивировкой.

Судья

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-1-2/3-21-АП)

город Минск

21 октября 2021 года

Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза 18 октября 2021 г. вынесено решение по делу по жалобам закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 г. по делу по заявлениям закрытого акционерного общества «Дельрус» и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 г. № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Соглашаясь с необходимостью отмены в полном объеме решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 г. (далее – Решение Коллегии Суда) по делу по заявлениям закрытого акционерного общества «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус») и товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК») о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 г. № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» (далее – Решение № 178) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом Союзе от 29 мая 2014 г. (далее, соответственно, – Договор, Союз) и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, не поддерживаю выводы Апелляционной палаты Суда Союза о соответствии Решения № 178 праву Союза и о прекращении производства по делу как противоречащие праву Союза. Кроме того, полагаю, что при апелляционном рассмотрении дела допущены существенные процессуальные нарушения, оказавшие непосредственное влияние на права и законные интересы ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК».

Регламент Суда Евразийского экономического союза, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда), наделяет судью правом в случае несогласия

Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 21 октября 2021 года (дело № СЕ-1-2/3-21-АП)

с решением Суда Союза (далее – Суд) или его отдельными положениями заявить особое мнение при вынесении решения Суда (пункт 1 статьи 79 Регламента Суда).

Руководствуясь предоставленным Регламентом Суда правом, заявляю особое мнение.

Пунктом 6 статьи 78 Регламента Суда декларируется, что решение Суда должно быть логичным, не содержать внутренних противоречий, несовместимых положений. Решение Апелляционной палаты Суда от 18 октября 2021 г. не соответствует указанным требованиям, является внутренне противоречивым, непоследовательным, не основанным на правильном понимании и применении материальных и процессуальных норм права Союза.

В резолютивной части решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. содержится вывод о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 г. № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – Решение № 165) не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. Несмотря на такую ясную и не допускающую иного толкования формулировку, свидетельствующую о несоответствии праву Союза Решения № 165 в полном объеме, в абзаце первом подпункта 5.1 решения Апелляционной палаты Суда от 18 октября 2021 г. указывается, что Решение № 165 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза не в полном объеме, а лишь в части.

Немотивированное и не основанное на праве Союза изменение Апелляционной палатой Суда при рассмотрении настоящего дела сути собственного предыдущего решения от 6 ноября 2020 г. и неверное понимание правовых последствий признания Решения № 165 не соответствующим праву Союза привели в конечном итоге к принятию Апелляционной палатой Суда решения от 18 октября 2021 г., не согласующегося с правом Союза.

На основании части второй пункта 111 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), решение Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), признанное Судом не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда.

Исходя из этого, последствием признания Судом акта Комиссии не соответствующим праву Союза является его отмена либо изменение Комиссией таким образом, который устраняет все изложенные в решении Суда противоречия праву Союза.

В решении от 18 октября 2021 г. Апелляционная палата Суда констатировала, что решение Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. было исполнено Комиссией в части (абзац пятый пункта 5.4 решения), то есть не в полном объеме, однако уклонилась от оценки такого частичного исполнения Комиссией судебного решения и его последствий.

Апелляционная палата Суда расценила возобновление Комиссией рассмотрения дела как правомерное и совершенное в рамках ее полномочий, не дав оценки наличию по делу итогового Решения № 165, частично оставленного в силе Решением № 178, что являлось препятствием для таких действий.

Аргументация Апелляционной палаты Суда фактически построена на допущении возможности нарушения Комиссией установленной Порядком рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 г. № 99 (далее – Порядок), процедуры рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции в целях защиты прав и законных интересов хозяйствующего субъекта (абзац третий подпункта 5.3 решения). Отмечу, что сами хозяйствующие субъекты, не соглашаясь с таким подходом, утверждали как раз о нарушении их прав оспариваемыми действиями Комиссии.

Право Союза является достаточно определенным в регламентации вопросов исполнения решений Суда, пределов компетенции Комиссии и порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

В соответствии с пунктом 103 Статута Суда Комиссия обладает дискрецией в выборе формы и способа исполнения решения Суда. В то же время принятие Комиссией процессуальных мер по исполнению решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. не должно противоречить иным актам права Союза, в том числе Порядку, которым закреплены процессуальные нормы, регламентирующие возобновление рассмотрения дела как факультативную стадию рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции, предшествующую вынесению решения по делу.

Так, в соответствии с пунктом 44 Порядка по окончании рассмотрения дела комиссия по рассмотрению дела подготавливает проект решения Коллегии Комиссии по делу. Коллегия Комиссии принимает решение по делу.

Коллегия Комиссии не принимает решения по делу в случае установления вопросов, требующих дополнительной проработки, о чем делается соответствующая отметка в протоколе заседания Коллегии Комиссии.

Дополнительная проработка вопросов, установленных Коллегией Комиссии, осуществляется комиссией по рассмотрению дела, подготовившей проект решения Коллегии Комиссии по делу.

Для дополнительной проработки установленных Коллегией Комиссии вопросов комиссия по рассмотрению дела возобновляет рассмотрение дела. О возобновлении рассмотрения дела выносится соответствующее определение.

Рассмотрение возобновленного дела осуществляется по правилам, установленным Порядком. Возобновленное дело рассматривается в срок, не превышающий 30 рабочих дней со дня подписания определения о возобновлении рассмотрения дела.

По завершении указанного срока принимается решение, в резолютивной части которого в соответствии с пунктом 45 Порядка содержатся в том числе выводы о наличии или об отсутствии оснований для прекращения рассмотрения дела.

Приведенная выше стадийность и неукоснительное следование ей определяют процедуру рассмотрения дела, установленную Порядком. Как следствие, не предусмотренные данной процедурой действия в виде возобновления рассмотрения дела после принятия по делу итогового решения создают логическую ошибку – рассмотрение дела возобновлено, но при этом сохраняет силу Решение № 165 по результатам рассмотрения дела, состоящее из вводной, описательной и мотивировочной частей (где приведены все обстоятельства дела, собранные доказательства и их оценка, установлен факт нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках и дана его юридическая квалификация) и пункта 1 резолютивной части (которым признано отсутствие предусмотренных пунктом 46 Порядка оснований для прекращения рассмотрения дела).

Такое исполнение Комиссией решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. исключает какой-либо иной результат возобновленного рассмотрения дела, кроме признания факта нарушения общих правил конкуренции при неизменных фактических обстоятельствах дела и юридической квалификации, указанных в Решении № 165 в его неотмененной части. В рассматриваемой ситуации, будучи связанной обязательным для нее актом права Союза – Решением № 165 в его неотмененной части, комиссия по рассмотрению дела не вправе даже переквалифицировать состав нарушения со словора хозяйствующих субъектов-конкурентов на совершение нарушения группой лиц в соответствии с выводами решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. (аргументация несогласия с которыми приведена в моем особом мнении от 11 ноября 2020 г.).

Таким образом, приняв Решение № 178, оставившее в силе вводную, описательную, мотивировочную части и пункт 1 резолютивной части Решения № 165, и при этом совершив действия по возобновлению рассмотрения дела, Комиссия вышла за пределы предоставленных ей актами права Союза полномочий, нарушив пункт 2 статьи 8 Договора и Порядок. В свою оче-

редь, Апелляционная палата Суда, придя в решении от 18 октября 2021 г. к выводу о правомерности возобновления рассмотрения дела в рассматриваемых обстоятельствах, оставила без внимания указанное нарушение права Союза.

С сущностной точки зрения, возобновление рассмотрения дела при наличии установленных и приведенных в неотмененной части Решения № 165 фактов и обстоятельств нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, доказательств и юридической квалификации нарушения, констатации отсутствия оснований для прекращения дела приводит к нарушению принципа презумпции невиновности хозяйствующих субъектов. С учетом изложенного, вывод в абзаце третьем подпункта 5.3 решения Апелляционной палаты Суда от 18 октября 2021 г. о том, что «возобновление рассмотрения дела направлено на защиту прав и интересов хозяйствующих субъектов», лишен не только правовой, но и экономической логики, поскольку антимонопольное расследование для любого хозяйствующего субъекта затрагивает и может нарушать его права и интересы, создает угрозу применения мер ответственности и наступления других негативных последствий.

Сами хозяйствующие субъекты – ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» – настаивали на том, что частичная отмена Решения № 165 и возобновление рассмотрения дела не только не защищают их права и законные интересы, но наоборот, нарушают их, налагают дополнительные обязанности (сбор и представление в Комиссию запрашиваемых документов, участие в заседаниях комиссии по рассмотрению дела, представление пояснений), подвергают рискам упущенной выгоды и репутационных издержек в отношениях со своими контрагентами.

Факт признания в решении Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. Решения № 165 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза означает, что Решение № 165 в полном объеме не соответствует Договору и международным договорам в рамках Союза. Вместе с тем, в указанном объеме оно не отменено или не изменено Решением № 178, на основании которого Комиссией было возобновлено рассмотрение дела и совершались связанные с этим процессуальные действия, и продолжает действовать наряду с ним.

Право Союза не допускает возможности оставления в силе решения Комиссии, признанного Судом не соответствующим праву Союзу, не отвечающего формальным требованиям подпункта 4 пункта 10 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, являющегося приложением № 19 к Договору, пунктов 44, 45 Порядка, каким является в настоящее время Решение № 165 в неотмененной части. Принимая во внимание, что исполнение решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. должно осуществляться с соблюдением всех норм права Союза, избранный Комиссией в рассматрива-

емом случае способ исполнения решения Суда нельзя признать соответствующим праву Союза.

Кроме того, при исполнении решения Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 г. и принятии Решения № 178 Комиссии необходимо было проанализировать наличие необходимых условий для вынесения решения по делу о нарушении общих правил конкуренции.

В соответствии с пунктом 12 Методики расчета и порядка наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 г. № 118 (далее – Методика), решение по делу о нарушении не может быть вынесено по истечении 3 лет со дня совершения нарушения.

Как следует из Решения № 165 в неотмененной Решением № 178 части, при квалификации действий ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» Комиссия исходила из того, что продолжавшаяся в течение 2017 года – I квартала 2018 г. реализация соглашения между ними как конкурентами позволяет квалифицировать нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках в качестве длящегося.

Согласно пункту 13 Методики, длящимся является такое нарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся несоблюдении правил конкуренции или непредставлении информации.

В то же время в неотмененной части Решения № 165 описан только один факт взаимоотношений между указанными хозяйствующими субъектами и заявителем по делу о нарушении – товариществом с ограниченной ответственностью «Scuderia» (далее – ТОО «Scuderia»), имевший место в марте 2017 года. Иные факты (эпизоды) совершения (продолжения, прекращения) нарушения в 2017 – начале 2018 годов и позднее не приведены, что делает вывод о длящемся характере нарушения (при условии его наличия) и его продолжении после марта 2017 года не основанным на собранных по делу доказательствах.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости проведения Комиссией дополнительного анализа вопросов характера и времени совершения возможного нарушения с целью установления момента истечения трехлетнего срока вынесения решения по делу, что невозможно с учетом оставления в силе описательной и мотивировочной частей признанного Судом не соответствующим праву Союза Решения № 165 с содержащимися в них соответствующими выводами.

Но даже если оставить без внимания характер нарушения и согласиться с приведенными в неотмененной части Решения № 165 утверждениями Комиссии, то в соответствии с пунктом 13 Методики трехлетний срок для вынесения решения по делу при длящемся нарушении начинает исчисляться со дня обнаружения нарушения.

Днем обнаружения нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках в рассматриваемом случае, исходя из Решения № 165 в его неотмененной части, является 17 января 2018 г. – дата получения Комиссией обращения Министерства национальной экономики Республики Казахстан (вх. № 618 от 17 января 2018 г.), указывающего на возможное наличие в действиях (бездействии) общества с ограниченной ответственностью «Дельрус», хозяйствующего субъекта Российской Федерации, признаков нарушения пункта 1 статьи 76 Договора, выразившегося, по мнению заявителя, в необоснованном отказе либо уклонении от заключения договора с ТОО «Scuderia» на предоставление услуги по калибровке ультразвукового датчика к аппарату для неинвазивного определения степени фиброза печени FibroScan 502 TOUCH.

Решение № 178 вступило в силу 27 января 2021 г. (по истечении 30 дней с момента его опубликования). Таким образом, на момент вступления в силу промежуточного, не итогового процессуального Решения № 178, возобновляющего рассмотрение дела, трехлетний срок вынесения решения по делу о нарушении общих правил конкуренции, исходя из фактических данных, содержащихся в неотмененной части Решения № 165, уже истек.

С учетом закрепленной в Порядке процедуры завершения дела о нарушении принятием итогового процессуального решения таковым в рассматриваемой ситуации, полагаю, является решение о прекращении дела в связи с истечением установленного пунктом 12 Методики трехлетнего срока либо по реабилитирующим основаниям. Однако Решение № 165, сохранившее в неотмененном пункте 1 его резолютивной части вывод об отсутствии оснований для прекращения рассмотрения дела, юридически препятствует принятию любого из указанных процессуальных решений.

Необходимо констатировать, что Апелляционная палата Суда хотя и указала в решении от 18 октября 2021 г. на то, что «к настоящему времени пресекательные сроки давности привлечения к ответственности (3 года согласно пунктам 12, 13 Методики) по установленным фактам исчерпаны, что предопределяет невозможность наложения мер ответственности на ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» (абзац седьмой подпункта 5.4), тем не менее не сформулировала выводов о соответствии праву Союза Решения № 165 в неотмененной части и Решения № 178, а также не дала оценки действиям Комиссии в рамках возобновления рассмотрения дела за пределами указанного срока.

Наряду с этим следует отметить и правовую неопределенность, порожденную продолжением действия двух актов Комиссии по одному и тому же делу, один из которых признан Судом не соответствующим праву Союза, а от проверки второго на соответствие праву Союза Апелляционная палата Суда уклонилась, прекратив производство по делу решением от 18 октября 2021 г.

Так, в решении Апелляционной палаты Суда от 18 октября 2021 г. вопрос о соответствии Решения № 178 Договору и международным договорам в рамках

Союза, который ставили перед Судом ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК», не разрешен, что противоречит пункту 5 статьи 78 Регламента Суда. Указание Апелляционной палаты Суда лишь на отмену Решения Коллегии Суда без вынесения нового решения по делу необоснованно оставляет требование заявителей без рассмотрения.

Отказ Апелляционной палаты Суда от рассмотрения по существу требования заявителей о соответствии праву Союза Решения № 178 фактически лишает их одного из основополагающих прав – права на судебную защиту и доступ к правосудию, гарантированного конституциями всех государств – членов Союза, Всеобщей декларацией прав человека, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, Международным Пактом о гражданских и политических правах, Договором и Статутом Суда и другими актами международного и национального права.

Указав на единственное основание для прекращения производства по делу – истечение трехлетнего срока привлечения заявителей к ответственности – Апелляционная палата Суда не мотивировала, каким образом истечение срока влияет на права и обязанности хозяйствующих субъектов, по их мнению, уже нарушенные Решением № 165 в неотмененной части и Решением № 178.

Убежден, что затрагивающим и нарушающим права и законные интересы хозяйствующих субъектов может быть не только применение к ним мер ответственности, но и констатация в решении Комиссии самого факта их противоправного поведения, равно как и факта отсутствия реабилитирующих оснований для прекращения дела, влекущие для них, возможно, более обременительные репутационные и коммерческие издержки.

Кроме того, в соответствии со статьями 56, 84 Регламента Суда единственной формой процессуального документа, оформляющего прекращение производства по делу, является постановление Суда, в связи с чем Апелляционной палатой Суда неверно избрана форма акта о прекращении производства по делу в виде решения, что является существенным процессуальным нарушением порядка рассмотрения дела.

Не соглашаясь с выводом Апелляционной палаты Суда о прекращении производства по делу, полагаю, что, руководствуясь подпунктом «б» пункта 1 статьи 71 Регламента Суда, Апелляционной палате Суда следовало Решение Коллегии Суда отменить, однако не прекратить производство по делу, а вынести новое решение, которым признать Решение № 178 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза в полном объеме по изложенным в настоящем особом мнении обстоятельствам.

Судья

Д.Г. Колос

Резюме
по делам № СЕ-1-2/3-21-КС и № СЕ-1-2/3-21-АП
(ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК»)

Ключевые слова:

Закрытое акционерное общество «Дельрус» (ЗАО «Дельрус»), товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (ТОО «Дельрус РК») (хозяйствующие субъекты, юридические лица) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК, Комиссия).

Об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года», признании не соответствующим Договору, международным договорам в рамках Союза.

Общие принципы и правила конкуренции – исполнение решения Суда; возобновление рассмотрения дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Статья 76 Договора о Евразийском экономическом союзе; Порядок рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках (решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 99); Протокол об общих принципах и правилах конкуренции; Методика расчета и порядка наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках (Методика).

Решение Коллегии Суда – удовлетворение требований истцов в части – признание пункта 2 решения Коллегии ЕЭК от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года» не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза – особое мнение – решение Апелляционной палаты Суда – отмена решения Коллегии Суда – прекращение производства по делу – особые мнения.

Описание:

Закрытое акционерное общество «Дельрус» и товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» обратились в Суд Евразийского экономического союза с заявлениями об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 178 «Об исполнении Решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 г.» (далее – Решение № 178).

Решением № 178 ЕЭК признала утратившими силу пункты 2 – 8 резолютивной части Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на

трансграничных рынках» (далее – Решение № 165), которое было признано Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза в решении от 6 ноября 2020 года не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза, а также возобновила рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01.

Решением от 14 апреля 2021 года Коллегия Суда удовлетворила требования ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» в части и признала пункт 2 Решения № 178, которым возобновляется рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках № 22-2018/Д-01, не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Суда отметила, что производство по делу № 22-2018/Д-01 завершено принятием Решения № 165, а также вступившим в силу решением Апелляционной палаты Суда от 6 ноября 2020 года, что исключает возможность его возобновления. Возобновив рассмотрение дела со ссылкой на пункт 44 Порядка, Комиссия задействовала процессуальный механизм, не предусмотренный правом Союза, и вышла тем самым за пределы полномочий, предоставленных Договором. Коллегия Суда также указала, что комиссия по рассмотрению дела № 22-2018/Д-01 исчерпала предоставленные правом Союза сроки, что лишает ее права на проведение процессуальных действий за их пределами.

К решению Коллегии Суда приложено особое мнение судьи Чайки К.Л.

Не согласившись с решением Коллегии Суда Евразийская экономическая комиссия обратилась в Апелляционную палату Суда с жалобой.

Решением от 18 октября 2021 года Апелляционная палата Суда отменила решение Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года.

Как отметила Апелляционная палата Суда, решение Апелляционной палаты от 6 ноября 2020 года исполнено Евразийской экономической комиссией в части путем принятия в установленный срок Решения № 178, носящего промежуточный (процессуальный) характер. В Решении № 178 отсутствуют сведения о том, что Комиссия не учитывает правовую позицию Суда, продолжает оценивать участников группы лиц в качестве конкурентов. Как подчеркнула Апелляционная палата Суда, согласно пункту 44 Порядка возобновление рассмотрения дела не исключается после вступления в силу решения Суда при условии соблюдения пресекательных сроков давности привлечения к ответственности, установленных пунктом 12 Методики.

Апелляционная палата Суда указала, что поскольку к моменту вынесения судебного акта пресекательные сроки давности привлечения к ответственности по установленным фактам исчерпаны, наложение мер ответственности на ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» представляется невозможным.

В этой связи Апелляционная палата прекратила производство по делу.

К решению Апелляционной палаты Суда приложены особые мнения судей Колоса Д.Г. и Нешатаевой Т.Н.

Правовые позиции Суда:

1. Признание решения Комиссии Судом не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза не допускает замену этого решения на новое решение аналогичного содержания.

(см. абзац 4 пункта 5.1. решения Апелляционной палаты Суда)

2. Право Союза не препятствует возобновлению Комиссией производства по делу о защите принципов и правил конкуренции на трансграничных рынках по итогам судебного разбирательства с учетом правовой позиции Суда и при условии соблюдения процессуальных пресекательных сроков.

(см. абзацы 6, 8 пункта 5.2. решения Апелляционной палаты Суда)

3. Пункт 111 Статута Суда предусматривает пресекательный срок, в рамках которого Комиссия исполняет решение Суда. Какого-либо срока на опубликование, вступление в силу решения Комиссии за пределами срока исполнения решения Суда в 60 календарных дней право Союза не содержит.

(см. абзац 3 пункта 5.4 решения Апелляционной палаты Суда)

Summary
of cases No. CE-1-2/3-21-KC and No. CE-1-2/3-21-АП
(Delrus CJSC and Delrus RK LLP)

Keywords:

Delrus Closed Joint-Stock Company (Delrus CJSC), Delrus RK Limited Liability Partnership (Delrus RK LLP) (economic entities, legal persons) – the Eurasian Economic Commission (EEC, Commission).

On contesting the decision No. 178 of the Board of the Eurasian Economic Commission of December 22, 2020, “On execution of the judgment of the Appeals Chamber of the Court of the Eurasian Economic Union of November 6, 2020”, declaring it non, in line with the Treaty, international treaties within the Union.

General principles and rules of competition – enforcement of the Court’s judgment; reopening of a case relating to the violation of the general rules of competition in transboundary markets.

Article 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union; Procedure for case proceedings relating to the violation of the general rules of competition in transboundary markets (decision No. 99 of the Council of the Eurasian Economic Commission of 23 November 2012); Protocol on General Principles and Rules of Competition; Methodology for calculating and imposing fines for violation of the general rules of competition in transboundary markets (Methodology).

Judgment of the Chamber of the Court – satisfaction of the claimants’ demands in part – declaring paragraph 2 of the decision No. 178 of the EEC Board “On execution of the judgment of the Appeals Chamber of the Court of the Eurasian Economic Union dated November 6, 2020” dated December 22, 2020, non-complying with the Treaty and international treaties within the Union – separate opinion – judgment of the Appeals Chamber – overturn of the judgment of the Chamber of the Court – termination of proceedings – separate opinions.

Substance of the case:

Delrus Closed Joint-Stock Company and Delrus RK Limited Liability Partnership filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union contesting the decision No. 178 of the Board of the Eurasian Economic Commission of 22 December 2020 “On execution of the judgment of the Appeals Chamber of the Court of the Eurasian Economic Union of November 6, 2020” (hereinafter – Decision № 178).

By the Decision No. 178, the EEC declared paragraphs 2 – 8 of the operative part of the Decision No. 165 of the EEC Board of September 17, 2019 “On violation of the general rules of competition in transboundary markets” (hereinafter – Decision No. 165), which was declared by the Appeals Chamber of the Court of the EAEU in its judgment of November 6, 2020 not in line with the Treaty on the EAEU of

May 29, 2014 and international treaties within the Union, invalid, and also resumed the proceedings in the case concerning violation of the general rules of competition in transboundary markets No. 22-2018/D-01.

By the Decision of April 14, 2021, the Chamber of the Court satisfied the claims of Delrus CJSC and Delrus RK LLP in part and declared paragraph 2 of the Decision No. 178, which resumes proceedings in the case concerning violation of the general rules of competition in transboundary markets № 22-2018/D-01, not in line with the Treaty and international treaties within the Union.

The Chamber of the Court noted that the proceedings in case № 22-2018/D-01 were completed by the adoption of the Decision No. 165, as well as by the judgment of the Appeals Chamber of the Court of November 6, 2020, entered into force, which excludes the possibility of its resumption. By resuming the proceedings in the case with reference to paragraph 44 of the Procedure, the Commission activated a procedural mechanism not provided for by the Union law, and thereby exceeded the powers granted by the Treaty. The Chamber of the Court also indicated that the commission for the consideration of case No. 22-2018/D-01 had exhausted the time limits provided for by the Union law, which deprives it of the right to conduct proceedings outside them.

The Separate opinion of Judge K.L. Chaika is attached to the judgment of the Chamber of the Court.

The Eurasian Economic Commission disagreed with the judgment of the Chamber of the Court and filed an appeal to the Appeals Chamber of the Court.

By the judgment of October 18, 2021, the Appeals Chamber overturned the judgment of the Chamber of the Court of April 14, 2021.

As noted by the Appeals Chamber of the Court, the judgment of the Appeals Chamber of November 6, 2020 was executed by the Eurasian Economic Commission in part by adopting the Decision No. 178 within the prescribed period, which is of an interim (procedural) nature. There is no information in the Decision No. 178 that the Commission does not consider the legal position of the Court, continues to evaluate the members of the group of persons as competitors. As emphasized by the Appeals Chamber, according to paragraph 44 of the Procedure, the resumption of the case proceedings is not excluded after the entry into force of the Court's judgment, subject to the preclusion and limitation periods for imposing liability established by paragraph 12 of the Methodology.

The Appeals Chamber of the Court pointed out that since by the time the judicial act was delivered, the preclusion and limitation periods for liability due to established facts had been exhausted, it seemed impossible to impose liability measures on Delrus CJSC and Delrus RK LLP.

In this regard, the Appeals Chamber terminated the proceedings.

The Separate opinions of Judges D.G. Kolos and T.N. Neshataeva are attached to the judgment of the Appeals Chamber of the Court.

Legal findings of the Court:

1. Recognition of the Commission's decision by the Court as non-complying with the Treaty and international treaties within the Union does not allow the replacement of this decision with a new decision of a similar content.

(see subparagraph 4 of paragraph 5.1. of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

2. The Union law does not prevent the Commission from resuming proceedings in the case on the protection of the principles and rules of competition in transboundary markets based on the results of the trial, taking into account the legal position of the Court and subject to procedural preclusion terms.

(see paragraphs 6, 8 of paragraph 5.2 of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

3. Paragraph 111 of the Statute of the Court provides for a preclusion period within which the Commission should enforce the judgment of the Court. The Union law does not contain any deadline for publication, entry into force of the decision of the Commission beyond the deadline for the execution of the Court judgment of 60 calendar days.

(see subparagraph 3 of paragraph 5.4. of the judgment of the Appeals Chamber of the Court)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

3 февраля 2021 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи Айриян Э.В., судьи-докладчика Баишева Ж.Н., судей Ажибраимовой А.М., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Айсаутове Б.М., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении вопроса об определении объема правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза» в его системной взаимосвязи с положениями статьи 88 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору), регулирующими осуществление закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика),

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении вопроса об определении объема правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза», используемого в пункте 6 Перечня случаев осуществления закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), являющегося приложением № 3 к Протоколу о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору; далее соответственно – Перечень, Протокол № 25), в его системной взаимосвязи с положениями статьи 88 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и Протокола № 25, регулирующими осуществление закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика).

В заявлении Комиссия указывает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 88 Договора закупки в государствах-членах осуществляются согласно Протоколу № 25.

Согласно пункту 10 Протокола № 25 закупки из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) осуществляются

с учетом требований, указанных в пункте 10 приложения № 1 к Протоколу № 25 («Требования к организации и проведению конкурса, запроса ценовых предложений (запроса котировок), запроса предложений, аукциона и закупки из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика)»), в случаях, предусмотренных Перечнем.

Одним из таких случаев, предусмотренных в пункте 6 Перечня, является приобретение товаров, работ и услуг у конкретного лица, определенного законодательными актами государства – члена Евразийского экономического союза (далее – Союз), а также приобретение товаров, работ и услуг, поставка, выполнение или оказание которых может осуществляться исключительно органами исполнительной власти в соответствии с их полномочиями или подведомственными им государственными учреждениями, государственными (унитарными) предприятиями, юридическими лицами, 100 процентов голосующих акций (долей участия) которых принадлежат государству, соответствующие полномочия которых устанавливаются законодательными актами государства – члена Союза, актами главы государства – члена Союза.

По мнению Комиссии, спорный вопрос, требующий разъяснения Суда, связан с необходимостью определения объема правового содержания термина «законодательными актами государства – члена Союза», используемого в указанном пункте в двух случаях:

а) как основание для осуществления закупки из одного источника либо у единственного поставщика (приобретение товаров, работ и услуг у конкретного лица, определенного законодательными актами государства – члена Союза);

б) в качестве правового акта, устанавливающего полномочия государственных учреждений, государственных унитарных предприятий, юридических лиц, 100 процентов голосующих акций (долей участия) которых принадлежат государству, подведомственных органам исполнительной власти (соответствующие полномочия которых установлены законодательными актами государства – члена Союза, актами главы государства – члена Союза).

Заявитель считает, что отсутствие правовой определенности в объеме правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза» для целей применения пункта 6 Перечня создает различные правовые режимы деятельности хозяйствующих субъектов государств – членов Союза и осуществления закупок из одного источника либо у единственного поставщика в государствах – членах Союза.

В этой связи Комиссия просит Суд предоставить консультативное заключение по вопросу определения объема правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза», используемого в пункте 6 Перечня, в его системной взаимосвязи с положениями статьи 88 Договора и

Протокола № 25, регулируемыми осуществление закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика).

II. Выводы Большой коллегии Суда

Преамбулой Договора установлено, что при учреждении Евразийского экономического союза государства – члены Союза руководствовались принципом суверенного равенства государств, предусматривающего, в том числе, автономность и независимость их правовых систем.

Согласно пункту 1 статьи 1 Договора государства – члены Союза учреждают Союз, в рамках которого обеспечивается проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза. При этом под единой политикой понимается политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

Пунктом 1 статьи 88 Договора предусмотрено, что регулирование отношений в сфере закупок осуществляется законодательством государства-члена о закупках.

Таким образом, сфера закупок не отнесена Договором к единой политике, требующей унифицированного правового регулирования, в том числе по определению правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза».

В соответствии с пунктом 2 статьи 19 Договора компетенция Суда определяется Статутом Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда).

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Суд по заявлению органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Согласно пункту 68 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Требования, предъявляемые к заявлению органа Союза о разъяснении, содержатся в статье 10 Регламента.

В соответствии с подпунктом «в» пункта 1 статьи 10 Регламента в заявлении о разъяснении могут ставиться только вопросы, требующие толкования положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Определение объема юридического содержания правовых институтов государств-членов, в том числе содержания термина «законодательные акты государства-члена Союза», не относится к компетенции Суда.

По смыслу пункта 102 Статута Суда Суд не вправе изменять и (или) отменять действующие нормы права Союза, законодательства государств-членов и создавать новые.

Согласно подпункту «а» статьи 73 Регламента Суд отказывает в принятии к производству заявления о разъяснении в случаях, если заявление не соответствует требованиям, предусмотренным статьей 10 Регламента.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 46 Статута Суда, статьей 10, подпунктом «а» статьи 73 Регламента, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Отказать в принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении вопроса об определении объема правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза» в его системной взаимосвязи с положениями статьи 88 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору), регулирующими осуществление закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика).

Копию постановления направить в Евразийскую экономическую комиссию. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Э.В. Айриян

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ судьи Колоса Д.Г.

город Минск

5 февраля 2021 года

В Суд Евразийского экономического союза (далее, соответственно – Суд, Союз) поступило заявление Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом Союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор), Протокола о порядке регулирования закупок, являющегося приложением № 25 к Договору (далее – Протокол), и Перечня случаев осуществления закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), являющегося приложением № 3 к Протоколу (далее – Перечень).

Постановлением Большой коллегии Суда от 3 февраля 2021 г. (далее – Постановление) в принятии заявления к производству отказано.

Регламент Суда Евразийского экономического союза, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда), наделяет судью правом в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями заявить особое мнение при вынесении решения Суда (пункт 1 статьи 79 Регламента Суда).

Полагаю, что отказ в принятии заявления к производству противоречит Договору, Статуту Суда Евразийского экономического союза, являющемуся приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), и Регламенту Суда.

В этой связи, не соглашаясь с вынесенным Постановлением и пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

1. Комиссия просила разъяснить правовое содержание термина **«законодательные акты государства – члена Союза»**, используемого в пункте 6 Перечня, в его системной взаимосвязи с положениями статьи 88 Договора и Протокола.

В заявлении Комиссия указала, что в соответствии с пунктом 3 статьи 88 Договора закупки в государствах – членах Союза осуществляются согласно Протоколу.

Согласно пункту 10 Протокола закупки из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) осуществляются с учетом требований пункта 10 приложения № 1 к Протоколу в случаях, предусмотренных Перечнем.

Одним из таких случаев (пункт 6 Перечня) является приобретение товаров, работ и услуг у конкретного лица, определенного **законодательными актами государства – члена Союза**, а также приобретение товаров, работ

и услуг, поставка, выполнение или оказание которых может осуществляться исключительно органами исполнительной власти в соответствии с их полномочиями или подведомственными им государственными учреждениями, государственными (унитарными) предприятиями, юридическими лицами, 100 процентов голосующих акций (долей участия) которых принадлежат государству, соответствующие полномочия которых устанавливаются **законодательными актами государства – члена Союза**, актами главы государства – члена Союза.

Вопрос Комиссии, требующий разъяснения Суда, связан с необходимостью определения объема правового содержания термина «законодательный акт государства – члена Союза», используемого в указанном пункте Перечня в двух случаях:

а) как основание для осуществления закупки из одного источника либо у единственного поставщика (приобретение товаров, работ и услуг у конкретного лица, определенного законодательными актами государства – члена Союза);

б) в качестве правового акта, устанавливающего полномочия государственных учреждений, государственных унитарных предприятий, юридических лиц, 100 процентов голосующих акций (долей участия) которых принадлежат государству, подведомственным органам исполнительной власти (соответствующие полномочия которых установлены законодательными актами государства – члена Союза, актами главы государства – члена Союза).

2. Согласно пункту 2 Статута Суда целью деятельности Суда является обеспечение в соответствии с положениями Статута Суда единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Единообразное применение Договора государствами-членами и органами Союза предполагает наличие у них единого понимания содержания используемых в Договоре терминов.

В связи с высокой вероятностью различий в квалификации правовых понятий в национальном законодательстве государств, для источников права международной природы характерна автономная квалификация, то есть определение содержания терминов для целей данного акта в самом его тексте. Аналогичный подход используется и в Договоре, статья 2 которого содержит квалификацию используемых в нем общих правовых понятий, например, «государства-члены», «унификация законодательства», «гармонизация законодательства». Там же установлено правило, согласно которому иные понятия, используемые в Договоре, понимаются в значениях, приведенных в соответствующих разделах Договора и приложениях к нему.

Ни статья 2 Договора, ни раздел XXII Договора, ни Протокол, ни Перечень не раскрывают значение понятия «законодательные акты государства – члена Союза».

В заявлении Комиссии указано, что объем правового содержания термина «законодательный акт государства – члена Союза» непосредственно влияет на единообразное применение в государствах – членах Союза пункта 6 Перечня, включая создание равных конкурентных условий для доступа к участию в государственных закупках хозяйствующих субъектов государств – членов Союза.

Сам факт обращения Комиссии в Суд свидетельствует об отсутствии единого понимания положений права Союза, разъяснение которых запрашивается, более того, о различных подходах к правовому содержанию имеющегося в Перечне термина «законодательные акты государства – члена Союза» прямо указано в самом заявлении.

Обращаю внимание, что пунктом 34 Протокола предусмотрен механизм возможных действий в случае неисполнения государством-членом в нарушение принципа *pacta sunt servanda* своих обязательств, предусмотренных разделом XXII Договора и Протоколом. В этом случае другие государства-члены вправе обратиться в Комиссию, которая принимает решение об отсутствии факта нарушения либо о признании факта нарушения и необходимости его устранения государством-членом. При невыполнении государством-членом решения о необходимости устранения выявленного нарушения по истечении 2 месяцев со дня его принятия, каждое из других государств-членов в одностороннем порядке вправе не распространять национальный режим на такое государство-член, о чем незамедлительно направляет уведомление в Комиссию и каждому из государств-членов.

Как следствие, запрошенное толкование является крайне важным для государств-членов исходя из соблюдения принципа их законных ожиданий, для Комиссии же эффективное выполнение возложенных на нее функций и принятие соответствующих праву Союза решений в условиях правовой неопределенности представляется невозможным.

При таких обстоятельствах Суд в рамках компетенции по разъяснению *ex officio* обязан осуществлять толкование терминов, дефиниции которых в Договоре отсутствуют.

Исходя из этого, отказ Суда от разъяснения по заявлению органа Союза, уполномоченного на обращение в Суд, содержащихся в Договоре положений прямо противоречит цели деятельности Суда и интересам интеграции.

3. Руководствуясь пунктом 46 Статута Суда, Суд по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Полагаю, что Суд обладает предметной *ratione materiae* и субъектной *ratione personae* компетенцией по рассмотрению данного дела, в связи с чем у Большой коллегии Суда отсутствовали основания для отказа в принятии заявления Комиссии к производству.

3.1. Вопрос Комиссии о разъяснении норм Договора, Протокола и Перечня относится к предметной компетенции Суда, поскольку термин «законодательный акт государства – члена Союза», имеющийся в Договоре, может являться предметом толкования. При этом его содержание должно разъясняться Судом в консультативном заключении, предоставляемом по результатам рассмотрения заявления.

В качестве единственного основания для отказа в приеме заявления к производству Большая коллегия Суда сослалась на подпункт «в» пункта 1 статьи 10 Регламента Суда, указав, что в заявлении о разъяснении могут ставиться лишь вопросы, требующие толкования положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Вместе с тем в соответствии с подпунктом «в» пункта 1 статьи 10 Регламента Суда в заявлении государства-члена или органа Союза о разъяснении указываются положения Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, по которым требуется разъяснение.

Подлежащий разъяснению термин «законодательный акт государства – члена Союза» содержится в пункте 6 Перечня, являющегося приложением № 3 к Протоколу, который, в свою очередь, является приложением № 25 к Договору. В заявлении есть указание на данный термин, а также на статью 88 Договора и Перечень, в системной взаимосвязи с положениями которых запрошено толкование.

Таким образом, в заявлении Комиссии прямо указано положение Договора, по которому требуется разъяснение, а вывод Большой коллегии Суда о том, что определение содержания термина «законодательный акт государства – члена Союза» не относится к компетенции Суда, противоречит праву Союза.

То обстоятельство, что в национальном законодательстве государств – членов Союза термин «законодательный акт» может иметь различное содержание, не является для Суда основанием для отказа в его толковании применительно к значению, которое придается ему правом Союза.

Как следствие, по критерию *ratione materiae* заявление Комиссии относится к компетенции Суда.

3.2. По субъектному критерию правом на обращение в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза обладают государства-члены и органы Союза.

Комиссия является постоянно действующим регулирующим органом Союза (пункт 1 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору), к основным задачам которого отнесены

обеспечение условий функционирования и развития Союза, а также выработка предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза.

Комиссия является органом Союза, в связи с чем наделена *locus standi* на обращение в Суд с заявлением о разъяснении Договора в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

Таким образом, по критерию *ratione personae* заявление Комиссии также соответствует компетенции Суда.

3.3. С учетом изложенного, отказ Большой коллегии Суда в принятии к производству заявления о разъяснении, рассмотрение которого входит в компетенцию Суда, не основан на праве Союза и может быть расценен как уклонение от осуществления Судом своих обязанностей.

4. Основывая отказ в принятии заявления Комиссии к производству на утверждении о том, что сфера государственных (муниципальных) закупок не отнесена Договором к единой политике, требующей унифицированного правового регулирования, Большой коллегии Суда следовало быть последовательной и указать, какой конкретно вид или виды политик реализуются в Союзе в сфере государственных (муниципальных) закупок, а также обосновать, каким образом данное обстоятельство может препятствовать разъяснению Судом положений, содержащихся в Договоре.

При этом следует учитывать, что сфера государственных (муниципальных) закупок уже являлась предметом толкования Суда с формулированием соответствующих правовых позиций в консультативном заключении от 11 января 2021 г. по заявлению Комиссии о разъяснении положений Договора.

Кроме того, анализ предыдущей практики Суда показывает, что Большой коллегией Суда предоставлялись консультативные заключения в том числе по вопросам, не отнесенным Договором к единой политике, в частности, от 7 декабря 2018 г. по заявлению Комиссии о разъяснении положений Договора, касающихся количественных ограничений к профессиональным спортсменам, от 20 ноября 2017 г. по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Порядка регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики, являющегося приложением № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору), о применении унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих стран.

Таким образом, отнесение той или иной сферы отношений, регулируемых Договором и иными актами права Союза, к единой, согласованной либо скоординированной политике никоим образом не оказывает влияния на наличие у Суда компетенции принимать и рассматривать заявления государств-членов и органов Союза о разъяснении положений Договора.

Также считаю необходимым отметить, что, утверждая о неотнесении сфе-

ры государственных (муниципальных) закупок к единой политике, Большая коллегия Суда привела в качестве обоснования выдержку из абзаца второго пункта 1 статьи 88 Договора о регулировании отношений в сфере закупок законодательством государства-члена о закупках.

Видится некорректным такой избирательный подход к цитированию лишь тех положений нормы права Союза, которые соответствуют последующему выводу, и игнорирование иных положений той же нормы, ставящих такой вывод под сомнение.

Во-первых, тем же абзацем вторым пункта 1 статьи 88 Договора к числу целей и принципов регулирования в сфере государственных (муниципальных) закупок относится регулирование отношений в сфере закупок не только законодательством государства-члена о закупках, но и **международными договорами государств-членов**.

Во-вторых, требования к тому, каким образом должно выстраиваться законодательство государства-члена о закупках, содержатся в пункте 3 статьи 88 Договора, устанавливающим, что **закупки в государствах-членах осуществляются согласно приложению № 25 к Договору (Протокол)**, находящемуся в прямой взаимосвязи с приведенным абзацем вторым пункта 1 статьи 88 Договора.

Как представляется, сделав вывод о неотнесении сферы государственных (муниципальных) закупок к единой политике на этапе рассмотрения вопроса о принятии заявления к производству, Большая коллегия Суда фактически подменила процедуру рассмотрения заявления о разъяснении, следствием чего явились нарушение стадийности судопроизводства и преждевременность данного вывода.

5. Поскольку Большая коллегия Суда отказала в приеме заявления о разъяснении к производству, что препятствует дальнейшему движению дела, имея особое мнение по данному вопросу, полагаю необходимым высказать позицию по существу положений права Союза, толкование которых запрашивалось Комиссией, в целях обеспечения их единообразного понимания и применения.

При осуществлении разъяснения Судом применяется Венская конвенция Организации Объединенных Наций о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (далее – Венская конвенция), которая содержит правила и принципы их толкования. В частности, пунктом 1 статьи 31 Венской конвенции установлено общее правило толкования о том, что международный договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам международного договора в их контексте, а также в свете объекта и целей международного договора.

Специальное значение придается термину в том случае, если установле-

но, что участники имели такое намерение (пункт 4 статьи 31 Венской конвенции).

При толковании принимается во внимание преамбула и приложения к международному договору, последующие соглашения и практика применения международного договора, а также любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками (пункты 2, 3 статьи 31 Венской конвенции). Также используются дополнительные средства толкования (статья 32 Венской конвенции).

Таким образом, уяснение содержания терминов международного договора и их разъяснение подчиняются формальной логике, объекту и целям договора для установления подлинных намерений сторон до и при подписании договора и последующем его применении.

Анализ текста Договора, Протокола и Перечня показывает использование в них различных указаний на правовые акты государств-членов:

- «нормативный правовой акт государства-члена» в сфере закупок (подпункты 3, 5 пункта 29 Протокола);
- «акт» об установлении изъятий (пункты 32, 33 Протокола);
- «законодательство государства-члена» о закупках (пункты 35-41 Протокола);
- «законодательный акт государства-члена» (пункт 6 Перечня);
- «законодательство государства-члена» (пункт 29 Перечня);
- «акт главы государства-члена» (пункт 6 Перечня);
- «распоряжение главы государства-члена, распоряжение высшего органа исполнительной власти государства-члена по решению или поручению главы государства-члена» (пункт 14 Перечня).

В этой связи представляется правильным вывод о том, что использование вариативных формулировок в отсылке к правовым актам государств-членов для регулирования отношений в сфере государственных (муниципальных) закупок очевидным образом указывает на их наполнение создателями Договора нетождественным содержанием, которое в самом Договоре и Протоколе специально не раскрывается.

В международной практике регулирования закупок применяются схожие подходы. Так, в рамках многосторонней торговой системы Всемирной торговой организации в Соглашении о государственных закупках (*Revised Agreement on Government Procurement and WTO related legal instruments, text amended on 30 March 2012*) также прослеживается многообразие используемой терминологии правовых актов, касающейся сторон данного Соглашения: «*laws*», «*regulations*», «*administrative procedures*», «*rules*», «*procedures*», «*practices*» (статья 22). В Директиве Европейского союза о государственных закупках от 26 февраля 2014 г.

№ 2014/24/EU используется терминология: «*national law*» (пункт 16 преамбулы), «*national legislative provision*» (пункт 32 преамбулы), «*national legislation*» (пункт 98 преамбулы).

Принимая во внимание участие в Договоре стран с различным государственным устройством и отличающимися подходами к системе правовых актов, а также отсутствие унифицированного регулирования данного вопроса на уровне права Союза, единственно возможным является отнесение тех или иных правовых актов к определенному виду уполномоченными на это субъектами государств-членов в рамках национального законодательства.

Таким образом, норму права Союза о регулировании «законодательным актом государства – члена Союза» контекстуально следует рассматривать как отсылочную к правовой системе соответствующего государства-члена, которая определяет юридическое содержание этого понятия.

Выступая в межгосударственных отношениях в рамках Договора, каждое государство сохраняет свой суверенитет. Доктринальный подход к институту суверенитета государства позволяет констатировать, что в состав суверенной верховной государственной власти входит независимость, позволяющая каждому государству-члену решать свои национальные задачи, определяя государственное устройство, наделяя государственные органы полномочиями на издание, принятие тех или иных видов актов и определяя их юридическую силу.

Как следует из подготовительных материалов к заседанию Коллегии Комиссии, на котором было принято решение о направлении в Суд заявления, предпосылкой для обращения в Суд послужила практика закупки у единственного поставщика, осуществляемой на основании пункта 6 Перечня, в соответствии с Законом субъекта Российской Федерации.

Квалификация с точки зрения нормотворческого процесса понятия, признаков, видов национальных законодательных актов и их юридической силы очевидно относится к исключительной компетенции государства-члена как суверена.

Приведенное выше позволяет сделать вывод о том, что каждое государство-член правомочно самостоятельно определять содержание термина «законодательный акт государства – члена Союза» исходя из его легальной дефиниции, находящейся в правовом поле национального законодательства, либо его позиционирования в системе национальных правовых актов.

6. На основании изложенного прихожу к выводу, что Большой коллегии Суда необходимо было принять к производству заявление Комиссии и предоставить консультативное заключение о том, что содержание термина «законодательный акт государства – члена Союза» в отсутствие его специального значения в Договоре, Протоколе и Перечне должно пониматься в его обычном

значении, которое придается ему нормами национального законодательства соответствующего государства-члена Союза.

Судья

Д.Г. Колос

Резюме
по делу № СЕ-3/1-21-БК
(Евразийская экономическая комиссия)

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК, Комиссия).

О разъяснении вопроса об определении объема правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза» в его системной взаимосвязи с положениями Договора о Евразийском экономическом союзе и Протокола о порядке регулирования закупок.

Регулирование закупок – законодательные акты государства – члена Союза – осуществление закупок из единственного источника или у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика).

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года – Протокол о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе) – Перечень случаев осуществления закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика).

Постановление об отказе в принятии к производству – особое мнение.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении вопроса об определении объема правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза», используемого в пункте 6 Перечня случаев осуществления закупок из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), являющегося приложением № 3 к Протоколу о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года). По мнению Комиссии, отсутствие правовой определенности в объеме правового содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза» для целей применения пункта 6 Перечня создает различные правовые режимы деятельности хозяйствующих субъектов государств – членов Союза и осуществления закупок из одного источника либо у единственного поставщика в государствах – членах Союза.

Постановлением Большой Коллегии от 3 февраля 2021 года в принятии к производству заявления Комиссии отказано на основании того, что определение объема юридического содержания правовых институтов государств-членов, в том числе содержания термина «законодательные акты государства – члена Союза», не относится к компетенции Суда.

К постановлению Большой коллегии Суда заявлено особое мнение судьи Суда ЕАЭС Колоса Д.Г.

**Summary
of case No. CE-3/1-21-БК
(the Eurasian Economic Commission)**

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC, Commission).

On clarification of the issue of determining the legal scope of the term «legislative acts of a Member State of the Union» in its systemic relationship with the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union and the Protocol on the Procedure for Regulating Procurement.

Procurement regulation – legislative acts of the Member State of the Union – procurement from a single source or a single supplier (executor, contractor).

Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 – Protocol on the Procedure for Regulating Procurement (Annex No. 25 to the Treaty on the Eurasian Economic Union) – List of Cases Requiring Procurement from a Single Source or a Single Supplier (Executor, Contractor).

Order of the application dismissal – separate opinion.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union requesting clarification of the issue of determining the legal scope of the term «legislative acts of Member State of the Union», used in paragraph 6 of the List of Cases Requiring Procurement from a Single Source or a Single Supplier (Executor, Contractor), which is Annex No. 3 to the Protocol on the Procedure for Regulating Procurement (Annex No. 25 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014). According to the Commission, the lack of legal certainty in the legal scope of the term «legislative acts of a Member State of the Union» for the purposes of applying paragraph 6 of the List creates different legal regimes for the activities of economic entities of the Member States of the Union and procurement from a single source or a single supplier in the Member States of the Union.

By the order of the Grand Chamber dated February 3, 2021, the Commission's application was dismissed on the grounds that determining the legal scope of the legal institutions of the Member States, including the scope of the term “legislative acts of a Member State of the Union”, does not fall within the competence of the Court.

Separate opinion of Judge of the EAEU Court D.G. Kolos is attached to the order of the Grand Chamber of the Court.

РЕШЕНИЕ

22 февраля 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., под председательством судьи-докладчика Айриян Э.В., при секретаре судебного заседания Винник В.В., с участием:

представителей общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» (Российская Федерация) Платовой О.В., Гусева А.Н.,

представителей Евразийской экономической комиссии Киризмеева Р.О., Дорошкевича В.А., Потаповой И.А., Солопова В.И., Фурсова В.Н., рассмотрев в открытом судебном заседании посредством видео-конференц-связи дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

В заявлении ООО «Поларис Инт» (далее – истец) просит Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) признать Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 51) не соответствующим статьям 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция о ГС), статьям 19 и 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (далее – ТК ЕАЭС), Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа

Евразийского экономического союза» (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) и нарушающим права и законные интересы ООО «Поларис Инт» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Постановлением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года заявление ООО «Поларис Инт» принято к производству.

1. Процедура в Суде

В соответствии с пунктом 76 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд заседает в составе Коллегии Суда в случаях, предусмотренных подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда.

Согласно подпункту 2 пункта 39 Статута Суда Суд рассматривает по заявлению хозяйствующего субъекта споры о соответствии решения Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ответчик) или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС), если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Таким образом, Суд наделен правом рассматривать споры с участием хозяйствующих субъектов в случае, если оспариваемый акт Комиссии или его отдельные положения непосредственно затрагивают права и законные интересы хозяйствующих субъектов, касаются предмета их предпринимательской и иной экономической деятельности и нарушают предоставленные им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза права и законные интересы.

Судопроизводство в Коллегии Суда осуществляется в соответствии с главой V Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

При подготовке дела к рассмотрению Судом запрошены необходимые дополнительные материалы у Комиссии, уполномоченных органов государств – членов Союза.

В Суд поступили материалы из:

Комитета государственных доходов Республики Армения;

Государственного таможенного комитета Республики Беларусь;

Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики;

Федеральной таможенной службы Российской Федерации;
Комиссии.

2. Доводы истца

В обоснование своих требований истец приводит следующие доводы.

ООО «Поларис Инт» (далее – истец, ООО «Поларис Инт»), в рамках внешнеэкономического контракта от 1 ноября 2016 года № ТЕХ- 001116, заключенного с «Texton International group Limited» (Гонконг), в период с декабря 2016 года по май 2017 года осуществило ввоз на территорию Российской Федерации товара – машины пароструйные: вертикальные отпариватели и пароочистители электрические бытовые, мощностью до 1700 Вт. Предназначены для использования любых типов тканей и для разглаживания складок на одежде и чистки поверхностей.

До принятия Решения № 51 истец классифицировал ввезенный товар «отпариватели» в товарной позиции 8424 ТН ВЭД ЕАЭС как пароструйные устройства, ставка ввозной таможенной пошлины по которым составляет 0 %.

Товар был выпущен Псковской таможней под заявленным в декларациях на товары кодом ТН ВЭД ЕАЭС 8424 30 900 0 «Механические устройства (с ручным управлением или без него) для метания, разбрызгивания или распыления жидкостей или порошков; огнетушители заряженные или незаряженные; пульверизаторы и аналогичные устройства; пароструйные или пескоструйные и аналогичные метательные устройства: машины пароструйные или пескоструйные и аналогичные метательные устройства: – машины прочие: – прочие, ставка ввозной таможенной пошлины 0%, НДС-18%.

В 2018 году, после выпуска товаров, по результатам камеральной проверки, оформленной Актом от 27 марта 2018 года № 10209000/210/270318/A000001, Псковская таможня пришла к выводу, что заявленный декларантом код подлежит изменению, и ввезенные товары надлежит классифицировать кодом ТН ВЭД ЕАЭС 8516 79 700 0 «Электрические водонагреватели проточные или накопительные (емкостные), электронагреватели погружные; электрооборудование обогрева пространства и обогрева грунты, электротермические аппараты для ухода за волосами (например, сушилки для волос, бигуди, щипцы для горячей завивки) и сушилки для рук; электроутюги; прочие бытовые электронагревательные приборы; электрические нагревательные сопротивления, кроме указанных в товарной позиции 8545: – приборы электронагревательные прочие – прочие – прочие, ставка ввозной таможенной пошлины 10%, НДС-18%.

Как следует из заявления, декларирование товаров, в отношении которых приняты решения таможенных органов, производилось истцом с декабря

2016 года по май 2017 года в период действия принятых таможенными органами Российской Федерации предварительных решений о классификации идентичных товаров в соответствии с кодом 8424 30 900 0 ТН ВЭД ЕАЭС, то есть именно с тем кодом, который и был заявлен при декларировании. Заявление иного кода явилось бы прямым нарушением пункта 6 статьи 21 ТК ЕАЭС поскольку предварительные решения были опубликованы на сайте Федеральной таможенной службы Российской Федерации и являлись обязательными при классификации товаров на территории Российской Федерации. Иных правовых актов, регулирующих порядок классификации такого рода товаров, на момент декларирования и выпуска спорных товаров не имелось.

По мнению истца, основанием для иной классификации товара таможенным органом послужило Решение № 51, согласно которому бытовые отпариватели для одежды надлежит классифицировать по коду 8516 79 700 0 ТН ВЭД ЕАЭС. Использование указанного решения для классификации товаров Псковская таможня подтвердила в судебных органах Российской Федерации.

Решение ЕЭК № 51 вступило в силу с 11 июня 2017 года, после выпуска спорных товаров.

Как полагает истец, классификация товара «отпариватели» в соответствии с Решением № 51, которым истец обязан руководствоваться, повлекла за собой увеличение таможенных платежей, подлежащих уплате при ввозе таких товаров, вследствие изменения ставки ввозной таможенной пошлины с 0 % до 10 %. Увеличение подлежащих уплате таможенных платежей на «отпариватели», в свою очередь, послужило основанием необходимости пересмотра уже сложившихся договорных отношений с потребителями в сторону увеличения цен и, зачастую, отказа от сложившихся хозяйственных связей.

Кроме того, классификация таможенными органами в соответствии с Решением № 51 уже ввезенных отпаривателей/пароочистителей повлекла за собой доначисление и доплату таможенных платежей, приведя к изъятию из финансово-хозяйственного оборота компании значительных сумм.

Решениями судебных органов Российской Федерации жалобы о признании незаконными решений таможенного органа о классификации товара оставлены без удовлетворения.

По мнению истца, товар «бытовой отпариватель, предназначенный для разглаживания одежды паром» в соответствии с основным правилом интерпретации (далее – ОПИ) 1 ТН ВЭД ЕАЭС классифицируется в товарной позиции 8451 ТН ВЭД ЕАЭС.

Подтверждением правильности классификации указанного товара в товарной позиции 8451 является принятое на 62-ой сессии Всемирной таможенной организации (далее – ВТамО) в сентябре 2018 года решение в отношении

товара «электрический паровой утюг и полуавтоматический парогенератор, подключаемый с помощью трубы и электрического кабеля».

Истец полагает, что в Решении № 51 ошибочно выбраны такие классифицирующие признаки прибора как «бытовой» и «электронагревательный», без учета выполняемой функции, что дало основания для отнесения таких товаров в товарную позицию 8516 ТН ВЭД ЕАЭС с более высокой ставкой ввозной таможенной пошлины.

Таким образом, оспариваемое Решение № 51 непосредственно затрагивает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку предмет его хозяйственной деятельности связан с товаром, ввозимым на таможенную территорию Союза, к которому применяется Решение № 51.

Как указывается в заявлении, Решение № 51 содержит неверную классификацию товара «отпариватели» в товарной позиции 8516 ТН ВЭД ЕАЭС, поэтому не соответствует положениям указанных актов права Союза и нарушает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

3. Доводы ответчика

Комиссией в Суд направлены возражения на заявление ООО «Поларис Инт» за исходящим № 03-90 от 2 декабря 2020 года.

Комиссия считает доводы истца необоснованными и сообщает, что перечисленные в заявлении в качестве приложения документы в адрес Комиссии не направлены, что является нарушением пункта 58 Статута Суда, подпункта «е» пункта 3 статьи 9, пункта 2 статьи 23, и пункта 3 статьи 29 Регламента Суда.

Решение № 51 принято Комиссией в рамках ее компетенции в соответствии с пунктом 7 статьи 52 действовавшего на тот момент Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) и Порядком принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии № 284 от 2 декабря 2013 года (далее – Порядок), в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС, то есть применения единых подходов к классификации товаров на всей территории Союза.

По мнению Комиссии, в товарную позицию 8516 ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с ее текстом включаются «Электрические водонагреватели проточные или накопительные (емкостные), электронагреватели погружные; электрооборудование обогрева пространства и обогрева грунта, электротермические аппараты для ухода за волосами (например, сушилки для волос, бигуди, щипцы для горячей завивки) и сушилки для рук; электроутюги; прочие бытовые

электронагревательные приборы; электрические нагревательные сопротивления, кроме указанных в товарной позиции 8545:».

Отличительной особенностью товаров, классифицируемых в товарной позиции 8516 ТН ВЭД ЕАЭС, является использование их в качестве электронагревательных приборов, применяемых в бытовых целях.

Комиссия считает доводы ООО «Поларис Инт» о том, что «бытовой отпариватель» с описанными выше характеристиками в соответствии с ОПИ 1 должен классифицироваться в товарной позиции 8451 ТН ВЭД ЕАЭС, необоснованными по следующим основаниям.

В товарную позицию 8451 ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с ее текстом «Оборудование (кроме машин товарной позиции 8450) для промывки, чистки, отжима, сушки, глаженья, прессования (включая прессы для термофиксации материалов)...» включается широкий диапазон машин для выполнения указанных функций.

В возражениях Комиссии указано, что процесс отпаривания принципиально отличается от процесса глажения тем, что на ткань воздействует не разогретая до высокой температуры подошва утюга, а влажный горячий пар.

В Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 21 «О пояснениях к Единой товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Пояснения), в части пояснения к товарной позиции 8451 ТН ВЭД ЕАЭС приведены примеры машин, включаемых в товарную позицию 8451 ТН ВЭД ЕАЭС, например, промышленные промывные или моющие машины, машины для отжима и каландры, вибрационные и встряхивающие механизмы, используемые в прачечных для распутывания влажных изделий и расправления их для глаженья, гладильные машины и паровые прессы для обработки предметов одежды (включая прессы для термофиксации).

Таким образом, рассматриваемый в Решении № 51 как отдельный вид товара бытовой отпариватель не является ни гладильным оборудованием, ни паровым прессом, поименованным в тексте товарной позиции 8451 ТН ВЭД ЕАЭС.

Следовательно, классификация товара «бытовой отпариватель», поименованного в Решении № 51, в товарной позиции 8451 ТН ВЭД ЕАЭС исключается, поскольку этот товар не соответствует тексту товарной позиции и предназначен для непосредственного использования в бытовых целях в течение ограниченного периода времени для отпаривания и обработки одежды паром с целью дезинфекции, чистки, устранения запахов.

Согласно техническим характеристикам, рассматриваемый в Решении № 51 отпариватель заявлен производителем, как предназначенный для использования в быту для отпаривания одежды, что не исключает возможности

использования его в химчистках, ателье, домах быта, салонах, магазинах, но только в пределах, определенных техническими характеристиками бытового прибора (ограниченное время непрерывной работы в зависимости от продолжительности по времени выработки пара и объема резервуара с водой).

Согласно общим положениям к разделу XVI Пояснений в группу 84 ТН ВЭД ЕАЭС включаются все оборудование и механические устройства и их части, не включенные более конкретно в группу 85 ТН ВЭД ЕАЭС. «В общем, к группе 84 относятся машины, оборудование и механические устройства, а к группе 85 – электротовары. Однако некоторые машины включаются в товарные позиции группы 85 (например, электромеханические бытовые устройства)...».

Таким образом, бытовой отпариватель, поименованный в Решении № 51, в соответствии с техническими характеристиками является бытовым электронагревательным прибором и согласно ОПИ 1 должен классифицироваться в товарной позиции 8516 ТН ВЭД ЕАЭС.

Комиссия отмечает, что ссылка ООО «Поларис Инт» на письма Директората по тарифам и торговле ВТамО, полученные в ответ на запрос Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, не могут быть приведены в качестве довода для отнесения отпаривателя в товарную позицию 8451 ТН ВЭД ЕАЭС, поскольку в письме ведомства содержались вопросы в отношении конкретной модели отпаривателя и представлена техническая информация именно на определенную модель отпаривателя, тогда как Решение № 51 принято на отдельный вид товара, имеющего общие классификационные признаки (критерии).

Как следует из возражений Комиссии, доводов, подтверждающих или указывающих на несоответствие оспариваемого Решения № 51 статьям 3, 25, 32 Договора и статьям 19 и 22 ТК ЕАЭС, заявление ООО «Поларис Инт» не содержит.

Комиссия в части своих полномочий по анализу информации из предварительных решений, принятых таможенными органами государств-членов Союза, а также решений и разъяснений относительно отдельных видов товаров, принятых таможенными органами государств-членов Союза в соответствии с пунктом 6 статьи 21 ТК ЕАЭС (пунктом 6 статьи 52 ТК ТС) на предмет выявления классификации одинаковых товаров различными классификационными кодами, после принятия Решения № 51 не выявляла таких решений с классификацией бытовых отпаривателей другими классификационными кодами.

Сведений о наличии в государствах-членах Союза неединообразной практики классификации бытовых отпаривателей и (или) возникновении каких-либо затруднений при применении Решения № 51 в Комиссию от таможенных органов государств - членов Союза также не поступало.

Комиссия отмечает, что судебная практика Российской Федерации при оспаривании участниками внешнеэкономической деятельности решений таможенных органов о классификации бытовых отпаривателей в товарной позиции 8516 ТН ВЭД ЕАЭС складывается в пользу таможенных органов. Так, в частности, при обжаловании ООО «Генеральная Сюрвейерская Компания» (таможенный представитель) решений о классификации товаров, принятых Псковской таможней, в отношении бытовых отпаривателей, ввезенных ООО «Поларис Инт», судебные органы всех инстанций согласились с позицией таможенного органа о правильности классификации указанного выше товара в товарной позиции 8516 ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с Решением № 51. На основании изложенного Комиссия считает заявление ООО «Поларис Инт» необоснованным и не подлежащим удовлетворению, а Решение № 51 соответствующим положениям Договора, ТК ЕАЭС, Конвенции о ГС и ТН ВЭД ЕАЭС.

4. Выводы Коллегии Суда

4.1. Истец в заявлении указал на нарушение Комиссией статьи 22 ТК ЕАЭС, который вступил в силу с 1 января 2018 года, то есть после принятия Решения № 51. Как следствие, при принятии решения Комиссией его применение не осуществлялось, что исключало саму возможность нарушения статьи 22 ТК ЕАЭС и несоответствия Решения № 51 ее содержанию.

Компетенция Комиссии на принятие оспариваемого акта регламентировалась пунктом 7 статьи 52 ТК ТС, в соответствии с которым в целях обеспечения единообразия толкования ТН ВЭД ЕАЭС на основании предложений таможенных органов Комиссия принимает решения и разъяснения по классификации отдельных видов товаров.

В соответствии с пунктом 2 Порядка решения Комиссии о классификации принимаются в целях обеспечения единообразия толкования ТН ВЭД ЕАЭС.

Решения Комиссии имеют нормативно-правовой характер и обязательны для государств-членов.

Согласно пункту 4 Порядка предложение о классификации отдельного вида товара по товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности вносится в Комиссию в том числе таможенными органами государств-членов.

Порядок устанавливает последовательный алгоритм действий и взаимодействия Комиссии с таможенными органами государств-членов при подготовке и принятии классификационного решения. Анализ материалов дела, сведений, представленных ответчиком в судебном заседании, показывает соблюдение Комиссией всех необходимых требований.

Как следует из ответа Комиссии (исходящий № 18-749 от 17 декабря 2020 года) на запрос Суда, причиной подготовки и принятия Решения № 51 послужило инициативное обращение Федеральной таможенной службы Российской Федерации, направленное в Комиссию (исходящий № 01-32/33553

от 6 июля 2016 года) в соответствии с пунктом 7 статьи 52 ТК ТС и Порядком, в целях обеспечения единообразия толкования единой ТН ВЭД ТС.

В соответствии с пунктом 5 Порядка первоначально с инициативным обращением были представлены проект решения Комиссии, соответствующие материалы, письма иных центральных таможенных органов государств-членов Союза с изложением их позиций о классификации бытовых отпаривателей:

Комитет государственных доходов при Правительстве Республики Армения – 8516 ТН ВЭД ТС;

Государственный таможенный комитет Республики Беларусь – 8424 и 8451 ТН ВЭД ТС;

Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан – группа 84 ТН ВЭД ТС;

Государственная таможенная служба при Правительстве Кыргызской Республики – 8516 ТН ВЭД ТС;

Федеральная таможенная служба Российской Федерации – 8516 ТН ВЭД ТС.

По итогам рассмотрения документов Комиссией были выявлены различные подходы к классификации бытовых отпаривателей таможенными органами государств-членов Союза.

Как следует из ответа Федеральной таможенной службы Российской Федерации (исходящий № 06-89/71839 от 18 декабря 2020 года) на запрос Суда, участниками внешнеэкономической деятельности в период с 1 января 2015 года по 11 июня 2017 года декларирование товара «отпариватель» осуществлялось в подсубпозициях 8424 30 900 0 и 8516 79 700 0 ТН ВЭД ЕАЭС.

Коллегия Суда отмечает, что содержание указанных товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС и ТН ВЭД ТС совпадает.

Федеральная таможенная служба Российской Федерации в целях выработки единообразного подхода по классификации рассматриваемого товара направила в Комиссию предложение по принятию проекта решения Коллегии Комиссии «О классификации бытового отпаривателя для одежды» в товарной позиции 8516 ТН ВЭД ЕАЭС.

Исходя из материалов дела Коллегия Суда констатирует, что один и тот же товар – отпариватель – до принятия Решения № 51 классифицировался в государствах-членах по трем разным кодам ТН ВЭД ТС, что не отвечало целям обеспечения единообразного толкования и применения ТН ВЭД ТС в рамках Союза.

Исходя из положений пункта 7 статьи 52 ТК ТС, обеспечение единообразного толкования и применения ТН ВЭД выступает ключевым условием, предопределяющим наличие у Комиссии компетенции по принятию классификационных решений.

Согласно пункту 1 статьи 51 ТК ТС ТН ВЭД ТС основывалась на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров ВТамО и единой ТН ВЭД СНГ.

В соответствии с пунктом 7 статьи 52 ТК ТС после принятия Комиссией решений и разъяснений по классификации отдельных видов товаров, решения и разъяснения, принятые таможенными органами в соответствии с пунктом 6 статьи 52 ТК ТС в отношении тех же видов товаров, подлежат отмене или внесению в них изменений.

Решение № 51 принято по смыслу пункта 1 статьи 52 ТК ТС для обеспечения единообразного толкования и применения ТН ВЭД ТС и устанавливает сформированный подход к классификации товаров.

Таким образом, Комиссия обладала полномочиями на принятие Решения № 51 и следовала нормативным предписаниям положений статьи 52 ТК ТС.

4.2. Коллегия Суда отмечает, что основным критерием для классификации товаров в целях таможенного декларирования являются объективные характеристики и свойства товара, соответствующие наименованию конкретной товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

Критерием для оценки Коллегией Суда обоснованности отнесения товара «отпариватель» к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС в Решении № 51 является функциональное назначение данного товара, в котором выражаются его объективные свойства, а также сфера его применения.

В частности, ОПИ 1 установлено, что для юридических целей классификация товаров осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам.

Для юридических целей классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также, *mutatis mutandis*, положениями вышеупомянутых Правил при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми (ОПИ 6).

Таким образом, выбор конкретного кода ТН ВЭД ЕАЭС всегда основан на оценке признаков декларируемого товара, подлежащих описанию, а процесс описания связан с полнотой и достоверностью сведений о товаре (определенного набора сведений, соответствующих либо не соответствующих действительности).

Тексту товарной подсубпозиции 8516 79 7000 ТН ВЭД ЕАЭС, в которой товар был классифицирован Решением № 51, соответствует товар «Электрические водонагреватели проточные или накопительные (емкостные) и электронагреватели погружные; электрооборудование обогрева пространства и обогрева грунта, электротермические аппараты для ухода за волосами (например, сушилки для волос, бигуди, щипцы для горячей завивки) и сушилки для рук; электроутюги; прочие бытовые электронагревательные приборы; электриче-

ские нагревательные сопротивления, кроме указанных в товарной позиции 8545: - приборы электронагревательные прочие: -- прочие: --- прочие».

Коллегия Суда приходит к выводу о необоснованности довода истца о необходимости классификации отпаривателя в товарной позиции 8451, поскольку согласно разделу «А» общих положений Пояснений к группе 84 ТН ВЭД ЕАЭС при условии соблюдения общих положений к разделу XVI в данную группу включаются все оборудование и механические устройства и их части, не включенные более конкретно в группу 85.

В частности, на основании раздела «Д» общих положений Пояснений в товарной позиции 8516 к прочим бытовым электронагревательным приборам относятся все электротермические машины и приспособления при условии, что они, как правило, применяются в быту. Некоторые из них упомянуты ранее в данных пояснениях (например, электрокамины, гейзерные нагреватели, сушилки для волос, утюги и т.д.).

Таким образом, существенное значение для правильной классификации товаров имеет их наименование и функциональное назначение, обусловленное применением в производственной деятельности или в быту, которые представляют собой оборудование или электротовары.

Как подтверждается материалами дела, истцом на таможенную территорию Союза ввезен и предъявлен к декларированию товар «отпариватели» – приборы, с помощью которых путем горячего пара, ими вырабатываемого, легко разгладить образовавшиеся складки одежды даже в самых труднодоступных местах, а также эффективно очистить мебель, автомобильный салон, ковровые напольные покрытия.

Описание указанного товара соответствовало сопроводительным документам, включая контракт от 1 ноября 2016 года № ТЕХ-001116, и руководство по эксплуатации.

Согласно документам ввезенные истцом отпариватели являются электрическими приборами бытового назначения.

Из имеющихся в материалах дела документов по эксплуатации отпаривателей следует, что указанный товар представляет собой электрический прибор с напряжением питания переменного тока 220 В, резервуаром для воды, нагревательным элементом.

Принцип работы заключается в следующем: вода нагревается до кипения электронагревательным элементом, преобразуется в пар, который выходит через паровое сопло. Для подачи пара необходимо нажать на кнопку подачи пара.

Анализ представленных документов в совокупности с иными материалами дела показывает, что ввезенный товар по своему описанию и функциональным характеристикам не является многофункциональным и многокомпонентным изделием, не является гладильным оборудованием или паровым прессом (код 8451 ТН ВЭД ЕАЭС), а представляет собой бытовой электрический прибор,

принцип действия которого основан на использовании электронагревательного элемента для нагрева воды до перехода в парообразное состояние. При этом смена насадок для отпаривания различных поверхностей не означает, что меняется функция прибора.

Таким образом, классификация товара «бытовой отпариватель» в товарной позиции 8451 ТН ВЭД ЕАЭС не обоснованна, поскольку этот товар не соответствует тексту данной товарной позиции и предназначен для непосредственного использования в бытовых целях в течение ограниченного периода времени для отпаривания и обработки одежды паром с целью дезинфекции, чистки, устранения запахов. Процесс отпаривания принципиально отличается от процесса глажения тем, что на ткань воздействует не разогретая до высокой температуры подошва утюга, а горячий пар.

Рассматриваемый в Решении № 51 отпариватель заявлен производителем (согласно техническим характеристикам) как предназначенный для использования в быту для отпаривания одежды.

Исходя из анализа текстов, наименований глав, разделов, позиций и субпозиций, примечаний к разделам и позициям ТН ВЭД ЕАЭС в контексте ее международной основы – ГС, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что классификация в Решении № 51 бытового отпаривателя для одежды в товарной позиции 8516 не противоречит содержанию соответствующей позиции ТН ВЭД ЕАЭС и не приводит к ее необоснованному расширению по сравнению с содержанием международной основы единой товарной номенклатуры Союза.

В числе прочих истец приводит довод о том, что Решение № 51 противоречит международной правоприменительной практике классификации товаров, в том числе в рамках ВТамО. В обоснование указанного довода истец указывает, что подтверждением правильности классификации отпаривателя в товарной позиции 8451 является принятое на 62-й сессии ВТамО в сентябре 2018 года решение в отношении товара «электрический паровой утюг и автоматический парогенератор, подключаемый с помощью трубы и электрического кабеля».

Коллегия Суда считает утверждение истца необоснованным и противоречащим принятому документу по следующим основаниям.

Поправки Комитета по ГС ВТамО к Сборнику Классификационных мнений (Amendments to the Compendium of Classification Opinions) приняты на 62-й сессии ВТамО 1 сентября 2018 года. Документ включает список, содержащий решения Комитета, касающиеся поправок к Сборнику классификационных мнений по ГС.

Страница XVI/22 документа включает следующее классификационное мнение относительно включения в товарную субпозицию 8451.30 (т.е. на уровне 6 знаков) следующего товара:

«Электрический паровой утюг и полуавтоматический парогенератор, подключаемый с помощью трубы и электрического кабеля.

Парогенератор состоит из бойлера, изготовленного из нержавеющей стали, водяного насоса с автоматическим контролем уровня воды, внешним контролем уровня воды, предохранительного клапана, двойного термостата и термopредохранителя, манометра для измерения давления пара, крана для слива воды и 11-литрового резервуара для воды. Применение Основных Правил интерпретации 1 (примечания 4 к разделу XVI и 6)».

К описанию товара прилагается его фотографическое изображение как изделия промышленного (производственного) назначения.

Как отмечено выше, в товарную субпозицию 8451.30 включены в том числе гладильные машины и прессы внебытового назначения.

Сравнительный анализ товара, указанного в документе ВТамО и в Решении № 51, показывает существенные отличия изделий по внешнему виду, функциональному назначению и сфере применения, и в этой связи Коллегия Суда не усматривает противоречия Решения № 51 международной правоприменительной практике.

4.3. В части последовательности осуществления проверки при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии, установленной пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда, Коллегия Суда придерживается позиции, сформулированной в Решении Суда от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Севлад».

Суд полагает, что нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь только действие (применение) решения Комиссии, не соответствующего праву Союза. Поэтому проверке факта нарушения прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, должно предшествовать осуществление проверки правомерности оспариваемого акта Комиссии.

Проверка Судом правомерности решения Комиссии или его отдельных положений означает оценку содержания оспариваемого решения Комиссии на предмет соответствия правовым нормам Договора и (или) международных договоров в рамках Союза.

Решение Комиссии № 51 принято на основе обоснованного толкования содержания соответствующих товарных позиций, последовательное применение ОПИ приводит к выводу о необходимости классификации отпаривателя в товарной позиции 8516.

Истец в заявлении указывает, что Решение № 51 не соответствует:

1. Конвенции о ГС;

2. статье 3 Договора;

3. статье 25 Договора и статье 19 ТК ЕАЭС в связи с тем, что его принятие основано на неверной интерпретации содержания международной основы ТН ВЭД ЕАЭС – ГС;

4. статье 32 Договора по причине того, что Комиссия осуществляет таможенное регулирование в нарушение положений Договора и ТК ЕАЭС;

5. статье 22 ТК ЕАЭС;

6. Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа ЕАЭС» (далее – Решение № 54).

Исследовав материалы дела, Коллегия Суда приходит к следующим выводам.

Истцом не указаны конкретные положения Конвенции о ГС, которым, по его мнению, не соответствует Решение № 51 и не представлено обоснование своей правовой позиции о несоответствии или предполагаемых противоречиях акта права Союза Конвенции о ГС как в целом, так и в части.

Соответствующих обоснований заявленного требования истцом Суду не представлено.

С учетом изложенного рассматриваемые доводы истца Коллегия Суда находит несостоятельными.

Коллегия Суда отмечает отсутствие аргументации в утверждении истца о несоответствии Решения № 51 статье 3 Договора.

Положения данной статьи, включенной в Раздел II «Основные принципы, цели, компетенция и право Союза» устанавливают основные принципы функционирования Союза.

В судебном заседании истцом заявлено о неготовности предоставить какие-либо пояснения по данному доводу.

В части доводов истца о несоответствии Решения № 51 статье 25 Договора и статье 19 ТК ЕАЭС Коллегия Суда считает необходимым придерживаться позиции, сформулированной в решениях по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт», согласно которой «нормы международного договора, не являющегося международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежат применению в рамках Союза при соблюдении двух кумулятивных условий:

1) все государства-члены Союза являются участниками международного договора;

2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках Союза» (абзац 11 пункта 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда от 21 июня 2016 года).

По делу по заявлению ООО «Шиптрейд» (Решение Апелляционной палаты Суда от 31 октября 2019 года) Суд развил вышеизложенный вывод и констатировал, что «исходя из указанных критериев Конвенция о ГС, наряду с правом Союза, подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений. На этом основании Суд применяет положения Конвенции о ГС при осуществлении правовой оценки правовых актов и фактических обстоятельств дела», что также следует из пункта 2 статьи 25 Договора, согласно которому ТН ВЭД ЕАЭС основана на ГС.

Системный анализ положений статьи 25 Договора и статьи 19 ТК ЕАЭС (статьи 51 ТК ТС) применительно к порядку и процедуре принятия Комиссией Решения № 51 показал отсутствие противоречий акта Комиссии положениям указанных международных договоров, а также корректную интерпретацию Комиссией содержания международной основы ТН ВЭД ЕАЭС (ТН ВЭД ТС) – ГС при принятии Решения № 51.

В числе доводов в заявлении истцом указано о несоответствии Решения № 51 статье 32 Договора в связи с тем, что данное решение осуществляет таможенное регулирование в нарушение положений Договора и ТК ЕАЭС.

Коллегия Суда считает указанный довод несостоятельным по следующим основаниям.

Статья 32 «Таможенное регулирование в Союзе» включена в Раздел VIII «Таможенное регулирование» Договора от 29 мая 2014 года.

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 «Полномочия Комиссии по вопросам таможенно-тарифного регулирования» Договора от 29 мая 2014 года Комиссия осуществляет ведение единой ТН ВЭД ЕАЭС и Единого таможенного тарифа ЕАЭС. Указанная статья включена в Раздел IX «Внешнеторговая политика» подраздела 2. «Таможенно-тарифное регулирование и нетарифное регулирование» Договора.

Таким образом, принятие Комиссией классификационных решений прямо следует из ее полномочий по вопросам таможенно-тарифного регулирования, которое не имеет юридического тождества с таможенным регулированием по смыслу статьи 32 Договора и статьи 1 ТК ЕАЭС.

С учетом изложенного, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Решение № 51 не может противоречить статье 32 «Таможенное регулирование в Союзе» Договора, поскольку принято в целях реализации Комиссией правомочий по принятию классификационных решений.

Относительно довода истца о нарушении статьи 22 ТК ЕАЭС Коллегия Суда отмечает, что как указано в подпункте 4.1 настоящего решения, статья 22 ТК ЕАЭС не действовала на момент принятия решения № 51.

5. Исследовав материалы дела, проанализировав доводы сторон, с учетом требований статей 27, 35, 39, 45 Регламента Суда, Коллегия Суда приходит

к выводу о соответствии Решения № 51 праву Союза и считает установленным отсутствие факта нарушения Решением № 51 прав и законных интересов субъекта хозяйствования – ООО «Поларис Инт», предоставленных Договором от 29 мая 2014 года и (или) международными договорами в рамках Союза.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 64 и 108 Статута Суда, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Признать Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза.

Пошлина, уплаченная обществом с ограниченной ответственностью «Поларис Инт», возврату не подлежит.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий:

Э.В.Айриян

Судьи:

А.М.Ажибраимова

Ж.Н.Баишев

Д.Г.Колос

Т.Н.Нешатаева

Резюме
по делу № СЕ-1-2/8-20-КС
(ООО «Поларис Инт»)

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК).

Об оспаривании Решения Коллегии ЕЭК от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Таможенно-тарифное регулирование – классификация товаров в таможенных целях – товарные позиции 8451 и 8516 ТН ВЭД ЕАЭС – бытовой отпариватель для разглаживания одежды паром.

Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (Конвенция о Гармонизированной системе) – Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС) – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС).

Решение Коллегии Суда – отказ в удовлетворении требований истца.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «Поларис Инт» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 «О классификации бытового отпаривателя для одежды в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Истец полагал, что в Решении № 51 ошибочно выбраны такие классифицирующие признаки прибора, как «бытовой» и «электронагревательный», без учета выполняемой функции, что дало основания для отнесения таких товаров в товарную позицию 8516 ТН ВЭД ЕАЭС с более высокой ставкой ввозной таможенной пошлины.

По мнению истца, товар «бытовой отпариватель, предназначенный для разглаживания одежды паром» в соответствии с основным правилом интерпретации 1 ТН ВЭД ЕАЭС подлежит классификации в товарной позиции 8451 ТН ВЭД ЕАЭС.

Коллегия Суда пришла к выводу о соответствии Решения № 51 праву Союза и посчитала установленным отсутствие факта нарушения Решением № 51 прав и законных интересов ООО «Поларис Инт», предоставленных Договором от 29 мая 2014 года и (или) международными договорами в рамках Союза.

В соответствии с Решением Коллегии Суда от 22 февраля 2021 года, Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 мая 2017 года № 51 признано соответствующим Договору от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза.

Апелляционная жалоба на решение Суда не подавалась.

Правовые позиции Коллегии Суда:

1. Исходя из положений пункта 7 статьи 52 ТК ТС, обеспечение единообразного толкования и применения ТН ВЭД выступает ключевым условием, предопределяющим наличие у Комиссии компетенции по принятию классификационных решений.

(см. абзац 19 пункта 4.1. решения Коллегии Суда)

2. Существенное значение для правильной классификации товаров в позициях 8451 и 8516 ТН ВЭД ЕАЭС имеет их наименование и функциональное назначение, обусловленное применением в производственной деятельности или в быту, которые представляют собой оборудование или электротовары.

(см. абзац 9 пункта 4.2. решения Коллегии Суда)

3. Принятие Комиссией классификационных решений прямо следует из ее полномочий по вопросам таможенно-тарифного регулирования, предусмотренных пунктом 1 статьи 45 Договора, которое не имеет юридического тождества с таможенным регулированием по смыслу статьи 32 Договора и статьи 1 ТК ЕАЭС.

Решение ЕЭК о классификации отдельных видов товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС не может противоречить статье 32 Договора, поскольку принято в целях реализации Комиссией правомочий в сфере таможенно-тарифного регулирования.

(см. абзацы 20, 21 пункта 4.3. решения Коллегии Суда)

Summary
of case No. CE-3/1-20-KC
(Polaris Int Limited Liability Company)

Keywords:

Polaris Int Limited Liability Company (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (Commission, EEC).

On contesting the Decision of the EEC Board No. 51 dated May 11, 2017 “On the classification of a household garment steamer in accordance with the Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union”.

Customs tariff regulation – classification of goods for customs purposes – commodity items 8451 and 8516 of the FEACN of the EAEU – a household steamer for steaming clothes.

Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System (HS Convention) – Customs Code of the Customs Union (CC CU) – Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union (FEACN of the EAEU).

Judgement of the Chamber of the Court – rejection of the claims of the Claimant.

Substance of the case:

Polaris Int Limited Liability Company filed the application with the Court of the Eurasian Economic Union asking to declare the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 51 “On the classification of a household garment steamer in accordance with the Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union” dated May 11, 2017, as not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and international treaties within the Eurasian Economic Union.

The Claimant believed that in the Decision No. 51 such classifying features of the device as “household” and “electric heating” were erroneously chosen, without considering the function performed, which provided with the grounds for classifying such goods in commodity item 8516 of the FEACN of the EAEU with the higher rate of import customs duty.

According to the Claimant, the product “household steamer intended for steaming clothes” in accordance with the General Rule of Interpretation No. 1 of the FEACN of the EAEU is subjected to classification in commodity item 8451 of the FEACN of the EAEU.

The Chamber of the Court concluded that the Decision No. 51 complied with the law of the Union and found there was no violation by the Decision No. 51 of the rights and legitimate interests of Polaris Int LLC, granted by the Treaty of May 29, 2014 and (or) international treaties within the Union.

In accordance with the Judgement of the Chamber of the Court of February 22, 2021, the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 51 of May 11, 2017 was recognized as consistent with the Treaty of May 29, 2014 and international treaties within the Union.

No appeal was filed against the judgement of the Court.

Legal findings of the Court:

1. Based on the provisions of paragraph 7 of Article 52 of the Customs Code of the Customs Union, ensuring a uniform interpretation and application of FEACN is the key condition that predetermines the Commission's competence to make classification decisions.

(see subparagraph 19 of paragraph 4.1 of the judgement of the Chamber of the Court)

2. Essential for the correct classification of goods, which are equipment or electrical goods, under headings 8451 and 8516 of the FEACN of the EAEU are their name and intended use, due to the use in production activities or in everyday life.

(see subparagraph 9 of paragraph 4.2 of the judgement of the Chamber of the Court)

3. Adopting of classification decisions by the Commission directly follows from its powers on issues of customs tariff regulation, prescribed by paragraph 1 of Article 45 of the Treaty, which is legally non-identical to customs regulation within the meaning of Article 32 of the Treaty and Article 1 of the Customs Code of the EAEU.

The decision of the EEC on the classification of certain types of goods in accordance with the FEACN of the EAEU shall not contradict Article 32 of the Treaty, insofar as it was adopted in order to exercise the Commission's powers in the field of customs tariff regulation.

(see subparagraphs 20, 21 of paragraph 4.3 of the judgement of the Chamber of the Court)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

1 марта 2021 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Колоса Д.Г., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Пирожкине А.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) по обеспечению соблюдения и применения в Российской Федерации норм права Евразийского экономического союза (далее – Союз), регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов, не соответствующим международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Истец полагает, что в Российской Федерации не была обеспечена реализация норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 международного договора – Таможенного кодекса Таможенного союза (Договор о Таможенном кодексе таможенного союза принят Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17, действовал до 1 января 2018 г., далее – ТК ТС), устанавливающих солидарную обязанность декларанта и таможенного представителя по уплате доначисленных таможенным органом сумм таможенных платежей за иностранные товары, ввезенные декларантом на таможенную территорию Союза, что повлекло нарушение прав и законных интересов ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг». В заявлении также указывается о нарушении аналогичных,

по мнению истца, норм статьи 50, пункта 1 статьи 51, пункта 3 статьи 55, пунктов 1 и 2 статьи 401, пунктов 4 и 7 статьи 405 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, принятого Договором о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г., вступившего в силу 1 января 2018 г. (далее – ТК ЕАЭС).

Как следует из заявления, в Российской Федерации таможенный представитель не может осуществить право на регрессное взыскание с декларанта сумм, уплаченных во исполнение солидарной обязанности по уплате таможенных платежей, установленной международными договорами в рамках Союза, что, в свою очередь, создает возможность освобождения декларантов от обязанности по уплате таможенных платежей.

ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» указывает, что, являясь таможенным представителем, в 2018 году уплатило за ввезенные в 2016 году декларантом – обществом с ограниченной ответственностью «ДжиИ Рус» (далее – ООО «ДжиИ Рус», декларант) товары дополнительно начисленные по итогам камеральной таможенной проверки суммы таможенных платежей и пени в размере 29 161 494,69 рублей в связи с изменением таможенными органами классификации товара после его выпуска. Декларант отказался компенсировать истцу уплаченные денежные средства несмотря на наличие заключенного между ними договора на оказание услуг таможенного представителя от 31 марта 2015 г. № 2015-521.

Судами Российской Федерации ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» было отказано в иске о взыскании с ООО «ДжиИ Рус» указанной суммы. По мнению истца, состоявшиеся судебные решения основаны на нормах гражданско-правового характера, а не на таможенном законодательстве, и приняты без учета требования пункта 3 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации о неприменении гражданского законодательства к налоговым и другим финансовым и административным отношениям.

С целью восстановления нарушенных прав и обеспечения единообразного применения права Союза, а также для соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного пунктом 43 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее, соответственно, – Статут Суда, Договор), истцом 18 ноября 2020 г. в Комиссию было направлено обращение с просьбой принять меры, направленные на обеспечение соблюдения и применения в Российской Федерации норм права Союза, регламентирующих исполнение декларантом и таможенным представителем солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов.

В ответе от 21 декабря 2020 г. Комиссия не усмотрела нарушения норм права Союза и указала, что вопросы, связанные с правом на регрессное взы-

скание таможенным представителем с декларанта уплаченных в рамках солидарной обязанности сумм пошлин и налогов, не регулируются правом Союза. В соответствии с ТК ЕАЭС отношения указанных субъектов строятся на договорной основе, в связи с чем разрешение возникших между ними взаимных претензий и требование компенсаций должно осуществляться в рамках гражданских правоотношений, регулируемых национальным законодательством государств – членов Союза.

Изучив заявление истца и приложенные к нему документы, Коллегия Суда приходит к следующим выводам.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Требования к форме и содержанию подаваемого в Суд заявления хозяйствующего субъекта установлены статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда).

ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Согласно договору на оказание услуг от 31 марта 2015 г. № 2015-521 в 2016 году истец, выступая в качестве таможенного представителя, производил при ввозе ООО «ДжиИ Рус» на таможенную территорию Союза товара требуемые для его декларирования действия и платежи.

В заявлении указаны права и законные интересы ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», нарушенные, по его мнению, бездействием Комиссии, нормы права Союза, на которые ссылается истец, обстоятельства и доводы в обоснование заявленных требований.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере.

При таких обстоятельствах Коллегия Суда полагает, что истец, имеющий статус таможенного представителя, вправе обратиться в Суд с заявлением об оспаривании бездействия Комиссии, а рассмотрение заявленных им требований *prima facie* относится к компетенции Суда.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, статьей 9, пунктом 1 статьи 33, статьями 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 10 часов 00 минут 15 апреля 2021 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Д.Г. Колос

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Т.Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

город Минск

27 апреля 2021 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Колоса Д.Г., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Пирожкине А.А., с участием

представителя общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» Курочкина К.Л.,

представителей Евразийской экономической комиссии Авдеева А.Д., Бричевой Е.Н., Дорошкевича В.А., Наумова А.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

18 ноября 2020 года общество с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», истец) обратилось в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия, ответчик) с просьбой обеспечить соблюдение и применение в Российской Федерации норм права Евразийского экономического союза (далее – Союз), регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных платежей. В обоснование своей позиции истец указал, что суды Российской Федерации отказали ему как таможенному представителю в регрессном взыскании с декларанта сумм таможенных платежей, уплаченных во исполнение солидарной обязанности, что, по его мнению, создает возможность освобождения декларантов от солидарной обязанности в сфере таможенного дела и поощряет их уклонение от уплаты таможенных платежей.

В ответе от 21 декабря 2020 года Комиссия отказала ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в совершении требуемых от нее действий, поскольку вопросы, связанные с правом таможенного представителя на регрессное взыскание

с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей, не регламентированы правом Союза в сфере таможенного регулирования. Комиссия также отметила, что в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, являющимся приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, вступившим в силу с 1 января 2018 года (далее – ТК ЕАЭС), отношения таможенного представителя с декларантом строятся на договорной основе, в связи с чем урегулирование их взаимных претензий и требование компенсаций должно осуществляться в рамках гражданских правоотношений.

2. Процедура в Суде

22 февраля 2021 года в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) поступило заявление ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», в котором истец просит признать бездействие Комиссии, выразившееся в отказе в обеспечении соблюдения и применения в Российской Федерации прямых норм права Союза в сфере таможенного регулирования, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных платежей, не соответствующим международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Постановлением Коллегии Суда от 1 марта 2021 года заявление ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» принято к производству.

При подготовке дела к судебному разбирательству Судом на основании пункта 55 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), и пункта 2 статьи 39 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), направлены запросы в Комиссию о предоставлении имеющихся у нее подготовительных материалов, относящихся к процессу обсуждения статей 50, 51, 55, 401, 405 проекта ТК ЕАЭС, а также в уполномоченные органы и организации государств – членов Союза.

На запросы Суда поступили ответы от:

государственных органов государств-членов: Конституционного Суда Республики Армения, Конституционного Суда Республики Беларусь, Конституционного Совета Республики Казахстан, Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Казахстан, Комитета государственных доходов при Правительстве

Республики Армения, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации;

организаций государств-членов, в том числе учреждений образования: Ассоциации таможенных представителей (Республика Беларусь), Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан), Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Казанского (Приволжского) федерального университета, Казахстанской ассоциации таможенных брокеров, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Российская Федерация), Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Саратовской государственной юридической академии.

Также Комиссией по запросу Суда представлены подготовительные материалы, относящиеся к процессу обсуждения статей 50, 51, 55, 401, 405 проекта ТК ЕАЭС.

3. Доводы истца

В своем обращении от 18 ноября 2020 года в Комиссию истец просил принять меры, направленные на обеспечение соблюдения и применения в Российской Федерации прямых норм права Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов. Комиссия в своем ответе от 21 декабря 2020 года № 18-754 указала, что в направленном обращении нарушения норм права Союза не усматривается.

Как следует из заявления истца и приложенных к нему документов, ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», выступая в качестве таможенного представителя, на основании договора на оказание услуг таможенного представителя от 31 марта 2015 года произвело в 2016 году декларирование товара, ввозимого на таможенную территорию Союза декларантом – обществом с ограниченной ответственностью «ДжиИ Рус» (далее – ООО «ДжиИ Рус», декларант). При декларировании истцом был указан классификационный код товара, который решением Новороссийской таможни, принятым по результатам проведенной камеральной таможенной проверки, был изменен. Вследствие этого ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в рамках исполнения солидарной с ООО «ДжиИ Рус» обязанности уплачены дополнительно начисленные суммы таможенных платежей и пени, которые не были компенсированы ему декларантом.

Таким образом, по мнению истца, в Российской Федерации не была обеспечена реализация норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 международного договора в рамках Союза – Таможенного кодекса Таможенного союза (Договор о Таможенном кодексе таможенного союза принят Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 года № 17, действовал до 1 января 2018 года, далее – ТК ТС), а также аналогичных норм статьи 50, пункта 1 статьи 51, пункта 3 статьи 55, пунктов 1 и 2 статьи 401, пунктов 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС, устанавливающих солидарную обязанность декларанта и таможенного представителя по уплате дополнительно начисленных таможенным органом сумм таможенных платежей за иностранные товары, ввезенные декларантом на таможенную территорию Союза, что повлекло нарушение прав и законных интересов ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг».

Как указывает истец, согласно нормам ТК ТС, действовавшего в период ввоза товаров, обязанность по уплате таможенных платежей возлагалась на декларанта как инициатора перемещения товаров через таможенную границу. Вместе с тем наличие презюмируемой солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта, имеющей публично-правовой характер, означает, что требования таможенного органа об уплате таможенных платежей, в том числе при их доначислении, направляются одновременно декларанту и таможенному представителю. Если декларант не уплачивает суммы таких платежей в срок, то обязанность по их уплате возлагается на таможенного представителя под угрозой исключения последнего из реестра таможенных представителей.

При этом уплаченные таможенным представителем таможенные платежи являются обязательными платежами публично-правового характера, а их размер не может быть поставлен в зависимость от условий договора между декларантом и таможенным представителем.

В ходе судебного заседания истцом представлены письменные пояснения, в которых дополнительно отмечается наличие компетенции Комиссии на совершение требуемых от нее действий, предусмотренных пунктами 7, 8, 13 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Положение о Комиссии). По мнению ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», по причине наличия компетенции Комиссии на совершение требуемых действий, направленных на соблюдение и применение в Российской Федерации норм права Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных платежей, ее бездействие не соответствует международным договорам в рамках Союза, нарушает права и законные интересы истца и способствует правовой неопределенности.

4. Доводы ответчика

В своих возражениях, а также в ходе судебного заседания Комиссия отметила отсутствие спора между истцом и ответчиком, который может быть передан на рассмотрение Суда, поскольку в заявлении ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» не конкретизированы действия, которые Комиссия должна была выполнить, имела соответствующую возможность, но не выполнила либо отказалась выполнить, а также в связи с тем, что истцом не уточнены предоставленные ему Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и (или) международными договорами в рамках Союза права и законные интересы, которые были нарушены бездействием Комиссии, не указаны последствия, наступившие в результате бездействия Комиссии.

Кроме того, ответчик обращает внимание на несоблюдение истцом установленного досудебного порядка урегулирования спора. Обращение истца от 18 ноября 2020 года поступило в Комиссию 25 ноября 2020 года, было рассмотрено в порядке, установленном Регламентом работы Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98, директором Департамента таможенного законодательства и правоприменительной практики истцу был направлен ответ от 21 декабря 2020 года о том, что вопросы, связанные с правом на регрессное взыскание с декларанта сумм таможенных платежей, уплаченных таможенным представителем в рамках солидарной обязанности, не регламентированы правом Союза в сфере таможенного регулирования, отношения указанных субъектов строятся на договорной основе, а разрешение их взаимных претензий и требование компенсаций должны осуществляться в рамках гражданских правоотношений в соответствии с национальным законодательством государств – членов Союза.

По мнению ответчика, обращение истца в Комиссию с просьбой рассмотреть обстоятельства, касающиеся вступивших в законную силу решений судебных органов Российской Федерации, с которыми истец не согласен, и принять по ним меры нельзя рассматривать как соблюдение досудебного порядка урегулирования спора, поскольку спора между истцом и ответчиком на тот момент не существовало, обращение истца не было связано с невыполнением Комиссией своих обязанностей.

Комиссия также считает, что вопросы солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта в период действия ТК ТС регулировались на уровне национального законодательства государств – членов Союза, в частности, применительно к настоящему делу, Федеральным законом от 27 ноября 2010 года № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» и Гражданским кодексом Российской Федерации. ТК ТС не регулировал отношения между таможенным представителем и представляемым им лицом

(декларантом). Напротив, пункт 3 статьи 12 ТК ТС указывал, что отношения таможенных представителей с декларантами или иными заинтересованными лицами строятся на договорной основе.

Ответчик полагает, что у Комиссии отсутствуют полномочия давать оценку решениям судебных органов государств – членов Союза, а также влиять на складывающуюся судебную практику и акты, принятые судебными органами. Вопросы регрессного взыскания с декларанта уплаченных таможенным представителем сумм таможенных платежей, компенсации уплаченных сумм, иных взаимных претензий не регулируются ТК ЕАЭС и другими актами права Союза, равно как не регулировались ранее ТК ТС, и должны решаться в рамках гражданских правоотношений на национальном уровне.

5. Выводы Суда

5.1. Для данной категории дел одним из условий принятия Судом заявления к производству является соблюдение досудебного порядка урегулирования спора (пункт 43 Статута Суда, подпункт «е» пункта 1 статьи 9 Регламента Суда).

Как отмечает в заявлении истец, его обращение в Комиссию от 18 ноября 2020 года с требованием об обеспечении соблюдения и применения в Российской Федерации норм права Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных платежей, указывает на соблюдение досудебного порядка урегулирования спора. В обращении отмечены полномочия Комиссии в сфере таможенного регулирования по обеспечению реализации международных договоров, входящих в право Союза (подпункт 2 пункта 3, пункт 4 Положения о Комиссии), содержится ссылка на пункты 43 и 44 Статута Суда, которыми установлен досудебный порядок урегулирования спора как условие обращения хозяйствующего субъекта в Суд.

Обращение ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» входит в круг подлежащих рассмотрению Комиссией в соответствии с пунктом 4 Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений Евразийской экономической комиссии, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии, утвержденного решением Коллегии Комиссии от 22 декабря 2020 года № 46, в тексте обращения отсутствуют вопросы, содержащиеся в пункте 5 указанного Порядка, на которые его действие не распространяется.

Кроме того, запрос истца в Комиссию содержал конкретное требование к ответчику, бездействие в отношении которого истец оспаривает в Суде: ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» просило Комиссию принять меры, направленные на обеспечение соблюдения в Российской Федерации прямых норм права Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными

представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов.

Истец в своем запросе в Комиссию отмечает также, что его обращение направлено исходя из положений пунктов 43 и 44 Статута Суда, что явно свидетельствует о намерении истца соблюсти досудебный порядок урегулирования спора.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что факты обращения истца в Комиссию и получения соответствующего ответа Комиссии от 21 декабря 2020 года в отношении требования истца свидетельствуют о соблюдении истцом досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного пунктом 43 Статута Суда.

На этом основании Коллегия Суда отклоняет соответствующее возражение Комиссии.

5.2. В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Таким образом, при разрешении спора о бездействии Комиссии Суду необходимо проверить наличие всех обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 45 Регламента Суда.

Истец просит Суд признать бездействие Комиссии по обеспечению соблюдения в Российской Федерации прямых норм таможенного права Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, не соответствующим международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Истец указывает на следующие нормы права Союза, в отношении которых, по его мнению, существует неединообразная правоприменительная практика в Российской Федерации: статья 50, пункт 1 статьи 51, пункт 3 статьи 55, пункты 1 и 2 статьи 401, пункты 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС.

Пунктом 4 Положения о Комиссии установлено, что Комиссия в пределах своих полномочий обеспечивает реализацию международных договоров, входящих в право Союза.

Договор о ТК ЕАЭС является международным договором в рамках Союза и в силу положений статьи 6 Договора входит в право Союза.

Таким образом, в обязанности Комиссии входит обеспечение реализации Договора о ТК ЕАЭС, включая приложение № 1 к нему – ТК ЕАЭС, в государствах-членах в пределах полномочий, предоставленных Комиссии правом Союза.

Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Комиссия правомочна обеспечивать реализацию указанных истцом норм ТК ЕАЭС. Такие правомочия включают в себя обязанность осуществлять мониторинг и контроль реализации норм международных договоров, входящих в право Союза (в том числе ТК ЕАЭС), в государствах-членах.

Следует также отметить тот факт, что вопросы применения института солидарной обязанности таможенного представителя рассматривались Судом при вынесении постановления от 12 декабря 2016 года об отказе в принятии к производству заявления общества с ограниченной ответственностью ТП «Руста-Брокер».

В постановлении Суда констатируется различие в подходах национально-законодательства государств-членов в отношении солидарной обязанности таможенного представителя, что свидетельствует о наличии правовой неопределенности в данном вопросе, для устранения которой был принят пункт 4 статьи 405 ТК ЕАЭС.

Однако впоследствии вопросы реализации указанной статьи ТК ЕАЭС в государствах – членах Союза, в том числе по требованию истца, не рассматривались Комиссией. При этом ответчик в судебном заседании представил Суду решения судебных инстанций Российской Федерации, свидетельствующие о неединообразной практике применения солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта.

В соответствии с Положением о Комиссии на нее возложены функции проведения мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, решений Комиссии и законодательства государств-членов в сферах, регулируемых правом Союза (подпункт 4 пункта 24, подпункт 4 пункта 43, подпункты 2 и 3 пункта 55 Положения о Комиссии).

В решении Суда от 3 марта 2016 года по делу по заявлению индивидуального предпринимателя Тарасика К.П., решении Суда от 11 октября 2018 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» сделан вывод о том, что мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения. Обращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства государства-члена в той или иной сфере само по себе не может являться безусловным основанием для мониторинга, однако обращения в Комиссию хозяйствующих

субъектов могут быть источниками информации при проведении мониторинга.

5.3. В рассматриваемом деле, следуя солидарной ответственности, вытекающей из публичного права – норм ТК ТС, декларант не компенсировал уплаченные таможенным представителем денежные средства во исполнение требования таможенного органа. При попытке таможенного представителя в судебном порядке взыскать с декларанта суммы денежных средств, уплаченных таможенным представителем по требованию таможенного органа вместо декларанта, судами Российской Федерации не применены нормы ТК ТС, в результате чего защита прав и законных интересов таможенного представителя оказалась невозможной.

Действующий в настоящее время ТК ЕАЭС содержит аналогичные ТК ТС нормы о солидарной ответственности таможенных представителей, то есть аналогична и ситуация с нарушением прав и законных интересов таможенных представителей.

Коллегия Суда соглашается с доводом истца о том, что обязанность по уплате таможенных платежей возложена на декларанта как на инициатора перемещения товаров через таможенную границу. Возникновение обязанности по уплате таможенных платежей обусловлено фактом перемещения товаров, принадлежащих декларанту, а не деятельностью таможенного представителя. В таможенных правоотношениях, имеющих публичный характер, таможенный представитель выполняет роль посредника между декларантом и таможенным органом. Обязанности таможенного представителя, установленные таможенным законодательством, превалируют над договорными обязательствами, а солидарная ответственность происходит из норм публичного права, но не гражданско-правового договора.

На таможенного представителя нормами ТК ЕАЭС возложена солидарная обязанность по уплате таможенных платежей, требования таможенного органа об уплате таможенных платежей направляются одновременно декларанту и таможенному представителю.

Неисполнение таможенным представителем указанного требования является основанием для исключения его из реестра таможенных представителей.

При возникновении коллизии между регулируемыми таможенные отношения нормами права Союза и положениями законодательства Российской Федерации подлежит применению право Союза (в том числе ТК ТС) на основании Договора, а также части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации.

Учитывая, что отношения таможенного представителя с декларантами или иными заинтересованными лицами строятся на договорной основе (пункт 2 статьи 401 ТК ЕАЭС), следует подчеркнуть, что их солидарная ответственность вытекает не из гражданско-правового договора, но из норм международного договора.

5.4. Последовательный анализ норм права Союза показывает, что инсти-

тут солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов был введен ТК ТС.

Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 367 ТК ТС на государства – члены таможенного союза возлагалась обязанность в течение одного года предусмотреть в своем законодательстве положения, в соответствии с которыми у таможенного представителя возникает солидарно с плательщиком таможенных пошлин, налогов.

Таким образом, солидарная обязанность декларанта и таможенного представителя по уплате таможенных пошлин, налогов была закреплена правом таможенного союза и реализовывалась в законодательстве государств-членов в соответствии с ТК ТС.

ТК ЕАЭС в пункте 4 статьи 405 прямо установил, что в случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта таможенный представитель несет с таким декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, при этом в соответствии с пунктом 4 статьи 401 ТК ЕАЭС при совершении таможенных операций для таможенного представителя не должны устанавливаться менее благоприятные условия или предъявляться более жесткие требования, чем те, которые установлены и предъявляются в соответствии с ТК ЕАЭС при совершении таможенных операций декларантом или иными заинтересованными лицами.

В этой связи возложение национальным законодательством или условиями гражданско-правового договора односторонней обязанности по уплате таможенных платежей на таможенного представителя недопустимо и противоречит праву Союза.

В соответствии с пунктом 8 статьи 55 ТК ЕАЭС Комиссия наделена правом определять особенности исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов в случаях, когда в отношении одних и тех же товаров обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов возникла у разных лиц по разным обстоятельствам и (или) неоднократно.

Системный анализ норм права Союза в сфере таможенного регулирования позволяет Коллегии Суда сделать вывод о том, что таможенные отношения относятся к единой политике, предполагающей применение государствами – членами Союза унифицированного правового регулирования, в том числе по вопросу солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя по уплате таможенных пошлин, налогов. Национальное законодательство и условия гражданско-правового договора не могут нивелировать содержание института солидарной обязанности, закрепленного в праве Союза, возложением без последующей компенсации всей суммы уплаченных таможенных платежей на таможенного представителя, не имеющего экономического интереса в отношении ввозимого товара.

5.5. Таким образом, наличие в нормах ТК ЕАЭС правил о солидарной обя-

занности предопределяет наличие прав и законных интересов, предоставленных истцу международными договорами в рамках Союза.

Как следствие, законные ожидания истца при обращении в Комиссию состояли в том, чтобы по результатам такого обращения Комиссия предприняла действия, направленные на устранение коллизий по применению актов права Союза в законодательстве и правоприменительной практике государства-члена, касающиеся обстоятельств реализации солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя.

В этой связи Комиссия, указав в своем ответе от 21 декабря 2020 года в адрес истца на то, что вопросы, связанные с правом на регрессное взыскание (институт процессуального права) с декларанта сумм пошлин, налогов, уплаченных таможенными представителями в рамках солидарной обязанности, не регулируются правом Союза в сфере таможенного регулирования, не выделила такой аспект солидарной обязанности, как связь с нормой публичного права – международным договором. Наоборот, Комиссия подчеркнула, что отношения таможенного представителя с декларантом строятся на договорной основе и взаимные претензии предъявляются в рамках гражданских отношений, и уклонилась от совершения действий по исполнению обязанностей, возложенных на нее нормами Положения о Комиссии. Кроме того, в указанном ответе Комиссия использовала элементы различных институтов права: договор между таможенным представителем и декларантом предусматривает ответственность сторон друг перед другом за неисполнение своих обязанностей по такому договору и не может регулировать ответственность за неисполнение обязанностей по уплате таможенных платежей в бюджет.

Таким образом, Комиссия в своем ответе не отразила того, что солидарная обязанность субъектов таможенных правоотношений (институт материального права, содержащийся в международном договоре) подлежит защите в гражданском процессуальном праве государств-членов через право плательщика на регрессный иск к обязанному лицу, что не приводит к превращению солидарной обязанности из нормы права Союза («солидарная обязанность из закона») в солидарную обязанность из гражданско-правового договора между таможенным представителем и декларантом. Разница между этими институтами состоит, прежде всего, в том, что возмещение уплатившему лицу при исполнении солидарной обязанности из закона производится полностью (статья 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»), в то время как уплаченное при солидарной обязанности из договора распределяется между обязанными лицами.

Сложившейся практикой Суда (решения Суда от 28 декабря 2015 года и от 3 марта 2016 года по делу по заявлению индивидуального предпринима-

теля Тарасика К.П., от 26 марта 2020 года и от 7 октября 2020 года по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт») сформирован подход, состоящий в том, что в рамках иска о бездействии может оспариваться как отрицательный ответ Комиссии, так и ответ не по существу вопроса, если совершение испрашиваемого истцом действия является прямой обязанностью Комиссии.

Таким образом, направление Комиссией истцу ответа, который носит формальный характер, не отвечает верно на поставленный вопрос, квалифицируется Коллегией Суда как бездействие Комиссии, выразившееся в отказе от выполнения возложенной на нее правом Союза обязанности, и нарушает права и законные интересы ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 64 и подпунктом 1 пункта 109 Статута Суда, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Удовлетворить требования общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг».

Признать бездействие Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Уплаченная обществом с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» пошлина подлежит возврату.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий
Судьи

Д.Г. Колос
А.М. Ажибраимова
Э.В. Айриян
Ж.Н. Баишев
Т.Н. Нешатаева

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Айриян Э.В.
(дело № СЕ-1-2/5-21-КС)

27 апреля 2021 года

город Минск

Коллегией Суда Евразийского экономического союза 27 апреля 2021 года вынесено решение по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – истец) об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Решение Коллегии Суда). Данным Решением Коллегии Суда требование истца удовлетворено. Бездействие Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) признано не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Не соглашаясь с Решением Коллегии Суда, в соответствии со статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение.

Считаю, что в соответствии с подпунктом а) пункта 1 статьи 56 Регламента Суда производство по делу подлежало прекращению в связи с тем, что рассмотрение спора не относится к компетенции Суда по следующим основаниям.

1. 18 ноября 2020 года истец обратился в Комиссию с просьбой обеспечить соблюдение и применение в Российской Федерации норм права ЕАЭС, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных платежей. В обоснование своей позиции истец указал, что суды Российской Федерации отказали ему как таможенному представителю в регрессном взыскании с декларанта сумм таможенных платежей во исполнение солидарной обязанности, что, по его мнению, создает возможность освобождения от солидарной обязанности в сфере таможенного дела и поощряет их уклонение от уплаты таможенных платежей. В связи с этим истец считает бездействие Комиссии по обеспечению соблюдения и применения в Российской Федерации прямых норм таможенного законодательства ЕАЭС, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, не соответствующим международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Исходя из требований истца, полагаю необходимым привести право ЕАЭС, относящееся к рассматриваемым таможенным правоотношениям.

Так, пункт 1 статьи 55 и пункт 4 статьи 405 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) предусматривает солидарную обязанность таможенных представителей и декларантов по уплате таможенных пошлин, налогов или, если это предусмотрено законодательством государств-членов, – субсидиарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов.

При этом особо отмечается, что законодательством государств-членов может быть установлена возможность исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов также иными лицами (часть 2 пункта 1 статьи 55 ТК ЕАЭС). Кроме того, согласно пункту 5 статьи 405 ТК ЕАЭС при наступлении предусмотренных в соответствии с ТК ЕАЭС обстоятельств, при которых обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин подлежит исполнению, такая обязанность исполняется таможенным представителем солидарно с представляемым им лицом, за исключением случаев, когда исполнение такой обязанности связано:

- 1) с несоблюдением условий использования товаров в соответствии с таможенной процедурой, под которую помещены товары;
- 2) с изменением сроков уплаты таможенных пошлин, налогов в соответствии с главой 8 настоящего Кодекса;
- 3) с совершением действий в нарушение целей и условий предоставления льгот по уплате таможенных пошлин, налогов и (или) ограничений по пользованию и (или) распоряжению товарами в связи с применением таких льгот.

В соответствии с пунктом 6 статьи 405 ТК ЕАЭС законодательством государств-членов могут устанавливаться иные случаи, чем случаи, указанные в пункте 5 настоящей статьи, когда обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, возникшая солидарно с декларантом, не подлежит исполнению таможенным представителем.

Таким образом, из приведенных норм следует очевидный вывод о том, что исследуемые таможенные правоотношения регулируются не только ТК ЕАЭС, но и национальным законодательством государств-членов.

Помимо этого следует особо отметить, что ТК ЕАЭС не содержит правового механизма реализации последующих действий таможенного представителя по регрессному взысканию с декларанта таможенных пошлин, налогов, вытекающих из солидарной обязанности. Отсутствие понятия регресса и его определения в ТК ЕАЭС является, на наш взгляд, констатацией факта оставления за государствами-членами права регламентации указанных правоотношений на национальном уровне.

Таким образом, в таможенных правоотношениях право на регрессное требование в рамках солидарной обязанности в связи с уплатой в полном объеме одним из солидарных должников таможенных платежей, по нашему мнению, является сферой отношений, регулируемых гражданским законодательством государств-членов. В этой связи Комиссия не наделена полномочиями по обеспечению соблюдения, применения в государствах-членах Союза и реализации декларантами и таможенными представителями права на регрессное требование, вытекающее из солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов.

2. В основание иска положен вывод истца о том, что в Российской Федерации не была обеспечена реализация норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 Таможенного кодекса Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17, далее – ТК ТС), пункта 1 статьи 55, пунктов 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС, а также несогласие хозяйствующего субъекта с решениями таможенных и судебных органов Российской Федерации по спору об уплате истцом (таможенным представителем) вместо декларанта, импортирующего товар, дополнительно начисленных таможенных платежей и пеней.

По мнению истца, спор между таможенным представителем и декларантом был решен судами Российской Федерации с нарушением подлежащих применению норм таможенного законодательства Союза.

В ответе на соответствующее обращение истца Комиссия сообщила, что в рассматриваемой ситуации не усматривает нарушение норм права Союза, чем, по мнению истца, допустила бездействие.

Таким образом, требование истца сводится к признанию неправомерным бездействия Комиссии, выраженного в отказе рассмотреть заявление истца о проверке и правовой оценке решений таможенных и судебных органов Российской Федерации в отношении спора истца с хозяйствующим субъектом – импортером товара на предмет регрессного взыскания уплаченных таможенных пошлин, налогов.

3. В заявлении и в судебном заседании истцом не представлены убедительные доводы об отсутствии в Российской Федерации обеспечения реализации норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 ТК ТС и пункта 1 статьи 55, пунктов 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС.

Несогласие истца со вступившими в законную силу решениями судебных органов, вынесенными в рамках национального гражданского законодательства и относящихся к исключительной компетенции государств-членов Союза, не могут являться основанием для совершения Комиссией юридически значимых действий в отношении государства-члена Союза.

Спор истца с хозяйствующим субъектом – импортером товара – на предмет регрессного взыскания уплаченных таможенных пошлин, налогов регулируется нормами гражданского законодательства Российской Федерации, в частности, положениями статьи 322 «Солидарные обязательства» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), статьями 323 «Права кредитора при солидарной обязанности», 324 «Возражения против требований кредитора при солидарной обязанности» и 325 «Исполнение солидарной обязанности одним из должников» ГК РФ.

Кроме того, в соответствии с пунктом 1 статьи 325 ГК РФ исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредитором. Согласно пункту 2 той же статьи, если иное не вытекает из отношений между солидарными должниками:

1) должник, исполнивший солидарную обязанность, имеет право регрессного требования к остальным должникам в равных долях за вычетом доли, падающей на него самого;

2) неуплаченное одним из солидарных должников должнику, исполнившему солидарную обязанность, падает в равной доле на этого должника и на остальных должников.

Таким образом, регрессные правоотношения по исполнению солидарной обязанности между солидарными должниками (независимо от природы происхождения такой обязанности – таможенные либо другие правоотношения) полностью урегулированы национальным гражданским законодательством Российской Федерации.

С учетом изложенного, правоотношения истца с солидарным должником при защите своих прав в судебных органах Российской Федерации в рамках гражданско-правового спора *a priori* не могут находиться во взаимосвязи с правоотношениями сферы международного публичного права, являющегося основой таможенного регулирования в рамках Союза.

В этой связи отсутствуют факт несоблюдения указанных истцом обязательств Российской Федерации в части реализации норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 ТК ТС, пункта 1 статьи 55, пунктов 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС и обязанность Комиссии предпринимать в этой связи действия, не регламентированные нормами Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Указанные положения ТК ТС и ТК ЕАЭС, на которые ссылается истец в обоснование иска, содержат нормы рамочного характера.

4. Относительно установления наличия/отсутствия факта неправомерно бездействия Комиссии следует учитывать практику Суда Союза, в частности, Решение Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 года

по делу по заявлению индивидуального предпринимателя Тарасика К.П. на Решение Суда Евразийского экономического союза от 28 декабря 2015 года (дело № СЕ-1-2/2-15 КС) о признании бездействия Евразийской экономической комиссии соответствующим Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судом сформулирован вывод о том, что субъект обращения может обжаловать бездействие Комиссии, но Суд Союза устанавливает (проверяет) не только наличие указанного права, но и наличие или отсутствие у Комиссии корреспондирующей этому праву обязанности.

Применительно к обстоятельствам рассматриваемого дела, фактическим основанием для обращения истца в Комиссию и Суд Союза являлся гражданско-правовой спор таможенного представителя и декларанта. В этой связи к ведению Комиссии изначально не относились вопросы проверки регрессного взыскания уплаченных таможенных пошлин, налогов и, соответственно, отсутствовала ее обязанность осуществлять действия, направленные на контроль данных гражданско-правовых отношений, находящихся вне сферы регулирования таможенного законодательства ЕАЭС и права Союза в целом.

С учетом изложенного, считаю очевидным отсутствие факта бездействия Комиссии и нарушения предоставленных международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг».

Судья

Э.В.Айриян

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-1-2/5-21-КС)

город Минск

27 апреля 2021 года

Коллегией Суда Евразийского экономического союза 27 апреля 2021 г. вынесено решение по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Считаю принятие к производству Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее, соответственно, – Коллегия Суда, Суд) заявления общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», истец) постановлением от 1 марта 2021 г. и последующее удовлетворение требований истца решением от 27 апреля 2021 г. противоречащими Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее, соответственно, – Договор, Союз), международным договорам в рамках Союза, Статуту Суда Евразийского экономического союза, являющемуся приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), и Регламенту Суда Евразийского экономического союза, утвержденному Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда).

Регламент Суда наделяет судью правом в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями заявить особое мнение при вынесении решения Суда (пункт 1 статьи 79 Регламента Суда).

Не соглашаясь с вынесенными Коллегией Суда постановлением от 1 марта 2021 г. и решением от 27 апреля 2021 г., пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

1. Обстоятельства дела

Как следует из материалов дела, истец как таможенный представитель в 2016 году произвел декларирование товара, ввозимого на таможенную территорию Союза декларантом – обществом с ограниченной ответственностью «ДжиИ Рус» (далее – ООО «ДжиИ Рус»). Указанный истцом при декларировании классификационный код товара был изменен таможенным органом по результатам камеральной проверки, в адрес истца и ООО «ДжиИ Рус» направлено требование об уплате дополнительно начисленных сумм таможенных

Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 27 апреля 2021 года (дело № СЕ-1-2/5-21-КС)

платежей и пени, которое в 2018 году исполнено ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в рамках солидарной с ООО «ДжиИ Рус» обязанности.

В последующем уплаченные истцом суммы не были компенсированы ему декларантом, решениями арбитражных судов Российской Федерации ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» отказано во взыскании указанных сумм с ООО «ДжиИ Рус».

18 ноября 2020 г. истец обратился в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия, ответчик) с просьбой обеспечить соблюдение и применение в Российской Федерации норм права Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных платежей. В обоснование своей позиции истец указал, что суды Российской Федерации отказали ему как таможенному представителю в регрессном взыскании с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей.

В ответе от 21 декабря 2020 г. Комиссия отказала ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в совершении требуемых от нее действий, поскольку вопросы, связанные с правом таможенного представителя на регрессное взыскание с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей, не регламентированы правом Союза в сфере таможенного регулирования. Комиссия также отметила, что в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, являющимся приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г., вступившим в силу с 1 января 2018 г. (далее – ТК ЕАЭС), отношения таможенного представителя с декларантом строятся на договорной основе, в связи с чем урегулирование их взаимных претензий и требование компенсаций должно осуществляться в рамках гражданских правоотношений в соответствии с национальным законодательством государств – членов Союза.

2. Обоснование особого мнения

2.1. Право таможенного представителя на регрессное взыскание с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей не регламентировано актами права Союза и регулируется исключительно национальным законодательством государств-членов.

Нарушенные, по мнению истца, права и законные интересы не предоставлены ему правом Союза, а для Комиссии в рассматриваемом деле отсутствуют акты права Союза, которые могли бы являться предметом мониторинга и контроля их исполнения государствами-членами.

Данный спор не связан с вопросами реализации актов права Союза, в связи с чем у Суда отсутствует компетенция *ratione materiae* на его рассмотрение.

2.2. В заявлении в Суд истец в качестве обоснования нарушения его прав и законных интересов указал на то, что в Российской Федерации не обеспечена реализация норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 международного договора в рамках Союза – Таможенного кодекса Таможенного союза (Договор о Таможенном кодексе таможенного союза принят Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17, действовал до 1 января 2018 г., далее – ТК ТС), а также аналогичных норм статьи 50, пункта 1 статьи 51, пункта 3 статьи 55, пунктов 1 и 2 статьи 401, пунктов 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС, устанавливающих солидарную обязанность декларанта и таможенного представителя.

В рассматриваемой ситуации декларирование и ввоз товара осуществлялись в 2016 году (в период действия ТК ТС), тогда же возникла обязанность по уплате таможенных платежей. Дополнительно начисленные по результатам проверки таможенные платежи были уплачены истцом в 2018 году (после вступления в силу ТК ЕАЭС).

В соответствии с пунктом 1 статьи 444 ТК ЕАЭС он применяется к отношениям, регулируемым международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования и возникшим со дня его вступления в силу.

Согласно пункту 2 указанной статьи по отношениям, регулируемым международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, возникшим до вступления ТК ЕАЭС в силу, ТК ЕАЭС применяется к тем правам и обязанностям, которые возникнут со дня его вступления в силу, с учетом положений, предусмотренных статьями 448 – 465 ТК ЕАЭС.

Рассматриваемые отношения, связанные с декларированием и ввозом товара, а также обязанность по уплате таможенных платежей возникли в период действия ТК ТС, в связи с чем момент уплаты ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» дополнительно начисленных сумм таможенных платежей не влияет на выбор применимого права.

Анализ приведенных истцом норм ТК ТС свидетельствует об отсутствии в их содержании даже упоминания солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта.

Так, пункт 2 статьи 12 ТК ТС определяет правовой статус и полномочия таможенного представителя в условиях осуществления им деятельности посредством включения в реестр таможенных представителей.

Пунктом 4 статьи 16 ТК ТС установлена недопустимость ограничения обязанностей таможенного представителя перед таможенными органами договором с представляемым лицом.

В пункте 1 статьи 75 ТК ТС определен объект обложения таможенными пошлинами и налогами.

Статьей 79 ТК ТС к плательщикам таможенных пошлин и налогов отнесены декларант или иные лица, на которых возложена обязанность по их уплате.

Изучение иных норм ТК ТС показывает, что солидарная обязанность таможенного представителя и декларанта затрагивается в них исключительно фрагментарно и обусловлена определенными фактическими обстоятельствами, не связанными с рассматриваемым делом, – при незаконном перемещении товаров через таможенную границу (пункт 2 статьи 81 ТК ТС) и в отношении иностранных товаров, помещаемых (помещенных) под таможенную процедуру таможенного транзита (пункт 6 статьи 227 ТК ТС). Кроме того, переходные положения ТК ТС содержат правила о прямой зависимости необходимости предоставления таможенным представителем обеспечения уплаты таможенных пошлин и налогов от наличия или отсутствия в законодательстве государства – члена таможенного союза правил о солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя, а также обязательства государств-членов, законодательство которых не содержит такой солидарной обязанности, предусмотреть ее в актах национального права в течение одного года (пункт 4 статьи 367 ТК ТС).

В период применения ТК ТС в Российской Федерации действовал Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», пункт 6 статьи 60 которого предусматривал, что при декларировании товаров и (или) их выпуске таможенный представитель несет солидарную с декларантом или иными представляемыми им лицами обязанность по уплате таможенных платежей в полном размере суммы подлежащих уплате таможенных платежей вне зависимости от условий договора таможенного представителя с декларантом и иными представляемыми им лицами.

Таким образом, в период действия ТК ТС солидарная обязанность декларанта и таможенного представителя по уплате таможенных платежей не была урегулирована правом Союза, а устанавливалась и применялась в соответствии с национальным законодательством Российской Федерации и других государств-членов (исключение составляют приведенные выше обстоятельства, предусмотренные пунктом 2 статьи 81, пунктом 6 статьи 227, пунктом 4 статьи 367 ТК ТС, которые не связаны с рассматриваемым делом).

В постановлении от 12 декабря 2016 г. по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью ТП «Руста-Брокер» об оспаривании бездействия Комиссии Коллегия Суда пришла к аналогичному выводу о том, что вопрос применения механизма солидарной ответственности таможенного представителя в период действия ТК ТС регулировался национальным законодательством государств – членов Союза.

Вопросы последующих регрессных требований при исполнении солидарной обязанности никогда не регламентировались правом Союза, их регулиро-

вание осуществлялось и осуществляется исключительно национальным законодательством государств-членов.

Изложенное подтверждает, что данный спор не связан с реализацией ТК ТС, нарушенные, по мнению истца, права и законные интересы не предоставлены ему ТК ТС и находятся в сфере регулирования национального законодательства государств-членов, а доводы ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» об обратном являются несостоятельными.

Коллегии Суда необходимо было проанализировать фактические обстоятельства дела и правовые нормы, действовавшие в период возникновения спорных правоотношений, правильно определить применимое право, констатировать отсутствие в применимом праве Союза релевантных норм, устанавливающих солидарную обязанность таможенного представителя и декларанта и правила регрессного взыскания сумм при ее исполнении, и сделать вывод об отсутствии компетенции Комиссии на совершение требуемого от нее истцом действия, а также об отсутствии компетенции Суда на рассмотрение данного дела. Вместо этого Коллегия Суда, сославшись на пункт 4 статьи 367 ТК ТС, пришла к внутренне несогласованному и противоречащему ТК ТС выводу о том, что солидарная обязанность декларанта и таможенного представителя по уплате таможенных пошлин, налогов была закреплена правом таможенного союза и реализовывалась в законодательстве государств-членов в соответствии с ТК ТС, при этом используя в качестве обоснования своих правовых позиций нормы исключительно ТК ЕАЭС.

2.3. В заявлении истца также указывается, что в Российской Федерации не обеспечена реализация аналогичных ТК ТС норм статьи 50, пункта 1 статьи 51, пункта 3 статьи 55, пунктов 1 и 2 статьи 401, пунктов 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС, чем нарушены его права и законные интересы.

Решение Коллегии Суда построено на анализе норм ТК ЕАЭС, выбор которых в качестве применимого права не мотивирован и является ошибочным по указанным выше основаниям.

Не соглашаясь с выводами Коллегии Суда о возможности применения норм ТК ЕАЭС к рассматриваемым отношениям, тем не менее, с учетом их анализа в решении Коллегии Суда применительно к существующему правовому регулированию считаю необходимым сформулировать свою позицию по данному вопросу.

Действующие нормы ТК ЕАЭС *de lege lata* устанавливают солидарную обязанность декларанта и ряда иных лиц, включая таможенного представителя, как элемент публично-правовых отношений между таможенными органами и указанными лицами.

Вместе с тем, приведенные истцом в обоснование нарушенных, по его мнению, прав и законных интересов нормы ТК ЕАЭС, как и другие нормы данного акта права Союза, не регламентируют право таможенного представителя

на предъявление регрессного требования к декларанту и вопросы, связанные с его реализацией, которые относятся к частноправовым.

Так, статья 50 ТК ЕАЭС устанавливает круг плательщиков таможенных пошлин, налогов, к которым отнесены декларант или иные лица, у которых возникла обязанность по их уплате.

Согласно пункту 1 статьи 51 ТК ЕАЭС объектом обложения таможенными пошлинами, налогами являются товары, перемещаемые через таможенную границу Союза, а также иные товары в случаях, предусмотренных ТК ЕАЭС.

Пунктом 3 статьи 55 ТК ЕАЭС закреплен порядок действий таможенного органа в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов.

Пункты 1 и 2 статьи 401 ТК ЕАЭС закрепляют правовой статус таможенного представителя, который совершает от имени и по поручению декларанта или иных заинтересованных лиц таможенные операции, а также устанавливают, что отношения таможенного представителя с декларантами или иными заинтересованными лицами строятся на договорной основе.

В соответствии с пунктом 4 статьи 405 ТК ЕАЭС таможенный представитель несет солидарную с декларантом обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов.

В пункте 7 статьи 405 ТК ЕАЭС содержится правило о том, что обязанности таможенного представителя перед таможенными органами не могут быть ограничены договором с представляемым лицом.

Следует отметить, что установленная в ТК ЕАЭС солидарная обязанность предусматривает право кредитора в обязательстве по уплате таможенных платежей – таможенного органа государства-члена – предъявить соответствующее требование об уплате солидарным должникам – декларанту и таможенному представителю. Таким образом, солидарная обязанность таможенного представителя и декларанта, закрепленная в ТК ЕАЭС, представляет собой дополнительный механизм реализации фискальной функции государств-членов, обеспечиваемой на уровне и в интересах Союза, что предопределяет ее публично-правовой характер.

Аналогичного подхода придерживается Суд Европейского союза, сформулировавший в решении от 17 февраля 2011 г. по делу *C-78/10 Berel and Others* и повторивший в решении от 18 мая 2017 г. по делу № С 154/16 «*Latvijas Dzelzceļš*» VAS *v* Valsts ieņēmumu dienests правовую позицию о том, что солидарная ответственность представляет собой дополнительный правовой инструмент национальных государственных органов для усиления эффективности их деятельности по взысканию таможенных платежей, при том, что ее цель состоит в необходимости взыскания таможенного платежа и, следовательно, обеспечении собственных ресурсов интеграционного объединения.

Таким образом, с одной стороны, установление в ТК ЕАЭС солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта является гарантией исполнения обязательств по уплате таможенных платежей указанными лицами, в том числе под угрозой исключения таможенного представителя из реестра таможенных представителей. С другой стороны, правовая связь декларанта и таможенного представителя опосредована заключенным между ними договором, предусматривающим совершение таможенным представителем действий в рамках таможенных правоотношений в интересах декларанта.

Для уяснения содержания международных договоров применяется Венская конвенция Организации Объединенных Наций о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (далее – Венская конвенция), которая содержит правила и принципы их толкования. В частности, пунктом 1 статьи 31 Венской конвенции установлено общее правило о том, что международный договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам международного договора в их контексте, а также в свете объекта и целей международного договора. Специальное значение придается термину в том случае, если установлено, что участники имели такое намерение (пункт 4 статьи 31 Венской конвенции).

Определение термина «солидарная обязанность» в ТК ЕАЭС не раскрывается, что свидетельствует об отсутствии намерения государств-членов наделять его специальным значением.

Одновременно пунктом 6 статьи 2 ТК ЕАЭС предусмотрено, что понятия гражданского законодательства и других отраслей законодательства, используемые в ТК ЕАЭС, применяются в каждом из государств-членов в том значении, в котором они используются в соответствующих отраслях законодательства государства-члена, если иное не установлено ТК ЕАЭС.

Предметом толкования в данном деле является понятие гражданского законодательства «солидарная обязанность», используемое в ТК ЕАЭС в отсутствие установления иного его содержания или специальных правил применения. Для такой солидарной обязанности на уровне ТК ЕАЭС определены основания возникновения, ее субъектный состав, включающий таможенный орган как кредитора и декларанта и таможенного представителя как солидарных должников, а также порядок направления уведомления декларанту и таможенному представителю о неуплаченных в установленный срок суммах таможенных пошлин и налогов (пункт 3 статьи 55 ТК ЕАЭС). Приведенное также подтверждает, что основной целью установления указанных особенностей солидарной обязанности является реализация публично-правовой фискальной функции государств-членов на уровне и в интересах Союза.

Иные элементы правового механизма солидарной обязанности, кроме названных выше, с учетом их отсутствия в праве Союза закрепляются в гражданском законодательстве государств-членов.

Пунктом 1 статьи 326 Модельного гражданского кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятого Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 29 октября 1994 г. (далее – Модельный ГК СНГ) установлено, что солидарная обязанность возникает, если она предусмотрена договором или установлена законом. Названный подход был воспринят в национальном законодательстве государств – членов Союза (пункт 1 статьи 361 Гражданского кодекса Республики Армения, пункт 1 статьи 303 Гражданского кодекса Республики Беларусь, статья 311 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, часть вторая пункта 1 статьи 287 Гражданского кодекса Республики Казахстан, пункт 1 статьи 322 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В этой связи установление солидарной обязанности на уровне ТК ЕАЭС, являющегося международным договором в рамках Союза, не вступает в противоречие с общепринятыми в законодательстве государств – членов Союза основаниями ее возникновения – договором и правовым актом.

В Модельном ГК СНГ (статья 328) и национальном законодательстве государств – членов Союза (статья 364 Гражданского кодекса Республики Армения, статья 306 Гражданского кодекса Республики Беларусь, статья 313 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, статья 289 Гражданского кодекса Республики Казахстан, статья 325 Гражданского кодекса Российской Федерации) содержатся правила на случай исполнения солидарной обязанности одним из должников, включая право на регрессное требование исполнившего должника.

Вместе с тем такое право не является безусловным. Доктринальный подход к правовой природе регрессного обязательства принимает во внимание характер и условия правоотношений в нем между кредитором (исполнившим должником) и должником, обуславливающий возложение на должника обязанности по возмещению кредитору суммы, уплаченной за него другому лицу.

Как следствие, национальными судами государств – членов Союза при разрешении дел о взыскании с декларанта в порядке регресса сумм таможенных платежей, уплаченных таможенным представителем в рамках солидарной обязанности, *inter alia* может учитываться ряд не основанных на нормах права Союза обстоятельств, связанных с возникновением и исполнением регрессного обязательства, в том числе распределение обязанностей и ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств согласно договору между таможенным представителем и декларантом, устанавливаемых с учетом принципа состязательности сторон.

Таким образом, ТК ЕАЭС не регулирует вопросы исполнения обязательств, связанных с предъявлением таможенным представителем регрессных требований к декларанту при исполнении солидарной обязанности по уплате тамо-

женных платежей, равно как и вопросы каких-либо компенсаций в отношениях между указанными хозяйствующими субъектами. Из системного анализа норм ТК ЕАЭС и гражданского законодательства государств – членов Союза следует, что право обратного требования (регресса) и право на иные компенсационные выплаты от декларанта при исполнении таможенным представителем солидарной обязанности по уплате таможенных платежей имеют гражданско-правовую природу, регулируются национальным законодательством государств – членов Союза и защищаются предусмотренными им способами защиты гражданских прав.

Исходя из этого, право на предъявление регрессных требований к декларанту при исполнении солидарной обязанности по уплате таможенных платежей не предоставлено таможенному представителю актами права Союза, в связи с чем рассмотрение споров, связанных с реализацией данного права, не входит в компетенцию Суда.

В решении Коллегии Суда также указано, что, во-первых, право на регрессное взыскание является институтом процессуального права, во-вторых, что солидарная обязанность субъектов таможенных правоотношений (институт материального права, содержащийся в международном договоре) подлежит защите в гражданском процессуальном праве через право плательщика на регрессный иск к обязанному лицу.

Тем самым произошла подмена понятий регрессного обязательства, возникающего в связи с исполнением солидарной обязанности, и исковой формы защиты.

Поставленные истцом перед Комиссией вопросы касаются исполнения регрессного обязательства, а не способа защиты своих прав в судебном порядке (с предъявлением регрессного или иного иска). Более того, в рамках рассмотрения данного дела Коллегией Суда не исследовалось искомое заявление ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в судебные органы Российской Федерации, не устанавливались предмет и основание предъявленных им к декларанту исковых требований.

Ошибочность в квалификации регрессных обязательств, которые следует относить к институту материального права частноправового характера, в условиях, когда и солидарные обязательства, и регрессные обязательства составляют основу обязательственного (материального) права, обусловила фактическое создание Коллегией Суда в нарушение пункта 102 Статута Суда новой правовой нормы, построенной на неверном понимании правовой сущности солидарной обязанности, возникающей на основании закона (правового акта), и регрессного обязательства как следствия исполнения солидарной обязанности.

2.4. В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения

Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;

б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;

в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

С учетом правовой позиции, сформулированной в решении Апелляционной палаты Суда от 7 октября 2020 г. по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» применительно к подпункту «а» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, в делах по заявлениям хозяйствующих субъектов об оспаривании действий (бездействия) Комиссии подлежит выяснению факт наличия у Комиссии полномочия на совершение определенного действия.

Таким образом, Коллегия Суда должна была проверить все обстоятельства, предусмотренные пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда, и сформулировать по ним соответствующие выводы. Вместе с тем в решении Коллегии Суда отсутствует анализ выполнения подпунктов «а» и «б» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, а выводы в отношении подпункта «в» указанной нормы не основаны на фактических обстоятельствах дела и применимом праве.

На Комиссию в соответствии с Положением о Евразийской экономической комиссии, являющимся приложением № 1 к Договору (далее – Положение о Комиссии), возложена функция осуществления мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии (подпункты 4 и 5 пункта 24, подпункт 4 пункта 43, подпункты 5 и 6 пункта 52, подпункты 2 и 3 пункта 55 Положения о Комиссии).

Следует отметить, что основная цель мониторинга и контроля заключается в проверке соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза.

Анализ выполнения Коллегией Суда требований подпункта «а» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда показывает, что Комиссия не наделена полномочиями на совершение требуемого от нее истцом действия, поскольку отношения, связанные с регрессным взысканием таможенным представителем с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей, не регулируется актами права Союза.

Проверка соблюдения требований подпункта «б» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда свидетельствует, что *de-facto* и *de-jure* право на регрессное взыскание с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности

сумм таможенных платежей не предоставлено таможенному представителю ТК ЕАЭС и иными актами права Союза. Как в обращении в Комиссию, так и в обращении в Суд истцом не приведены достаточные и объективные сведения о нарушении предоставленных ему именно актами права Союза прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В то же время истцом указано, что непосредственно затрагивающим его права и законные интересы является отказ судов Российской Федерации ему как таможенному представителю в регрессном взыскании с декларанта сумм таможенных платежей, уплаченных во исполнение солидарной обязанности, то есть практика применения судами Российской Федерации национального гражданского законодательства при рассмотрении конкретных споров, имеющая место в правовой системе государства – члена Союза, при отсутствии правовой регламентации данных правоотношений в праве Союза.

В решении Апелляционной палаты Суда от 3 марта 2016 г. по делу по заявлению индивидуального предпринимателя Тарасика К.П. сформулирован подход, согласно которому если с просьбой об инициировании процедуры мониторинга и контроля в Комиссию обращается хозяйствующий субъект, то *conditio sine qua non* (необходимым условием) для совершения Комиссией юридически значимых действий должны быть достаточные и объективно обоснованные сведения о нарушении его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. Факты отсутствия таких сведений, их непредставления, а равно отсутствия самого нарушения не порождают встречной обязанности Комиссии проводить мониторинг и контроль в соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии, поскольку *ex facto jus oritur* (право возникает из факта).

При проверке исполнения подпункта «в» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, с учетом приведенного выше, следует констатировать, что отношения, связанные с уплатой таможенных платежей и установлением солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя как солидарных должников перед кредитором в лице таможенного органа, являются публично-правовыми и регулируются нормами права Союза, тогда как иные отношения между указанными субъектами, в том числе возникающие в связи с правом обратного требования (регресса) при исполнении солидарной обязанности, носят частноправовой характер, основаны на договоре между ними и регламентированы национальным законодательством государств-членов, а не актами права Союза.

В этой связи отказ Комиссии истцу в совершении требуемых от нее действий является правомерным и не может рассматриваться как бездействие, непосредственно затрагивающее и нарушающее права и законные интересы истца, предоставленные ему актами права Союза.

2.5. Согласно пункту 41 Статута Суда вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

При этом решение Судом вопроса о своей компетенции не означает возможность ее произвольного расширения за счет любых категорий споров, а предоставляет Суду дискрецию исключительно в пределах границ, очерченных главой IV Статута Суда.

Подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда закреплена компетенция Суда по рассмотрению споров, возникающих по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Тем самым обязательными кумулятивными условиями для определения Судом своей компетенции *ratione materiae* на рассмотрения данного вида споров являются:

- 1) спор касается вопросов реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза;
- 2) бездействие Комиссии затрагивает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;
- 3) правовым последствием бездействия Комиссии является нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов истца.

Одновременно для установления компетенции Суда *ratione personae* и определения наличия у истца *locus standi* на обращение в Суд правовой статус хозяйствующего субъекта должен соответствовать признакам, содержащимся в части второй пункта 39 Статута Суда.

В настоящем деле тот факт, что данный спор не касается реализации актов права Союза, а нарушенные, по мнению истца, права и законные интересы не предоставлены ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, то есть не могут быть нарушены вследствие бездействия Комиссии, мог быть установлен Коллегией Суда на стадии решения вопроса о приемлемости заявления. В этой связи Коллегии Суда следовало прийти к выводу об отсутствии у Суда компетенции *ratione materiae* на рассмотрение данного спора и в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 33 Регламента Суда вынести постановление об отказе в принятии заявления истца к производству.

Несмотря на это, Коллегия Суда в постановлении от 1 марта 2021 г. установила свою компетенцию по рассмотрению спора, но с оговоркой *prima facie*, оставив тем самым для себя возможность вернуться к данному вопросу позднее.

В дальнейшем в судебном заседании Коллегия Суда имела возможность еще раз убедиться, что:

- 1) данный спор не касается вопросов реализации права Союза;
- 2) отсутствует нарушение прав и законных интересов истца, предоставленных ему актами права Союза;
- 3) у Комиссии отсутствуют полномочия на принятие мер, направленных на обеспечение соблюдения и применения в государстве-члене гражданско-правовых норм, регламентирующих последующие обязательства, возникающие в связи с исполнением декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов, поскольку регулирование указанных вопросов отсутствует в праве Союза и содержится исключительно в национальном законодательстве государств-членов.

По этим основаниям Коллегии Суда надлежало прекратить производство по делу в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда с вынесением соответствующего постановления (подпункт 3 пункта 95 Статута Суда).

2.6. Таким образом, приняв решение от 27 апреля 2021 г., Коллегия Суда фактически создала прецедент, наделяющий Комиссию обязанностью проводить мониторинг и контроль исполнения государствами-членами в лице их судебных органов национального законодательства по вопросам, не урегулированным в праве Союза и не переданным на наднациональный уровень, то есть, по сути, вмешиваться в суверенные дела государств-членов. Для Суда же такой прецедент означает неограниченное расширение его компетенции, при котором к производству может быть принято заявление хозяйствующего субъекта, имеющее лишь произвольные ссылки на нормы права Союза, даже если нарушенные, по мнению хозяйствующего субъекта, права и законные интересы не предоставлены ему правом Союза, а регулируются исключительно национальным законодательством государств-членов.

По указанным основаниям полагаю, что принятое Коллегией Суда решение не основано на праве Союза и не способствует достижению цели деятельности Суда, установленной пунктом 2 Статута Суда – обеспечению единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Судья

Д.Г. Колос

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-1-2/5-21-КС)

27 апреля 2021 года

город Минск

В целом соглашаюсь с вынесенным решением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», заявитель), но считаю, что в мотивировочной части решения не нашел достаточного отражения важный вопрос о соотношении международного и национального права применительно к ситуации, сложившейся в настоящем деле.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение по данному вопросу.

Право Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) как международной организации наднационального типа (ведет единое регулирование общественно-экономических отношений в определенных сферах) базируется на принципах и нормах общего международного права, следовательно переход от норм права ЕАЭС к нормам национального права государства – члена Союза подчиняется международным правилам взаимодействия систем международного и национального права, не может оцениваться автоматически вне этих правил. Для осуществления такого перехода в международном договоре должна присутствовать коллизийная норма, содержащая отсылку к регулированию тех или иных отношений в национальном законодательстве государства-члена.

Учитывая отсутствие такой нормы применительно к данному спору, уточним, что в рассматриваемом деле по заявлению ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» речь идет об отношениях таможенного представителя и декларанта в связи с исполнением публичной обязанности по уплате таможенных пошлин. Международный договор – Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) – в статье 405 перечисляет обязанности таможенного представителя и, в частности, содержит норму о том, что в случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта таможенный представитель несет с таким декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в полном размере. Таким образом, обязанность закреплена в международном договоре.

Исходя из идеи единства прав и обязанностей в правоотношении, сошлемся на С.С. Алексеева: «Связь между правом и обязанностью в правоотношении имеет характер объективной закономерности. Субъективное право и юридическая обязанность – такие противоположности, которые вне единства (правоотношения) существовать как социальные и юридические явления не могут. Характер объективной закономерности имеет не только сама по себе связь между субъективным правом и обязанностью в правоотношении, но и сцепления между правомочиями и обязанностями. Это [...] такие связи, которые свойственны объективным закономерностям» (Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т.2, стр. 132).

Таким образом, обязанность не может существовать без права, а право – без обязанности; парная категория существует в одной правовой системе. Следовательно, общественные отношения, урегулированные разными системами права, – это разные правоотношения: международное и национальное. В каждом из них свои парные категории «правомочие – обязанность».

Отсюда главный вопрос в настоящем деле заключался в наличии у таможенного представителя права в случае исполнения солидарной обязанности по уплате таможенной пошлины за декларанта получить возмещение уплаченной суммы в регрессном порядке.

Из каких норм возникает это право? Учитывая, что в ТК ЕАЭС закреплены обязанности таможенного представителя, следует сделать вывод, что из этих же норм об обязанностях следуют и корреспондирующие таким обязанностям права. То есть всё правоотношение, связанное с солидарной обязанностью таможенного представителя и декларанта по уплате таможенной пошлины, урегулировано в ТК ЕАЭС. Передача функций в сфере таможенного регулирования от государств-членов наднациональной организации приводит к тому, что правоотношение регулируется ТК ЕАЭС полностью. Причем коллизионная норма, позволяющая переход в национальное право, относительно данного правоотношения в ТК ЕАЭС отсутствует.

Осложняется конструкция этой парной категории еще и тем, что ТК ЕАЭС регулирует публичные правоотношения. Как известно, еще в Древнем Риме, а затем и в средневековой Европе любое нарушение частных интересов рассматривалось в аспекте частного (гражданского) права.

Именно в таком аспекте и предлагала действовать таможенному представителю Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия): возмещая свои потери на основе национального гражданского права и частных договоренностей.

Но начиная с XVIII века законодательство европейских государств претерпевает определенные изменения в этом вопросе: парная категория «право – обязанность» не разрывается во времени и пространстве и защищается в публичном порядке. Отсюда возник институт солидарной обязанности из

закона (для ЕАЭС – из международного договора). Таким образом был преодолен разрыв между публичными и частными интересами в едином правоотношении.

При ином подходе публичная власть всегда отследит выполнение обязанности – получит налоги, пошлины, в то время как частное лицо лишится своих прав и рискует остаться без защиты, что и произошло в рассматриваемом деле (таможенный представитель уплатил около 30 миллионов рублей таможенной пошлины, но не смог вернуть потраченное, так как гражданско-правовой договор содержал положение о непризнании доначисления таможенной пошлины).

Между тем по факту в данном споре все правоотношения по уплате таможенных пошлин таможенным представителем за декларанта начинаются, развиваются и заканчиваются в региональном международном праве. Таможенный представитель и декларант не вправе предусмотреть в гражданско-правовом договоре между собой особенности исполнения публичной обязанности по уплате таможенной пошлины. Согласно праву ЕАЭС их гражданско-правовой договор может касаться только вопросов исполнения обязанностей сторон друг перед другом (пункт 7 статьи 405 ТК ЕАЭС). Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 8 февраля 2011 года № 191-О-О, уплата таможенных платежей – необходимое условие таможенного оформления товаров и транспортных средств, оно представляет собой, по существу, не гражданско-правовое обязательство, а публично-правовую обязанность; конструкция солидарной ответственности не только гарантирует удовлетворение фискального интереса государства, но и учитывает специфику договорных отношений между таможенным брокером и его контрагентом: по общему правилу, плательщиком и лицом, ответственным за уплату таможенных пошлин, налогов, является именно декларант, и только в случае, если декларирование производится таможенным брокером (представителем), декларант и таможенный брокер несут солидарную ответственность.

Отметим, что международный договор (ТК ЕАЭС) является самоисполнимым и должен исполняться обязательно в сопряжении с другими международными договорами, в том числе в области прав человека, например, статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, согласно которой «никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права», то есть любое имущество должно быть возвращено.

Без учета этих особенностей в своем ответе заявителю (письмо от 21 декабря 2020 года) Комиссия указала, что, так как в соответствии с ТК ЕАЭС отношения таможенного представителя с декларантом строятся на гражданско-правовой договорной основе, урегулирование взаимных претензий, требование компенсаций и т.д. должно осуществляться в рамках гражданских

правоотношений. Тем самым Комиссия неправомерно разделила единое правоотношение на регулирование обязанности по ТК ЕАЭС и регулирование соответствующего ей правомочия по гражданскому праву государства – члена Союза.

Комиссия не учла также, что ТК ЕАЭС подразумевает возможность регресса: возникновение регрессных требований – обязательный атрибут общеправового института солидарной обязанности. Следовательно, неверен формальный подход, избранный ЕЭК, которая указала, что вопросы, связанные с правом на регрессное взыскание с декларанта сумм пошлин, налогов, уплаченных таможенным представителем в рамках солидарной обязанности, не регулируются правом Союза в сфере таможенного регулирования, но регулируются гражданско-правовым договором между декларантом и таможенным представителем в частности и национальным гражданским правом – в целом. Между тем право на регрессный иск – институт не материального, но процессуального права. Отсюда следует, что регресс – форма процессуальной защиты материальных прав истца, вытекающих из международного договора – ТК ЕАЭС.

При этом гражданско-правовой договор между таможенным представителем и декларантом не имеет отношения к возможности возврата уплаченной таможенной пошлины, так как право на регрессное требование возникает у таможенного представителя на основании нормы международного договора о наличии у него соответствующей солидарной обязанности.

Следует отметить, что права акторов международных экономических отношений, возникающие из международного договора, подлежат защите самыми разнообразными средствами – дипломатическими средствами, международными судами, исполнительными органами наднациональных организаций (это случай Комиссии), международными региональными судами (например, Судом Евразийского экономического союза), а также процессуальным правом, которое ближе всего к человеку и применяется в национальном суде. Согласно мнению Комиссии международного права ООН общее международное право основывается в том числе на практике государственных судов. В данном случае вопрос о взыскании регрессных требований должен решаться в национальном судебном процессе (декларант вправе предъявить встречные требования). Однако ссылки ЕЭК на национальное гражданское право привели к тому, что в судах ТК ЕАЭС не применяется.

Право таможенного представителя на регрессный иск, вытекающее из ТК ЕАЭС, означает, что национальные суды должны рассматривать подобные дела, опираясь на норму международного договора – ТК ЕАЭС, но не гражданско-правовой договор с декларантом, потому что всё правоотношение (и правомочие, и обязанность) возникло в международном праве. Регрессное требование возникло на основе статьи 405 ТК ЕАЭС.

На возможность защиты в национальном судебном процессе указывает коллизионная норма ТК ЕАЭС о том, что отношения, не урегулированные международным договором, регулируются национальным правом: договором не урегулированы процессуальные права заявителя (пункт 1 статьи 397 ТК ЕАЭС: деятельностью в сфере таможенного дела является деятельность лиц государств-членов, связанная с оказанием услуг в качестве таможенных представителей, контролируемая таможенными органами и регулируемая настоящим Кодексом, а в части, не урегулированной настоящим Кодексом, – регулируемая законодательством государств-членов). ТК ЕАЭС не содержит норм о процессе, позволяющем предъявить регрессные требования.

Таким образом, при исполнении солидарной обязанности из закона возмещение таможенному представителю, исполнившему обязанность перед публичной властью, производится в полном объеме: он уплатил таможенную пошлину за товар, принадлежащий иному лицу – декларанту. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 27 апреля 2001 года № 7-П: «Предоставленное субъекту таможенных правоотношений правомочие доказывать свою невиновность корреспондирует его возможности принимать меры по обеспечению выполнения контрагентами имеющих перед ним обязательств, с тем чтобы в свою очередь не утратить возможность для исполнения своих публично-правовых (таможенных) обязанностей, которое не должно обеспечиваться в меньшей степени, чем выполнение обязательств в имущественных отношениях. [...] Это, однако, не исключает, что в дальнейшем имущественные права привлеченного к ответственности субъекта таможенных отношений могут быть восстановлены путем предъявления иска контрагенту, действия (бездействие) которого повлекли наложение взыскания».

Таким образом, таможенный представитель вправе получить возмещение платежей, в то время как декларант вправе их уменьшить в случае наложения таможенных санкций, возникших по вине таможенного представителя.

Установка Комиссии на иной подход (таможенный представитель не имеет прав по ТК ЕАЭС) с самого начала разрушала интеграцию, единую политику, защиту прав человека. Следует также учитывать, что Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, согласно преамбуле, заключен в стремлении гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию, то есть государства-члены и органы Союза призваны защищать предпринимателей и способствовать их развитию. Это говорит о том, что ТК ЕАЭС, закрепляя обязанности хозяйствующих субъектов, не может не предусматривать корреспондирующих им правомочий.

Согласно пункту 4 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая

2014 года) Комиссия в пределах своих полномочий обеспечивает реализацию международных договоров, входящих в право Союза. Таким образом, Комиссия призвана следить за соблюдением ТК ЕАЭС, в котором закреплены права и обязанности таможенных представителей, в практике государств – членов Союза, а не ограничиваться проверкой регулирования обязанностей хозяйствующего субъекта, отсылая к регулированию права в законодательстве государства-члена.

ТК ЕАЭС дает хозяйствующим субъектам – как декларанту, так и таможенному представителю – равные права. В пункте 3 статьи 1 ТК ЕАЭС указано, что таможенное регулирование в Союзе основывается на принципах равноправия лиц при перемещении товаров через таможенную границу Союза. Пункт 4 статьи 401 ТК ЕАЭС гласит: «При совершении таможенных операций для таможенного представителя не должны устанавливаться менее благоприятные условия или предъявляться более жесткие требования, чем те, которые установлены и предъявляются в соответствии с настоящим Кодексом при совершении таможенных операций декларантом или иными заинтересованными лицами».

Взаимосвязанное прочтение указанных норм приводит к выводу, что солидарная обязанность по уплате таможенных пошлин возникает у таможенного представителя в связи с действиями, совершаемыми от имени и по поручению декларанта; исполнение этой обязанности возлагается таможенным органом напрямую на таможенного представителя на основании нормы ТК ЕАЭС, то есть вытекает из публичных отношений и не может зависеть от условий договора между таможенным представителем и декларантом и частноправовых норм, которым такой договор подчиняется.

Следует также учесть, что в соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 403 ТК ЕАЭС неисполнение обязанности по уплате таможенных пошлин является основанием для исключения из реестра таможенных представителей. То есть таможенный представитель в случае неисполнения возложенной на него солидарно обязанности будет исключен из реестра таможенных представителей, что приведет к невозможности продолжения предпринимательской деятельности. Таможенный представитель оказывается незащищенным и в худшем положении, чем декларант, который, возможно, и товар получит, и пошлину не возместит.

Таким образом, настоящее дело выявило ситуацию, в которой Комиссия не разобралась должным образом в обращении хозяйствующего субъекта, претерпевшего потерю своего имущества, не предприняла действий, направленных на обеспечение реализации международных договоров, входящих в право Союза, и предложила заявителю считать, что его материальные права находятся в национальном гражданском праве, в то время как все обязанности – в международном договоре.

Вряд ли с такой «неудобной позицией» можно согласиться. Ответ Комиссии заявителю должен был касаться материальных норм международного договора и отсылать к процессуальной защите по национальному праву, на деле же ЕЭК а) отослала к гражданско-правовым отношениям в материальном смысле (договорным отношениям таможенного представителя с декларантом) и б) не объяснила суть регрессных требований в процессуальном смысле. Оба положения ответа ЕЭК ошибочны. К рассматриваемому правоотношению не имеют касательства ни договорные отношения между хозяйствующими субъектами, ни гражданско-правовое регулирование в материальном смысле, потому что все правоотношение возникло и урегулировано в международном договоре, подлежащем применению в судебном процессе в национальном суде согласно личному закону юридического лица – таможенного представителя.

Судья

Т.Н. Нешагаева

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 мая 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,

под председательством судьи-докладчика Сейтимовой В.Х.,

при секретаре судебного заседания Афанасьеве А.О.,

рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года (дело № СЕ-1-2/5-21-КС) об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) 27 апреля 2021 года рассмотрела спор между обществом с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», истец) и Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК, Комиссия).

Предметом оспаривания ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» являлось бездействие Комиссии, выразившееся в том, что, имея соответствующую компетенцию, Комиссия не совершила действия, предусмотренные подпунктом 2 пункта 3, пунктом 4 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор)), по соблюдению и применению в Российской Федерации норм права Евразийского экономического союза (далее – Союз), регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных платежей. Истец полагал, что бездействие Комиссии не соответствует международным договорам в рамках Союза, нарушает его права и законные интересы и способствует правовой неопределенности.

Решением Коллегии Суда от 27 апреля 2021 года требования истца удовлетворены, оспариваемое бездействие Коллегии Комиссии признано не со-

ответствующим международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Комиссия, не согласившись с решением Коллегии Суда, 3 мая 2021 года обратилась с жалобой в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата Суда).

В жалобе ЕЭК указывается, что решение Коллегии Суда является необоснованным, вынесено с существенным нарушением норм материального и процессуального права и не соответствует международным договорам и актам, составляющим право Союза, а также Регламенту Суда Евразийского экономического союза, утвержденному Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент). По мнению Комиссии, Коллегия Суда нарушила пункт 2 статьи 8 Договора, пункты 39, 41, 43, 50, 53, 101, 102, 109 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут), статью 9, статьи 22, 23, пункт 3 статьи 35, пункт 1 статьи 45, пункты 3, 4, 5 и 6 статьи 78 Регламента.

Комиссия просит отменить решение Коллегии Суда от 27 апреля 2021 года и отказать в удовлетворении требований ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг».

Исследовав содержание жалобы и приложенные к ней документы, Апелляционная палата Суда считает, что жалоба подана уполномоченным лицом, срок подачи жалобы соблюден, ее содержание и приложения к ней соответствуют требованиям статьи 63 Регламента.

Основания для отказа в принятии жалобы к производству или оставления без движения, предусмотренные пунктами 2 и 3 статьи 64 Регламента, отсутствуют.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79 – 81 Статута, статьями 60 – 64 и 84 Регламента, Апелляционная палата Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 3 июня 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.
Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

В.Х. Сейтимова

Судьи

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 14 мая 2021 года

РЕШЕНИЕ

9 июня 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Сейтимовой В.Х., судей Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Афанасьеве А.О., с участием представителя общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» Курочкина К.Л., представителей Евразийской экономической комиссии Авдеева А.Д., Бричевой Е.Н., Дорошкевича В.А., Наумова А.А., рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК, ответчик) не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Оспаривая бездействие Комиссии, истец указал, что, являясь таможенным представителем, на основании заключенного договора комиссии № 2015-521 от 31 марта 2015 года с ООО «ДжиИ Рус» (далее – декларант) произвел декларирование устьевого оборудования («части бурильных и проходческих машин») в соответствующей подсубпозиции Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

В ходе постконтроля по результатам камеральной проверки таможенный орган 11 ноября 2017 года принял решение по классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС, изменив классификацию товара, и предъявил требование от 5 марта 2018 года об уплате таможенных платежей солидарно к декларанту и истцу в сумме 29 161 494, 69 рубля.

Обжалованные декларантом вышеуказанные акты таможенного органа судами Российской Федерации оставлены без изменения.

Приказом Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 27 марта 2018 года № 412 истец был исключен из реестра таможенных представителей. Для восстановления в реестре таможенных представителей истец в одностороннем порядке 29 марта 2018 года оплатил 29 161 494, 69 рубля и обратился в суд с иском о взыскании с декларанта убытков 29 161 494, 69 руб., а также пени и комиссии по договору.

В обоснование своих доводов в арбитражных судах истец указывал, что договором не предусмотрена ответственность таможенного представителя за неверное определение кода товара, а договор с декларантом согласуется с положениями Федерального закона от 27 ноября 2010 года № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (часть 5 статьи 60); истец не обосновывал исковое требование нормами права Союза, а также ссылками на институт регрессного требования. В удовлетворении иска истцу было отказано.

Суды Российской Федерации, отказывая в удовлетворении иска, указали, что истец не доказал противоправность поведения должника (декларанта), наличие прямой причинно-следственной связи между поведением лица и убытками как обязательных элементов применения гражданско-правовой ответственности. Судами отмечено, что возникновение требования таможенного органа обусловлено неверным определением истцом кода Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза.

18 ноября 2020 года истец обратился в Комиссию с требованием принять меры, направленные на обеспечение соблюдения и применения в Российской Федерации прямых норм таможенного законодательства Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов.

Комиссия, рассмотрев обращение истца, отказала в совершении требуемых от нее действий, поскольку вопросы, связанные с правом на регрессное взыскание с декларанта сумм пошлин, налогов, уплаченных таможенным представителем в рамках солидарной обязанности, не регулируются правом Союза в сфере таможенного регулирования.

Истец в заявлении в Суд указал, что Комиссия не обеспечила соблюдение и применение в Российской Федерации прямых норм таможенного законодательства Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными

ми представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, что повлекло нарушение его прав и законных интересов и лишение судами Российской Федерации его права на регрессное взыскание с декларанта уплаченных таможенных платежей во исполнение солидарной обязанности.

Решением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года (далее – решение Коллегии Суда) исковое требование ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» удовлетворено, бездействие Комиссии признано не соответствующим международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Не согласившись с выводами Коллегии Суда от 27 апреля 2021 года, Евразийская экономическая комиссия 3 мая 2021 года обратилась в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата) с жалобой на указанное решение. Комиссия просит отменить данное решение Коллегии Суда и отказать в удовлетворении требований ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг».

Постановлением Апелляционной палаты Суда от 14 мая 2021 года жалоба Комиссии принята к производству.

2. Доводы жалобы

В обоснование жалобы Комиссией приведены следующие доводы.

2.1. Коллегией Суда неправильно определена предметная компетенция (нарушение пункта 39, пункта 41 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда)).

По мнению Комиссии, решение Судом вопроса о своей компетенции не означает возможность ее произвольного расширения за счет любых категорий споров, а предоставляет Суду дискрецию исключительно в пределах границ, очерченных главой IV Статута Суда.

Ссылаясь на подпункт 2 пункта 39 Статута Суда, Комиссия полагает, что обязательными кумулятивными условиями для определения Судом своей компетенции *ratione materiae* на рассмотрение данного вида споров являются:

- 1) спор касается вопросов реализации Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза;
- 2) бездействие Комиссии затрагивает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;
- 3) правовым последствием бездействия Комиссии является нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов истца.

По мнению Комиссии, данный спор не касается реализации актов права Союза, а нарушенные, по мнению истца, права и законные интересы не предоставлены ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза и не могут быть нарушены вследствие бездействия Комиссии.

Комиссия отмечает, что у нее отсутствуют полномочия на принятие мер, направленных на обеспечение соблюдения и применения в государстве-члене гражданско-правовых норм, регламентирующих последующие обязательства, возникающие в связи с исполнением декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов, поскольку регулирование указанных вопросов отсутствует в праве Союза и содержится исключительно в национальном законодательстве государств-членов.

Учитывая изложенное, Комиссия считает, что по этим основаниям Коллегии Суда надлежало прекратить производство по делу в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2015 года № 101 (далее – Регламент Суда) с вынесением соответствующего постановления (подпункт 3 пункта 95 Статута Суда).

2.2. Коллегией Суда неправильно определена субъектная компетенция (нарушение пункта 39 Статута Суда).

Комиссия полагает, что у Коллегии Суда отсутствовала компетенция по рассмотрению спора, поскольку ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», утратив статус таможенного представителя, не является надлежащим истцом, имеющим право на обращение в Суд с заявлением об оспаривании бездействия ЕЭК.

Комиссия указывает, что истец не являлся таможенным представителем ни на момент обращения с иском в Суд, ни на момент вынесения решения.

2.3. При рассмотрении дела Коллегией Суда не выполнены положения пункта 1 статьи 45 Регламента Суда.

Ссылаясь на подпункт «а» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, Комиссия утверждает, что Коллегия Суда должна была проверить все обстоятельства, предусмотренные пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда, и сформулировать по ним соответствующие выводы. Вместе с тем в решении Коллегии Суда отсутствует анализ выполнения подпунктов «а» и «б» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, а выводы в отношении подпункта «в» указанной нормы не основаны на фактических обстоятельствах дела и применимом праве.

В жалобе отмечается, что отношения, связанные с регрессным взысканием таможенным представителем с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности денежных средств, не регулируются актами права Союза. В обоснование иска истцом также указано, что непосредственно затрагивающим его права и законные интересы является отказ судов Российской

Федерации ему как таможенному представителю в регрессном взыскании с декларанта сумм таможенных платежей, уплаченных во исполнение солидарной обязанности.

Комиссия считает, что необходимым условием для совершения ею юридически значимых действий в связи с обращением хозяйствующего субъекта должны быть достаточные и объективно обоснованные сведения о нарушении его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. Факты отсутствия таких сведений, их непредставление, а равно отсутствие самого нарушения (право возникает из факта) не побуждают Комиссию к реализации ее функций и полномочий, в том числе предусмотренных пунктом 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору (далее – Положение о Комиссии).

Комиссия констатирует, что отношения, связанные с уплатой таможенных платежей и установлением солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя как солидарных должников перед кредитором в лице таможенного органа, являются публично-правовыми и регулируются нормами права Союза, тогда как иные отношения между указанными субъектами, в том числе возникающие в связи с правом обратного требования (регресса) при исполнении солидарной обязанности, носят частноправовой характер, основаны на договоре между ними и регламентированы национальным законодательством государств-членов.

2.4. В решении Коллегии Суда не обоснована заинтересованность истца в оспаривании бездействия Комиссии.

В жалобе указывается, что мотивировочная часть решения не содержит указания на нормы Договора, международных договоров в рамках Союза, регулирующие права и законные интересы хозяйствующего субъекта, которым не соответствовало бы бездействие Комиссии.

2.5. Не было обеспечено в полной мере соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон.

Комиссия полагает, что в нарушение принципов состязательности и равноправия сторон, содержащихся в статьях 22 и 23 Регламента Суда, в ходе судебного разбирательства отдано предпочтение истцу, что ставит под сомнение объективность и беспристрастность Суда, не обеспечило надлежащие условия для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств, правильного применения норм права Союза при разрешении дела.

2.6. Рассматривая дело об оспаривании бездействия, Коллегией Суда не установлены значимые для правильного рассмотрения дела обстоятельства.

Комиссия считает, что правомерность (неправомерность) ее бездействия по заявлению хозяйствующего субъекта должна оцениваться Судом с даты

возникновения правоотношений между конкретным хозяйствующим субъектом и Комиссией.

В соответствии с пунктами 93, 95, 96 Регламента работы Евразийской экономической комиссии, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 18 ноября 2011 года № 1 (далее – Регламент ЕЭК) обращение ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» от 18 ноября 2020 года рассмотрено в установленный срок, а по итогам рассмотрения истцу направлен ответ от 21 декабря 2020 года № 18-754.

В решении Коллегии Суда указано, что «законные ожидания истца при обращении в Комиссию состояли в том, чтобы по результатам такого обращения Комиссия предприняла действия, направленные на устранение коллизий по применению актов права Союза в законодательстве и правоприменительной практике государства-члена, касающиеся обстоятельств реализации солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя».

В решении Коллегии Суда отмечено, что Комиссия правомочна обеспечить реализацию указанных истцом норм Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, вступившим в силу с 1 января 2018 года (далее – ТК ЕАЭС). По мнению Комиссии, указанные истцом нормы непосредственно не затрагивают отношения между таможенным представителем и декларантом по поводу возврата средств, уплаченных согласно солидарной обязанности перед таможенными органами. В пункте 2 статьи 401 ТК ЕАЭС прямо указано, что отношения таможенного представителя с декларантами или иными заинтересованными лицами строятся на договорной основе.

В жалобе утверждается, что публичный характер отношений по уплате таможенных платежей обусловлен не только наличием публичной обязанности по их уплате, но и наличием публичного получателя (государства). В отношениях между таможенным представителем и декларантом отсутствуют элементы публичных правоотношений. Несмотря на то, что право регрессного требования к декларанту обусловлено исполнением солидарной обязанности, само по себе такое право является самостоятельным и возникает в связи с заключением договора на оказание услуг таможенного представителя.

Комиссия считает, что ТК ЕАЭС не содержит правового механизма реализации последующих действий таможенного представителя по регрессному взысканию с декларанта уплаченных таможенных платежей, обусловленных солидарной обязанностью. Отсутствие самого понятия регресса и его определения в ТК ЕАЭС свидетельствует о том, что государства – члены Союза не считают возможным регулировать указанные правоотношения между таможенным представителем и декларантом на уровне международного договора.

Комиссия не наделена полномочиями по обеспечению соблюдения, применения в государствах – членах Союза права на регрессное требование, регулируемое гражданским законодательством, право Союза не наделяет Комиссию полномочиями по оценке правомерности судебной практики в государствах-членах Союза при рассмотрении споров между хозяйствующими субъектами.

2.7. При рассмотрении дела Коллегия Суда не установила и не указала в своем решении права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленные ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, за защитой которых оно обратилось в Суд с заявлением об оспаривании бездействия Комиссии.

2.8. Не был соблюден досудебный порядок урегулирования спора (нарушение пункта 43 Статута Суда).

По мнению Комиссии, является необоснованным вывод Суда о том, что обращение истца «входит в круг подлежащих рассмотрению Комиссией обращений в соответствии с пунктом 4 Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений Евразийской экономической комиссии, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии, утвержденного решением Коллегии Комиссии от 19 марта 2020 года № 46 (далее – Порядок рассмотрения обращений), в тексте обращения отсутствуют вопросы, содержащиеся в пункте 5 Порядка рассмотрения обращений, на которые его действие не распространяется». Комиссия утверждает, что обращение истца было рассмотрено Комиссией в порядке, который определен Регламентом ЕЭК, и отсутствуют основания для рассмотрения обращений в соответствии с Порядком рассмотрения обращений.

Как считает Комиссия, Коллегия Суда в своем решении, признав, что досудебный порядок урегулирования спора соблюден, нарушила пункт 43 Статута Суда и статью 33 Регламента Суда.

2.9. Решение Коллегии Суда нарушает права Комиссии на рассмотрение запросов юридических и физических лиц в том порядке, который определен Регламентом ЕЭК.

Комиссия указала, что необоснованные доводы в отношении ответа Комиссии истцу позволили Коллегии Суда впоследствии сделать неправильный вывод, что «ответ носит формальный характер, не отвечает верно на поставленный вопрос и квалифицировать ответ как бездействие Комиссии, выразившееся в отказе от выполнения возложенной на нее правом Союза обязанности».

2.10. В решении Коллегии Суда отсутствует ясность в принципиально важном вопросе о том, какие положения Договора, международных договоров в рамках Союза нарушены Комиссией.

2.11. Решение Коллегии Суда вышло за рамки указанных в заявлении вопросов (нарушение пункта 101 Статута Суда).

Комиссия считает, что вывод Коллегии Суда об обязанности Комиссии проводить мониторинг и контроль исполнения государствами-членами международных договоров не соответствует пункту 43 Положения о Комиссии, и ни в какой иной норме Договора не установлено такой «обязанности» Комиссии.

При этом истец ни при обращении в Комиссию, ни в заявлении в Суд не ставил вопрос о выполнении Комиссией и ее департаментами функции по осуществлению мониторинга. Комиссия отмечает, что истцом не представлены доказательства различной судебной и правоприменительной практики применения анализируемых в решении Суда норм Таможенного кодекса Таможенного союза (Договор о Таможенном кодексе таможенного союза принят Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 года № 17, действовал до 1 января 2018 года, далее – ТК ТС), ТК ЕАЭС в Российской Федерации.

По утверждению Комиссии, Коллегия Суда дала неправильную оценку содержанию судебных актов судебных инстанций Российской Федерации, определив, что они свидетельствуют о неединообразной практике применения норм о солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта.

2.12. При принятии решения Коллегией Суда были созданы новые нормы права Союза (нарушение пункта 102 Статута Суда).

Комиссия считает, что вынесенным решением Коллегия Суда фактически предписала Комиссии осуществлять мониторинг и контроль исполнения национального законодательства государствами-членами в лице их судебных органов по вопросам, не урегулированным в праве Союза и не переданным на наднациональный уровень. По мнению Комиссии, для Суда такой прецедент означает неограниченное расширение его компетенции, при котором к производству может быть принято заявление хозяйствующего субъекта, имеющее лишь произвольные ссылки на нормы права Союза.

2.13. Решение Коллегии Суда не отвечает предъявляемым требованиям (нарушение пунктов 4, 6 статьи 78 Регламента Суда).

Ссылаясь на приведенные нормы права истцом в заявлении в Суд и Судом в обоснование выводов, Комиссия считает, что утверждение Суда о наличии неединообразной правоприменительной практики в отношении конкретных норм права и необеспечение их реализации не являются одинаковыми.

Комиссия полагает, что Коллегией Суда допущена ошибка в выводах, в том числе о том, что «действующий в настоящее время ТК ЕАЭС содержит аналогичные ТК ТС нормы о солидарной ответственности таможенных представителей», «институт солидарной обязанности таможенных пошлин, налогов был введен ТК ТС», «возложение национальным законодательством или условиями гражданско-правового договора односторонней обязанности по уплате таможенных платежей на таможенного представителя недопустимо и противоречит праву Союза».

2.14. В решении Коллегии Суда не указаны доводы, по которым Суд не принял аргументы и представленные Комиссией доказательства, что нарушает пункт 4 статьи 78 Регламента Суда.

2.15. Коллегией Суда не учтено, что вопрос применения механизма солидарной ответственности таможенного представителя в период действия ТК ТС регулировался национальным законодательством государств-членов Союза. Комиссия отмечает, что при этом Коллегия Суда, сославшись на пункт 4 статьи 367 ТК ТС, пришла к противоречивому выводу, используя в качестве обоснования своих правовых позиций нормы исключительно ТК ЕАЭС.

В жалобе указано, что вопросы последующих регрессных требований при исполнении солидарной обязанности никогда не регламентировались правом Союза, их регулирование осуществлялось и осуществляется исключительно национальным законодательством государств-членов.

2.16. Отдельные выводы Коллегии Суда не основаны на фактических обстоятельствах дела.

В оспариваемом решении Коллегия Суда отмечает, что при возникновении коллизии между регулирующими таможенные отношения нормами права Союза и положениями законодательства Российской Федерации подлежит применению право Союза (в том числе ТК ТС) на основании Договора, а также части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, по мнению Комиссии, никаких указаний о том, какие нормы имеют коллизионный характер, в решении Коллегии Суда не содержится.

3. Возражения истца

Истец в судебном заседании Апелляционной палаты просил принять во внимание следующие обстоятельства.

3.1. Для правильного разрешения спора между двумя организациями необходимо выяснить, регулируются ли рассматриваемые правоотношения административным законодательством, и как повлияло административное регулирование на права и обязанности сторон, возникшие в рамках данных правоотношений.

По мнению истца, правовой статус, права и обязанности декларанта и таможенного представителя устанавливаются и регулируются таможенным законодательством.

3.2. Обязанности таможенного представителя перед таможенными органами не могут быть ограничены договором с представляемым лицом (пункт 4 статьи 16 ТК ТС).

3.3. Обязанность по уплате доначисленных таможенных платежей была возложена на истца, как на лицо, обладающее статусом таможенного представителя, не договором с ответчиком, а таможенным законодательством Союза,

т.е. публичными правоотношениями, которые нельзя было не учитывать при рассмотрении настоящего спора.

3.4. Уплата доначисленных таможенных платежей произведена истцом не по собственной инициативе, не является дополнительной услугой по договору, а произведена в соответствии с требованиями таможенного законодательства, является публично-правовой обязанностью таможенного представителя, связана с их принудительным взысканием таможенным органом и нарушением декларантом условий договора о своевременной и полной уплате таможенных платежей.

С учетом требований таможенного законодательства исполнение этой обязанности таможенным представителем не зависит от условий договора с декларантом.

3.5. Судами Российской Федерации не учтено, что вопросы солидарной обязанности таможенного представителя по уплате таможенных платежей регулируются таможенным законодательством вне зависимости от условий договора и, соответственно, уплата таможенных платежей по требованию таможенного органа является не услугой, а прямой обязанностью таможенного представителя.

4. Пределы апелляционного разбирательства

В соответствии со статьей 60 Регламента Суда Апелляционная палата Суда рассматривает дело в судебном заседании по правилам рассмотрения дела Коллегией Суда, предусмотренным Регламентом Суда, с учетом особенностей, установленных Статутом Суда и главой VII Регламента Суда.

Регламентом Суда определены следующие особенности рассмотрения дела Апелляционной палатой Суда:

в жалобе на решение Коллегии Суда не могут быть заявлены новые требования, которые не были предметом рассмотрения в Коллегии Суда (статья 61);

в жалобе указываются доводы, на которых основывается требование лица, со ссылкой на положения Договора и (или) международных договоров в рамках Союза, нарушенные права и законные интересы, фактические обстоятельства дела и имеющиеся в деле доказательства (статья 63);

Суд рассматривает жалобу на основании материалов, имеющихся в деле, в пределах доводов, изложенных в жалобе и в возражениях на нее, которые могут быть дополнены сторонами в ходе судебного разбирательства (пункт 1 статьи 69).

Учитывая пределы апелляционного разбирательства, определенные пунктом 2 статьи 69 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда проверяет, соответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

5. Выводы Апелляционной палаты Суда

Апелляционная палата отмечает, что при рассмотрении настоящего спора применяет право, предусмотренное статьей 6 Договора и пунктом 50 Статута Суда.

5.1. В отношении довода жалобы Комиссии о неправильном определении Коллегией Суда предметной компетенции (нарушение пункта 39, пункта 41 Статута Суда) Апелляционная палата отмечает следующее.

В своем заявлении в Суд истец ссылаясь на нарушение Комиссией правовых норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 ТК ТС, реализация которых, по мнению истца, не была обеспечена в Российской Федерации.

Истец, а также Суд указали статью 50, пункт 1 статьи 51, пункт 3 статьи 55, пункты 1 и 2 статьи 401, пункты 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС как нормы, в отношении которых в Российской Федерации существует неединообразная правоприменительная практика, касающаяся предмета спора, что нарушает права и законные интересы истца.

В силу положений статей 6, 99, 101 Договора указанные Таможенные кодексы относятся к праву Союза.

В соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии в функции и полномочия Комиссии входит осуществление мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза.

Апелляционная палата констатирует, что Коллегия Суда, ссылаясь на статью 6 Договора и пункт 4 Положения о Комиссии, обоснованно пришла к выводу, что Комиссия обязана обеспечить реализацию Договора о ТК ЕАЭС, в том числе тех положений ТК ТС и ТК ЕАЭС, которые указаны в заявлении истца.

Таким образом, Апелляционная палата соглашается с выводами Коллегии Суда о наличии предметной компетенции *ratione materiae* и считает необоснованным довод Комиссии о произвольном расширении Судом своей компетенции.

Следует отметить, что вопросы наличия у Комиссии полномочий на принятие оспариваемого решения, факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, а также соответствия оспариваемого действия (бездействия) праву Союза подлежат рассмотрению и оценке в рамках пункта 1 статьи 45 Регламента Суда при оценке нарушений норм материального права.

5.2. По доводу жалобы Комиссии о том, что Коллегией Суда неправильно определена субъектная компетенция *ratione personae* (нарушение пункта 39 Статута Суда) в связи с утратой истцом статуса таможенного представителя, Апелляционная палата полагает следующее.

Статья 39 Статута Суда наделила хозяйствующих субъектов процессуальным правом на обращение в Суд с требованиями об оспаривании бездействия Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской деятельности, если такое бездействие повлекло нарушение предоставленных правом Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В соответствии с частью 2 подпункта 2 пункта 39 Статута Суда, под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена. На момент подачи заявления истец являлся юридическим лицом, зарегистрированным в Российской Федерации, т.е. хозяйствующим субъектом, имеющим право на обращение в Суд.

Апелляционная палата отмечает, что довод Комиссии об отсутствии (утра-те) статуса таможенного представителя у истца на момент обращения в Суд не имеет правового значения в связи с тем, что на момент подачи заявления истец, ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», защищал свои права, как субъект хозяйствования. Тот факт, что при обращении в Комиссию и Суд Союза истец не обладал статусом таможенного представителя, не влияет на его право обращения в Суд.

В этой связи данный довод Комиссии подлежит отклонению.

5.3. Комиссия в жалобе указывает, что Коллегией Суда не выполнены положения пункта 1 статьи 45 Регламента Суда. Оценивая данный довод, Апелляционная палата считает следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Как отметила Апелляционная палата Суда в решении от 7 октября 2020 года по делу по заявлению АО «Транс Логистик Консалт», в делах по заявлениям хозяйствующих субъектов об оспаривании действий (бездействия) Комиссии подлежит выяснению факт наличия у Комиссии полномочия на совершение определенного действия.

Неправомерным бездействие признается в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения наднациональным органом (должностным лицом)

обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности, оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа истцу не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции наднационального органа (должностного лица) (решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 года по делу по заявлению ИП Тарасика К.П.).

О наличии полномочий Комиссии на осуществление мониторинга положений ТК ЕАЭС отражено Коллегией Суда в пункте 5.2 решения.

Обеспечение реализации международных договоров, входящих в право Союза, а также мониторинг и контроль исполнения международных договоров и решений Комиссии входят в компетенцию Комиссии.

Довод Комиссии, о том, что правом Союза не установлена обязанность Комиссии по осуществлению мониторинга, является следствием неправильной интерпретации пункта 43 Положения о Комиссии.

Вместе с тем, вопросы, не регулируемые правом Союза и относящиеся к прерогативе государств-членов, не могут являться предметом мониторинга и контроля со стороны Комиссии (решение Апелляционной палаты от 3 марта 2016 года по делу по заявлению ИП Тарасика К.П.).

В заявлении в Суд истец ссылаясь на нарушение Комиссией правовых норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 ТК ТС, реализация которых, по мнению истца, не была обеспечена в Российской Федерации.

В оспариваемом решении Судом указано на статью 50, пункт 1 статьи 51, пункт 3 статьи 55, пункты 1 и 2 статьи 401, пункты 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС, в отношении которых в Российской Федерации существует неединообразная правоприменительная практика, касающаяся предмета спора, что нарушает права и законные интересы истца.

Совокупный анализ указанных норм ТК ЕАЭС свидетельствует о закреплении в праве Союза солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта по уплате таможенных платежей. В то же время указанные нормы не наделяют таможенного представителя либо декларанта какими-либо правами, касающимися процедуры взыскания таможенных платежей солидарным должником, исполнившим солидарную обязанность по уплате таможенных платежей (в том числе регрессного).

До вступления в силу ТК ЕАЭС ТК ТС не содержал аналогичной нормы и указывал на национальное регулирование солидарной обязанности таможенного представителя (пункт 4 статьи 367 ТК ТС).

Таким образом, право Союза, действовавшее на момент возникновения правоотношений между декларантом и истцом, а также на момент исполнения солидарной обязанности и предъявления требования таможенным представителем к декларанту, не содержало норм о взыскании солидарным должни-

ком, исполнившим солидарную обязанность по уплате таможенных платежей, с другого солидарного должника. В этой связи Апелляционная палата приходит к выводу, что вопросы предъявления требования истцом в адрес декларанта о взыскании денежных средств как в период действия ТК ТС, так и со вступлением в силу ТК ЕАЭС не регулируются правом Союза и относятся к сфере регулирования национального права.

Соответственно, Апелляционная палата соглашается с Комиссией, что отношения, связанные с уплатой таможенных платежей и установлением солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя как солидарных должников перед кредитором в лице таможенного органа, являются публично-правовыми и регулируются нормами права Союза, а иные отношения между указанными субъектами, в том числе возникающие в связи с правом требования при исполнении солидарной обязанности, носят частноправовой характер и регламентированы национальным законодательством государств-членов.

При этом Апелляционная палата также отмечает, что из искового заявления следует, что истец не согласен со вступившими в законную силу решениями национальных судов, вынесенными в рамках гражданского судопроизводства и относящимися к исключительной компетенции государств-членов Союза. Однако, несогласие хозяйствующего субъекта с решениями национальных судов не может являться основанием для совершения Комиссией юридически значимых действий.

На основании изложенного, Апелляционная палата Суда приходит к выводу о том, что отказ Комиссии истцу в совершении требуемых от нее действий является правомерным и не может рассматриваться как бездействие, непосредственно затрагивающее и нарушающее права и законные интересы истца, предоставленные Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

В этой связи Апелляционная палата считает вывод Коллегии Суда о том, что «направление Комиссией истцу ответа, который носит формальный характер, не отвечает верно на поставленный вопрос, квалифицируется Коллегией Суда как бездействие Комиссии, выразившееся в отказе от выполнения возложенной на нее правом Союза обязанности, и нарушает права и законные интересы ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в сфере предпринимательской деятельности», не состоятелен, не соответствует фактическим обстоятельствам дела, противоречит положениям как ТК ТС, так и ТК ЕАЭС.

Таким образом, Апелляционная палата соглашается с доводом Комиссии о том, что при рассмотрении дела Коллегией Суда не выполнены положения пункта 45 Регламента Суда.

Апелляционная палата считает, что рассмотренные выше доводы Комиссии достаточны для отмены решения Коллегии Суда от 27 апреля 2021 года

и признания бездействия Комиссии соответствующим международным договорам в рамках Союза.

5.4. Доводы жалобы Комиссии, изложенные в пунктах 2.4, 2.6, 2.7, 2.9–2.16 настоящего решения в целом дублируются и также свидетельствуют о несогласии Комиссии с установленными обстоятельствами, оценкой доказательств по делу, неверном применении норм права и выводами Коллегии Суда.

Принимая во внимание положения статей 60, 69, 78 Регламента Суда об обязанности Апелляционной палаты по проверке соответствия выводов Коллегии Суда о применении норм права к установленным обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, с учетом доводов жалобы, Апелляционная палата считает необходимым указать следующее.

В соответствии с пунктом 4 статьи 405 ТК ЕАЭС в случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта таможенный представитель несет с таким декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин и иных платежей в полном размере подлежащей исполнению обязанности по их уплате.

При этом, соглашаясь с выводом Коллегии Суда, что солидарная ответственность (обязанность) вытекает из норм международного договора, исходя из систематического толкования пунктов 1 и 2 статьи 401, пунктов 1 и 2 статьи 404, пунктов 4–7 статьи 405 ТК ЕАЭС, Апелляционная палата Суда констатирует следующее.

Обязанность по уплате таможенных платежей является по своей природе публичным обязательством, возникающим между хозяйствующим субъектом и государственным органом как необходимое условие таможенного оформления товаров.

Исходя из пунктов 1 и 2 статьи 401 ТК ЕАЭС, таможенный представитель в соответствии с договором совершает от имени и по поручению декларанта или иных заинтересованных лиц таможенные операции. Подпунктом 4 пункта 1 статьи 405 ТК ЕАЭС установлено, что таможенный представитель реализует предусмотренную пунктом 4 статьи 405 ТК ЕАЭС обязанность по уплате таможенных пошлин и платежей в сроки, определенные ТК ЕАЭС, неисполнение которой в силу подпункта 2 пункта 1 статьи 403 ТК ЕАЭС является основанием для исключения хозяйствующего субъекта из реестра таможенных представителей.

Таким образом, требование таможенного органа об уплате таможенным представителем таможенных пошлин и платежей и обязанность таможенного представителя об их уплате следуют не из договора, а из нормы права Союза, и не предполагает возможность усмотрения хозяйствующего субъекта при получении требования об уплате таможенного органа об уплате.

Буквальное толкование пунктов 4, 7 статьи 405 ТК ЕАЭС позволяет констатировать о том, что солидарная обязанность по уплате таможенных плате-

жей является императивной нормой, права и обязанности таможенного представителя в отношении перемещаемого товара при совершении таможенных операций определяются договором с декларантом.

Систематическое толкование статей 401, 403 и 405 ТК ЕАЭС позволяет Апелляционной палате Суда прийти к выводу, что правом Союза солидарная обязанность таможенного представителя по уплате таможенных пошлин и платежей выделена из отношений, регулируемых национальным правом, и передана на уровень Союза.

Изложенное свидетельствует, что публично-правовой характер солидарной обязанности по уплате таможенных платежей таможенным представителем возникает между таможенным представителем и государством-членом в связи с деятельностью таможенного представителя от имени декларанта (пункт 4 статьи 405 ТК ЕАЭС) и прекращается исполнением таможенного обязательства.

Кроме того, Апелляционная палата, учитывая довод жалобы Комиссии, считает необоснованным вывод Коллегии Суда о том, что законные ожидания истца были связаны с совершением Комиссией действий, направленных на устранение коллизий по применению актов права Союза в законодательстве и правоприменительной практике государства-члена, касающейся обстоятельств реализации солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя.

Так, согласно правовой позиции Суда ЕАЭС в решении по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» хозяйствующий субъект обладает законным интересом в надлежащем исполнении государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и, как следствие, в осуществлении Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также в уведомлении государств-членов о необходимости их исполнения, при условии, что такие акты права Союза наделяют его соответствующими правами.

В этой связи Апелляционная палата отмечает, что наличие законного интереса в осуществлении мониторинга не является тождественным законным ожиданиям в отношении его результатов. Как уже отмечалось, предметом оценки в рамках исков о бездействии Комиссии является наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения мониторинга, но не его результаты.

В свою очередь, наличие законного интереса предполагает под собой наличие нормы в праве Союза, регулирующей спорные правоотношения, и корреспондирующего ей разумного ожидания лица по исполнению данной нормы. Ключевым элементом законных ожиданий выступает достаточная правовая обоснованность требований истца в соответствии с нормами права Союза. Само по себе ожидание того, что закон будет применен в пользу истца, не означает его правомерности

Апелляционная палата отмечает, что в пункте 5.3 решения Коллегия Суда указала: «при возникновении коллизии между регулирующими таможенные отношения нормами права Союза и положениями законодательства Российской Федерации подлежит применению право Союза (в том числе ТК ТС) на основании Договора, а также части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации».

Комиссия в доводах жалобы не согласилась с изложенным утверждением.

Вместе с тем, как установлено Судом в консультативном заключении от 7 декабря 2018 года по делу по заявлению Евразийской экономической комиссии, при противоречии права Союза и актов национального законодательства, не соответствующих праву Союза, следует руководствоваться положениями права Союза.

Апелляционная палата полагает, что вне зависимости от обстоятельств настоящего спора, изложенная Коллегией Суда правовая позиция является сложившейся практикой Суда. Однако, в контексте рассматриваемого спора Апелляционная палата отмечает отсутствие коллизии между положениями права Союза, регулирующими солидарную ответственность таможенного декларанта и таможенного представителя, и гражданским законодательством государств-членов, регулирующим вопросы регрессного взыскания уплаченных таможенным представителем таможенных платежей.

Довод жалобы о том, что Коллегией Суда дана неверная оценка о соблюдении истцом досудебного порядка урегулирования спора, Апелляционная палата считает несостоятельным, соглашаясь с правовой оценкой Коллегии Суда в этой части. Более того, по мнению Апелляционной палаты, повторное обращение в Евразийскую экономическую комиссию после получения отказа с тем же вопросом, но в рамках иной процедуры, будет являться непропорциональным препятствием на доступ к Суду. Данный подход подтверждается устойчивой судебной практикой Суда (решения Коллегии Суда и Апелляционной палаты по делу по заявлению АО «Транс Логистик Консалт», по делу по заявлению ИП Тарасика К.П.).

Довод жалобы Комиссии о необеспечении Коллегией Суда равноправия сторон и состязательности процесса Апелляционная палата считает необоснованным, поскольку он не подтверждается материалами дела. Вместе с тем необходимо отметить, что несогласие с вынесенным Коллегией Суда решением, не является основанием для вывода о нарушении Судом принципов равенства сторон и состязательности процесса.

6. Доводы, приведенные истцом в судебном заседании в качестве возражений на жалобу Комиссии и изложенные в разделе 3 настоящего решения, Апелляционная палата, с учетом фактически установленных обстоятельств по делу и подлежащих применению норм права, считает подлежащими отклонению, как не относящиеся к правоотношениям по данному спору.

7. Апелляционная палата Суда, рассмотрев жалобу Евразийской экономической комиссии по правилам, установленным статьями 69, 70 Регламента Суда, на основании имеющихся в деле материалов, в пределах доводов, изложенных в жалобе и возражениях на нее, проверив соответствие выводов Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, находит основания для отмены обжалуемого решения Коллегии Суда от 27 апреля 2021 года ввиду неправильного применения Коллегией Суда норм права.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 2) пункта 109, подпунктом 2) пункта 110 Статута Суда, подпунктом б) пункта 1 статьи 71, пунктами 1-7 статьи 78, пунктом 2 статьи 80 и статьей 83 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда

РЕШИЛА:

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2021 года об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности отменить и вынести новое решение по делу.

Признать оспариваемое бездействие Евразийской экономической комиссии соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Уплаченная обществом с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» пошлина возврату не подлежит.

Решение вступает в силу с даты его вынесения.

Копию настоящего решения направить сторонам.

Председательствующий

В.Х. Сейтимова

Судьи

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Резюме
по делу № СЕ-1-2/5-21-КС; СЕ-1-2/5-21-АП
(ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг»)

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК).

Об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии.

Таможенное регулирование – таможенный представитель – таможенные платежи – солидарная обязанность – взыскание уплаченных таможенных платежей – регресс – обращение в ЕЭК – мониторинг – компетенция Суда – оценка Действия (бездействия) Комиссии.

Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС) – Таможенный кодекс ЕАЭС (ТК ЕАЭС)

Решение Коллегии Суда - удовлетворение требований – признание бездействия ЕЭК не соответствующим праву Союза – особые мнения – решение Апелляционной палаты – отмена решения Коллегии Суда – вынесение нового решения – отказ в удовлетворении требований истца.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – ООО «ДХЛ») обратилось в Суд Союза с заявлением о признании бездействия Комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. По мнению ООО «ДХЛ», бездействие Комиссии выразилось в отказе в принятии мер, направленных на обеспечение соблюдения и применения судами Российской Федерации прямых норм таможенного законодательства ЕАЭС, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов.

Решением от 27 апреля 2021 года Коллегия Суда удовлетворила требование истца. Как указала Коллегия Суда, Комиссия в своем ответе не отразила того, что солидарная обязанность субъектов таможенных правоотношений (институт материального права, содержащийся в международном договоре) подлежит защите в гражданском процессуальном праве государств-членов через право плательщика на регрессный иск к обязанному лицу. Соответственно, направление истцу ответа, носящего формальный характер и не отвечающего верно на поставленный вопрос, следует квалифицировать как неправомерное бездействие.

К решению Коллегии Суда приложены особые мнения судей Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н.

Не согласившись с решением Коллегии Суда, Комиссия обратилась с жалобой в Апелляционную палату.

Решением от 9 июня 2021 года Апелляционная палата отменила решение Коллегии Суда и признала оспариваемое бездействие ЕЭК соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы ООО «ДХЛ» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Апелляционная палата согласилась с выводами Коллегии Суда о наличии у Суда компетенции *ratione materiae* и *ratione personae* по рассмотрению спора. Относительно предметной компетенции Суда Апелляционная палата указала, что в соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии осуществление мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, в том числе ТК ТС и ТК ЕАЭС, относится к полномочиям Комиссии.

Касательно субъектной компетенции Апелляционная палата пришла к выводу, что довод Комиссии об утрате истцом статуса таможенного представителя на момент обращения в Суд не имеет правового значения в связи с тем, что на момент подачи заявления ООО «ДХЛ» защищало свои права как субъект хозяйствования.

Вместе с тем, Апелляционная палата установила, что право Союза, действовавшее на момент возникновения правоотношений между декларантом и истцом (ТК ТС), а также на момент исполнения солидарной обязанности и предъявления требования таможенным представителем к декларанту (ТК ЕАЭС), не содержало норм о взыскании солидарным должником, исполнившим обязанность по уплате таможенных платежей, денежных средств с другого солидарного должника. Данные вопросы не регулируются правом Союза и относятся к сфере действия национального права.

В этой связи отказ Комиссии в совершении требуемых от нее действий является правомерным и не может рассматриваться как бездействие, непосредственно затрагивающее и нарушающее права и законные интересы истца, предоставленные Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Правовые позиции Суда:

1. Отсутствие (утрата) статуса таможенного представителя у истца на момент обращения в Суд не имеет правового значения, если истец, являющийся хозяйствующим субъектом, защищает принадлежащие ему права. Утрата статуса таможенного представителя не влияет на право обращения в суд.

(см. абзац 4 пункта 5.2. решения Апелляционной палаты Суда)

2. ТК ЕАЭС закрепляет в праве Союза солидарную обязанность таможенного представителя и декларанта по уплате таможенных платежей, однако не наделяет таможенного представителя либо декларанта какими-либо правами, касающимися процедуры взыскания таможенных платежей солидарным должником, исполнившим солидарную обязанность по уплате таможенных платежей (в том числе регрессного).

(см. абзац 11 пункта 5.3. решения Апелляционной палаты Суда)

3. Отношения, связанные с уплатой таможенных платежей и установлением солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя как солидарных должников перед кредитором в лице таможенного органа, являются публично-правовыми и регулируются нормами права Союза, а иные отношения между указанными субъектами, в том числе возникающие в связи с правом требования при исполнении солидарной обязанности, носят частно-правовой характер и регламентированы национальным законодательством государств-членов.

(см. абзац 14 пункта 5.3. решения Апелляционной палаты Суда)

4. Наличие законного интереса в осуществлении мониторинга не является тождественным законным ожиданиям в отношении его результатов и предполагает под собой наличие нормы в праве Союза, регуливающей спорные правоотношения, и корреспондирующего ей разумного ожидания лица по исполнению данной нормы. Ключевым элементом законных ожиданий выступает достаточная правовая обоснованность требований истца в соответствии с нормами права Союза. Само по себе ожидание того, что закон будет применен в пользу истца, не означает его правомерности.

(см. абзацы 13-14 пункта 5.4. решения Апелляционной палаты Суда)

5. Предметом оценки в рамках исков о бездействии Комиссии является наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения мониторинга, но не его результаты.

(см. абзац 13 пункта 5.4. решения Апелляционной палаты Суда)

6. Установление обязанности повторного обращения в ЕЭК в целях соблюдения досудебного порядка после получения отказа по тем же вопросам, но в рамках иной процедуры, является непропорциональным препятствием на доступ к Суду.

(см. абзац 19 пункта 5.4. решения Апелляционной палаты Суда)

Summary
of cases No. CE-1-2/5-21-KC; CE-1-2/5-21-АП
(DHL Global Forwarding Limited Liability Company)

Keywords:

DHL Global Forwarding Limited Liability Company (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC, Commission).

On contesting a failure to act of the Eurasian Economic Commission.

Customs regulation – customs representative – customs duties – solidary duty – recovery of paid customs duties – recourse – application to the EEC – monitoring – jurisdiction of the Court – assessment of the action (failure to act) of the Commission.

The Customs Code of the Customs Union (CC CU) – the Customs Code of the EAEU (CC EAEU).

Judgement of the Chamber of the Court – satisfaction of the claims – recognition of the EEC’s failure to act as inconsistent with the Union law – separate opinions – judgement of the Appeals Chamber – overturn of the judgement of the Chamber of the Court – delivering a new judgement – rejection of the claims of the Claimant.

Substance of the case:

DHL Global Forwarding Limited Liability Company (hereinafter referred to as DHL LLC) filed the application with the Court of the Union asking to recognize the Commission’s failure to act inconsistent with international treaties within the Union and violating the Claimant’s rights and legitimate interests in the field of entrepreneurial and other economic activities. In the opinion of DHL LLC, the Commission’s failure to act has been constituted by refusal of taking measures, which would ensure the courts of the Russian Federation to comply with and apply the direct norms of the EAEU customs legislation governing the fulfilment of the solidary duty to pay customs duties and taxes by declarants and customs representatives.

By the judgement of April 27, 2021, the Chamber of the Court satisfied the Claimant’s claims. As the Chamber of the Court pointed out, in its response the Commission did not reflect the fact that the solidary duty of the subjects in customs legal relations (the institute of substantive law contained in the international treaty) is to be protected by the civil procedural law of the Member States through the payer’s right to bring a recourse claim against the obligor. Accordingly, sending the Claimant a formal response with no correct answer to the question posed, shall be qualified as unlawful failure to act.

The separate opinions of Judges E.V. Hayriyan, D.G. Kolos, T.N. Neshatayeva are annexed to the judgement of the Chamber of the Court.

The Commission disagreed with the judgement of the Chamber of the Court and filed an appeal with the Appeals Chamber.

By its judgement dated June 9, 2021, the Appeals Chamber overturned the judgement of the Chamber of the Court and recognized the contested the ECC's failure to act as consistent with the Treaty and (or) international treaties within the Union and not violating the rights and legitimate interests of DHL LLC in the field of entrepreneurial and other economic activities.

The Appeals Chamber concurred with the Chamber of the Court findings that the Court had jurisdiction *ratione materiae* and *ratione personae* over the dispute. Regarding *ratione materiae*, the Appeals Chamber indicated that, in accordance with subparagraph 4 of paragraph 43 of the Regulations on the Commission, the monitoring and control of the implementation of international treaties within the Union law, including the CC CU and CC EAEU, falls within the Commission's powers.

Concerning *ratione personae*, the Appeals Chamber concluded that the Commission's argument on the Claimant had lost its customs representative's status at the time of application to the Court, was legally irrelevant due to the fact that at the time of application, DHL LLC defended its rights as an economic entity.

With that the Appeals Chamber found that the Union law, which was in force at the time the legal relations between the customs declarant and the Claimant emerged (i.e. CC CU), as well as at the time the customs representative fulfilled the solidary duty and brought the claim to the customs declarant (i.e. CC EAEU), did not contain provisions on the recovery of the funds by a solidary debtor, who has fulfilled the obligation to pay customs payments, from another solidary debtor. These matters are not governed by the Union law and are within the scope of the national law.

In this regard, the Commission's refusal to perform the actions required is lawful and shall not be considered as failure to act that directly affects and violates the rights and legitimate interests of the Claimant granted by the Treaty and (or) international treaties within the Union.

Legal findings of the Court:

1. The absence (losing) of the status of a customs representative of the Claimant at the time of application to the Court will be legally irrelevant, if the Claimant, which is an economic entity, protects the right belong to it. Losing of the customs representative status does not affect the right to sue.

(See subparagraph 4 of paragraph 5.2. of the judgement of the Appeals Chamber of the Court)

2. In the Union law CC EAEU establishes the solidary duty of a customs representative and a customs declarant to pay customs duties, but does not grant a customs representative or a customs declarant any rights related to the procedure for

recovering customs duties by the solidary debtors who has fulfilled the solidary duty to pay customs duties (including the recourse).

(See subparagraph 11 of paragraph 5.3. of the judgement of the Appeals Chamber of the Court)

3. Legal relations on the payment of customs duties and the establishment of a solidary duty of a customs declarant and a customs representative as the solidary debtors to the customs authority as the creditor represented are of the public law nature and they are regulated by the Union law, while other relations between aforementioned entities, including those arising in connection with the right to claim in the performance of the solidary duty, are of the private law nature and they are regulated by the national legislation of the Member States.

(See subparagraph 14 of paragraph 5.3. of the judgement of the Appeals Chamber of the Court)

4. The legitimate interest in implementation of monitoring is not identical to legitimate expectations regarding its results and implies the existence of a provision in the Union law governing the contentious legal relations, and the corresponding reasonable expectation of an entity to comply with the norm for the implementation thereof. The key element of the legitimate expectations is the sufficient legal validity of the Claimant's demands in accordance with the norms of the Union law. The mere expectation that the law will be applied in favor of the Claimant does not mean its legitimacy.

(See subparagraph 13-14 of paragraph 5.4. of the judgement of the Appeals Chamber of the Court)

5. The subject of assessment in the claims for the Commission's failure to act is presence or absence of the sufficient grounds for monitoring, but not there are not the results of it.

(See subparagraph 13 of paragraph 5.4. of the judgement of the Appeals Chamber of the Court)

6. Establishing the obligation to re-apply to the EEC to comply with the pre-trial procedure after receiving a refusal on the same issues under a different procedure, creates a disproportionate obstacle in access to justice.

(See subparagraph 19 of paragraph 5.4. of the judgement of the Appeals Chamber of the Court)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

8 июня 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Федорцова А.А., при секретаре судебного заседания Наумчике М.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» (далее – ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – решение № 94).

Согласно данному решению Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) сетевой фильтр, используемый в стиральной машине для защиты электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, а также для сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220 В, 50 Гц), в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 8536 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

Истец просит признать решение № 94 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) и нарушающим его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В обоснование своего требования истец приводит соответствующие доводы.

ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Хозяйственная деятельность истца связана, в том числе, с ввозом товаров, на декларирование которых влияет оспариваемое решение. Как указывает истец, Калужская таможня 9 сентября 2020 года приняла решение о классификации сетевых фильтров, импортированных истцом в 2017 – 2020 годах и задекларированных по коду 8543 70 900 0 ТН ВЭД ЕАЭС, в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС. Согласно акту проверки документов и сведений после выпуска товаров и (или) транспортных средств № 10106000/208/100920/А0172, изменение кода по ТН ВЭД ЕАЭС было обосновано таможенным органом, в том числе, оспариваемым решением Комиссии.

ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» в целях урегулирования вопроса в досудебном порядке обращалось в ЕЭК в соответствии с пунктом 43 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут Суда).

Заявление истца в Суд подписано Коноваловым П.И. по доверенности, выданной 21 мая 2021 года генеральным директором ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга», полномочия которого подтверждаются выпиской из Единого государственного реестра юридических лиц.

Заявление истца соответствует требованиям, установленным статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» (далее – Регламент Суда). К заявлению приложены документы, подтверждающие оплату пошлины, и иные документы, требуемые в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Регламента Суда.

Заявление и прилагаемые к нему документы истцом представлены на бумажном и электронном носителях.

Проанализировав представленные ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» в Суд материалы, Коллегия Суда приходит к выводу, что рассмотрение заявленного спора относится к компетенции Суда, заявление подано уполномоченным лицом с соблюдением порядка досудебного урегулирования спора, в заявлении указаны необходимые сведения и к нему приложены соответствующие документы. Судебного решения между сторонами по аналогичному спору не имеется.

Предусмотренные Регламентом Суда основания для отказа в принятии заявления к производству или оставления его без движения отсутствуют.

Принимая во внимание изложенное, Коллегия Суда считает, что заявление ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» подлежит принятию к производству.

Руководствуясь пунктами 39 и 43 Статута Суда, статьями 9, 33, 34 и 84 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 16 сентября 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

РЕШЕНИЕ

1 ноября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Федорцова А.А., при секретаре судебного заседания Наумчике М.А., рассмотрев дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» (далее – ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга», общество, истец) является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В рамках осуществления своей хозяйственной деятельности истец ввозит на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) сетевые фильтры, предназначенные для установки в стиральные машины.

До принятия оспариваемого решения истец классифицировал ввозимый товар – сетевые фильтры – по коду 8543 70 900 0 Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), ставка таможенной пошлины по которому составляет 0 %.

Коллегия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) решением от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 94) признала, что сетевой фильтр, используемый в стиральной машине для защиты электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, а также для сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220 В, 50 Гц), в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

С учетом решения Комиссии Калужская таможня 9 сентября 2020 года приняла решение о переклассификации сетевых фильтров, импортированных истцом в 2017 – 2020 годах, в товарной позиции 8536 по коду 8536 30 1000, ставка таможенной пошлины по которому установлена в размере 10 %.

ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании Решения № 94, в котором просит признать решение не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Процедура в Суде

Коллегией Суда заявление истца принято к производству.

В порядке подготовки дела к рассмотрению направлены запросы в Комиссию, Секретариат Всемирной таможенной организации, научные и образовательные организации государств – членов Союза.

По предмету спора поступили мнения специалистов соответствующих отраслей науки Института радиопроизводства и электроники Национальной академии наук Республики Армения, Национального политехнического университета Армении, Института прикладной физики Национальной академии наук Беларуси, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Института машиноведения и автоматизации Национальной академии наук Кыргызской Республики, Кыргызского государственного технического университета имени И. Раззакова, Казахского национального исследовательского технического университета имени К.И. Сатпаева, Научно-исследовательского института экспериментальной и теоретической физики Казахского национального университета имени аль-Фараби.

Комиссией представлены материалы, относящиеся к подготовке и принятию Решения № 94, а также возражения на заявление истца.

3. Доводы истца

3.1. Истец заявляет, что Комиссия неправильно истолковала текст товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, в частности, понятие «защита электрической цепи». По мнению истца, данное понятие необходимо толковать с учетом Пояснений к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 21, далее – Пояснения), из которых следует, что защита электрических цепей означает предотвращение их перегрузок и осуществляется путем размыкания (разрывания) цепи.

ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» указывает, что сетевой фильтр, описанный в Решении № 94, как и сетевые фильтры, импортируемые обществом, не обладает ни одним из указанных свойств. Функция фильтрации высокочастотных помех, присущая сетевым фильтрам, не тождественна функции защиты электрической цепи от перегрузки. Сетевой фильтр не может обеспечивать разрыв электрической цепи.

3.2. Истец утверждает, что Решение № 94 не учитывает устоявшуюся международную практику классификации сетевых фильтров по коду 8548 либо по коду 8543. В обоснование данного довода истец ссылается на таможенно-тарифные определения других государств, документы Европейского союза и Всемирной торговой организации.

3.3. ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» полагает, что Решение № 94 не соответствует требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования; считает, что сетевой фильтр описан в Решении № 94 в общем виде, без конкретизации терминов и его технического описания. Из оспариваемого решения неясно, какую из двух приведенных в нем функций фильтра Комиссия полагает основной.

По мнению истца, Решение № 94 не соответствует Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция о ГС) и нарушает требования ясности, определенности и недвусмысленности правового регулирования, вытекающие из общих принципов международного права и международных договоров, заключенных в рамках ЕАЭС, нормативно не закрепляет четкие критерии, обеспечивающие возможность однозначной классификации сетевых фильтров в определенной товарной позиции.

3.4. Истец усматривает также нарушение Комиссией Основных правил интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ОПИ ТН ВЭД), в частности ОПИ 1 ТН ВЭД.

Общество полагает, что в Решении № 94 приведены две функции сетевого фильтра (функция защиты электрической цепи от высокочастотных помех и функция сглаживания и ограничения скачков входного напряжения), которые являются различными, и только одна из них является функцией защиты электрических цепей.

4. Доводы ответчика

4.1. Как полагает Комиссия, в соответствии с текстом товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС в нее включаются все устройства для защиты электрических цепей, предназначенные для использования в электрических цепях на напряжение не более 1000 В; иных ограничений по способу защиты и конструктивному составу устройств текстом товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС не предусмотрено.

Ответчик утверждает, что основным предназначением сетевого фильтра является защита основных компонентов электрической цепи стиральной машины от выхода из строя в результате скачков сетевого напряжения и изменения частоты переменного тока, в связи с чем рассматриваемый товар по своему функциональному предназначению в полном объеме удовлетворяет тексту товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС как аппаратура электрическая для защиты электрических цепей на напряжение не более 1000 В.

ЕЭК обращает внимание, что при принятии Решения № 94 учитывала Пояснения. Вместе с тем отмечает, что они не содержат и не могут содержать всеобъемлющую информацию обо всех товарах, имеющих обращение в международной торговле и подлежащих классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, в том числе они не определяют полный перечень товаров, которые относятся к аппаратуре для защиты электрических цепей, поименованной в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

Комиссия считает, что из текстов товарных позиций и субпозиций, а также Пояснений следует, что к категории товаров «аппаратура для защиты электрических цепей» относятся не только плавкие предохранители, поименованные в тексте субпозиции 8536 10 ТН ВЭД ЕАЭС, но и другие устройства, предназначенные для защиты электрических цепей и поименованные в тексте субпозиции 8536 30 ТН ВЭД ЕАЭС.

4.2. В отношении довода истца о практике классификации сетевых фильтров ответчик заявляет, что предварительные решения о классификации товаров, принимаемые таможенными органами третьих государств, действуют только на территории этих государств и не имеют нормативного характера для других таможенных администраций. При этом наличие той или иной практики классификации каких-либо товаров в иных интеграционных объединениях или государствах не означает, что такая практика является априори верной и обоснованной.

Вместе с тем Комиссия отмечает, что при подготовке Решения № 94 был произведен анализ таможенно-тарифных определений Европейского союза, принятых в отношении товаров, аналогичных товару, указанному в Решении № 94, и классифицируемых также в товарной позиции 8536.

4.3. Комиссия считает, что текст решения содержит информацию о функциональном назначении сетевых фильтров для стиральных машин, которая позволяет классифицировать их в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС; Решение № 94 не может содержать сведений о конструктивном составе сетевых фильтров, так как он у разных производителей стиральных машин индивидуален.

4.4. Комиссия возражает также против довода истца о нарушении ОПИ 1 ТН ВЭД, так как в соответствии с данным правилом для юридических целей классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется исхо-

дя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями иных ОПИ ТН ВЭД.

По мнению ответчика, поскольку сетевой фильтр является устройством, предназначенным для защиты от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, а также для сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220 В, 50 Гц), то рассматриваемый товар по своему функциональному назначению в полном объеме удовлетворяет тексту товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС как аппаратура электрическая для защиты электрических цепей на напряжение не более 1000 В.

5. Выводы Суда

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» (далее – Регламент Суда), при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

5.1. О полномочиях Комиссии

Пункт 2 статьи 8 Договора обязывает Комиссию как один из органов Союза действовать в пределах полномочий, которые предоставлены ей Договором и международными договорами в рамках Союза. Полномочия Комиссии определяются согласно приложению № 1 к Договору (пункт 3 статьи 18 Договора).

Положения пункта 2 статьи 18 Договора, пункта 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение о ЕЭК) наделяют Комиссию правом принятия решений, имеющих нормативно-правовой характер и обязательных для государств-членов. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

В силу пункта 2 статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, далее – Таможенный кодекс

ЕАЭС) решения о классификации отдельных видов товаров должны приниматься в виде решений Комиссии.

Решение № 94 принято Комиссией на основании абзаца первого пункта 1 статьи 22 Таможенного кодекса ЕАЭС, в соответствии с которым в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС Комиссией принимаются решения о классификации отдельных видов товаров на основании предложений таможенных органов.

Поводом для подготовки и принятия оспариваемого решения явилось обращение Федеральной таможенной службы Российской Федерации (письмо от 22 ноября 2018 года № 01-17/73313).

Коллегия Суда считает, что предоставленная Комиссии статьей 22 Таможенного кодекса ЕАЭС дискреция по реализации своих полномочий на принятие решений о классификации отдельных видов товаров ограничена рамками, формируемыми содержанием ТН ВЭД ЕАЭС, Гармонизированной системы описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее – ГС), единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (далее – ТН ВЭД СНГ), в частности, обязательствами не изменять содержание разделов, групп, товарных позиций или субпозиций.

Таможенный кодекс ЕАЭС не содержит ограничений для таможенных органов государств-членов инициировать, а Комиссии принимать решения о классификации отдельных видов товаров на любом уровне классификации отдельного вида товара – товарной позиции, субпозиции, подсубпозиции. Таких ограничений не содержат и положения ГС и ТН ВЭД СНГ.

Истец не оспаривает соблюдение порядка и процедуры подготовки и принятия Решения № 94.

Коллегия Суда полагает, что Комиссия обладала полномочиями на принятие Решения № 94 и соблюла порядок и процедуру его принятия.

5.2. О соответствии решения праву Союза

5.2.1. О классификации товара для таможенных целей

5.2.1.1. Исходя из положений статей 25, 32 и 42 Договора, статей 19 и 22 Таможенного кодекса ЕАЭС решения о классификации отдельных видов товаров должны основываться и соответствовать ТН ВЭД ЕАЭС, международной основой которой являются ГС и ТН ВЭД СНГ.

Для обеспечения однозначного отнесения конкретного товара к определенной классификационной группировке, кодированной на необходимом уровне, предназначены ОПИ ТН ВЭД.

При принятии Комиссией решения о классификации отдельного вида товара применяется ОПИ 1 ТН ВЭД, согласно которому для юридических целей классификация товаров осуществляется исходя из текстов товарных пози-

ций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ 2 – 6 ТН ВЭД.

При классификации Комиссией отдельного вида товара наименования товарных позиций и примечания к разделам или группам должны являться приоритетными и учитываться в первую очередь.

Решение о классификации отдельного вида товаров должно описывать общие классификационные признаки, присущие отдельному виду (группе) товаров.

Осуществляя оценку правильности классификации отдельного вида товара, описанного в Решении № 94, соотнеся его характеристики и свойства с текстом товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС через ОПИ 1, а также через сравнительный анализ текстов сходных товарных позиций 8535 и 8536, товарной позиции 8543, включенной в тот же раздел XVI ТН ВЭД ЕАЭС, и по которой истец осуществлял классификацию импортируемых сетевых фильтров до принятия Решения № 94, Коллегия Суда приходит к следующим выводам.

5.2.1.2. Согласно Решению № 94 сетевой фильтр, используемый в стиральной машине для защиты электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, а также для сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220 В, 50 Гц), в соответствии с ОПИ 1 ТН ВЭД классифицируется в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

Указанная в ТН ВЭД ЕАЭС товарная позиция 8536, основанная на идентичных товарных позициях ГС и ТН ВЭД СНГ, описывается как «Аппаратура электрическая для коммутации или защиты электрических цепей или для подсоединений к электрическим цепям или в электрических цепях (например, выключатели, переключатели, прерыватели, реле, плавкие предохранители, гасители скачков напряжения, штепсельные вилки и розетки, патроны для электроламп и прочие соединители, соединительные коробки) на напряжение не более 1000 В; соединители для волокон оптических, волоконно-оптических жгутов или кабелей».

Из текста отмеченной товарной позиции следует, что для классификации в ней отдельного вида товара приоритетное значение имеет, в том числе, его назначение.

Описанный в оспариваемом решении товар является электрической аппаратурой, что подтверждается мнениями специалистов в области электротехники и не оспаривается сторонами.

Текст товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС предусматривает три основных вида функционального предназначения входящих в данную группу товаров, одним из которых является защита электрических цепей.

Функциональным предназначением описанного в Решении № 94 товара – сетевого фильтра – является, как указано в решении, защита электрических цепей, что также соответствует наименованию товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

ТН ВЭД ЕАЭС и ее международная основа не раскрывают понятие «защита электрической цепи», не содержат описания способов защиты и перечня негативных воздействий на электрическую цепь, аппаратов защиты, которые следует относить к товарной позиции 8536 ТН ВЭД.

Коллегия Суда исходит из текста товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, а также текста подчиненной товарной субпозиции 8536 30 «- устройства для защиты электрических цепей прочие» и считает, что данные тексты предполагают широкую трактовку понятия «аппаратура для защиты электрических цепей». Такую трактовку данного понятия не ограничивают соответствующие примечания к разделам и группам ТН ВЭД ЕАЭС.

Текст товарной позиции и соответствующие примечания не предусматривают ограничения в способах защиты, видах и формах негативных воздействий на электрические цепи, от которых осуществляется защита электрической цепи аппаратурой, поименованной в тексте указанной товарной позиции. Приведен лишь примерный перечень аппаратуры, который не может быть признан исчерпывающим.

Коллегия Суда считает, что отсутствие в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС указания на способы защиты электрической цепи, а также конкретный вид нарушения и (или) отклонения в ее работе, от которого ее защищает электрическая аппаратура, позволяет сделать вывод, что указанные критерии для отнесения товара к рассматриваемой товарной позиции правового значения не имеют. По мнению Коллегии Суда, к товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС следует относить электрическую аппаратуру, осуществляющую функцию защиты электрической цепи от любого негативного воздействия.

В соответствии с мнениями специалистов ведущих научных и образовательных учреждений под термином «защита электрических цепей» следует понимать полное сохранение функциональности элементов электрической цепи, ее защиту от разнообразных нежелательных воздействий, сбоев в работе, в том числе от высокочастотных помех.

Так, например, Институт радиофизики и электроники Национальной академии наук Республики Армения указывает, что защита электрической цепи – это защита от разнообразных нежелательных воздействий: скачки напряжения сети, внешние высокочастотные помехи, радиационное воздействие и другие.

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники к защите электрической цепи относит в том числе и специальные виды защит.

Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова под защитой электрической сети понимает комплекс конструктивно-технологических решений и инженерно-технических мероприятий, целью которых является защита электрической цепи потребителя электрической энергии.

Научно-исследовательский институт экспериментальной и теоретической физики Казахского национального университета им. аль-Фараби разъясняет, что защита электрической цепи устройства подразумевает включение в ее состав специальных элементов и устройств, защищающих остальные элементы цепи от перегрева, возгорания, пробоя, сбоев в работе и сигнализирующих об этом.

Таким образом, Коллегия Суда считает, что для отнесения аппаратуры электрической к товарной позиции 8536 ТН ВЭД достаточно указания, что она выполняет функцию защиты электрической цепи, рассчитанной на напряжение не более 1000 В.

5.2.1.3. В Решении № 94 описан товар, который выполняет функции защиты электрической цепи от высокочастотных помех, а также сглаживания и ограничения скачков входного напряжения.

Описанная в Решении № 94 функция сглаживания и ограничения скачков входного напряжения непосредственно защищает электрическую цепь и элементы цепи от перепадов входного напряжения, которые могут привести к выходу из строя и повреждению стиральной машины и ее оборудования.

Специалист в сфере технических наук Харченко В.Б. в представленном по договору с ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» акте экспертного исследования от 11 мая 2021 года № 78-20/30-Т полагает, что исследованные им помехоподавляющие фильтры для стиральных машин выполняют функцию подавления помех с импульсным и высокочастотным характером, возникающих вследствие работы отдельных устройств стиральной машины.

Коллегия Суда принимает во внимание влияние высокочастотных и импульсных помех на скачки напряжения и их взаимосвязь.

В сфере защиты электрических цепей приемлемы понятия из технического регламента Таможенного союза 020/2011 «Электромагнитная совместимость технических средств», утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 879.

В соответствии со статьей 2 указанного технического регламента электромагнитная помеха – электромагнитное явление или процесс, которые снижают или могут снизить качество функционирования технического средства.

Коллегия Суда обращает внимание на понятия, изложенные в межгосударственном стандарте «Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения», принятого Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол №-55 П

от 25 марта 2013 года), в соответствии с которым электромагнитная помеха, распространяющаяся по проводникам электрической сети, может ухудшить качество функционирования устройств, электроустановок или систем, или вызвать их повреждение.

По информации Национального политехнического университета Армении импульсная помеха – кратковременный выброс напряжения в сети с амплитудой выше номинального напряжения.

Такая электромагнитная помеха может представлять собой как одиночный импульс, так и их последовательности. Электрические импульсные помехи могут привести к поломкам электрооборудования.

На основании изложенного Коллегия Суда приходит к выводу, что высокочастотные и импульсные помехи относятся к негативным явлениям, которые вызывают аномальные условия функционирования электрической цепи.

В приложении 1 к письму Ассоциации торговых компаний и товаропроизводителей электробытовой и компьютерной техники (далее – Ассоциация) от 25 марта 2019 года № 044/19 в адрес Комиссии утверждается, что если сетевой фильтр отсутствует, то высокочастотные гармоники накладываются на питающее напряжение сети и тем самым искажают его форму; следствием фильтрации высокочастотных помех является сведение к минимуму возможных колебаний и скачков напряжения. По мнению Ассоциации (приложение к письму Ассоциации от 11 февраля 2019 года № 18/19), «при довольно сильной амплитуде помех некоторая слабо защищенная техника может начать работать со сбоями, вплоть до выхода из строя».

Таким образом, подавление высокочастотных помех наряду с ограничением скачков напряжения является одним из способов защиты электрической цепи.

По мнению специалистов в сфере электротехники, обе указанные функции сетевых фильтров, используемых в стиральных машинах, поставляемых на территорию Союза, решаются одними и теми же элементами.

5.2.1.4. Коллегия Суда констатирует, что в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС в числе примеров аппаратуры для защиты электрических цепей указаны гасители скачков напряжения.

Отдельная товарная субпозиция для гасителей скачков напряжения в товарной позиции не предусмотрена.

Коллегия Суда отмечает, что аналогично описанию товарной позиции 8536 ТН ВЭД такая категория как аппаратура электрическая для защиты электрических цепей указана в классификационной группировке ТН ВЭД ЕАЭС, обозначенной кодом 8535 «Аппаратура электрическая для коммутации или защиты электрических цепей или для подсоединений к электрическим цепям или в электрических цепях (например, выключатели, переключатели, прерыватели, плавкие предохранители, молниеотводы, ограничители напряжения, гаси-

тели скачков напряжения, токоприемники, токосъемники и прочие соединители, соединительные коробки) на напряжение более 1000 В».

Однако в данной товарной позиции гасители скачков напряжения упомянуты в отдельной субпозиции, и их характеристики указаны в пояснениях к этой позиции.

Как поясняют специалисты в изложенных Суду мнениях, функции, выполняемые гасителями скачков напряжения в электрических цепях на напряжение менее 1000 В и в цепях на напряжение более 1000 В, идентичны.

Поскольку функциональное назначение гасителей скачков напряжения идентично, Коллегия Суда полагает возможным описание функции гасителя скачков напряжения, приведенное в пояснениях к товарной позиции 8535, учитывать и при оценке функций гасителей скачков напряжения, упомянутых в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

При этом в пояснениях к товарной позиции, обозначенной кодом 8535 ТН ВЭД ЕАЭС, сказано, что гасители скачков или перепадов напряжения представляют собой сборки катушек, конденсаторов и т.д., устанавливаемые последовательно или параллельно с линией или электрической аппаратурой для поглощения высокочастотных импульсов.

Из пояснений к товарной позиции 8535 ТН ВЭД ЕАЭС следует, что гасители скачков или перепадов напряжения выполняют функции поглощения высокочастотных импульсов.

При таких обстоятельствах Коллегия Суда считает, что Комиссия обоснованно сетевой фильтр, используемый в стиральной машине для защиты электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, а также для сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220 В, 50 Гц), отнесла к электрической аппаратуре для защиты электрических цепей.

5.2.1.5. Коллегия Суда не усматривает существенных противоречий в трактовке понятия «аппаратура для защиты электрических цепей» в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС и в Пояснениях к ней.

Пояснения являются одним из вспомогательных рабочих материалов, призванных обеспечить единообразную интерпретацию и применение ТН ВЭД ЕАЭС. Они содержат толкования содержания позиций номенклатуры, термины, краткие описания товаров и областей их возможного применения, классификационные признаки и конкретные перечни товаров, включаемых или исключаемых из тех или иных позиций, методы определения различных параметров товаров и другую информацию, необходимую для однозначного отнесения конкретного товара к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

При этом пояснения к группе 8536 ТН ВЭД «(II) Аппаратура для защиты электрических цепей», согласно которым в данную группу кроме плавких предохранителей включают «другие устройства, предназначенные для пре-

дотвращения перегрузок электрических цепей (например, электромагнитные устройства, которые автоматически разрывают цепь, когда ток превышает определенную величину)» не содержат исчерпывающего перечня возможных способов защиты электрической цепи.

Вывод о том, что к данной товарной позиции относится аппаратура электрическая, предназначенная для защиты электрической цепи другими, кроме разрыва цепи, способами, подтверждается отнесением к ней гасителей скачков напряжения.

Коллегия исходит из того, что Пояснения не являются исчерпывающим и неизменным комментарием в отношении всех позиций и субпозиций: их необходимо трактовать в строгом соответствии с текстом ТН ВЭД ЕАЭС и особенно с правилами толкования, названиями групп, позиций и субпозиций.

В Пояснениях обозначены устройства, предназначенные для предотвращения перегрузок электрических цепей (например, электромагнитные устройства, которые автоматически разрывают цепь, когда ток превышает определенную величину).

При этом, как и в случае с понятием «защита электрических цепей», в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, в Пояснениях не раскрывается, что представляет собой перегрузка: отсутствует описание данного явления, его отличительные характеристики.

При этом Коллегия Суда акцентирует внимание, что в Пояснениях «разрыв цепи, когда ток превышает определенную величину» назван одним из возможных способов действия (используется термин «например») устройств, предназначенных для предотвращения перегрузок электрических цепей.

Коллегия Суда приходит к выводу, что понятие «устройства для защиты электрических цепей прочие» (код 8536 30) в Пояснениях в полной мере не раскрывается. Вместе с тем тот факт, что определенный вид товара не описан в пояснениях к конкретной товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС, не исключает возможность его отнесения к классификационной группировке на основании текста товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам ТН ВЭД ЕАЭС.

5.2.1.6. С учетом изложенного Коллегия Суда отклоняет доводы истца о неправильном толковании Комиссией текста товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС и нарушении ОПИ 1 ТН ВЭД при принятии Решения № 94.

Коллегия Суда не усматривает также противоречий в положениях Решения № 94 и ГС как международной основы ТН ВЭД ЕАЭС.

5.2.2. О международной практике классификации сетевых фильтров

Коллегия Суда полагает необоснованным довод истца о том, что Решение № 94 не учитывает устоявшуюся международную практику классификации сетевых фильтров стиральных машин.

Как было установлено Коллегией Суда, Решение № 94 согласуется с ГС как международной основой ТН ВЭД ЕАЭС. Участниками Конвенции о ГС являются все государства, на практику которых ссылается истец.

Относительно представленных истцом таможенно-тарифных определений, выданных таможенными органами государств – членов Европейского союза, Коллегия Суда подтверждает ранее сформированную позицию Суда (решение Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года, решение Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2016 года), согласно которой предварительные решения таможенных органов государств – членов Союза, Европейского союза не имеют общего характера и не могут быть приняты в качестве доказательства всеобщей практики данных государств.

Данная позиция применима к предварительным решениям таможенных органов иных государств. Правом Союза не предусмотрена обязанность Комиссии при принятии решений о классификации отдельных видов товаров руководствоваться подходами или практикой классификации товаров таможенными органами государств, не являющихся членами Союза.

Относительно представленной истцом информации Всемирной торговой организации о Соглашении по информационным технологиям Коллегия Суда отмечает, что она не относится к существу спора.

5.2.3. О правовой определенности

Коллегия Суда не находит оснований для признания обоснованным довода истца о несоблюдении Комиссией требований определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования при принятии Решения № 94.

Как было установлено Коллегией Суда, положения Решения № 94 позволяют отнести отдельный вид товара, описанный в нем, к товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

Оспариваемое решение не допускает неединообразного правоприменения. Напротив, Решение № 94 исключает возможность неединообразной классификации товара, указанного в нем.

Научные и образовательные организации государств-членов подтвердили корректность с позиций технических наук описания сетевого фильтра в Решении № 94.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу, что Решение № 94 соответствует Договору и международным договорам в рамках Союза. Нарушение прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь только решение Комиссии, не соответствующее праву Союза.

Учитывая, что Судом не установлено несоответствие оспариваемого решения Договору и международным договорам в рамках Союза, нарушение прав

и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных Договором и международными договорами в рамках Союза, оснований для удовлетворения заявленного требования не имеется.

Пошлина, уплаченная истцом при обращении в Суд, исходя из положений пункта 64 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут Суда), возврату не подлежит.

Руководствуясь пунктом 108 Статута Суда, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Отказать в удовлетворении требования общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга».

Признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Пошлина, уплаченная ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга», возврату не подлежит.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда в течение 15 календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/6-21-КС)

город Минск

2 ноября 2021 года

1. 1 ноября 2021 года Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) вынесено решение об отказе в удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» (далее – ООО «Самсунг», истец) о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 94) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

2. Согласно Решению № 94 сетевой фильтр, используемый в стиральной машине для защиты электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, а также для сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220В, 50 Гц), в соответствии с Основным правилом интерпретации единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза 1 (далее – Основные правила интерпретации, ОПИ) классифицирован в товарной позиции 8536 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – Товарная номенклатура, ТН ВЭД ЕАЭС).

Коллегия Суда, признав Решение № 94 соответствующим праву Союза, указала, что текстом товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС не ограничены способы защиты электрической цепи, а сетевой фильтр, описанный в оспариваемом решении Комиссии, идентичен товару «гаситель скачков напряжения», поименованному в товарной позиции 8536 Товарной номенклатуры.

Не соглашаясь с решением Коллегии Суда, считаю, что ее выводы не соответствуют праву Союза и противоречат материалам дела.

3. Подпунктом «а» пункта 1 статьи 45 Регламента предусмотрено, что в рамках рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии Суд осуществляет проверку полномочий ЕЭК на его принятие.

Коллегия Суда, указав в пункте 5.1 мотивировочной части решения на обязанность Комиссии действовать в пределах полномочий, предоставленных ей Договором и международными договорами в рамках Союза, неправомерно уклонилась от исследования вопроса о наличии оснований для принятия акта о классификации отдельного вида товара в форме решения, а также пришла к необоснованному выводу о наличии у ЕЭК права осуществлять классификацию отдельного вида товара на четырех знаках Товарной номенклатуры.

3.1. Из совместного уяснения пунктов 3 и 13 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору (далее – Положение о Комиссии), следует, что в пределах полномочий в сфере таможенного и таможенно-тарифного регулирования Комиссия наделена правом на принятие актов в форме решений, имеющих нормативно-правовой характер и обязательных для государств-членов, а также рекомендаций, не имеющих обязательного характера.

Взаимосвязанное толкование статьи 3, пункта 1 статьи 5 и пункта 2 статьи 8 Договора, а также пунктов 3 и 13 Положения о Комиссии свидетельствует, что в области таможенно-тарифного регулирования наделение Комиссии полномочиями на принятие решений и рекомендаций осуществляется на основе Договора и Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС). В случае если Комиссии не передана какая-либо компетенция в соответствующих сферах, она подлежит реализации на национальном уровне и представляет собой суверенное полномочие государств-членов.

На основании статьи 45 Договора Комиссия наделяется полномочиями по вопросам таможенно-тарифного регулирования, к числу которых относится ведение Товарной номенклатуры, международной основой которой являются Гармонизированная система описания и кодирования товаров (далее – Гармонизированная система), принятая одноименной Конвенцией.

В рамках осуществления таможенно-тарифного регулирования в Союзе статьи 21 и 22 ТК ЕАЭС предоставляют таможенным органам государств-членов и Комиссии право на принятие решений и разъяснений о классификации отдельных видов товаров в целях обеспечения единообразного применения Товарной номенклатуры.

Смысловое содержание статьи 45 Договора, статей 19, 21 и 22 ТК ЕАЭС означает, что ведение Товарной номенклатуры отнесено к исключительной компетенции Комиссии, в то время как полномочия по обеспечению ее единообразного применения посредством классификации отдельных видов товаров разграничены между национальным и наднациональным уровнями правового регулирования.

Пункт 6 статьи 21, а также пункты 1 и 6 статьи 22 ТК ЕАЭС императивно устанавливают, что юридические факты, с которыми связано возникновение у ЕЭК и таможенных органов государств-членов права осуществлять классификацию отдельных видов товаров, определяются международным договором Союза и не зависят от усмотрения Комиссии.

Уяснение пункта 6 статьи 21 ТК ЕАЭС означает, что неединообразная практика применения Товарной номенклатуры в рамках одного государства-члена является основанием для принятия его центральным таможенным органом обязательных на территории соответствующего государства решений и разъяснений о классификации отдельных видов товаров. Контроль за соответствием указанных решений и разъяснений наднациональному и национальному праву реализуется на уровне государства-члена в формах, предусмотренных его законодательством.

Во исполнение норм права Союза, ограничивающих компетенцию Комиссии пределами, установленными Договором и международными договорами в рамках Союза, пункт 1 статьи 22 ТК ЕАЭС обуславливает право ЕЭК на принятие акта в форме решения о классификации отдельного вида товара фактом неединообразного применения Товарной номенклатуры не менее чем в двух государствах-членах. В силу свойств обязательности и непосредственного применения, которые присущи решениям ЕЭК на основании пункта 1 статьи 6 и статьи 18 Договора, именно решение Комиссии способно преодолеть неединообразие в применении Товарной номенклатуры на территории нескольких государств-членов. Данный вывод согласуется с пунктом 3 статьи 22 ТК ЕАЭС, которым определено, что принятие Комиссией решения о классификации отдельного вида товара влечет отмену решений и разъяснений центральных таможенных органов государств-членов о классификации соответствующего вида товара.

Из пункта 6 статьи 22 ТК ЕАЭС следует, что единство подходов государств-членов к классификации товаров лимитирует дискрецию Комиссии, предоставляя ей право принятия разъяснений только в форме рекомендаций, которые в силу нормы пункта 13 Положения о Комиссии, не имеют обязательного характера.

Аналогичный подход к основаниям принятия решения Комиссии о классификации отдельного вида товара при отсутствии неединообразного применения Товарной номенклатуры изложен в решении Апелляционной палаты по заявлению АО «ТрансЛогистикКонсалт» от 7 октября 2020 года, а также в моих особых мнениях к решениям Апелляционной палаты по заявлениям ЗАО «Санофи-Авентис Восток» от 7 марта 2019 года и ООО «Монокристалл» от 15 февраля 2021 года.

В материалах дела отсутствуют сведения о вынесении центральными таможенными органами государств-членов решений о классификации сетевых

го фильтра. При таких обстоятельствах Решение № 94 не достигает установленной правом Союза цели его принятия в виде обеспечения единообразной практики классификации отдельного вида товара не менее чем в двух государствах-членах. Оспариваемое решение Комиссии направлено исключительно на преодоление подходов судебной практики к оценке обоснованности классификации сетевого фильтра, сформированных в Российской Федерации, в том числе на уровне Верховного Суда (арбитражные дела №№ А56-42747/2018, А56-129952/2018 и А56-89781/2018).

Изложенное означает, что принятие Комиссией Решения № 94, имеющего обязательный характер, противоречит праву Союза и влечет фактическую подмену компетенции центральных таможенных органов государств-членов, а также высших судов полномочиями постоянно действующего регулирующего органа Союза.

Коллегия Суда, придя к выводу, что Решение № 94 принято Комиссией в пределах предоставленных ей полномочий, уклонилась от реализации возложенной на нее пунктами 2 и 39 Статута функции по обеспечению единообразного применения права Союза и обеспечению непротиворечия акта вторичного права Договору и международным договорам в рамках Союза.

3.2. Согласно устойчивой практике Суда об обязательности для Союза норм универсальных международных договоров, изложенной в решениях Апелляционной палаты Суда по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» от 21 июня 2016 года и по заявлению ООО «Шиптрейд» от 31 октября 2019 года, в решении Коллегии Суда по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС» от 14 апреля 2021 года, источником регулирования таможенно-тарифных отношений в Союзе признана Конвенция о Гармонизированной системе.

Согласно решению Апелляционной палаты по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза при одновременном наличии двух условий: (1) все государства – члены Союза являются участниками международного договора; (2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках Союза (абзац 11 пункта 5.1.1 решения). К аналогичному выводу пришла Апелляционная палата Суда и в решении по заявлению ООО «Шиптрейд» (абзац 8 пункта 5.1 решения). В решении Коллегии Суда от 14 апреля 2021 года по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС» сформулирована позиция, согласно которой Конвенция о Гармонизированной системе подлежит применению при осуществлении правовой оценки правовых актов, а несоблюдение Комиссией положений Гармонизированной системы означает невыполнение императивных требований пункта 2 статьи 25 Договора и пункта 5 статьи 19 ТК ЕАЭС, в связи с чем противоречит праву Союза (абзацы 4 и 6 пункта 5.3 решения).

В соответствии с пунктом 3 статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе ничто в данной статье не запрещает Договаривающейся Стороне создавать в своих таможенно-тарифной или статистических номенклатурах подразделы для более глубокой классификации товаров, чем в Гармонизированной системе, при условии, что любые такие подразделы будут дополнены и кодированы сверх шестизначного цифрового кода, приведенного в Гармонизированной системе. Подпунктом «а» статьи 1 Конвенции предусмотрено, что Гармонизированная система означает, в том числе Номенклатуру, включающую в себя товарные позиции, субпозиции и относящиеся к ним цифровые коды.

Из взаимосвязанного толкования подпункта «а» статьи 1 и статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе следует, что кодирование заключается в создании кода товара и его присвоении наименованию товара, результатом которого является формирование товарных позиций и субпозиций. В свою очередь, классификация представляет собой соотнесение субпозиций и подсубпозиций с соответствующими кодами и наименованиями товаров к товарной позиции. При таких обстоятельствах обязательства участников Конвенции о Гармонизированной системе, изложенные в пункте 1 статьи 3 данного международного договора, помимо соблюдения порядка кодирования, также включают обеспечение соответствия Гармонизированной системе классификации товаров не только в номенклатуре, а также и в актах, обеспечивающих ее единообразное и унифицированное применение.

Исходя из изложенного, уточнение Комиссией существенных характеристик отдельных видов товаров в решениях о классификации допускается исключительно на уровне сверх шестизначного цифрового кода, приведенного в Гармонизированной системе.

При таких обстоятельствах Решение № 94, устанавливающее классификацию отдельного вида товара в позиции на уровне четырех знаков Товарной номенклатуры, не согласуется с правом Союза и противоречит обязательствам государств-членов по соблюдению Конвенции о Гармонизированной системе.

Применение сформулированной позиции к обстоятельствам настоящего дела означает, что Комиссией при принятии Решения № 94 допущено нарушение права Союза в части превышения полномочий, которыми ее наделили государства-члены.

4. Коллегия Суда, установив функциональное назначение сетевого фильтра, являющегося предметом классификации в Решении № 94, и на этом основании признав оспариваемое Решение соответствующим праву Союза, исходила из пояснений, представленных по запросу Суда во исполнение пункта 55 Статута специализированными научными и образовательными уч-

реждениями государств-членов (абзацы 11 – 15 пункта 5.2.1.2, абзац 8 пункта 5.2.1.3, абзац 5 пункта 5.2.1.4 решения Коллегии Суда).

Подобный подход к аргументации судебного акта не согласуется с принципом состязательности, закрепленным в пункте 53 Статута и статье 23 Регламента, а также противоречит правилам о доказательствах, изложенным в статье 35 Регламента.

4.1. Согласно пункту 53 Статута к числу принципов, на основе которых Суд осуществляет судопроизводство, относится состязательность. В развитие данного правоустановления пунктом 1 статьи 23 Регламента на истца возлагается обязанность обосновать свои требования, а ответчику предоставляется право представить возражения на заявленные требования. Данная правовая норма является проявлением общепризнанного принципа международного права *onus probandi actori incumbit* (каждый доказывает те обстоятельства, на которые ссылается).

Учитывая, что хозяйствующий субъект в споре с Комиссией является «слабой стороной» и заведомо не имеет доступ ко всему объему доказательств, связанных с принятием решения ЕЭК, именно Комиссии надлежит доказать соответствие праву Союза оспариваемого решения. Данный подход согласуется с регулированием бремени доказывания по делам об оспаривании нормативно-правовых актов в процессуальном законодательстве государств – членов Союза и подтверждается практикой Суда. В решении Коллегии Суда по заявлению ООО «Ойл Марин Груп» от 11 октября 2018 года, в рамках которого оспаривалось бездействие Комиссии, Суд пришел к выводу о возложении на ответчика обязанности по представлению доказательств совершения им действий, предусмотренных правом Союза (абзац 33 раздела 6 «Выводы Суда»).

В свою очередь, на хозяйствующего субъекта, являющегося истцом по делу, возлагается обязанность представить доказательства несоответствия решения Комиссии праву Союза.

Изложенное означает, что в рамках дела об оспаривании решения Комиссии основу решения Коллегии Суда составляет оценка доказательств, представленных ЕЭК в обоснование действительности ее нормативно-правового акта, и доказательств хозяйствующего субъекта, опровергающих их.

4.2. Пункт 55 Статута наделяет Суд правом запросить необходимые для рассмотрения дела материалы у направивших заявление хозяйствующих субъектов, уполномоченных органов и организаций государств-членов, а также органов Союза.

Учитывая закрепление принципа коллегиальности в пункте 53 Статута в качестве принципа судопроизводства и указание в статье 1 Регламента на тот факт, что по процедурным вопросам Суд выносит акт в форме постановления, запрос материалов на основании пункта 55 Статута означает необходимость принятия постановления соответствующим составом Суда.

Вопреки указанным правовым нормам, в рамках настоящего дела материалы у научных и образовательных учреждений государств-членов запрошены судьей-докладчиком на основании статьи 26 Регламента.

Уяснение пунктов 1 и 3 статьи 35 Регламента свидетельствует, что установление обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и обосновывающих требования или возражения сторон, производится Судом по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании, на основе состязательных документов. В решении Апелляционной палаты по заявлению ООО «Шиптрейд» от 31 октября 2019 года сформулирована позиция, согласно которой материалы, полученные в рамках пункта 55 Статута, не рассматриваются Судом *a priori* в качестве доказательств, а оцениваются им по критериям допустимости и относимости и только после этого могут быть использованы Судом при формулировании позиции по делу (абзац 1 пункта 5.6 решения).

Согласно норме-определению пункта 1 статьи 35 Регламента состязательными документами по спору являются представленные Суду лицами, участвующими в споре, или полученные Судом по инициативе сторон письменные документы или сведения, объяснения, иные документы и материалы.

Материалы, единолично запрошенные судьей-докладчиком у научных и образовательных учреждений государств-членов, не относятся ни к числу состязательных документов, ни к числу сведений, полученных на основании пункта 55 Статута.

В нарушение императивных норм пунктов 1 и 3 статьи 35 Регламента, Коллегия Суда не проверила относимость и допустимость сведений, полученных по запросу судьи-докладчика от научных и образовательных учреждений государств-членов. Принятие решения на основании недопустимых доказательств привело к нарушению состязательности и коллегиальности как основополагающих принципов судопроизводства, повлекло нарушение прав и законных интересов истца.

5. В пункте 5.2.1 решения Коллегия Суда установила, что при классификации отдельного вида товара наименования товарных позиций и примечания к разделам или группам являются приоритетными и подлежат учету в первую очередь, а также указала, что решение о классификации отдельного вида товара должно описывать общие классификационные признаки, присущие отдельному виду (группе) товаров.

Несмотря на формулирование указанной правовой позиции, Коллегия Суда оценила только функциональное предназначение товара, описанного в Решении № 94, и ошибочно признала его единственным основанием для включения отдельного вида товара в товарную позицию 8536 Товарной номенклатуры. В нарушение императивной нормы права Союза, изложенной в Основ-

ных правилах интерпретации, утвержденных решением Совета Комиссии от 16 июля 2012 года № 54, Коллегия Суда не учла в качестве классификационного критерия наименование отдельного вида товара.

5.1. Согласно правилу 1 Основных правил интерпретации названия разделов, групп и подгрупп приводятся только для удобства использования; для юридических целей классификация товаров осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями правил 2 – 6 ОПИ.

Как следует из решений Коллегии Суда и Апелляционной палаты по заявлению ООО «Севлад» от 7 апреля и 2 июня 2016 года, решения Коллегии Суда по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» от 4 апреля 2016 года, а также решения Коллегии Суда по заявлению ООО «Шиптрейд» от 18 июня 2019 года, критериями классификации товара для таможенных целей являются объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам.

В решениях по заявлению ОДО «Доминантафарм» от 19 мая 2021 года и по заявлению АО «СУЭК-Кузбасс» от 14 апреля 2021 года Суд пришел к выводу, что при классификации отдельного вида товара правовое значение имеют объективные характеристики и свойства товара, функциональное назначение товара, а также наименования товарных позиций и примечания к разделам и группам, уточняющие понятия и определения, содержащиеся в ТН ВЭД ЕАЭС.

Уяснение положений права Союза, изложенных в ОПИ 1, на основе устойчивой практики Суда означает правомерность включения отдельного вида товара в соответствующую товарную позицию только в случае соотнесения объективных характеристик и свойств товара с текстом товарной позиции и наименованием соответствующего товара. При отсутствии товарной позиции Товарной номенклатуры, в которой прямо поименован отдельный вид товара и описано его функциональное назначение, он подлежит включению в «корзиночную» товарную позицию. Иной подход нарушает принцип неизменности наименования товарных позиций, закрепленный в статье 3 Конвенции о Гармонизированной системе.

5.2. Товарная позиция 8536 «аппаратура электрическая для коммутации или защиты электрических цепей или для подсоединений к электрическим цепям или в электрических цепях ... на напряжение не более 1000 В; соединители для волокон оптических, волоконно-оптических жгутов или кабелей» включена в группу 85 Товарной номенклатуры «Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изобра-

жения и звука, их части и принадлежности». В свою очередь, группа 85 входит в раздел XVI Товарной номенклатуры, который поименован как «Машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности».

Из буквального толкования текстов товарных позиций группы 85 Товарной номенклатуры следует, что принципом построения данной группы является наименование товара и его функциональное предназначение.

В группу 85 Товарной номенклатуры также включена товарная позиция 8543 «Машины электрические и аппаратура, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные».

Уяснение наименований и текстов товарных позиций группы 85 Товарной номенклатуры свидетельствует, что в случае если на уровне предшествующих товарных позиций отсутствует наименование и описание, соответствующее наименованию и функциональному назначению отдельного вида товара, он подлежит включению в «корзиночную» позицию 8543 Товарной номенклатуры.

Коллегия Суда, проигнорировав указанные нормы права Союза и ограничившись анализом функционального назначения отдельного вида товара, описанного в Решении № 94, неправомерно не сопоставила его наименование – «сетевой фильтр» с текстом товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

5.3. Текстом товарной позиции 8536 Товарной номенклатуры установлено, что в ней классифицируется аппаратура электрическая для (1) коммутации или (2) защиты электрических цепей или (3) для подсоединения к электрическим цепям или (4) в электрических цепях (например, выключатели, переключатели, прерыватели, реле, плавкие предохранители, гасители скачков напряжения, штепсельные вилки и розетки, патроны для электроламп и прочие соединители, соединительные коробки) на напряжении не более 1000 В; (5) соединители для волокон оптических, волоконно-оптических жгутов или кабелей.

Буквальное толкование текста товарной позиции 8536 Товарной номенклатуры свидетельствует о признании в качестве классификационного критерия функционального назначения отдельного вида товара и о включении в указанную товарную позицию товаров, обладающих одной из пяти поименованных в ней функций. К числу функций, наличие которых у электрической аппаратуры, позволяет классифицировать ее в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, относится защита электрической цепи.

Коллегия Суда, установив, что сетевой фильтр одновременно (1) защищает электрическую цепь на напряжении не более 1000 В, а также (2) сглаживает и ограничивает скачки входного напряжения питающей сети переменного тока

(220В, 50 Гц), и в связи с этим подлежит классификации в товарной позиции 8536 Товарной номенклатуры, допустила ошибочную интерпретацию ТН ВЭД ЕАЭС и Пояснений к ней.

Уяснение текста товарной позиции 8536 Товарной номенклатуры с учетом тома V Пояснений к группе 85 свидетельствует, что классификационным признаком для отнесения сетевых фильтров к указанной товарной позиции, является их функциональное предназначение, которое заключается в защите электрической цепи от перегрузки вследствие превышения безопасного уровня тока путем ее разрыва (размыкания). Применимые нормы права Союза, к числу которых относится Товарная номенклатура, а также Пояснения к ней, не предусматривают иной способ защиты электрической цепи.

Коллегия Суда, несмотря на наличие нормативно урегулированного определения «защита электрической цепи», необоснованно исходила из сведений, представленных по запросу судьи-докладчика научными и образовательными учреждениями государств-членов, содержащими иное значение данного понятия.

Согласно экспертному исследованию В.Б. Харченко, представленному истцом и обладающему в силу пункта 3 статьи 35 Регламента статусом составительского документа, под понятием тока, превышающего безопасный уровень, понимается ток, превышающий предельно допустимый уровень, установленный нормативно или производителем (Межгосударственный стандарт 12.1.038-82 «Система стандартов безопасности труда. Электробезопасность. Предельно допустимые значения напряжений прикосновения и токов»).

Из текста товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС во взаимосвязи с томом V Пояснений к Товарной номенклатуре следует, что функциональное предназначение в виде разрыва (размыкания) цепи в случае превышения током безопасного уровня является классификационным признаком иного вида товара – «плавкого предохранителя».

Анализ функций сетевого фильтра, описанного в Решении № 94, свидетельствует, что функция защиты электрической цепи направлена на предотвращение влияния высокочастотных помех, создаваемых стиральной машиной, на иные приборы. Одновременно, функция сглаживания и ограничения скачков входного напряжения защищает стиральную машину от напряжения, создаваемого иными приборами, находящимися с ней в одной электрической цепи.

Как следует из текста товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, в ней подлежит классификации аппаратура, в том числе для защиты электрических цепей, рассчитанная на напряжение не более 1000 В.

Таким образом, учитывая, что напряжение в электрической сети является физической мерой, определяющей перенос заряда электричества на стиральную машину в объеме не более 1000 В, следовательно, защита электрической

цепи может быть связана исключительно с внешним воздействием на электрическую цепь стиральной машины. Данный вывод, позволяет констатировать, что функция защиты электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, не соотносится с текстом товарной позиции 8536 Товарной номенклатуры.

Применение сформулированных позиций к обстоятельствам настоящего дела свидетельствует, что Коллегия Суда, признав Решение № 94 соответствующим праву Союза, проигнорировала текст товарной позиции 8536 Товарной номенклатуры, в которой отсутствуют устройства, способные одновременно выполнять функции, поименованные в оспариваемом Решении ЕЭК, а также необоснованно определила функциональное назначение отдельного вида товара не в соответствии с нормами права Союза, а на основе заключений научных организаций, не являющихся допустимыми доказательствами по делу. Коллегия Суда также неправомерно не усмотрела правовую неопределенность в ситуации, когда Комиссия в Решении № 94 присвоила функцию разрыва (размыкания) цепи в связи с превышением током безопасного уровня, характеризующую плавкий предохранитель, сетевому фильтру, который представляет собой иной отдельный вид товар.

Анализ товарной позиции 8536, а также подчиненных ей субпозиций и подсубпозиций Товарной номенклатуры дает основания для вывода, согласно которому отсутствие в тексте указанной товарной позиции наименования товара – «сетевой фильтр», а также отличия в функциональном назначении, требуют его классификации в «корзиночной» товарной позиции 8543 ТН ВЭД ЕАЭС «Машины электрические и аппаратура, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные».

6. Согласно позиции Федеральной таможенной службой Российской Федерации (далее – ФТС России), изложенной в подготовительных материалах, направленных в ЕЭК для инициирования процедуры принятия решения о классификации отдельного вида товара, «сетевой фильтр» состоит из плавкого предохранителя, осуществляющего функцию защиты электрической цепи, и в силу наименования относится к товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС. Функция фильтра, подавляющая электрические помехи, возникающие при работе стиральной машины, для исключения их воздействия через цепь питания на другие электрические приборы, в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС не описана. ФТС России, обосновывая выбор товарной позиции 8536 Товарной номенклатуры, указала, что в соответствии с примечанием 3 к разделу XVI ТН ВЭД ЕАЭС сетевой фильтр, являясь комбинированным устройством, подлежит классификации в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии с основной функцией – защиты электрической цепи стиральной машины от превышения тока, выполняемой плавким предохранителем.

Как следует из пункта 3.4 решения Коллегии Суда, на отнесение товара, описанного в Решении № 94, к комбинированным устройствам, также указывает истец.

Вместе с тем, Комиссия при принятии Решения № 94 проигнорировала позицию ФТС России, исключив из описания отдельного вида товара плавкий предохранитель и осуществив классификацию в соответствии со второстепенной и непоименованной в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС функцией подавления электрической помехи, возникающей при работе стиральной машины, создаваемой приводным двигателем.

Коллегия Суда, оценивая соответствие Решения № 94 праву Союза, также необоснованно уклонилась от исследования вопроса о допустимости признания сетевого фильтра комбинированным устройством.

7. С учетом изложенного считаю, что Коллегии Суда следовало удовлетворить заявление ООО «Самсунг» и признать Решение № 94 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Судья

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

29 ноября 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе судей: Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж. Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н.,

под председательством судьи-докладчика Айриян Э.В.,

при секретаре судебного заседания Винник В.В.,

рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга», Российская Федерация,

УСТАНОВИЛА:

Судом Евразийского экономического союза (далее – Суд) рассмотрено дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» (далее – ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга») о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор от 29 мая 2014 года) и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Решением Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года отказано в удовлетворении требования ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга».

Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» признано соответствующим Договору от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Не согласившись с решением Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года, ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» в соответствии со статьями 61 и 62 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года

№ 101 (далее – Регламент Суда), обратилось 23 ноября 2021 года с жалобой в Апелляционную палату Суда.

ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» просит Суд отменить полностью решение Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года и принять новое решение о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза», не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что жалоба и приложения к ней документы соответствуют требованиям статей 62 и 63 Регламента Суда, в связи с чем отсутствуют основания, предусмотренные в пунктах 2 и 3 статьи 64 Регламента Суда для отказа в принятии жалобы к производству или оставления ее без движения.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79 – 81 Статута Суда, пунктом 1 статьи 33, статьями 61 – 63, пунктом 1 статьи 64, статьями 65 и 84 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда,

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу по заявлению ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга».

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 21 декабря 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий:

Э.В. Айриян

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

23 декабря 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Айриян Э.В., судей Ажибраимовой А.М., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Винник В.В.,

с участием представителей общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» Коновалова П.И., Красноштанова Д.С., Токаря А.Н., представителей Евразийской экономической комиссии Потаповой И.А., Солопова В.И., Фурсова В.Н.,

рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу общества с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года об оспаривании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»,

заслушав представителей сторон, исследовав состязательные документы и иные материалы дела,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» (далее – истец, ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга») обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 94) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор от 29 мая 2014 года) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) и нарушающим права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Решением Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года отказано в удовлетворении требования ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга», Решение № 94 признано соответствующим Договору от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Союза.

Не согласившись с решением Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года, ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» в соответствии со статьями 61 и 62 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), обратилось 23 ноября 2021 года с жалобой в Апелляционную палату Суда.

ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» просит Суд отменить полностью решение Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года и принять новое решение о признании Решения № 94 не соответствующим Договору от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Постановлением Апелляционной палаты Суда от 29 ноября 2021 года жалоба ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» на решение Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года по делу по заявлению ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» принята к производству.

15 декабря 2021 года Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия, ЕЭК) в Суд направлены возражения на жалобу.

I. Доводы жалобы ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга»

В жалобе истец просит полностью отменить решение Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года по делу по заявлению ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» и вынести новое решение о признании Решения № 94 не соответствующим Договору от 29 мая 2014 года и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В подтверждение требований истец приводит доводы о том, что Коллегия Суда: неправильно истолковала текст позиции 8536 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» (далее – ТН ВЭД ЕАЭС); необоснованно отклонила международную практику классификации сетевого фильтра, на которую ссылался истец; уклонилась от изучения довода истца о несоответствии Решения № 94 требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования; неправоммерно отклонила довод истца о том, что Решение № 94 принято в нарушение Основных правил интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС

(далее – ОПИ) 1 ТН ВЭД ЕАЭС; допустила существенное нарушение норм Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), и Регламента Суда.

В судебном заседании представитель истца поддержал доводы жалобы, просил отменить полностью решение Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года и вынести новое решение об удовлетворении требований.

II. Возражения Комиссии на жалобу

В возражениях на жалобу ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» на решение Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года (далее – возражения) Комиссия не соглашается с утверждением истца и поддерживает выводы Коллегии Суда о том, что существенных противоречий в трактовке понятия «аппаратура для защиты электрических цепей» в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС и в Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, являющихся Приложением № 1 к Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 21 (далее – Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС), не усматривается. Коллегия Суда, по мнению Комиссии, сделала обоснованный вывод о том, что Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС не являются исчерпывающим и неизменным комментарием в отношении всех позиций и субпозиций: их необходимо трактовать в строгом соответствии с текстом ТН ВЭД ЕАЭС и правилами толкования, названиями групп, позиций и субпозиций.

Также Комиссия отмечает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 69 Регламента Суда при рассмотрении жалобы Апелляционной палатой Суда (далее – Апелляционная палата) проверяется, соответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде. Однако в жалобе истец фактически предпринимает попытки осуществить переоценку обстоятельств дела, в том числе имеющихся в деле доказательств, так как по существу жалоба представляет собой несогласие общества с Решением № 94, и не приводит нормы права Союза, нарушенные Коллегией Суда.

По мнению Комиссии, Коллегией Суда проведен полный и всесторонний анализ всех обстоятельств дела, имеющих значение для правильного разрешения настоящего спора, а выводы, содержащиеся в решении Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года, полностью соответствуют имеющимся в деле доказательствам.

С учетом изложенного Комиссия считает, что решение Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года является законным и обоснованным, а доводы, содержа-

щиеся в жалобе, не соответствуют положениям Договора от 29 мая 2014 года и иных актов, составляющих право Союза, и на основании пункта 110 Статута Суда просит Апелляционную палату отказать в ее удовлетворении.

В судебном заседании представитель Комиссии поддержал возражения на жалобу.

III. Выводы Суда

1. По доводу истца о том, что Коллегия Суда неправильно истолковала текст товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, Апелляционная палата констатирует следующее.

К компетенции Суда не отнесены вопросы классификации товаров и проверка правильности такой классификации, осуществляемой таможенными органами государств – членов Союза. Нормой подпункта 2 пункта 39 Статута Суда к ведению Суда отнесена проверка соответствия решения ЕЭК праву Союза по заявлению хозяйствующего субъекта.

Предметом заявления ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» в Суд являлось признание Решения № 94 не соответствующим Договору от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В целях правовой определенности Апелляционная палата констатирует, что Решение № 94 принято Комиссией в отношении сетевых фильтров только для стиральных машин и вне зависимости от их конкретной модели и производителя. Данное решение распространяется исключительно на те виды сетевых фильтров для стиральных машин, которые соответствуют перечисленным в Решении № 94 критериям. В этой связи классификация товаров по правилам, приведенным в Решении № 94, распространяется только на товары, полностью соответствующие их описанию. Так, согласно Решению № 94 его действие распространяется на товары, выполняющие следующие функции:

- защита электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем стиральной машины;
- сглаживание скачков входного напряжения;
- ограничение скачков входного напряжения.

В этой связи те сетевые фильтры для стиральных машин, которые не соответствуют по основным характеристикам и функциональному назначению критерию (критериям), указанным в Решении № 94, подлежат классификации по иным товарным кодам ТН ВЭД ЕАЭС, проверка правильности которых возложена на таможенные органы государств-членов.

Решение № 94 принято Комиссией в рамках ее компетенции в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евра-

зийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (далее – ТК ЕАЭС), и Порядком принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 декабря 2013 года № 284, в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС, то есть применения единых подходов к классификации товаров на всей территории Союза.

2. Апелляционной палатой проверено соответствие выводов Коллегии Суда, содержащихся в подпункте 5.2 решения Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года, о применении норм права, установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам.

Апелляционная палата констатирует правомерность и обоснованность выводов Коллегии Суда о том, что Решение № 94 соответствует содержанию текстов товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС. Последовательное применение ОПИ подтверждает соответствие классификации сетевого фильтра перечисленным в решении критериям в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС. Решение № 94 не изменяет и не дополняет ТН ВЭД ЕАЭС, а принято по смыслу пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС для обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС.

Суд отмечает, что основным критерием для классификации товаров в целях таможенного декларирования являются объективные характеристики и свойства товара, соответствующие наименованию конкретной товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС. Критерием для оценки Коллегией Суда обоснованности отнесения товара «сетевой фильтр» к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС в Решении № 94 является функциональное назначение данного товара, в котором выражаются его объективные свойства.

В соответствии с Решением № 94 сетевой фильтр, используемый в стиральной машине для защиты электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, а также для сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220 В, 50 Гц), в соответствии с ОПИ 1 классифицируется в товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

Как следует из ТН ВЭД ЕАЭС, товарная позиция 8536 относится к Разделу XVI «Машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности».

Товарная позиция 8536 ТН ВЭД ЕАЭС включает в себя ряд однодефисных субпозиций, имеющих равнозначное самостоятельное значение, которые объединены общим понятием «аппаратура электрическая», в числе которых субпозиция 8536 30 – устройства для защиты электрических цепей прочие.

Из буквального толкования текста товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС следует вывод о том, что в нее включается аппаратура электрическая, которая предназначена для выполнения одной из следующих функций:

- а) коммутации электрических цепей на напряжение не более 1000 В;
- б) защиты электрических цепей на напряжение не более 1000 В;
- в) подсоединения к электрическим цепям или в электрических цепях на напряжение не более 1000 В.

Апелляционная палата соглашается с выводом Коллегии Суда о том, что для отнесения аппаратуры электрической к товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС достаточно указания о выполнении ею функции защиты электрической цепи, рассчитанной на напряжение не более 1000 В, который сделан исходя из системного анализа соответствующих текстов товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС, технического регламента Таможенного союза 020/2011 «Электромагнитная совместимость технических средств», утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 879.

При этом Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС к группе 8536 ТН ВЭД ЕАЭС «(II) Аппаратура для защиты электрических цепей», согласно которым в данную группу, кроме плавких предохранителей, включают «другие устройства, предназначенные для предотвращения перегрузок электрических цепей (например, электромагнитные устройства, которые автоматически разрывают цепь, когда ток превышает определенную величину)», не содержат исчерпывающего перечня возможных способов защиты электрической цепи.

В Пояснениях к ТН ВЭД ЕАЭС «разрыв цепи, когда ток превышает определенную величину» назван одним из возможных способов действия (используется термин «например») устройств, предназначенных для предотвращения перегрузок электрических цепей.

Указанный вывод Коллегии Суда согласуется с ОПИ.

В частности, ОПИ 1 установлено, что для юридических целей классификация товаров осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам.

Для юридических целей классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также, *mutatis mutandis*, положениями ОПИ при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми (ОПИ 6).

Таким образом, выбор конкретного кода ТН ВЭД ЕАЭС всегда основан на оценке признаков декларируемого товара, подлежащих описанию, а процесс описания связан с полнотой и достоверностью сведений о товаре.

С учетом изложенного Апелляционная палата соглашается с обоснованностью заключения Коллегии Суда о том, что из текста товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС (основанной на идентичных товарных позициях Гармонизи-

рованной системы описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее – ГС) и Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (далее – ТН ВЭД СНГ) следует, что для классификации в ней отдельного вида товара приоритетное значение имеет, в том числе, его назначение, а описанный в оспариваемом решении товар является электрической аппаратурой, что подтверждается материалами дела. При этом текст товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС предусматривает три основных вида функционального предназначения входящих в данную группу товаров, одним из которых является защита электрических цепей. Функциональным предназначением описанного в Решении № 94 сетевого фильтра является защита электрических цепей, соответствующим наименованию товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

Апелляционная палата отклоняет довод истца о необходимости классификации сетевого фильтра в товарных позициях 8548 ТН ВЭД ЕАЭС и 8543 ТН ВЭД ЕАЭС по следующим основаниям. Текст товарной позиции 8543 ТН ВЭД ЕАЭС включает в себя машины электрические и аппаратуру, имеющие индивидуальные функции, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные.

Согласно Пояснениям к ТН ВЭД ЕАЭС к товарной позиции 8543 ТН ВЭД ЕАЭС в нее включаются все виды электрического оборудования и аппаратуры, не попадающие в любую другую товарную позицию данной группы, не описанные более конкретно в какой-либо товарной позиции любой другой группы ТН ВЭД ЕАЭС и не исключенные примечанием к разделу XVI или к данной группе.

В товарную позицию 8548 ТН ВЭД ЕАЭС включены отходы и лом первичных элементов, первичных батарей и электрических аккумуляторов; отработавшие первичные элементы, отработавшие первичные батареи и отработавшие электрические аккумуляторы; электрические части оборудования или аппаратуры, в другом месте данной группы не поименованные или не включенные.

Апелляционная палата констатирует, что в данных товарных группах прямо не указываются устройства, способные выполнять функцию защиты электрической цепи, а также сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220 В, 50 Гц), отнесенные к товарной группе 8536 ТН ВЭД ЕАЭС и конкретизированные в товарной позиции 8536 30 ТН ВЭД ЕАЭС.

В этой связи Суд считает правомерными и обоснованными выводы Коллегии Суда, основанные на материалах дела:

под термином «защита электрических цепей» следует понимать полное сохранение функциональности элементов электрической цепи, ее защиту от разнообразных нежелательных воздействий, сбоев в работе, в том числе от высокочастотных помех;

для отнесения аппаратуры электрической к товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС достаточно указания, что она выполняет функцию защиты электрической цепи, рассчитанной на напряжение не более 1000 В.;

в Решении № 94 описан товар, который выполняет функции защиты электрической цепи от высокочастотных помех, а также сглаживания и ограничения скачков входного напряжения;

описанная в Решении № 94 функция сглаживания и ограничения скачков входного напряжения непосредственно защищает электрическую цепь и элементы цепи от перепадов входного напряжения, которые могут привести к выходу из строя и повреждению стиральной машины и ее оборудования;

подавление высокочастотных помех наряду с ограничением скачков напряжения является одним из способов защиты электрической цепи.

Изучив материалы дела, критерии отнесения товаров к товарным позициям 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, 8543 ТН ВЭД ЕАЭС, 8548 ТН ВЭД ЕАЭС в контексте Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС к данным товарным группам, Апелляционная палата соглашается с позицией Коллегии Суда в решении от 1 ноября 2021 года о том, что отсутствие в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС указания на способы защиты электрической цепи, а также конкретный вид нарушения и (или) отклонения в ее работе, от которого ее защищает электрическая аппаратура, для отнесения товара к рассматриваемой товарной позиции правового значения не имеют. К товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС следует относить электрическую аппаратуру, осуществляющую функцию защиты электрической цепи от негативного воздействия.

Учитывая, что критериями классификации товара для таможенных целей являются объективные характеристики и свойства товара и его функциональное предназначение, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам, Апелляционная палата констатирует соответствие выводов Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам в части анализа правовой составляющей и доминирующих признаков товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС.

3. Апелляционная палата Суда не усматривает нарушения Коллегией Суда положений статей 3, 25, 32 Договора от 29 мая 2014 года.

Положения статьи 3 Договора от 29 мая 2014 года, включенной в Раздел II Договора от 29 мая 2014 года «Основные принципы, цели, компетенция и право Союза» устанавливают основные принципы функционирования Союза, в том числе: осуществление Союзом деятельности в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами на основе уважения общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов и другие.

В соответствии с нормой пункта 2 статьи 25 «Принципы функционирования таможенного союза» Договора от 29 мая 2014 года ТН ВЭД ЕАЭС основана на ГС и ТН ВЭД СНГ.

В этой связи участники внешнеэкономической деятельности вправе ожидать, что осуществляемая в соответствии с ГС классификация товаров, имеющая значение, в том числе для определения размера таможенных платежей, будет носить объективный, предсказуемый и прозрачный характер, унифицированный в большинстве государств, и не будет зависеть от усмотрения таможенных органов, что являлось бы недопустимым в публичных правоотношениях.

Как отмечалось выше, Коллегия Суда установила, что при подготовке и принятии Решения № 94 Комиссией приняты во внимание объективные свойства и характеристики сетевых фильтров и их функциональное предназначение, имеющие значение для правильной классификации согласно описанию соответствующей товарной позиции или субпозиции.

Статья 19 ТК ЕАЭС регламентирует вопросы, связанные с ТН ВЭД ЕАЭС. В соответствии с пунктом 5 статьи 19 ТК ЕАЭС ведение ТН ВЭД ЕАЭС осуществляет Комиссия. Норма указанного пункта устанавливает соответствующий круг ее полномочий.

Системный анализ положений статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года и статьи 19 ТК ЕАЭС применительно к порядку и процедуре принятия Комиссией Решения № 94 показал логичность, последовательность и обоснованность выводов Коллегии Суда об отсутствии противоречий Решения № 94 положениям международных договоров, а также правильную интерпретацию Комиссией содержания международной основы ТН ВЭД ЕАЭС – ГС при принятии Решения № 94.

4. Апелляционная палата, осуществив всестороннюю проверку соответствия выводов Коллегии Суда о применении норм права Союза установленным по делу обстоятельствам, приходит к выводу о соответствии решения Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года положениям статьи 78 Регламента Суда. Акт Суда является логичным, не содержит внутренних противоречий, несовместимых положений и направлен на обеспечение реализации принципа правовой определенности при практическом применении Решения № 94.

Апелляционная палата считает, что по результатам оценки всех представленных материалов дела, Коллегией Суда сделан правильный вывод о соответствии Решения № 94 праву Союза. Доводы истца не могут служить основанием для отмены решения Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года.

Апелляционной палатой не установлено неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде. Выводы Коллегии Суда о применении норм права соответствуют установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле

доказательствам. Оснований для отмены решения Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года и вынесения нового решения по делу не имеется.

На основании изложенного и руководствуясь подпунктом 1 пункта 110 Статута Суда, подпункта «а» пункта 1 статьи 71, статьями 78 и 83 Регламента Суда, Апелляционная палата

РЕШИЛА:

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу по заявлению ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору от 29 мая 2014 года и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности оставить без изменения, а жалобу ООО «Самсунг Электронике Рус Калуга» – без удовлетворения.

Решение вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего решения направить сторонам.

Председательствующий

Э. В. Айриян

Судьи

А.М. Ажибраимова

Ж.Н. Баишев

Д. Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

Резюме
по делам № СЕ-1-2/6-21-КС и № СЕ-1-2/6-21-АП
(ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга»)

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК).

Об оспаривании Решения Коллегии ЕЭК от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Таможенно-тарифное регулирование – классификация товаров в таможенных целях – товарные позиции 8536 и 8543 70 900 0 ТН ВЭД ЕАЭС сетевой фильтр, используемый в стиральной машине для защиты электрической цепи от высокочастотных помех, создаваемых приводным двигателем, а также для сглаживания и ограничения скачков входного напряжения питающей сети переменного тока (220 В, 50 Гц).

Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (Конвенция о Гармонизированной системе) – Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС) – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) – Основные правила интерпретации ТН ВЭД (ОПИ).

Решение Коллегии Суда – отказ в удовлетворении требований истца – признание решения Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза – Особое мнение – Решение Апелляционной палаты Суда – отказ в удовлетворении жалобы – оставление Решения Коллегии Суда без изменения.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «Самсунг Электроникс Рус Калуга» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением об оспаривании решения Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 года № 94 «О классификации сетевого фильтра в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 94).

По мнению Истца, Комиссия неправильно истолковала текст позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, указав, что сетевой фильтр предназначен «для защиты элек-

трической цепи», что соответствует описанию товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС. Вместе с тем, с учетом Пояснений к данной товарной позиции ООО «Самсунг Электроникс Рус Калуга» посчитало, что данный товар не обладает свойством защиты электрической цепи от перегрузки. Истец указал, что функция фильтрации высокочастотных помех, присущая сетевым фильтрам, не тождественна функции защиты электрической цепи от перегрузки, поскольку сетевой фильтр не может обеспечивать разрыв электрической цепи.

По мнению Истца, товар «сетевой фильтр» подлежит классификации в товарной позиции 8543 ТН ВЭД ЕАЭС.

Решением от 1 ноября 2021 года Коллегия Суда отказала Истцу в удовлетворении требования. Коллегия Суда посчитала, что отсутствие в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС указания на способы защиты электрической цепи, а также конкретный вид нарушения и (или) отклонения в ее работе, от которого ее защищает электрическая аппаратура, позволяет сделать вывод, что указанные критерии для отнесения товара к рассматриваемой товарной позиции правового значения не имеют. К товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС следует относить электрическую аппаратуру, осуществляющую функцию защиты электрической цепи от любого негативного воздействия. Также Коллегия Суда пришла к выводу, что отсутствие в Пояснениях к товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС описания определенного вида товара не исключает возможность его отнесения к классификационной группировке на основании текста товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам ТН ВЭД ЕАЭС.

Суд отметил, что решение о классификации отдельного вида товаров должно описывать общие классификационные признаки, присущие отдельному виду (группе) товаров, а также следующее из текста товарной позиции назначение товара.

К решению Коллегии Суда приложено особое мнение судьи Чайки К.Л.

Не согласившись с решением Коллегии Суда, хозяйствующий субъект обратился с жалобой в Апелляционную палату.

Решением от 23 декабря 2021 года Апелляционная палата оставила Решение Коллегии Суда без изменения, а жалобу Истца – без удовлетворения. Апелляционная палата указала, что Решение № 94 принято Комиссией в отношении сетевых фильтров только для стиральных машин и вне зависимости от их конкретной модели и производителя, в связи с чем распространяется исключительно на те виды сетевых фильтров для стиральных машин, которые соответствуют перечисленным в Решении № 94 критериям. Апелляционная палата Суда констатировала соответствие выводов Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам в части анализа правовой составляющей и общих классифи-

кационных признаков товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС, не усмотрела нарушение Коллегией Суда положений статей 3, 25, 32 Договора.

Правовые позиции Суда:

1. Предоставленная Комиссии статьей 22 Таможенного кодекса ЕАЭС дискреция по реализации своих полномочий на принятие решений о классификации отдельных видов товаров ограничена рамками, формируемыми содержанием ТН ВЭД ЕАЭС, ГС, ТН ВЭД СНГ, в частности, обязательствами не изменять содержание разделов, групп, товарных позиций или субпозиций.

(см. абзац 6 пункта 5.1. решения Коллегии Суда).

2. Таможенный кодекс ЕАЭС не содержит ограничений для таможенных органов государств-членов инициировать, а Комиссии принимать решения о классификации отдельных видов товаров на любом уровне классификации отдельного вида товара – товарной позиции, субпозиции, подсубпозиции. Таких ограничений не содержат и положения ГС и ТН ВЭД СНГ.

(см. абзац 7 пункта 5.1. решения Коллегии Суда).

3. К компетенции Суда не отнесены вопросы классификации товаров и проверка правильности такой классификации, осуществляемой таможенными органами государств – членов Союза.

(см. абзац 2 пункта 1 части III «Выводы Суда» решения Апелляционной палаты Суда).

4. Отсутствие в тексте товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС указания на способы защиты электрической цепи, а также конкретный вид нарушения и (или) отклонения в ее работе, от которого ее защищает электрическая аппаратура, для отнесения товара к рассматриваемой товарной позиции правового значения не имеют. К товарной позиции 8536 ТН ВЭД ЕАЭС следует относить электрическую аппаратуру, осуществляющую функцию защиты электрической цепи от негативного воздействия.

(см. абзац 10 подпункта 2 пункта 5.2.1. решения Коллегии Суда, абзац 21 пункта 2 части III «Выводы Суда» решения Апелляционной палаты Суда).

5. Пояснения не являются исчерпывающим и неизменным комментарием в отношении всех позиций и субпозиций: их необходимо трактовать в строгом соответствии с текстом ТН ВЭД ЕАЭС и особенно с правилами толкования, названиями групп, позиций и субпозиций. Тот факт, что определенный вид товара не описан в пояснениях к конкретной товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС, не исключает возможность его отнесения к классификационной группировке на основании текста товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам ТН ВЭД ЕАЭС.

(см. абзацы 5 и 9 подпункта 5.2.1.5 пункта 5.2.1. решения Коллегии Суда).

6. Правом Союза не предусмотрена обязанность Комиссии при принятии решений о классификации отдельных видов товаров руководствоваться подходами или практикой классификации товаров таможенными органами государств, не являющихся членами Союза.

(см. абзац 4 пункта 5.2.2. решения Коллегии Суда).

7. Сетевые фильтры для стиральных машин, которые не соответствуют по основным характеристикам и функциональному назначению критерию (критериям), указанным в Решении № 94, подлежат классификации по иным товарным кодам ТН ВЭД ЕАЭС, проверка правильности которых возложена на таможенные органы государств-членов.

(см. абзац 5 пункта 1 решения Апелляционной палаты Суда).

Summary
of cases No. CE-1-2/6-21-KC; CE-1-2/6-21-AP
(Samsung Electronics Rus Kaluga Limited Liability Company)

Keywords:

Samsung Electronics Rus Kaluga Limited Liability Company (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC, Commission).

On contesting the Decision of the EEC Board dated June 11, 2019 No. 94 “On classification of a surge suppressor in accordance with the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union”.

Customs tariff regulation – classification of goods for customs purposes – headings 8536 and 8543 70 900 0 of the FEACN of the EAEU – surge suppressor used in a washing machine for protecting electrical circuit from high-frequency interference generated by the drive motor, as well as to smooth and limit input voltage spikes on alternating current main (220 V, 50 Hz).

International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System (Harmonized System Convention) – Customs Code of the Customs Union (CC of the CU) – Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union (FEACN of the EAEU) – General Rules for Interpretation of FEACN (GRI).

Judgment of the Chamber of the Court – rejection of the claims – declaring the decision of the Eurasian Economic Commission dated June 11, 2019 No. 94 «On classification of a surge suppressor in accordance with the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union» to be in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union and international treaties within the Union – Separate opinion – Judgment of the Appeals Chamber – rejection of the appeal – upholding the Judgment of the Chamber of the Court.

Substance of the case:

Samsung Electronics Rus Kaluga Limited Liability Company filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union for contesting the decision of the Eurasian Economic Commission dated June 11, 2019 No. 94 “On classification of a surge suppressor in accordance with the single Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union» (hereinafter the Decision No. 94).

According to the Claimant, the Commission misinterpreted the text of heading 8536 of the FEACN of the EAEU, indicating that the surge suppressor is designed “to protect the electrical circuit”, which corresponds to the description of heading 8536 of the FEACN of the EAEU. At the same time, considering the Explanatory

Notes to this heading, Samsung Electronics Rus Kaluga LLC considered that this product does not have the characteristic of protecting the electrical circuit from overload. The Claimant pointed out that the function of filtering high-frequency interference, inherent in surge suppressors, is not identical to the function of protecting the electrical circuit from overload, since the surge suppressor cannot provide a break in the electrical circuit.

According to the Claimant, the product «surge suppressor» should be classified under heading 8543 of the FEACN of the EAEU.

By the Judgment dated November 1, 2021, the Chamber of the Court rejected the claims. The Chamber of the Court considered that the absence of a reference to the way of protection of the electrical circuit in the text of heading 8536 of the FEACN of the EAEU, as well as a specific type of operational disorder and (or) malfunction, from which it is protected by the electrical equipment, allows to conclude that these criteria for the classification of goods to the commodity heading under consideration were legally irrelevant. Heading 8536 of the FEACN of the EAEU should include electrical apparatus performing the function of protecting the electrical circuit from any negative impact. The Chamber of the Court also concluded that the absence of a description of a certain type of goods in the Explanatory Notes to the commodity heading of the FEACN of the EAEU does not exclude the possibility of its inclusion in a classification grouping based on the text of the commodity headings and the corresponding notes to sections or groups of the FEACN of the EAEU.

The Court noted that the decision on the classification of a particular type of the goods should describe the general classification features inherent in a particular type (group) of the goods, as well as the intended use of the goods following from the text of the heading.

The separate opinion of Judge K.L. Chaika is attached to the judgment of the Chamber of the Court.

The economic entity disagreed with the judgment of the Chamber of the Court filed an appeal with the Appeals Chamber.

By the Judgment dated December 23, 2021, the Appeals Chamber upheld the Judgment of the Chamber of the Court and rejected the Claimant's appeal. The Appeals Chamber pointed out that the Commission adopted the Decision No. 94 with respect to surge suppressors only for washing machines and regardless of their specific model and the manufacturer, and; therefore, it applies exclusively to those types of surge suppressors for washing machines that correspond to the criteria listed in the Decision No. 94. The Appeals Chamber of the Court found out the findings of the Chamber of the Court on the application of law corresponded to the circumstances established in the case and the evidence relevant to the case in part of the legal analysis and the general classification features of heading 8536 of the FEACN of the EAEU, as well as it did not identified any violation by the Chamber of the Court of the provisions of Articles 3, 25, 32 of the Treaty.

Legal findings of the Court:

1. The Commission's discretion granted to the by Article 22 of the Customs Code of the EAEU to exercise its authority to make decisions on the classification of certain types of goods is limited by the framework formed by the content of the FEACN of the EAEU, HS, FEACN of the CIS, in particular, by the obligations not to change the content of sections, groups, commodity headings or subheadings.

(See subparagraph 6, paragraph 5.1. of the judgment of the Chamber of the Court).

2. The Customs Code of the EAEU does not contain the restrictions for the customs authorities of the Member States to initiate the decisions, as well as for the Commission to make the decisions on the classification of certain types of goods at any level of the classification of a particular type of goods, e.g. heading, subheading, sub-subheading. Nor do the provisions of the HS and FEACN of the CIS contain such restrictions.

(See subparagraph 7, paragraph 5.1. of the judgment of the Chamber of the Court).

3. The jurisdiction of the Court does not include the issues of the classification of goods and its correctness verification carried out by the customs authorities of the Member States of the Union.

(See subparagraph 2, paragraph 1, part III "Conclusions of the Court" of the judgment of the Appeals Chamber of the Court).

4. The absence of a reference to the way of protection of the electrical circuit in the text of heading 8536 of the FEACN of the EAEU, as well as a specific type of operational disorder and (or) malfunction, from which the electrical equipment protected the electrical circuit, is legally irrelevant for classifying the goods under the considered heading. Heading 8536 of the FEACN of the EAEU should include the electrical apparatus that performs the function of protecting the electrical circuit from negative impacts.

(See subparagraph 10, of paragraph 5.2.1 (2) of the judgment of the Chamber of the Court, subparagraph 21 of paragraph 2, part III "Conclusions of the Court" of the judgment of the Appeals Chamber of the Court).

5. The Explanatory Notes are not the exhaustive and invariable commentary in regard to all the headings and subheadings and to be interpreted in strict accordance with the text of the FEACN of the EAEU especially with the rules for interpretation, the names of the groups, the headings and the subheadings. The fact that the Explanatory Notes does not describe a certain type of goods in a specific commodity heading of the FEACN of the EAEU, it does not exclude the possibility of its assignment to a classification grouping based on the text of the commodity headings and the corresponding notes to sections or groups of the FEACN of the EAEU.

(See subparagraphs 5 and 9 of paragraph 5.2.1. (5.2.1.5) of the judgment of the Chamber of the Court).

6. The Law of the Union does not provide for the Commission's obligation when making decisions on the classification of certain types of goods, to be guided by the approaches or the practice of classifying goods by the customs authorities of states that are not members of the Union.

(See subparagraph 4 of paragraph 5.2.2. of the judgment of the Chamber of the Court).

7. The surge suppressors for washing machines that do not meet the criterion (criteria) specified in the Decision No. 94 in terms of their main characteristics and the functional purpose, are subjected to classification according to other commodity codes of the FEACN of the EAEU, the correctness verification of which is entrusted to the customs authorities of the Member States.

(See subparagraph 5 of paragraph 1 of the judgment of the Appeals Chamber of the Court).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 июня 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г.,

при секретаре судебного заседания Панове А.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление индивидуального предпринимателя Фельбуша Д.Ю. об обжаловании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»,

УСТАНОВИЛА:

Индивидуальный предприниматель Фельбуш Дмитрий Юрьевич (далее – ИП Фельбуш Д.Ю., истец, заявитель) обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об обжаловании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – решение № 25).

Согласно решению № 25, мотоблок (мотокультиватор), представляющий собой устройство с возможностью крепления навесного и (или) прицепного оборудования, управляемое рядом идущим водителем при помощи рулевого устройства в виде двух рукояток, с одной ведущей осью, двигателем внутреннего сгорания, конструктивные особенности которого предусматривают возможность установки на ведущую ось рабочих органов (фрез) для обработки почвы или колес, имеющее тягово-сцепное устройство, и (или) приспособления для крепления навесного оборудования, и шкив или вал отбора мощности, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в субпозиции 8701 10 000 0 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Обстоятельства спора

Из заявления и приложенных к нему документов следует, что ИП Фельбуш Д.Ю. ввозил на таможенную территорию Евразийского экономического

союза (далее – ЕАЭС, Союз) мотокультиваторы для обработки почвы BRAIT моделей BR-80 и BR-75.

До принятия оспариваемого решения при импорте указанного товара истец самостоятельно классифицировал его в подсубпозиции 8432 29 100 0 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕЭАС) «Машины сельскохозяйственные, садовые или лесохозяйственные для подготовки и обработки почвы; катки для газонов или спортплощадок; – бороны, рыхлители, культиваторы, полольники и мотыги; – – прочие; – – – рыхлители и культиваторы». Данной подсубпозиции соответствует ставка таможенной пошлины 0 %.

После принятия 12 февраля 2019 года Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) оспариваемого решения № 25 подход к классификации товара изменился: таможенные органы Российской Федерации приняли решение об изменении кода товара, указанного в декларации на товары, поданной истцом, и о доначислении таможенных платежей. Это привело к необходимости изменить комплектацию ввозимых мотокультиваторов и к повышению тарифной нагрузки: субпозиция 8701 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС «Тракторы (кроме тракторов товарной позиции 8709); – тракторы одноосные» предусматривает ставку таможенной пошлины 10 %.

Выводы Коллегии Суда

Согласно подпункту 2) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда), Суд рассматривает по заявлению хозяйствующего субъекта споры о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Согласно абзацу четвертому подпункта 2) пункта 39 Статута Суда, для целей настоящего Статута под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства.

Фельбуш Д.Ю. зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством Российской Федерации, следовательно, может считаться хозяйствующим субъектом в смысле абзаца чет-

вертого подпункта 2) пункта 39 Статута Суда и имеет право на обращение в Суд.

Истец импортирует на таможенную территорию ЕАЭС товар «мотокультиватор», который упоминается в решении № 25. Следовательно, оспариваемое решение № 25 непосредственно затрагивает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

По мнению истца, решение № 25 содержит неверную классификацию товара, в связи с чем не соответствует нормам о классификации, установленным действующим законодательством, и нарушает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку влечет увеличение таможенных платежей.

В соответствии с пунктом 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Из заявления и приложенных к нему документов следует, что 18 сентября 2020 года истец через представителя обратился в Комиссию с жалобой на оспариваемое решение № 25. 26 ноября 2020 года Комиссия направила ответ, в котором указала, что не находит оснований для удовлетворения жалобы.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере.

Изучив заявление ИП Фельбуша Д.Ю. и приложенные к нему документы, Коллегия Суда приходит к выводу о наличии несоответствий требованиям к форме и содержанию заявления и прилагаемых к нему документов, установленных статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда):

1) Не выполнено требование пункта 4 статьи 9 Регламента Суда, согласно которому заявление и прилагаемые к нему документы представляются в одном экземпляре на бумажном носителе, а также на электронном носителе: к заявлению не приложена копия направленных в Суд документов на электронном носителе.

2) Согласно пункту 2 статьи 9 Регламента Суда в заявлении указываются следующие требования хозяйствующего субъекта в соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда: о признании решения Комиссии или его от-

дельных положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Истец считает, что решение № 25 «входит в противоречие с нормами о классификации». В заявлении речь идет об отмене решения № 25 в связи с несоответствием межгосударственным стандартам. Между тем Суд вправе признать решение не соответствующим (соответствующим) праву Союза (решение Суда исполняется Комиссией согласно пункту 113 Статута Суда). В просительной части заявления не указаны статьи Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и (или) международных договоров в рамках Союза, которым, по мнению истца, не соответствует обжалуемое решение № 25.

3) Не выполнено требование подпункта а) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда, согласно которому к заявлению хозяйствующего субъекта должно быть приложено оспариваемое решение Комиссии.

4) Не в полном объеме выполнено требование подпункта в) пункта 3 статьи 9 Регламента Суда, согласно которому к заявлению хозяйствующего субъекта должны быть приложены документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка урегулирования спора: к заявлению ИП Фельбуша Д.Ю. не приложена копия досудебного обращения истца в Комиссию.

5) Согласно пункту 1 статьи 9 Регламента Суда заявление подписывается лицом, указанным в пунктах 1 или 2 статьи 32 Регламента Суда. Согласно пункту 1 статьи 32 Регламента Суда представителями истца, который является хозяйствующим субъектом, в Суде могут выступать руководитель хозяйствующего субъекта – юридического лица или сам хозяйствующий субъект (индивидуальный предприниматель), подписавшие заявление в Суд. На заявлении стоит подпись и печать ИП Фельбуша Д.Ю. Однако расшифровка подписи отсутствует, что не позволяет однозначно определить принадлежность подписи самому ИП Фельбушу Д.Ю.

В соответствии с подпунктом б) пункта 3 статьи 33 Регламента Суда, Суд выносит постановление об оставлении заявления без движения в случае, если заявление не соответствует требованиям, предусмотренным Регламентом Суда, и (или) к заявлению не приложены документы, предусмотренные статьей 9 Регламента Суда.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 39, 95 Статута Суда, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Оставить без движения заявление индивидуального предпринимателя Фельбуша Д.Ю. об обжаловании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока

(мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Предоставить индивидуальному предпринимателю Фельбушу Д.Ю. срок для устранения недостатков до 15 июля 2021 года.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Т.Н. Нешатаева

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16 июля 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г.,

при секретаре судебного заседания Панове А.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление индивидуального предпринимателя Фельбуша Д.Ю. об обжаловании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»,

УСТАНОВИЛА:

Обстоятельства спора

Индивидуальный предприниматель Фельбуш Дмитрий Юрьевич (далее – ИП Фельбуш Д.Ю., истец, заявитель) обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об обжаловании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – решение № 25).

Согласно решению № 25, мотоблок (мотокультиватор), представляющий собой устройство с возможностью крепления навесного и (или) прицепного оборудования, управляемое рядом идущим водителем при помощи рулевого устройства в виде двух рукояток, с одной ведущей осью, двигателем внутреннего сгорания, конструктивные особенности которого предусматривают возможность установки на ведущую ось рабочих органов (фрез) для обработки почвы или колес, имеющее тягово-сцепное устройство, и (или) приспособления для крепления навесного оборудования, и шкив или вал отбора мощности, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в субпозиции 8701 10 000 0 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Из заявления и приложенных к нему документов следует, что ИП Фельбуш Д.Ю. ввозил на таможенную территорию Евразийского экономического

союза (далее – ЕАЭС, Союз) мотокультиваторы для обработки почвы BRAIT моделей BR-80 и BR-75.

До принятия оспариваемого решения при импорте указанного товара истец самостоятельно классифицировал его в подсубпозиции 8432 29 100 0 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) «Машины сельскохозяйственные, садовые или лесохозяйственные для подготовки и обработки почвы; катки для газонов или спортплощадок; – бороны, рыхлители, культиваторы, полольники и мотыги; – – прочие; – – – рыхлители и культиваторы». Данной подсубпозиции соответствует ставка таможенной пошлины 0 %.

После принятия 12 февраля 2019 года Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) оспариваемого решения № 25 подход к классификации товара изменился: таможенные органы Российской Федерации приняли решение об изменении кода товара, указанного в декларации на товары, поданной истцом, и о доначислении таможенных платежей. Это привело к необходимости изменить комплектацию ввозимых мотокультиваторов и к повышению тарифной нагрузки: субпозиция 8701 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС «Тракторы (кроме тракторов товарной позиции 8709); – тракторы одноосные» предусматривает ставку таможенной пошлины 10 %.

Постановлением Коллегии Суда от 14 июня 2021 года заявление ИП Фельбуша Д.Ю. оставлено без движения как не соответствующее требованиям пунктов 1, 2, подпунктов а), в) пункта 3, пункта 4 статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда): к заявлению не была приложена копия направленных в Суд документов на электронном носителе; не указаны статьи Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и (или) международных договоров в рамках Союза, которым, по мнению истца, не соответствует обжалуемое решение № 25; не приложено оспариваемое решение Комиссии; не приложена копия досудебного обращения истца в Комиссию; отсутствовала расшифровка подписи лица, подписавшего заявление.

Тем же постановлением Коллегии Суда истцу был предоставлен срок для устранения перечисленных недостатков до 15 июля 2021 года.

15 июля 2021 года от ИП Фельбуша Д.Ю. в Суд поступили дополнительные документы, направленные в целях устранения недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения.

Истец предоставил копию оспариваемого решения Комиссии, копию досудебного обращения истца в Комиссию, а также электронный носитель, содержащий заявление и приложенные к нему документы. Кроме того, истец направил в Суд заявление, снабженное расшифровкой подписи ИП Фельбуша Д.Ю. и содержащее требование о признании решения № 25 не соответ-

ствующим положениям статей 3, 25, 32 Договора, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, а также решению Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза».

Выводы Коллегии Суда

В соответствии с абзацем третьим пункта 3 статьи 33 Регламента Суда, в случае если недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, будут устранены в срок, установленный постановлением Суда, заявление принимается к производству.

Коллегия Суда констатирует как факт устранения недостатков, перечисленных в постановлении от 14 июня 2021 года, так и соблюдение установленного Судом срока (документы отправлены 7 июля 2021 года).

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 39, 95 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление индивидуального предпринимателя Фельбуша Д.Ю. о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим положениям статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, а также решению Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза».

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 28 сентября 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Т.Н. Нешагаева

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 июля 2021 года

РЕШЕНИЕ

1 ноября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г.,

при секретаре судебного заседания Панове А.А.,

с участием представителей индивидуального предпринимателя Фельбуша Дмитрия Юрьевича Галкина Д.А., Троегубова А.Н., представителей Евразийской экономической комиссии Авдеева А.Д., Солопова В.И.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление индивидуального предпринимателя Фельбуша Дмитрия Юрьевича о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим положениям статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, а также решению Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза»,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства спора

Индивидуальный предприниматель Фельбуш Дмитрий Юрьевич (далее – ИП Фельбуш Д.Ю., истец) обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об обжаловании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – решение № 25).

Согласно решению № 25, мотоблок (мотокультиватор), представляющий собой устройство с возможностью крепления навесного и (или) прицепного оборудования, управляемое рядом идущим водителем при помощи рулевого устройства в виде двух рукояток, с одной ведущей осью, двигателем внутреннего сгорания, конструктивные особенности которого предусматривают воз-

возможность установки на ведущую ось рабочих органов (фрез) для обработки почвы или колес, имеющее тягово-сцепное устройство, и (или) приспособления для крепления навесного оборудования, и шкив или вал отбора мощности, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в субпозиции 8701 10 000 0 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Из заявления и приложенных к нему документов следует, что ИП Фельбуш Д.Ю. ввозил на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) мотокультиваторы для обработки почвы BRAIT моделей BR-80 и BR-75.

До принятия оспариваемого решения при импорте указанного товара истец самостоятельно классифицировал его в подсубпозиции 8432 29 100 0 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) «Машины сельскохозяйственные, садовые или лесохозяйственные для подготовки и обработки почвы; катки для газонов или спортплощадок; – бороны, рыхлители, культиваторы, полольники и мотыги; – – прочие; – – – рыхлители и культиваторы». Данной подсубпозиции соответствует ставка таможенной пошлины 0 %.

После принятия 12 февраля 2019 года Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК, Комиссия) оспариваемого решения № 25 подход к классификации товара изменился: таможенные органы Российской Федерации приняли решение об изменении кода товара, указанного в декларации на товары, поданной истцом, и о доначислении таможенных платежей. Это привело к необходимости изменить комплектацию ввозимых мотокультиваторов и к повышению тарифной нагрузки: субпозиция 8701 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС «Тракторы (кроме тракторов товарной позиции 8709); – тракторы одноосные» предусматривает ставку таможенной пошлины 10 %.

18 августа 2020 года ИП Фельбуш Д.Ю. обратился в Комиссию с жалобой на решение № 25. Комиссия ответила письмом от 26 ноября 2020 года, в котором указала, что не находит оснований для удовлетворения жалобы, а также для отмены или внесения изменений в решение № 25.

Истец обратился в Суд с заявлением о признании решения № 25 не соответствующим положениям статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), а также решению Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» (далее – решение № 54).

2. Процедура в Суде

Постановлением Коллегии Суда от 14 июня 2021 года заявление ИП Фельбуша Д.Ю. оставлено без движения, истцу был предоставлен срок для устранения недостатков до 15 июля 2021 года.

15 июля 2021 года от истца в Суд поступили дополнительные документы, направленные в целях устранения недостатков, послуживших основанием для оставления заявления без движения.

Постановлением Коллегии Суда от 16 июля 2021 года заявление ИП Фельбуша Д.Ю. принято к производству.

В рамках подготовки дела к рассмотрению Суд в порядке пункта 2 статьи 39 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), и пункта 55 Статута Суда (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) направил запросы в таможенные органы, министерства промышленности и сельского хозяйства, верховные суды, а также политехнические и сельскохозяйственные вузы государств – членов Союза. Были получены ответы Кассационного Суда Республики Армения, Верховного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Казахстан, Верховного Суда Кыргызской Республики, Верховного Суда Российской Федерации, Министерства промышленности Республики Беларусь, Министерства промышленности и инфраструктурного развития Республики Казахстан, Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, Комитета государственных доходов Республики Армения, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Государственной таможенной службы при Министерстве экономики и финансов Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, филиала Белорусского национального технического университета «Научно-исследовательский политехнический институт», Казахского национального исследовательского технического университета им. К.И. Сатпаева, Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Пермского национального исследовательского политехнического университета, Белорусского государственного аграрного технического университета, Казахского национального аграрного исследовательского университета, Кыргызского национального аграрного университета им. К.И. Скрябина, Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева.

При рассмотрении данного спора Суд принимает во внимание рекомендательное классификационное мнение Комитета по Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее соответственно – Комитет по Гармонизированной системе, ВТамО), принятое в 2016 году, о классификации товаров в товарных позициях 8432.29 и 8701.10

Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (далее – Гармонизированная система).

Комиссия направила в Суд возражения на заявление ИП Фельбуша Д.Ю., а также по запросу Суда предоставила материалы, связанные с принятием оспариваемого решения № 25.

3. Доводы истца

3.1. Основным критерием разграничения товаров «мотокультиватор» (код 8432 29 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС) и «мотоблок (трактор)» (код 8701 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС) является предполагаемое назначение товара (сфера и способы применения). При этом мотокультиватор – устройство для обработки почвы, а мотоблок – многофункциональное устройство, в том числе предназначенное для транспортировки грузов.

Руководство по эксплуатации товара «мотокультиватор» не предусматривает его использования иначе, нежели для обработки почвы.

Невозможность использовать мотокультиватор как многофункциональное устройство обусловлена особенностями его конструкции. Мотокультиватор не предназначен для транспортировки, буксировки или толкания грузов и/или прицепных устройств, так как не имеет приспособлений, позволяющих осуществлять буксировку или толкание. Невозможность эксплуатации мотокультиватора с тележкой при соблюдении требований пункта 5.10 ГОСТ 28708-2013 обусловлена низкой массой мотокультиватора.

Решение № 25 в действующей редакции приводит к появлению на рынке товара с описанием, которое не соответствует фактическим потребительским свойствам товара, его реализация и отнесение к «мотоблокам» безотносительно к возможности безопасного использования и предполагаемого назначения товара создает риск использования потребителем товара не в соответствии с его назначением, предусмотренным конструктором и производителем, что создает угрозу безопасности жизни и здоровья граждан.

3.2. Решение № 25 входит в противоречие с действующими нормами о классификации.

Применение разграничиваемых понятий путем вынесения за скобки одного понятия относительно другого – «мотоблок (мотокультиватор)» – нарушает соотношение между понятиями, обладающими последовательно признаками родового и видового понятия, при котором любой мотоблок (многофункциональное устройство) является в частом случае мотокультиватором, но не любой мотокультиватор в силу ограниченности его функциональности является мотоблоком.

В описываемом случае применение скобок как языкового инструмента на письме привело к тому, что понятия «мотоблок» и «мотокультиватор» стали тождественны для целей классификации, что противоречит статье 3 Между-

народной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – Конвенция о Гармонизированной системе), так как нарушает принцип неизменности наименования товарных позиций.

3.3. Признаки, предлагаемые в решении № 25 для классификации, не предусматривают оценку возможности соответствующего применения и многофункциональности устройства, не основаны на его применяемости для тех или иных целей.

Под приспособлением для крепления навесного оборудования в силу избыточной расширительности использованной формулировки таможня понимает наличие любого отверстия или свободной жесткой поверхности. Содержание руководства по пользованию, запрет производителя на использование иначе как для культивирования почвы и невозможность фактической эксплуатации совместно с навесным оборудованием таможней игнорируется.

При этом фактическую невозможность применения мотокультиватора в составе с навесным оборудованием в качестве основания для классификации товара таможня игнорирует в силу отсутствия соответствующего указания в решении № 25, что приводит к нарушению правил классификации, установленных нормами более высокой юридической силы, нежели обжалуемое решение.

3.4. Отождествление шкива и вала отбора мощности не только существенно расширяет действующие Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС, Примечания и Основные правила интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС (далее – ОПИ), которые используют в качестве критерия разграничения по признаку многофункциональности именно наличие вала отбора мощности, но и входит в противоречие с фактически применяемыми техническими решениями при проектировании и производстве данных видов товаров.

Данное обстоятельство привело к тому, что таможенные органы при классификации товара в качестве шкива рассматривают шкив коленчатого вала двигателя и при наличии на нем более одного ручейка считают признак наличия возможности привода навесного оборудования установленным.

Решение № 25 вводит понятие «шкив отбора мощности». Данное понятие является порождением искажения технической терминологии, не обладает признаками научности и объективности.

Таким образом, любое устройство, включающее в себя клиноременную передачу, с точки зрения обжалуемого решения является мотоблоком, что, несомненно, не соответствует действительности. Обжалуемое решение противоречит межгосударственным стандартам.

4. Возражения ответчика

4.1. Указанные истцом правовые нормы статей 3, 25 и 32 Договора носят общий характер, закрепляя лишь принцип «единого таможенного регулирования» на территории Союза, и не устанавливают оснований и порядка приня-

тия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров. Поэтому остается неясным, каким именно образом решение № 25 нарушает положения указанных статей Договора. Решение № 25 подготовлено и принято в полном соответствии с положениями Договора и ТК ЕАЭС, а также направлено на единообразное применение ТН ВЭД ЕАЭС на всей территории Союза.

4.2. При классификации товаров следует использовать только основные критерии, применяемые в текстах позиций ТН ВЭД ЕАЭС, например, наименование, химический состав, материал изготовления, технические и функциональные характеристики, степень обработки, способ производства и другое, позволяющие применить к ним положения ОПИ.

К самоходным сельскохозяйственным машинам товарной позиции 8432 ТН ВЭД ЕАЭС относятся такие машины, у которых ходовая часть и рабочая машина образуют единый нераздельный блок (например, моторизированные плуги). Такие машины меньших размеров (плуги, бороны, культиваторы) включаются в данную товарную позицию, но при условии, что человек тянет или катит их вручную.

Все эти машины включаются в данную товарную позицию, даже если они поставляются с трактором (вне зависимости от того, смонтированы ли они на тракторе или нет), при этом сам трактор включается в товарную позицию 8701 ТН ВЭД ЕАЭС.

Тракторы (мотоблоки), классифицируемые в товарной позиции 8701 ТН ВЭД ЕАЭС, имеют принципиальные отличия от почвообрабатывающих машин, классифицируемых в товарной позиции 8432 ТН ВЭД ЕАЭС.

Почвообрабатывающая машина (культиватор) представляет собой узкоспециализированную машину, предназначенную для обработки почвы (рыхления, культивирования), при этом ходовая (двигательный агрегат) и рабочая часть (например, ножи для фрезерования) ее образуют единый и неразрывный блок, а это означает, что данная машина сконструирована и может использоваться только для одной цели – обработка почвы. Почвообрабатывающие машины не могут перемещаться самостоятельно – человек тянет или катит их вручную (для удобства они могут оснащаться только транспортными колесами, но они не предназначены для установки на ведущей оси, в отличие от мотоблока).

Наоборот, трактор (мотоблок) является многофункциональным устройством, в котором ходовая часть и рабочая часть могут применяться отдельно друг от друга. Например, двигательные агрегаты могут использоваться в качестве источника энергии для других машин, например, насосов, генераторов.

Ходовая часть трактора (мотоблока) может легко меняться с колес с шинами на рабочие сменные приспособления (фрезы) для культивирования почвы. К такому трактору (мотоблоку) можно присоединить сменные приспособления (окучник, плуг, снегоуборщик, сенокосилку) для окучивания, вспашки

почвы, уборки снега и кошения травы, а возможность прикрепления прицепа позволяет осуществлять транспортировку грузов.

При этом необходимо отметить, что трактора (мотоблоки) перемещаются самостоятельно. Возможность смены рабочих приспособлений (фрез, ножей) на ведущей оси на колеса с шинами позволяет трактору (мотоблоку) самостоятельно передвигаться и даже перевозить человека и грузы (при установке специального сиденья и прицепа).

В решении № 25 учтены все признаки и критерии, заложенные в ТН ВЭД ЕАЭС и необходимые для классификации товаров товарной позиции 8701 ТН ВЭД ЕАЭС.

Вместе с тем следует отметить, что такого критерия, как предполагаемое применение товара, для целей классификации товаров ни в текстах товарной позиции 8701 ТН ВЭД ЕАЭС, ни в примечаниях к группе 87 ТН ВЭД ЕАЭС не содержится.

В решении № 25 указаны критерии «мотоблоков (мотокультиваторов)», позволяющие отнести данные устройства к многофункциональным транспортным средствам – одноосным малогабаритным тракторам.

Учитывая, что область применения мотоблоков (мотокультиваторов), конструкционные особенности которых указаны в решении № 25, не ограничивается культивированием почвы, а может быть различной в зависимости от навесного (прицепного) оборудования (снегоуборка, покос, орошение и другое), прямого указания в решении № 25 на область применения мотоблоков (мотокультиваторов) не содержится.

Конструкция, свойства и характеристики мотокультиваторов (почвофрез, минипочвофрез), в отношении которых Комитетом по Гармонизированной системе ВТамО было принято мнение о классификации в товарной позиции 8701 Гармонизированной системы, аналогичны указанным в решении № 25 (Отчет NC2237Elb, HSC/57/март 2016 года, Брюссель).

4.3. В большинстве случаев толкования тех или иных слов, определений, терминов, имеющих в ТН ВЭД ЕАЭС, не всегда и не обязательно соответствуют их общепризнанным (общеупотребляемым) понятиям и народнохозяйственным значениям, существующим в технических регламентах, ГОСТах, ОКПД и других перечнях, носят лишь справочный характер и не могут являться основополагающим фактором при классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Классификация товаров должна осуществляться только с учётом и в соответствии с критериями, закрепленными в самой номенклатуре Гармонизированной системы и ТН ВЭД ЕАЭС соответственно.

4.4. Наименование товара, указанное в решении № 25 «мотоблок (мотокультиватор)», приведено с целью охвата всех товаров, которые по своим ха-

рактикам и функциональным свойствам могут соответствовать критериям товаров, определенным в решении № 25.

В этой связи следует отметить, что рассматриваемые товары отдельными производителями позиционируются (называются) как мотокультиваторы, хотя они по ряду конструктивных и функциональных особенностей в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС являются мотоблоками. Кроме того, мотоблоки зачастую декларируются участниками внешнеэкономической деятельности как мотокультиваторы, хотя соответствуют критериям, указанным в товарной позиции 8701 ТН ВЭД ЕАЭС.

Таким образом, если устройство, независимо от его наименования - мотокультиватор или мотоблок, удовлетворяет критериям, поименованным в тексте товарной позиции 8701 ТН ВЭД ЕАЭС и примечании к группе 87 ТН ВЭД ЕАЭС, оно должно классифицироваться в товарной позиции 8701 ТН ВЭД ЕАЭС, указанной в решении № 25.

Наименование товара «мотоблок», «мотокультиватор», «культиватор», «почвофреза» не является классификационным признаком, определяющим классификацию таких товаров.

4.5. В решении № 25 шкив и вал отбора мощности не «отождествлены» – это два разных механизма, наличие которых в конструкции мотоблока (мотокультиватора) предусматривает возможность использования данными агрегатами навесного оборудования (роторные косилки, помпы, снегоуборщики, генераторы).

В описании товара, указанного в решении № 25, не содержится таких слов как «шкив отбора мощности». Эти два разных понятия – шкив и вал отбора мощности – указаны в решении № 25 через союз «или».

В отношении утверждения истца об отсутствии у мотокультиваторов клиноремненной передачи следует отметить, что среди модельного ряда мотоблоков различают мотоблоки с дисковым сцеплением (их так же называют мотоблоками с валом отбора мощности) и мотоблоки с ременным сцеплением (их так же называют мотоблоками с клиноремненной передачей).

5. Выводы Коллегии Суда

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Суда придерживается позиции, выработанной в решениях Суда, о том, что нарушение прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, может повлечь решение Комиссии, не соответствующее праву Союза (например, решение Коллегии Суда от 4 апреля 2016 года по делу ЗАО «Дженерал Фрейт», решение Апелляционной палаты Суда от 31 октября 2019 года по делу ООО «Шиптрейд» и т.д.). В связи с этим проверка факта нарушения прав и законных интересов заявителя должна предшествовать проверке оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

5.1. Решение № 25 принято в соответствии с абзацем первым пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, согласно которому в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС Комиссия принимает решения о классификации отдельных видов товаров на основании предложений таможенных органов. Из материалов дела следует, что решение № 25 принято на основании предложения Государственного таможенного комитета Республики Беларусь. Процедурные требования, установленные решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284 «О порядке подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров», при принятии решения соблюдены.

Согласно пункту 7 статьи 21 ТК ЕАЭС под отдельным видом товаров понимается совокупность товаров, которые имеют общие классификационные признаки, позволяющие отнести товары с конкретными наименованиями, конкретных марок, моделей, артикулов, модификаций и с иными подобными индивидуальными характеристиками к одному коду в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Мотоблок с указанными в решении классификационными признаками (конструктивными особенностями) является отдельным видом товара в смысле пункта 7 статьи 21 ТК ЕАЭС.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу о наличии у Комиссии полномочий на принятие оспариваемого решения № 25.

5.2. Взаимосвязанное прочтение норм Договора и иных международных договоров позволяет установить систему правил, касающихся ТН ВЭД ЕАЭС.

Согласно статье 3 Договора Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с Договором; государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза.

В соответствии с пунктом 1 статьи 25 Договора в рамках таможенного союза государств-членов осуществляется единое таможенное регулирование.

Пункт 2 статьи 25 Договора определяет, что единая ТН ВЭД ЕАЭС – это Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, основанная на Гармонизированной системе ВТамО и единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (далее – ТН ВЭД СНГ).

Одновременно в пункте 2 статьи 19 ТК ЕАЭС закреплено, что международной основой ТН ВЭД ЕАЭС являются Гармонизированная система и ТН ВЭД СНГ.

Статья 32 Договора устанавливает, что в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ЕАЭС и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями Договора.

Гармонизированная система введена Конвенцией о Гармонизированной системе, пункт 3 статьи 3 которой устанавливает, что каждая Договаривающаяся Сторона данной Конвенции обязуется по отношению к своим таможенно-тарифной и статистическим номенклатурам:

i) использовать все товарные позиции и субпозиции Гармонизированной системы, а также относящиеся к ним цифровые коды без каких-либо дополнений или изменений;

ii) применять основные правила интерпретации Гармонизированной системы, а также все примечания к разделам, группам, товарным позициям и субпозициям и не изменять содержания разделов, групп, товарных позиций или субпозиций Гармонизированной системы.

Согласно пункту 5 статьи 19 ТК ЕАЭС ведение ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется Комиссией. В этих целях Комиссия осуществляет приведение ТН ВЭД ЕАЭС и пояснений к ней в соответствие с ее международной основой (подпункт 2 того же пункта).

На основании системного прочтения данных норм Коллегия Суда приходит к выводу, что для установления соответствия либо несоответствия решения № 25 праву Союза следует уточнить, изменяет ли решение № 25 содержание разделов, групп, товарных позиций или субпозиций ТН ВЭД ЕАЭС и Гармонизированной системы как ее основы.

5.3. Согласно правилу 1 ОПИ, для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с ОПИ.

Согласно тексту товарной позиции 8432 ТН ВЭД ЕАЭС в нее включаются «машины сельскохозяйственные, садовые или лесохозяйственные для подготовки и обработки почвы; катки для газонов или спортплощадок», подсубпозиция 8432 29 100 0 ТН ВЭД ЕАЭС включает «рыхлители и культиваторы».

Текст субпозиции 8701 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС: «тракторы одноосные».

Согласно поступившим в Суд ответам министерств и научных организаций государств-членов понятие «мотоблок» синонимично понятию «трактор одноосный». То есть, исходя из текстов товарных позиций, следует согласиться с мнением о классификации товара «мотоблок» в субпозиции 8701 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС.

С другой стороны, данные, имеющиеся в материалах дела, свидетельствуют, что понятия «мотоблок» и «мотокультиватор» различаются: мотокультиватор имеет ограниченный функционал по сравнению с мотоблоком.

Тем не менее в названии и в тексте решения № 25 указано, что оно регулирует вопрос классификации «мотоблока (мотокультиватора)».

Согласно справочнику «Правила русской орфографии и пунктуации» под редакцией В.В. Лопатина, скобки могут означать: дополнительные сведения, замечания, уточнения, пояснения, поправки; разъяснять, толковать основную часть высказывания. Согласно специальным исследованиям, посвященным использованию скобок в юридических текстах, единообразие в применении скобок в правовых документах отсутствует. Скобки могут иметь значение: 1) прямого перечисления; 2) альтернативного перечисления; 3) синонимичного перечисления; 4) определения понятия.

Таким образом, формулировка решения № 25 свидетельствует, что термин «мотокультиватор» является синонимом термина «мотоблок», то есть в решении № 25 данные товары отождествлены.

Коллегия Суда полагает, что включение в формулировку решения № 25 двух разграничиваемых понятий путем указания второго в скобках после первого – «мотоблок (мотокультиватор)» – нарушает соотношение между понятиями, так как любой мотоблок (многофункциональное устройство) может являться мотокультиватором, но не любой мотокультиватор в силу ограниченности его функциональности является мотоблоком.

5.4. В соответствии с Правилom 1 ОПИ, для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется исходя из текстов товарных позиций. Таким образом, в решении № 25 произведено смешение товаров из разных позиций ТН ВЭД ЕАЭС: часть товаров подсубпозиции 8432 29 100 0 «рыхлители и культиваторы» отождествлена с товарами другой субпозиции – 8701 10 000 0 «тракторы одноосные». Иными словами, решение № 25 регулирует вопрос классификации двух различных товаров и относит их к одной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

Указание в скобках в названии и в тексте решения № 25 товара «мотокультиватор» вводит в оспариваемое решение не один, а два отдельных вида товара в смысле пункта 7 статьи 21 ТК ЕАЭС, что противоречит принципу правовой определенности. Как указала Апелляционная палата Суда в решении

от 16 июля 2021 года по делу ОДО «Доминантафарм», «исходя из принципа правовой определенности, формулировки решения Комиссии должны быть четкими, точными и однозначными, не допускающими возможности неединообразного применения, в том числе вследствие невозможности установления их точного содержания».

Кроме того, перенос товара из одной позиции ТН ВЭД ЕАЭС в другую изменяет содержание товарных позиций и субпозиций, что недопустимо.

5.5. Коллегия Суда придерживается устойчивой позиции Суда о том, что критериями классификации товара для таможенных целей являются объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам. Одним из критериев классификации также является предполагаемое назначение товара, которое подлежит оценке на основании его объективных характеристик и свойств (например, решения Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года и Апелляционной палаты Суда от 2 июня 2016 года по делу ООО «Севлад»; решение Коллегии Суда от 21 декабря 2017 года по делу ЗАО «Санофи-Авентис Восток»; решение Коллегии Суда от 19 мая 2021 года по делу ОДО «ДОМИНАНТАФАРМ»).

Последнее означает применительно к решению № 25, что для классификации мотоблока недостаточно учитывать только конструктивные особенности машины в отрыве от обусловленных ими функциональных возможностей.

Как уже было установлено, основное отличие мотоблока от мотокультиватора заключается в их функциональных возможностях: мотоблок – многофункциональное устройство, а мотокультиватор выполняет одну функцию (подготовка и обработка почвы).

Решение № 25 предусматривает следующие конструктивные особенности мотоблока, определяющие его классификацию в субпозиции 8701 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС:

- 1) возможность крепления навесного и (или) прицепного оборудования,
- 2) управление рядом идущим водителем при помощи рулевого устройства в виде двух рукояток,
- 3) наличие одной ведущей оси,
- 4) наличие двигателя внутреннего сгорания,
- 5) возможность установки на ведущую ось рабочих органов (фрез) для обработки почвы или колес,
- 6) наличие тягово-сцепного устройства,
- 7) и (или) наличие приспособления для крепления навесного оборудования,
- 8) наличие шкива или вала отбора мощности.

Формальный подход к составлению списка классификационных признаков привел на практике к тому, что таможенные органы не проверяют реальную возможность использования мотоблока как многофункционального устройства, а ограничиваются констатацией наличия у представленного агрегата частей, похожих на приспособления для крепления навесного оборудования или на тягово-сцепное устройство. Такой подход ведет в итоге к неверной классификации товаров.

Коллегия Суда считает ошибочным довод Комиссии о том, что такого критерия, как предполагаемое применение товара, для целей классификации товаров ни в текстах товарной позиции 8701 ТН ВЭД ЕАЭС, ни в примечаниях к группе 87 ТН ВЭД ЕАЭС не содержится. Пункт 2 Примечания к группе 87 ТН ВЭД ЕАЭС содержит указание на функциональное назначение трактора (буксировка или толкание других транспортных средств, устройств или грузов, независимо от того, имеют они или нет дополнительные приспособления, в сочетании с основным назначением трактора, для перевозки инструментов, семян, удобрений или других грузов). Текст товарной позиции 8432 ТН ВЭД ЕАЭС содержит указание на назначение сельскохозяйственных машин – «для подготовки и обработки почвы».

5.6. По доводу истца о том, что в решении № 25 отождествлены понятия «шків» и «вал отбора мощности», а также о введении понятия «шків отбора мощности» Коллегия Суда отмечает следующее.

Довод о введении понятия «шків отбора мощности» подлежит отклонению как основанный на неверном прочтении формулировки решения № 25, а именно фразы «шків или вал отбора мощности». Союз «или» разделяет здесь не слова «шків» и «вал», относя оба к словосочетанию «отбор мощности», а указывает на альтернативное условие наличия в конструкции мотоблока либо «шківа», либо «вала отбора мощности».

Вместе с тем такая формулировка не отражает различия между мотоблоком и мотокультиватором, а безосновательно сводит их в одну категорию.

В материалах дела имеются мнения специалистов о том, что критерием разграничения рассматриваемых товаров по признаку многофункциональности может считаться наличие именно вала отбора мощности.

Кроме того, в Пояснениях к товарной позиции 8701 ТН ВЭД ЕАЭС (Том V) указано: «В данную товарную позицию также включаются тракторы одноосные. Они представляют собой небольшие сельскохозяйственные тракторы, имеющие одну ведущую ось с установленными на нее одним или двумя колесами; как и обычные тракторы, они предназначены для работы со взаимозаменяемыми навесными орудиями, которые имеют привод от вала отбора мощности общего назначения». Подобное указание отсутствует в Пояснениях или примечаниях к позиции 8432 ТН ВЭД ЕАЭС.

На этом основании Коллегия Суда полагает, что слишком общий и формальный характер формулировки решения № 25, действительно, может привести к тому, что таможенные органы смогут классифицировать по коду 8701 ТН ВЭД ЕАЭС любой мотокультиватор, в конструкции которого присутствует шкив, вне зависимости от вида этого шкива и его способности передавать мощность (вал отбора мощности) на сменное навесное оборудование, то есть выполнять функции, свойственные для мотоблока.

6. На основании изложенного Коллегия Суда полагает, что соединение двух товаров, классифицируемых в разных субпозициях ТН ВЭД ЕАЭС, в одном решении № 25 представляет собой необоснованное изменение содержания субпозиций и, как следствие, нарушение статьи 25 Договора и статей 19 и 22 ТК ЕАЭС.

Таким образом, Коллегия Суда установила, что решение № 25 не соответствует Договору и иным международным договорам в рамках Союза.

Факт нарушения прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и международными договорами в рамках Союза, подтверждается тем, что после принятия оспариваемого решения ИП Фельбуш Д.Ю. обязан классифицировать импортируемые товары без учета их объективных характеристик и свойств по коду 8701 10 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 64 и 108 Статута Суда, статьями 77, 78 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Требования индивидуального предпринимателя Фельбуша Дмитрия Юрьевича удовлетворить.

Признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Пошлину, уплаченную индивидуальным предпринимателем Фельбушем Д.Ю. при обращении в Суд Евразийского экономического союза, вернуть.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

Т.Н. Нешатаева

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

24 ноября 2021 года

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,

под председательством судьи-докладчика Туманяна А.Э.,

при секретаре судебного заседания Егизаряне В.В.,

рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года об удовлетворении требования индивидуального предпринимателя Фельбуша Дмитрия Юрьевича о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) рассмотрела дело по заявлению индивидуального предпринимателя Фельбуша Дмитрия Юрьевича (далее – ИП Фельбуш Д.Ю., Истец) о признании решения Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение Комиссии № 25) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Решением Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года требование Истца удовлетворено.

Не согласившись с решением Коллегии Суда Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) 15 ноября 2021 года в соответствии со статьями 61 и 62 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря

2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), обратилась в Апелляционную палату Суда.

Комиссия просит Суд отменить полностью решение Коллегии Суда от 1 ноября 2021 года в связи с нарушением статей 2, 6 Договора о Союзе, пунктов 2, 39, 50 Статута Суда, пункта 3 статьи 35, пункта 1 статьи 45 и пункта 4 статьи 78 Регламента Суда и вынести новое решение по делу, признав Решение № 25 соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, а ИП Фельбушу Д.Ю. отказать в удовлетворении его требований.

Апелляционная палата Суда, исследовав содержание жалобы и приложения к ней документы, приходит к выводу, что жалоба соответствует требованиям статей 62 и 63 Регламента Суда.

Основания для отказа в принятии жалобы к производству или оставления ее без движения, предусмотренные пунктами 2 и 3 статьи 64 Регламента Суда, отсутствуют.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79-81 Статута Суда, статьями 60-65 и 84 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда,

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2021 года по делу по заявлению ИП Фельбуша Д.Ю.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 20 декабря 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

5 июля 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Чайки К.Л., судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А.,
при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С.,
рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью Управляющей компании «Содружество» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Содружество» (далее – ООО УК «Содружество», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК), выразившегося в невнесении изменений в Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 015/2011) «О безопасности зерна», принятый решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 874 (в редакции решения ЕЭК от 15 сентября 2017 года № 101) в части норматива максимально допустимого уровня содержания глифосата в сое (сухих бобах), не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), нарушающим права и законные интересы истца и управляемых им хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно заявлению истцом и управляемыми им хозяйствующими субъектами импортируется на территорию Союза соя (сухие бобы), содержащая остаточное количество глифосата не более 20,0 мг/кг, что не является нарушением международных норм. Однако на территории Союза данный показатель является нарушением Технического регламента Таможенного союза (ТР ТС 015/2011) «О безопасности зерна», в котором установлено содержание остаточного количества глифосата не более 0,15 мг/кг.

По мнению истца, бездействие Комиссии выражается в отказе внесения изменений в Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 015/2011) «О безопасности зерна» по установлению максимально допустимого остаточного уровня содержания глифосата в сое (сухих бобах), равном 20,0 мг/кг, вместо действующего уровня 0,15 мг/кг, в целях приведения его положений

в соответствие с нормативным требованием, содержащимся в решении Комиссии Таможенного союза от 28 мая 2010 года № 299 (в редакции решения ЕЭК от 10 ноября 2015 года № 149) «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе», а именно: «Единых санитарно-эпидемиологических и гигиенических требований к продукции (товарам), подлежащей санитарно-эпидемиологическому надзору (контролю)» (Приложение 15.1 к Разделу 15 Главы II «Гигиенические нормативы содержания остаточных количеств действующих веществ пестицидов в объектах окружающей среды, продовольственном сырье, пищевых продуктах»).

Согласно подпункту 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), Суд рассматривает по заявлению хозяйствующего субъекта споры об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие или бездействие повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Исследовав заявление ООО УК «Содружество» и приложенные к нему материалы, Коллегия Суда приходит к выводу об отсутствии документов, подтверждающих ввоз истцом на таможенную территорию Союза сои (сухих бобов), что свидетельствует о недоказанности наличия непосредственного интереса истца в оспаривании бездействия ЕЭК, а, следовательно, об отсутствии компетенции Суда на рассмотрение данного спора.

В соответствии с пунктом 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения истца в Комиссию для урегулирования вопроса в досудебном порядке.

Из заявления истца и приложенных к нему документов следует, что 18 февраля 2021 года ООО УК «Содружество» в порядке досудебного урегулирования спора обратилось в Комиссию в интересах юридических лиц АО «Агропродукт», ЗАО «Содружество-Соя» и ООО «БАЛТСЕРВИС», в отношении которых истец осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа с жалобой на оспариваемое бездействие ЕЭК, выразившееся в невнесении изменений в Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 015/2011) «О безопасности зерна». В материалах, представленных истцом, отсутствуют доказательства, свидетельствующие о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора между ООО УК «Содружество» как самостоятельным хозяйствующим субъектом и Комиссией. Таким образом, ООО УК «Содружество» не соблюдены требования пункта 43 Статута Суда о досудебном урегулировании спора.

Согласно подпунктам а) и б) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), Суд выносит постановление об отказе в принятии заявления к производству если рассмотрение спора не относится к компетенции Суда, не соблюден досудебный порядок урегулирования спора.

С учетом изложенного Коллегия Суда приходит к выводу о наличии оснований для отказа в принятии заявления ООО УК «Содружество» к производству.

В соответствии с пунктом 4 статьи 33 Регламента Суда при отказе в принятии заявления к производству пошлина, уплаченная хозяйствующим субъектом, возврату не подлежит.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 39, 43 и 95 Статута Суда, статьями 9, 33, 34 и 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Отказать в принятии к производству заявления общества с ограниченной ответственностью Управляющей компании «Содружество» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии, выразившегося в невнесении изменений в Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 015/2011) «О безопасности зерна» в части норматива максимально допустимого уровня содержания глифосата в сое (сухих бобах), не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, нарушающим права и законные интересы истца и управляемых им хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Пошлина, уплаченная обществом с ограниченной ответственностью Управляющей компанией «Содружество» при обращении в Суд Евразийского экономического союза, возврату не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

К.Л. Чайка

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

Резюме
по делу № СЕ-3/2-21-КС
(ООО «Управляющая компания «Содружество»)

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Содружество» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О признании бездействия ЕЭК, выразившегося в невнесении изменений в Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 015/2011) «О безопасности зерна», утвержденный решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 874, в части норматива максимально допустимого уровня содержания глифосата в сое (сухих бобах), не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, нарушающим права и законные интересы истца и управляемых им хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Техническое регулирование – максимально допустимый остаточный уровень содержания глифосата в сое (сухих бобах) – невнесение изменений в Технический регламент Таможенного союза – непосредственный интерес в оспаривании бездействия ЕЭК.

Решение Комиссии Таможенного союза от 28 мая 2010 года № 299 «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе»

Постановление Коллегии Суда – отказ в принятии заявления к производству.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Содружество» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, нарушающим права и законные интересы истца и управляемых им хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно заявлению истцом и управляемыми им хозяйствующими субъектами импортируется на территорию Союза соя (сухие бобы), содержащая остаточное количество глифосата не более 20,0 мг/кг. По мнению истца, бездействие Комиссии выражается в отказе во внесении изменений в Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 015/2011) «О безопасности зерна» в части установления максимально допустимого остаточного уровня содер-

жания глифосата в сое (сухих бобах), равного 20,0 мг/кг, вместо действующего уровня 0,15 мг/кг, в целях приведения его положений в соответствие с нормативным требованием, содержащимся в решении Комиссии Таможенного союза от 28 мая 2010 года № 299 «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе».

Постановлением от 5 июля 2021 года Коллегии Суда отказала в принятии заявления ООО УК «Содружество» к производству. Коллегия Суда пришла к выводу об отсутствии документов, подтверждающих ввоз истцом на таможенную территорию Союза сои (сухих бобов), что свидетельствует о недоказанности наличия непосредственного интереса истца в оспаривании бездействия ЕЭК, а, следовательно, об отсутствии компетенции Суда на рассмотрение данного спора. Кроме того, Коллегия Суда заключила, что в материалах, представленных истцом, отсутствуют доказательства, свидетельствующие о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора между ООО УК «Содружество» как самостоятельным хозяйствующим субъектом и Комиссией.

Summary
of case No. CE-3/2-21-KC
(Management Company Sodruzhestvo Limited Liability Company)

Keywords:

Management Company Sodruzhestvo Limited Liability Company (economic entity, legal entity) – Eurasian Economic Commission (EEC, Commission).

On the recognition of failure to act of the EEC, expressed in non-amending of the Technical Regulation of the Customs Union (CU TR 015/2011) «On the Safety of Grain», approved by the Decision of the Commission of the Customs Union No. 874 dated December 9, 2011, in terms of the standard for the maximum permissible level of glyphosate content in soy (dry beans), that do not comply with the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014, violating the rights and legitimate interests of the Claimant and the economic entities managed by it in the field of entrepreneurial and other economic activities.

Technical regulation – the maximum permissible residual level of glyphosate in soy (dry beans) – failure to amend the Technical Regulations of the Customs Union – direct interest in contesting the inaction of the EEC.

Decision of the Commission of the Customs Union No. 299 «On the Application of Sanitary Measures in the Eurasian Economic Union» dated May 28, 2010.

Order of the Chamber of the Court – dismissal of the application.

Substance of the case:

Management Company Sodruzhestvo Limited Liability Company filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union asking to declare the inaction of the Eurasian Economic Commission inconsistent with the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014, violating the rights and legitimate interests of the Claimant and the economic entities managed by it in the field of entrepreneurial and other economic activities.

According to the application, the Claimant and the economic entities managed import soy (dry beans) into the territory of the Union, containing a residual amount of glyphosate up to 20.0 mg/kg. According to the Claimant, the Commission's failure to act is expressed in the refusal to amend the Technical Regulation of the Customs Union (CU TR 015/2011) «On the Safety of Grain» in terms of establishing the maximum permissible residual level of glyphosate in soy (dry beans) equal to 20.0 mg/kg, instead of the current level of 0.15 mg/kg, in order to bring its provisions into line with the regulatory requirement contained in the Decision of the Customs Union Commission No. 299 «On the Application of Sanitary Measures in the Eurasian Economic Union» dated May 28, 2010.

By the Order dated July 5, 2021, the Chamber of the Court dismissed the application of Management Company Sodruzhestvo LLC. The Chamber of the Court concluded that there are no documents proving the Claimant's import of soy (dry beans) into the customs territory of the Union that indicates that there is no evidence of the Claimant's direct interest in contesting the EEC's inaction, and; therefore, that the Court has no jurisdiction to consider the dispute. Besides, the Chamber of the Court concluded that the Claimant's files lack of evidence Management Company Sodruzhestvo LLC observed a pretrial dispute resolution procedure in the dispute between the Commission and the Claimant as an independent economic entity.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

20 сентября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
председательствующего судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей
Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н.,
при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К.,
рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» об оспаривании актов Евразийской экономической комиссии,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» (далее – ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА», истец) является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Российской Федерации.

Между ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» и РУП «Белмедпрепараты» заключен контракт на многократные поставки фармацевтической продукции № 643/17697/001/18-1 от 11 января 2018 года, согласно которому ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» покупает у РУБ «Белмедпрепараты» широкий перечень фармацевтических препаратов, в том числе лекарственный препарат с торговым наименованием «Гепарин» с целью продажи на территории Российской Федерации.

25 августа 2020 года Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия) вынесла определение № 61/опр о проведении расследования в отношении истца о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

По результатам расследования ЕЭК вынесено определение о возбуждении дела.

По мнению истца, указанные определения являются актами Комиссии, на основании которых Комиссией проведено расследование и возбуждено дело в отношении истца о нарушении общих принципов и правил конкуренции на трансграничных рынках с возложением на истца обязанности участия в данных процедурах, в том числе предоставлению материалов, относящихся к коммерческой тайне, и возможным наступлением для истца негативных последствий.

Учитывая изложенное, истец полагает, что данные определения могут быть предметом оспаривания в Суде Евразийского экономического союза (далее – Суд) на основании подпункта 3 пункта 10, пункта 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее соответственно – Протокол, Договор).

II. Выводы Суда

1. В заявлении истец просит признать определение Комиссии о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 23 марта 2021 года № 21/опр, а также определение Комиссии о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 25 августа 2020 года № 61/опр не соответствующими пункту 2 статьи 8, пункту 2 статьи 74, пункту 7 статьи 76 Договора и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) и нарушающим права и законные интересы ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Пунктом 3 Положения о Комиссии (приложение № 1 к Договору) установлено, что ЕЭК осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза в соответствующей сфере.

Пунктом 2 статьи 74, а также пунктом 7 статьи 76 Договора установлено, что Комиссия осуществляет свои полномочия по контролю и пресечению общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

По мнению истца, рынок реализации лекарственного препарата с международным непатентованным наименованием «Гепарин натрия» не является трансграничным, в связи с чем Комиссия вышла за пределы своих полномочий, возбудив дело о нарушении общих правил конкуренции в отношении истца.

Пунктом 40 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение №2 к Договору; далее – Статут) установлено, что государства-члены могут отнести к компетенции Суда иные споры, разрешение которых Судом прямо предусмотрено Договором, международными договорами в рамках Союза, международными договорами Союза с третьей стороной или иными международными договорами между государствами-членами.

Абзацем вторым пункта 14 Протокола предусматривается, что акты, действия (бездействие) Комиссии в сфере конкуренции оспариваются в Суде в порядке, предусмотренном Статутом Суда с учетом положений Протокола.

Следовательно, обжалование истцом определений Комиссии о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции, а также о проведении расследования общих правил конкуренции на трансграничных рынках входит в предметную компетенцию Суда.

ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Российской Федерации, который в соответствии с пунктом 39 Статута Суда обладает правом на обращение в Суд.

Заявление ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» соответствует требованиям, установленным статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), и содержит обязательные элементы, предусмотренные пунктом 1 статьи 9 Регламента Суда, подписано в соответствии с пунктом 2 статьи 32 Регламента Суда уполномоченным лицом; истец приложил документы в качестве обоснования своих требований; заявление и прилагаемые документы представлены на бумажном, а также на электронном носителях.

В соответствии с абзацем четвертым пункта 14 Протокола для данной категории споров досудебный порядок урегулирования не предусмотрен.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 39, 40, подпунктом 1) пункта 95 Статута Суда, статьями 33, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» об оспаривании актов Евразийской экономической комиссии.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 23 ноября 2021 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

6 декабря 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Резвановой О.А., с участием представителей ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» Корзубовой Е. Г., Чернышова Г.П., Пирожникова А.В., представителей Евразийской экономической комиссии Сушкевича А.Г., Юрлова И.А., Калиева А. А., Кривцуна Е.П., рассмотрев в открытом судебном заседании дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» об оспаривании определений Евразийской экономической комиссии о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 25 августа 2020 года № 61/опр и о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 24 марта 2021 года № 21/опр,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» (далее – ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА», истец) является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Российской Федерации.

Между ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» и РУП «Белмедпрепараты» (Республика Беларусь) заключен контракт на многократные поставки фармацевтической продукции № 643/17697/001/18-1 от 11 января 2018 года, согласно которому ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» приобретает у РУП «Белмедпрепараты» широкий перечень фармацевтических препаратов, в том числе лекарственный препарат с торговым наименованием «Гепарин», с целью продажи на территории Российской Федерации.

25 августа 2020 года Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия) вынесла определение № 61/опр о проведении расследования в отношении истца о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

По результатам расследования ЕЭК вынесено определение о возбуждении и рассмотрении дела от 24 марта 2021 года № 21/опр.

По мнению истца, указанные определения являются актами Комиссии, на основании которых Комиссией проведено расследование и возбуждено дело

в отношении истца о нарушении общих принципов и правил конкуренции на трансграничных рынках с возложением на истца обязанности участия в данных процедурах, в том числе предоставления материалов, относящихся к коммерческой тайне, и возможным наступлением для истца негативных последствий.

Учитывая изложенное, истец обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании актов Евразийской экономической комиссии, в котором просит признать определение о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 25 августа 2020 года № 61/опр (далее – определение о проведении расследования) и определение о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 24 марта 2021 года № 21/опр (далее – определение о возбуждении и рассмотрении дела) не соответствующими пункту 2 статьи 8, пункту 2 статьи 74, пункту 7 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и нарушающими права и законные интересы ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Процедура в Суде

Коллегией Суда заявление ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» принято к производству.

В порядке подготовки дела к рассмотрению Судом направлены запросы и поступили ответы от верховных судов Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, министерств здравоохранения Республики Армения и Республики Беларусь, антимонопольных органов Республики Армения, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Российской Федерации, а также от Института законодательства и правовой информации при правительстве Республики Казахстан, Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Института государства и права Российской академии наук, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Университета при МПА ЕврАзЭС, Ассоциации антимонопольных экспертов Российской Федерации, РУП «Белмедпрепараты».

Комиссия направила возражения на заявление истца, а также предоставила материалы, связанные с принятием оспариваемых определений.

3. Доводы истца

3.1. Истец полагает, что Комиссия вышла за пределы полномочий по проведению расследований и пресечению нарушений в области конкуренции. По мнению истца, если географические границы товарного рынка не охватывают территорию двух и более государств – членов Евразийского экономи-

ческого союза (далее – Союз), то такой рынок не является трансграничным и у Комиссии отсутствует полномочие по осуществлению контроля и пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

3.2. Комиссия вышла за пределы своих полномочий, возбудив дело в отношении рынка, который не является трансграничным, так как, по мнению ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА», лекарственный препарат «Гепарин» производства РУП «Белмедпрепараты», приобретаемый истцом, не находится и не может находиться в обращении на трансграничном рынке, поскольку может быть реализован только в России. Следовательно, как считает истец, когда товар допущен к обращению только на территории одного государства и не может быть реализован на территории иных государств – членов Союза, вывод о трансграничности рынка является необоснованным, такой рынок следует признать национальным.

3.3. Комиссией в отсутствие на то законных полномочий были запрошены и получены документы и сведения, относящиеся к коммерческой тайне фармацевтических компаний, действующих на территориях государств – членов Союза. В процессе ознакомления ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» с материалами дела № 22-10 были выявлены факты необеспечения должной защиты коммерческой тайны участников дела.

3.4. Вынесенными определениями нарушены права и законные интересы истца, поскольку на ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» необоснованно возлагаются обязанности участия в деле об антимонопольном нарушении вопреки действующим правовым нормам, что влечет для компании имущественные и репутационные последствия, а также создает необоснованный риск наступления неблагоприятных последствий по итогам рассмотрения дела.

4. Возражения ответчика

4.1. По мнению ответчика, заявление ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» не подлежит рассмотрению в Суде, поскольку рассмотрение заявленных истцом требований не относится к предметной компетенции Суда, в связи с чем производство по настоящему делу подлежит прекращению.

К актам, которые могут быть оспорены в Суде, относятся исключительно решения Комиссии, вынесенные по итогам рассмотрения дела. Определения носят процессуальный характер, ими не завершается рассмотрение дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, поэтому они не относятся к тем актам, которые поименованы в пункте 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о Союзе, далее – Протокол о конкуренции).

Ответчик считает, что подход, предлагаемый истцом, является прямым вмешательством в установленную компетенцию Комиссии и препятствует объективному проведению соответствующего расследования.

4.2. Истцом не обоснован факт нарушения определениями его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Доводы истца не подкреплены какими-либо доказательствами, процессуальные права и обязанности возникают у него как у субъекта публично-правовых отношений в рамках конкретного расследования, проводимого Комиссией. Оспариваемые определения носят процессуальный характер и не налагают на истца каких-либо дополнительных обязанностей, не препятствуют ему в осуществлении экономической деятельности.

4.3. Довод истца о том, что Комиссией в отсутствие на то законных полномочий были запрошены и получены документы и сведения, относящиеся к коммерческой тайне фармацевтических компаний государств – членов Союза, является несостоятельным.

Проставление грифов «Конфиденциально» либо «Коммерческая тайна» является обязанностью лиц, направляющих материалы в Комиссию согласно статье 5 Соглашения о порядке защиты конфиденциальной информации и ответственности за ее разглашение при осуществлении Евразийской экономической комиссией полномочий по контролю за соблюдением единых правил конкуренции от 12 ноября 2014 года.

Руководствуясь положениями пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Союзе, далее – Статут Суда) и статьи 56 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), ответчик просит Суд прекратить производство по настоящему делу.

5. Выводы Суда

Изучив доводы истца и возражения ответчика, Коллегия Суда приходит к выводу о целесообразности разрешения вопроса о предметной компетенции Суда, поставленного Комиссией в своих возражениях, до рассмотрения доводов истца.

5.1. По мнению ЕЭК, заявление ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» не подлежит рассмотрению в Суде, так как не относится к предметной компетенции Суда. На основании пункта 39 Статута Суда оспариванию подлежат только решения Комиссии.

Коллегия Суда полагает необходимым отклонить указанный довод ЕЭК по следующим основаниям.

Согласно пункту 41 Статута Суда вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом.

Предметная компетенция Суда по рассмотрению заявления ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» установлена Судом в постановлении Коллегии Суда от 20 сен-

тября 2021 года о принятии заявления к производству на основании абзаца второго пункта 14 Протокола о конкуренции.

Коллегия Суда полагает возможным осуществить правовой анализ положений Договора о Союзе для уяснения правового содержания понятия «акты Комиссии» в контексте реализации Комиссией полномочий по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Абзацем вторым пункта 14 Протокола о конкуренции устанавливается, что акты, действия (бездействие) Комиссии в сфере конкуренции оспариваются в Суде Союза в порядке, предусмотренном Статутом Суда Союза, с учетом положений Протокола о конкуренции.

На основании пункта 2 статьи 18 Договора о Союзе и пункта 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Союзе; далее – Положение о ЕЭК) Комиссия принимает решения, распоряжения и рекомендации.

Таким образом, указанные выше общие положения Договора о Союзе и Положения о ЕЭК регламентируют виды актов, которые правомочна принимать Комиссия по всем вопросам, относящимся к ее компетенции.

В развитие этого в сфере пресечения нарушений хозяйствующими субъектами общих правил конкуренции, в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств – членов Союза, Комиссия наделена специальными полномочиями, в том числе по принятию актов в сфере конкуренции, установленными пунктом 7 статьи 76 Договора о Союзе и Протоколом о конкуренции.

На основании подпунктов 4-5 пункта 10 Протокола о конкуренции Комиссия выносит определения, предостережения, принимает обязательные для исполнения хозяйствующими субъектами решения, выдает предупреждения.

Указанные акты Комиссии являются правовыми актами индивидуально-го применения, выносятся в отношении конкретных хозяйствующих субъектов и обязательны для них.

В практике государств – членов Союза сформировался подход, согласно которому акт антимонопольного органа о назначении проверки (расследования) не является актом, которым разрешается вопрос о наличии в действиях лица предполагаемого нарушения, и может быть проверен Судом лишь в ограниченных случаях – на предмет наличия оснований, исключающих в силу закона (международного договора) возможность его вынесения. К таким основаниям, в частности, относятся выход за пределы компетенции, истечение срока давности рассмотрения дела о нарушении правил конкуренции.

На основании изложенного Коллегия Суда приходит к выводу о том, что правом Союза установлено общее регулирование полномочий Комиссии по

принятию правовых актов как нормативного, так и ненормативного характера (*lex generalis*), а также специальное правовое регулирование, действующее в отношении актов Комиссии, принимаемых в рамках полномочия по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках (*lex specialis*), разрешающих вопросы как процессуального, так и материально-правового характера, что указывает на наличие специального правового режима в отношении пресечения антиконкурентных действий Комиссией внутри общего режима полномочий Комиссией по вопросам, регламентированным Договором о Союзе. Специальные нормы права Союза в сфере конкуренции содержат конкретные условия, институциональный порядок и правила осуществления полномочий Комиссией по пресечению антиконкурентных действий, которые должны быть соблюдены для полноценной реализации Комиссией своих функций как части системы регулирования в сфере конкуренции, созданной для целей реализации Договора о Союзе.

Коллегия Суда на основании проведенного анализа приходит к выводу о том, что понятие «акты Комиссии в сфере конкуренции» не может толковаться ограничительно и относиться только к решениям, принимаемым по результатам рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках. Рассмотрение заявлений об оспаривании актов Комиссии входит в предметную компетенцию Суда. Следовательно, оспариванию в Суде подлежат те виды актов Комиссии, которыми затрагиваются права и законные интересы хозяйствующих субъектов на трансграничных рынках.

На основании изложенного Коллегия Суда находит необоснованным вывод ответчика о том, что к актам, которые могут быть оспорены в Суде, относятся исключительно решения Комиссии, вынесенные по итогам рассмотрения дела. Рассмотрение Судом заявления ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» об оспаривании актов Комиссии (определения о проведении расследования и определения о возбуждении и рассмотрении дела) входит в предметную компетенцию Суда.

5.2. В связи с рассмотрением довода истца о превышении Комиссией необходимых полномочий при вынесении оспариваемых определений Коллегия Суда полагает возможным выявить нормы права Союза, регулирующие порядок вынесения соответствующих актов Комиссией.

Вынесение определения о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках предусмотрено подпунктом 1 пункта 14 Порядка рассмотрения заявлений (материалов) о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 97 (далее – Порядок рассмотрения материалов).

На основании пункта 4 Порядка рассмотрения материалов материалы о наличии признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках, рассмотрение которых входит в компетенцию Комиссии, представляются в Комиссию органами государственной власти государств-членов, в компетенцию которых входят реализация и (или) проведение конкурентной (антимонопольной) политики, путем направления соответствующего письменного обращения.

Из материалов дела, направленных Комиссией в ответ на запрос Суда, следует, что на основании пункта 58 Протокола о конкуренции Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС России) 9 июля 2020 года направила в Комиссию заявления генерального директора МУЗ ДО НИИ Клинической медицины Богдасарьяна В.В. о возможном нарушении антимонопольного законодательства РУП «Белмедпрепараты» и ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА», зарегистрированных на территории Республики Беларусь и Российской Федерации соответственно. По мнению ФАС России, в действиях РУП «Белмедпрепараты» и ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» могут усматриваться признаки нарушения пункта 4 статьи 76 Договора о Союзе в связи с тем, что по информации, содержащейся в заявлениях, направленных в адрес ФАС России, МУЗ ДО НИИ Клинической медицины было отказано РУП «Белмедпрепараты» в продаже лекарственного средства «Гепарин натрия» в виде раствора для инъекций ввиду возможности его приобретения только у ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» как эксклюзивного дистрибьютора.

ФАС России ссылается на пункт 4 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее – Критерии), согласно которому «пресечение нарушений хозяйствующими субъектами запретов, установленных в пунктах 3 – 5 статьи 76 Договора, осуществляется Евразийской экономической комиссией, если выполняется следующее условие:

по крайней мере, два хозяйствующих субъекта, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета, зарегистрированы на территориях разных государств-членов».

Согласно правовой позиции Суда, изложенной в консультативном заключении от 18 июня 2019 года, «определяющим фактором для установления компетенции ЕЭК или уполномоченного органа государства-члена является географическая характеристика рынка» (абзац четвертый пункта 2 раздела III консультативного заключения).

Таким образом, Коллегия Суда констатирует, что Комиссия обладает компетенцией по расследованию предполагаемых нарушений общих правил конкуренции на рынке обращения лекарственного препарата «Гепарин натрия», поскольку, по предварительным данным, основанным на географической ха-

рактеристике, такой рынок является трансграничным. При этом следует отметить, что предварительное отнесение рынка к трансграничному не является окончательным с целью определения географических границ товарного рынка.

Коллегия Суда констатирует соблюдение Комиссией процедурных положений пункта 14 Порядка рассмотрения материалов в части соблюдения срока рассмотрения (30 рабочих дней со дня регистрации в Комиссии), подготовки заключения о результатах рассмотрения материалов с обоснованием необходимости подписания определения о проведении расследования.

В заключении установлено, что действия (бездействие) ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» и РУП «Белмедпрепараты» могут свидетельствовать в пользу наличия возможных признаков нарушения пунктов 3 – 4 статьи 76 Договора о Союзе, выразившихся в отказе от заключения договора с определенным покупателем либо в запрете на продажу товара хозяйствующего субъекта, который является конкурентом.

В связи с этим Коллегия Суда отмечает, что Комиссия не превысила свои полномочия при вынесении определения о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 25 августа 2020 года № 61-опр, так как для установления компетенции Комиссии по проведению расследования предполагаемых нарушений пунктов 3 – 5 статьи 76 Договора на основании полученных от компетентного органа материалов необходимо соблюдение географической характеристики рынка, согласно которой, по крайней мере, два хозяйствующих субъекта, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета, зарегистрированы на территориях разных государств-членов.

Исходя из изложенного, Коллегия Суда отклоняет требование истца о признании определения о проведении расследования от 25 августа 2020 года № 61-опр не соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза.

5.3. Определение о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках выносится по итогам расследования на основании подпункта 1 пункта 11 Порядка проведения расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 98 (далее – Порядок проведения расследований).

При этом основанием для возбуждения дела, помимо критерия трансграничности рынка, установленного в пункте 4 Критериев, является выявленное в результатах расследования наличие признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

Факт возбуждения Комиссией дела и рассмотрение в рамках дела результатов расследования не являются окончательными свидетельствами совершения

истцом нарушения общих правил конкуренции. Итоговая оценка действий хозяйствующего субъекта содержится только в решении Комиссии по итогам рассмотрения дела. В то же время стадия рассмотрения дела в Комиссии предполагает возможность представления истцом своих доводов для окончательной оценки границ рынка.

Коллегия Суда отмечает, что истец не представил доказательств нарушения Комиссией процедурных норм, связанных с вынесением Комиссией определения о возбуждении и рассмотрении дела.

При этом Коллегия Суда подчеркивает, что в условиях реализации Комиссией своих полномочий по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках у истца возникают соответствующие, в том числе процессуальные, права и обязанности, связанные с участием в расследовании, предоставлением запрашиваемой информации, включая конфиденциальную. Запрос соответствующих материалов, относящихся к коммерческой тайне, является правом Комиссии. Определение охвата хозяйствующих субъектов и объема запрашиваемой информации производится по усмотрению Комиссии в рамках реализации полномочий по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках.

5.4. Рассмотрев представленные материалы и заслушав позиции сторон, Коллегия Суда приходит к следующим выводам.

Критерий трансграничности рынка для определения компетенции Комиссии в целях разграничения ее полномочий с национальными антимонопольными органами по пресечению нарушений общих правил конкуренции в отношении расследования и рассмотрения дела ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» применен Комиссией в соответствии с пунктом 4 Критериев отнесения рынка к трансграничному предварительно (*prima facie*).

Окончательные выводы в отношении определения географических и продуктовых границ рынка первичной реализации лекарственного препарата «Гепарин натрия» в соответствии с Методикой оценки состояния конкуренции, утверждённой решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 января 2013 года № 7, должны быть отражены в итоговом решении Комиссии по соответствующему делу.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 39, 64 и 108 Статута Суда, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Отказать в удовлетворении требований общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» о признании определения о проведении

расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 25 августа 2020 года № 61/опр и определения о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 24 марта 2021 года № 21/опр не соответствующими пункту 2 статьи 8, пункту 2 статьи 74, пункту 7 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и нарушающими права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Уплаченная обществом с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» пошлина возврату не подлежит.

Решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

21 декабря 2021 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе:

председательствующего судьи-докладчика Федорцова А.А.,
судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л.,
при секретаре судебного заседания Буднике Я.В.,

рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 декабря 2021 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» об оспаривании определений Евразийской экономической комиссии о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 25 августа 2020 года № 61/опр и о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 24 марта 2021 года № 21/опр,

УСТАНОВИЛА:

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) 6 декабря 2021 года рассмотрела спор между обществом с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» (далее – ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА», истец) и Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия).

Решением Коллегии Суда отказано в удовлетворении требований ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» о признании определения о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 25 августа 2020 года № 61/опр и определения о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 24 марта 2021 года № 21/опр не соответствующими пункту 2 статьи 8, пункту 2 статьи 74, пункту 7 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС) и нарушающими права и законные интересы ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Не согласившись с решением Коллегии Суда, истец обратился с жалобой на решение в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата Суда).

Истец считает, что Коллегия Суда неправильно истолковала и применила положения права Союза, дала неправильную оценку представленным и имеющимся в деле доказательствам и просит Апелляционную палату Суда отменить решение Коллегии Суда от 6 декабря 2021 года, вынести по делу новое решение о признании актов Комиссии не соответствующими Договору о ЕАЭС и нарушающими права и законные интересы ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В обоснование своих требований истец приводит соответствующие доводы.

К жалобе приложена копия обжалуемого решения Коллегии Суда и доверенность на имя лица, подавшего жалобу.

Вместе с тем, к жалобе не приложены документы, подтверждающие направление или вручение другой стороне копии жалобы и прилагаемых к ней документов.

Кроме того, жалоба и прилагаемые к ней документы не представлены в Суд на электронном носителе.

Апелляционная палата Суда отмечает, что направленная ранее Судом по указанному в жалобе адресу корреспонденция возвращена с указанием об отсутствии организации по данному адресу.

В соответствии с пунктом 1 статьи 64 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), состав Суда, определенный в соответствии со статьей 13 Регламента Суда, принимает жалобу к производству при условии ее соответствия требованиям, предусмотренным статьей 63 Регламента Суда.

В соответствии с пунктом 3 статьи 64 Регламента Суда, в случае если жалоба не соответствует требованиям, предусмотренным статьей 63 Регламента Суда, и (или) к ней не приложены документы, предусмотренные указанной статьей, Суд выносит постановление об оставлении заявления без движения.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79-81 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 33, 60-65 и 84 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Оставить без движения жалобу общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 декабря 2021 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ГЛОБАЛ ФАРМА» об оспаривании определений Евразийской экономической комиссии о проведении расследования нару-

шений общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 25 августа 2020 года № 61/опр и о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках от 24 марта 2021 года № 21/опр.

Предоставить ООО «ГЛОБАЛ ФАРМА» срок для устранения недостатков до 18 января 2022 года.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

20 сентября 2021 года

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи Айриян Э.В., судьи-докладчика Колоса Д.Г., судей Ажибраимовой А.М., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н., Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Пирожкине А.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.,

УСТАНОВИЛА:

Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее, соответственно, – заявление о разъяснении, Договор, Союз).

Как следует из заявления о разъяснении, в практике работы Комиссии возникают вопросы по применению принципа недискриминации при осуществлении промышленной политики в рамках Союза, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора.

При проведении мониторинга исполнения Договора Комиссией выявлялись случаи введения уполномоченными органами государств-членов мер, приводящих к дискриминации товаров, произведенных на территории государств-членов, как по отношению к товарам, произведенным в других государствах-членах, так и по отношению к товарам, обращающимся на рынке Союза и произведенным в третьих странах. Имеются примеры предоставления преимуществ товарам из третьих стран перед товарами из государств – членов Союза.

В ходе обсуждения ситуации с участием представителей Комиссии и государств-членов сформировались два подхода к применению принципа недискриминации в промышленной политике Союза. Первый состоит в том, что применение государствами-членами указанных мер является нарушением принципа недискриминации, на основе которого государства-члены в со-

ответствии с подпунктом 4 пункта 2 статьи 92 Договора осуществляют промышленную политику в рамках Союза. Второй основан на таком толковании принципа недискриминации при ведении промышленной политики в рамках Союза, согласно которому государства-члены не должны дискриминировать только товары друг друга, тогда как недискриминация товаров государств-членов по отношению к товарам третьих стран положениями статьи 92 Договора не закреплена.

В этой связи у Комиссии возникла необходимость уяснения пределов (границ) действия принципа недискриминации: предусматривает ли он обязательство государств-членов по обеспечению не менее благоприятных условий товарам, происходящим из государств-членов, по сравнению с товарами, происходящими из третьих стран, при ведении промышленной политики в рамках Союза.

Наряду с этим имеется неединообразное понимание в вопросе о том, следует ли распространять действие принципа недискриминации исключительно на меры, принимаемые государствами-членами при реализации основных направлений промышленного сотрудничества, утверждаемых Евразийским межправительственным советом, либо промышленная политика государств-членов в целом должна быть основана на принципе недискриминации.

Учитывая необходимость выработки единообразного подхода к толкованию и пределам действия принципа недискриминации при осуществлении промышленной политики в рамках Союза, Комиссия обратилась в Суд с заявлением о разъяснении положений статьи 92 Договора в их системной взаимосвязи с иными положениями Договора, сформулировав следующие вопросы:

1) распространяется ли действие принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, на всю сферу промышленного сотрудничества в рамках Союза, в том числе на предоставление промышленных субсидий, или только на отношения в рамках реализации основных направлений промышленного сотрудничества, утверждаемых Евразийским межправительственным советом;

2) предусматривает ли принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, наличие обязательства у государств-членов обеспечивать не менее благоприятные условия промышленным товарам, происходящим из государств-членов, по сравнению с товарами, происходящими из третьих стран, при ведении промышленной политики в рамках Союза?

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), Суд по заявлению государства-члена

или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями.

Заявление о разъяснении относится к компетенции Суда, поскольку Комиссия имеет правовой статус постоянно действующего регулирующего органа Союза (часть первая пункта 1 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору) и разъяснение касается положений статьи 92 Договора в системной взаимосвязи с иными положениями Договора.

Заявление о разъяснении соответствует требованиям, предусмотренным статьей 10 Регламента Суда, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда).

В заявлении о разъяснении содержатся сведения, установленные пунктом 1 статьи 10 Регламента Суда, оно отвечает требованиям пункта 2 статьи 10 Регламента Суда, подписано Председателем Коллегии Комиссии, являющимся уполномоченным лицом в силу подпункта «в» пункта 1 статьи 31 Регламента Суда.

Ранее по данному вопросу по тем же основаниям и обстоятельствам Судом не предоставлялось консультативное заключение.

Таким образом, Большая коллегия Суда приходит к выводу, что основания для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству отсутствуют.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 46, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда, статьями 10, 73 и 74 Регламента Суда, Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА :

Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 10 часов 28 октября 2021 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить Евразийской экономической комиссии.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Э.В. Айриян

Судьи

А.М. Ажибраимова

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 20 сентября 2021 года

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

город Минск

23 ноября 2021 года

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи Айриян Э.В., судьи-докладчика Колоса Д.Г., судей Ажибраимовой А.М., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н., Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Пирожкине А.А., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73-75, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 14, 19, 72, 75, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза, предоставляет консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее соответственно – заявление о разъяснении, Договор, Союз).

При проведении мониторинга исполнения Договора Комиссией выявлены случаи введения уполномоченными органами государств-членов мер, приводящих, по мнению Комиссии, к дискриминации товаров, произведенных на территории государств-членов, как по отношению к товарам, произведенным в других государствах-членах, так и по отношению к товарам, обращающимся на рынке Союза и произведенным в третьих странах. Имеются примеры предоставления преимуществ товарам из третьих стран перед товарами из государств – членов Союза.

В ходе обсуждений в Комиссии сложились два подхода к пониманию принципа недискриминации в промышленной политике Союза. Согласно первому подходу применение государствами-членами указанных выше мер является нарушением принципа недискриминации, на основе которого в соответствии с подпунктом 4 пункта 2 статьи 92 Договора осуществляется промышленная политика в рамках Союза. При этом высказывалась позиция, что распространение данного принципа только на товары, происходящие из государств-членов, по отношению друг к другу, но не по отношению к товарам из третьих

стран, противоречит целям, установленным в пункте 3 статьи 92 Договора. В соответствии со вторым подходом при ведении промышленной политики в рамках Союза государства-члены не должны дискриминировать только товары друг друга, тогда как недискриминация товаров государств-членов по отношению к товарам третьих стран положениями статьи 92 Договора не закреплена.

В этой связи у Комиссии возникла необходимость уяснения пределов (границ) действия принципа недискриминации: предусматривает ли он обязательство государств-членов по обеспечению не менее благоприятных условий товарам, происходящим из государств-членов, по сравнению с товарами, происходящими из третьих стран, при ведении промышленной политики в рамках Союза.

Наряду с этим имеется неединообразное понимание в вопросе о том, распространяется ли действие принципа недискриминации исключительно на меры, принимаемые государствами-членами при реализации основных направлений промышленного сотрудничества, утверждаемых Евразийским межправительственным советом, либо промышленная политика государств-членов в целом должна быть основана на принципе недискриминации.

По мнению Комиссии, принцип недискриминации, лежащий в основе осуществления промышленной политики в рамках Союза, не раскрывается в Договоре в степени, достаточной для его однозначного толкования и применения государствами-членами. В то же время для единообразного понимания и возможности однозначного установления фактов соблюдения или нарушения государствами-членами принципа недискриминации при осуществлении промышленной политики в рамках Союза требуется конкретизация правового содержания указанного принципа применительно к конкретным случаям, которые будут подпадать под его действие.

По изложенным основаниям Комиссия просит Суд предоставить консультативное заключение о разъяснении норм статьи 92 Договора в их системной взаимосвязи с иными положениями Договора по следующим вопросам:

1) распространяется ли действие принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, на всю сферу промышленного сотрудничества в рамках Союза, в том числе на предоставление промышленных субсидий, или только на отношения в рамках реализации основных направлений промышленного сотрудничества, утверждаемых Евразийским межправительственным советом;

2) предусматривает ли принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, наличие обязательства у государств-членов обеспечивать не менее благоприятные условия промышленным товарам, происходящим из государств-членов, по сравнению с товарами, происходящими из третьих стран, при ведении промышленной политики в рамках Союза?

Постановлением Большой коллегии Суда от 20 сентября 2021 г. заявление о разъяснении принято к производству.

В ходе подготовки консультативного заключения Судом получены ответы Комиссии, Министерства энергетики и промышленности Кыргызской Республики, Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, Ереванского государственного университета, Института государства и права Российской академии наук, Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Казанского (Приволжского) федерального университета, Кыргызского Национального Университета имени Ж. Баласагына, Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Саратовской государственной юридической академии.

II. Выводы Суда

Компетенция Суда включает в себя разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза (пункт 46 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору, далее – Статут).

При осуществлении разъяснения Суд применяет:

- 1) общепризнанные принципы и нормы международного права;
- 2) Договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора;
- 3) решения и распоряжения органов Союза;
- 4) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы (пункт 50 Статута).

1. Договор содержит раздел XXIV «Промышленность», в котором самостоятельными структурными элементами являются статья 92 «Промышленная политика и сотрудничество» и статья 93 «Промышленные субсидии».

Из содержания статьи 92 Договора усматривается, что право Союза различает два вида промышленных политик – национальная промышленная политика каждого из государств – членов Союза и промышленная политика в рамках Союза. Ответ на вопрос заявителя требует уяснения содержания каждой из указанных политик и степени дискреции государств-членов при принятии мер, связанных с урегулированными разделом XXIV «Промышленность» Договора правоотношениями.

В соответствии с пунктом 1 статьи 92 Договора национальные промышленные политики в государствах-членах основываются на нормах национального законодательства и реализуются государствами-членами в том числе

с соблюдением требований статьи 93 Договора и Протокола о единых правилах предоставления промышленных субсидий, являющегося приложением № 28 к Договору (далее – Протокол № 28).

Так, пунктом 1 статьи 93 Договора предусмотрено, что в целях обеспечения условий для стабильного и эффективного развития экономик государств-членов, а также условий, способствующих развитию взаимной торговли и добросовестной конкуренции между государствами-членами, на территориях государств-членов действуют единые правила предоставления субсидий в отношении промышленных товаров, в том числе при предоставлении или получении услуг, которые непосредственно связаны с производством, сбытом и потреблением промышленных товаров (Протокол № 28).

Сформулированные в пункте 1 статьи 93 Договора цели согласуются с закрепленными в статьях 3, 4 Договора принципами функционирования и целиами Союза.

Промышленная политика в рамках Союза нормативно определена как деятельность государств-членов по основным направлениям промышленного сотрудничества, осуществляемая государствами-членами как самостоятельно, так и при консультативной поддержке и координации Комиссии (пункт 1 Протокола о промышленном сотрудничестве, являющегося приложением № 27 к Договору).

Промышленная политика в рамках Союза формируется государствами-членами по основным направлениям промышленного сотрудничества, утверждаемым Евразийским межправительственным советом (абзац второй пункта 1 статьи 92 Договора). Так, в настоящее время действует Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2021 г. № 5 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года».

В соответствии с пунктом 2 статьи 92 Договора промышленная политика в рамках Союза осуществляется на основе следующих принципов:

- 1) равноправие и учет национальных интересов государств-членов;
- 2) взаимовыгодность;
- 3) добросовестная конкуренция;
- 4) недискриминация;
- 5) транспарентность.

В Договоре определены цели осуществления промышленной политики в рамках Союза (пункт 3 статьи 92 Договора), к которым относятся ускорение и повышение устойчивости промышленного развития, повышение конкурентоспособности промышленных комплексов государств-членов, осуществление эффективного сотрудничества, направленного на повышение инновационной

активности, устранение барьеров в промышленной сфере, в том числе на пути движения промышленных товаров государств-членов.

Пунктами 4 и 5 статьи 92 Договора предусмотрены меры, принимаемые государствами-членами для достижения целей осуществления промышленной политики в рамках Союза, перечень которых носит открытый характер, а также возможность разработки соответствующих порядков их реализации по решению Евразийского межправительственного совета.

Большая коллегия Суда обращает внимание, что принципы промышленной политики в рамках Союза, в том числе принцип недискриминации, а также цели осуществления промышленной политики и меры для достижения указанных целей реализуются государствами – членами Союза.

При определении степени дискреции государств-членов по вопросам, урегулированным в разделе XXIV Договора «Промышленность», обусловленной видами проводимой в Союзе политики, Большая коллегия Суда отмечает следующее.

Согласно пункту 1 статьи 1 Договора стороны учреждают Союз, в рамках которого обеспечивается среди прочего проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Согласно статье 2 Договора единая политика – это политика, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза.

Скоординированная политика – политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором.

Согласованная политика – политика, осуществляемая государствами, предполагающая гармонизацию национального правового регулирования.

Следовательно, Договор предусматривает, что в Союзе путем реализации указанных видов политик предусмотрена различная степень интеграции в зависимости от конкретных сфер отношений.

Большая коллегия Суда отмечает, что промышленная политика в рамках Союза составляет скоординированную политику, которая осуществляется при консультативной поддержке и координации Комиссии в рамках сотрудничества на основе общих подходов, согласованных в Союзе, но с учетом тех, которые изложены в основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Союза. При этом государства-члены самостоятельно формируют национальные промышленные политики, ориентированные на нужды экономики конкретного государства.

Применительно к субсидиям в рамках национальной промышленной политики государств-членов действуют единые правила предоставления про-

мышленных субсидий – специфических и запрещенных (унифицированное регулирование), у Комиссии имеются полномочия по согласованию предоставления государствами-членами специфических субсидий, проведению разбирательств на предмет нанесения ущерба отрасли национальной экономики одного государства-члена при предоставлении другим государством-членом специфической субсидии и вынесению решения, обязательного для государства-члена, неисполнение которого предоставляет другим государствам-членам право на обращение в Суд (пункт 6 Протокола № 28, Соглашение о порядке добровольного согласования государствами – членами Евразийского экономического союза с Евразийской экономической комиссией специфических субсидий в отношении промышленных товаров и проведения Евразийской экономической комиссией разбирательств, связанных с предоставлением государствами – членами Евразийского экономического союза специфических субсидий от 26 мая 2017 г.).

2. Как указывает Комиссия в заявлении, в статье 92 Договора содержание принципа недискриминации не раскрывается. В этой связи Большая коллегия Суда, разъясняя нормативное содержание принципа недискриминации, учитывает правила толкования международных договоров, закрепленные в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., согласно которым договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Для сферы промышленной политики в рамках Союза, которая может оказывать влияние на связанные с ней отношения, закреплен принцип недискриминации (подпункт 4 пункта 2 статья 92 Договора).

Рассматривая Союз как международную организацию региональной экономической интеграции с гарантированными в ней четырьмя свободами движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (статья 1 Договора), функционирующую на основании принципов, целей и соответствующих им норм о таможенном союзе и едином экономическом пространстве, Большая коллегия Суда приходит к выводу, что в Союзе при регулировании экономических отношений, предусмотренных Договором, должны создаваться равные условия для добросовестной конкуренции и взаимной торговли, в основе которых лежит принцип недискриминации.

Наряду с основными принципами функционирования и целями Договор содержит нормы, прямо или опосредованно устанавливающие недискриминационные условия функционирования таможенного союза и единого экономического пространства.

Для взаимной торговли в рамках функционирования внутреннего рынка товаров Договором предусмотрено право государств-членов в некоторых

случаях применять ограничения, но только при условии, если такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли (статья 29 Договора). Тем самым возможность применения государствами-членами ограничительных мер обусловлена соблюдением принципа недискриминации.

Во внешней торговле товарами установлен как применимый режим наибольшего благоприятствования в понимании Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (далее – ГАТТ 1994) в тех случаях и на условиях, когда применение режима наибольшего благоприятствования предусмотрено международными договорами Союза с третьей стороной, а также международными договорами государств-членов с третьей стороной (статья 34 Договора).

Преамбула Договора, в которой принимаются во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации, иные нормы Договора, включая Протокол о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы, являющийся приложением № 31 к Договору и предусматривающий регулирование соответствующих отношений Договором о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г., свидетельствуют о том, что право Союза признает обязательства государств-членов в рамках Всемирной торговой организации.

Преамбула Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г. содержит указание на необходимость толкования торговых режимов государств-членов в контексте Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.), согласно пункту 2 статьи II которого его неотъемлемой частью является в том числе ГАТТ 1994, включающее в себя положения Генерального соглашения по тарифам и торговле от 30 октября 1947 г.

Согласно статье I ГАТТ 1994 режим наиболее благоприятствуемой нации предполагает, что любое преимущество, благоприятствование, привилегия или иммунитет, предоставляемые любой Договаривающейся Стороной любому товару, происходящему из, или предназначенному для любой другой страны, должны немедленно и, безусловно, предоставляться аналогичному товару, происходящему из, или предназначенному для территорий всех других Договаривающихся Сторон.

В соответствии с этим положением, исходя из статьи 34 Договора, в отношении внешней торговли товарами применяется режим наибольшего благоприятствования в понимании ГАТТ 1994.

В связи с изложенным Большая коллегия Суда приходит к выводу, что принцип недискриминации, направленный на обеспечение свободы движе-

ния товаров, услуг, капитала и рабочей силы, гарантирует предоставление товарам государств-членов не менее благоприятных условий в сравнении с товарами, происходящими из третьих стран.

При этом Большая коллегия Суда констатирует, что принятие государствами-членами мер, направленных на создание для товаров, происходящих из третьих стран, условий более благоприятных по сравнению с товарами государств-членов, не согласуется с основными принципами функционирования и целями Союза.

3. С учетом изложенного, Большая коллегия Суда предоставляет следующие ответы на вопросы Комиссии:

3.1. Действие принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, распространяется на всю сферу промышленного сотрудничества в рамках Союза. Промышленные субсидии являются самостоятельной сферой правового регулирования, предусмотренной статьей 93 Договора.

3.2. Принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, предусматривает наличие обязательств государств – членов Союза обеспечивать режим наибольшего благоприятствования промышленным товарам как государств-членов, так и третьих стран.

III. Заключительные положения

Копию настоящего консультативного заключения направить Комиссии.

Текст консультативного заключения опубликовать на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

Э.В. Айриян

Судьи

А.М. Ажибраимова

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-2/1-21-БК)

город Минск

23 ноября 2021 года

В связи с необходимостью соблюдения норм общего международного права, в том числе права Всемирной торговой организации (далее – ВТО), а также выработки правовой позиции Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) по вопросам, не раскрытым в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), в целях их единообразного понимания, в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение.

1. Поскольку дискриминация в контексте международной торговли и предоставления промышленных субсидий запрещена на универсальном и региональном уровне в Евразийском экономическом союзе (далее – Союз, ЕАЭС), полагаю целесообразным первоначально изложить систему источников права, регулирующих данный вопрос, а также определить их соотношение, так как в консультативном заключении этого сделано не было.

Промышленная политика и предоставление промышленных субсидий в Союзе прежде всего регулируется универсальным международным правом, то есть правом ВТО, что закреплено в преамбуле к Договору и в Протоколе о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы (приложение № 31 к Договору), согласно которому в рамках Союза к соответствующим отношениям применяется Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 года (далее – Договор от 19 мая 2011 года). Согласно пункту 1 статьи 1 Договора от 19 мая 2011 года с даты присоединения любой из Сторон к ВТО положения Марракешского соглашения об учреждении ВТО от 15 апреля 1994 года (далее – Соглашение ВТО) становятся частью правовой системы Таможенного союза.

Вслед за этим данный вопрос регулируется на региональном уровне в Союзе нормами раздела XXIV Договора, а также приложений № 27 и № 28 к Договору.

По вопросу о соотношении норм универсального и регионального международного права отмечу, что согласно пункту 1 статьи 2 Договора от 19 мая 2011 года в случае противоречия норм Договора Соглашению ВТО приори-

тет применения имеет Соглашение ВТО (*lex specialis*). В отсутствие противоречий между Договором и Соглашением ВТО приоритет применения имеют нормы Договора (согласно правовой позиции, изложенной в решении Коллегии Суда Евразийского экономического сообщества от 24 июня 2013 года, решении Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества от 21 октября 2013 года, опирающихся на статью 6 Договора).

Следовательно, в систему источников права Союза, регулирующих промышленную политику в Союзе, входят: право ВТО, Договор, в том числе приложения № 27 и № 28 к нему, а также договоры в рамках Союза. В случае противоречия права ВТО и Договора, а также договоров в рамках Союза приоритет имеет право ВТО. При противоречии договоров в рамках Союза Договору приоритет имеет Договор (пункт 3 статьи 6 Договора). Как правило, обязательства вступающего в ВТО государства прописаны в протоколах о присоединении к ВТО.

Отдельно следует подчеркнуть, что право ВТО не препятствует созданию таможенных Союзов (статья XXIV ГАТТ 1994). Тем не менее создание таких союзов должно соответствовать праву ВТО, а содержание обязательств в рамках таможенного союза должно соответствовать обязательствам в рамках ВТО. Обязательства, которые приняты в соответствующих таможенных союзах, не могут отменить (пересмотреть в одностороннем порядке) те обязательства, которые приняты на универсальном уровне.

Вследствие того, что право ВТО составляет часть правовой системы Союза, следует также учесть связь механизмов по разрешению споров, проанализированной в Докладе Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к Соглашению ВТО от 16-17 ноября 2011 года (далее – Доклад), который учитывался при составлении Протокола от 16 декабря 2011 года о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года. Так, согласно пункту 186 Доклада Договор от 19 мая 2011 года закрепляет обязательства государств – членов Таможенного союза и органы Таможенного союза в отношении обязательств, принятых каждым из государств – членов Таможенного союза как часть условий присоединения к ВТО и ставших частью правовой системы Таможенного союза. Таким образом, нарушение данных прав и обязанностей государством – членом Таможенного союза либо органом Таможенного союза может быть обжаловано государством – членом Таможенного союза либо Комиссией Таможенного союза в Суде Евразийского экономического сообщества (далее – Суд ЕврАзЭС). В дополнение, хозяйствующие субъекты могут заявлять о нарушениях Договора от 19 мая 2011 года в Суд ЕврАзЭС.

На практике взаимосвязь органов по разрешению споров на универсальном и региональном уровне подтвердилась в деле Суда ЕврАзЭС «Компания

«Фольксваген АГ» (Volkswagen AG) против Евразийской экономической комиссии» (постановление от 7 октября 2014 года), в котором заявитель ставил вопрос об оспаривании отдельных положений решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 мая 2013 года № 113 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении легких коммерческих автомобилей, происходящих из Федеративной Республики Германия, Итальянской Республики и Турецкой Республики и ввозимых на единую таможенную территорию Таможенного союза» (далее – решение № 113). Суд ЕврАзЭС отказал компании «Фольксваген АГ» в принятии ее заявления к рассмотрению. Однако впоследствии спор о соответствии решения № 113 праву ВТО был рассмотрен Органом по разрешению споров ВТО (далее – ОРС ВТО; дело DS479: *Russia — AntiDumping Duties on Light Commercial Vehicles from Germany and Italy*).

Следовательно, ввиду того, что право ВТО составляет часть правовой системы Союза, таможенные союзы создаются в соответствии правом ВТО, а ОРС ВТО и Суд ЕАЭС действуют во взаимосвязи, в контексте промышленного сотрудничества подлежит применению универсальное и региональное (союзное) международное право, государствам – членам Союза следовало учитывать право ВТО, среди прочего, в контексте запрета дискриминации. Конкретная мера может быть оспорена в Суде ЕАЭС, а также впоследствии – в ОРС ВТО (субсидиарность).

2. Относительно вопроса Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) о пределах дискриминации отмечаю, что в области международных отношений недискриминация означает запрет предоставления гражданам, организациям и т.д. какого-либо государства меньших прав и привилегий, чем гражданам, организациям и т.д. других иностранных государств. Согласно практике ОРС ВТО запрещенной является как юридическая дискриминация (*de jure discrimination*), предполагающая различие в правовом регулировании обращения товаров иностранных производителей на основе прямого указания соответствующей страны происхождения, так и фактическая (*de facto discrimination*), которая подразумевает запрет различных непрозрачных мер в отношении товаров иностранных производителей (например, необоснованная диверсификация доплат покупателям иностранных товаров).

В контексте международной торговли запрет дискриминации (недискриминация) подразумевает предоставление в конкретном государстве равного правового режима для аналогичных товаров независимо от страны их происхождения и реализуется главным образом путем правового закрепления стандарта, получившего название «режим наиболее благоприятствуемой нации» (статья I ГАТТ 1994). Режим наиболее благоприятствуемой нации предполагает, что любая льгота, предоставляемая обороту иностранного товара

в конкретном государстве, должна быть предоставлена аналогичному товару из любой третьей страны.

При обороте товаров на внутреннем рынке действует национальный режим, который предполагает, что внутренние налоги и другие внутренние сборы и требования в отношении внутренней торговли, транспортировки и использования товаров должны применяться одинаково к импортным и к отечественным товарам (статья III ГАТТ 1994).

Следовательно, режим благоприятствуемой нации запрещает дискриминацию между аналогичными товарами на входе на рынок ЕАЭС.

Соответственно, при ответе на вопрос Комиссии Суду следовало разъяснить нормативное содержание принципа недискриминации в контексте промышленной политики в Союзе с учетом изложенных универсальных подходов.

3. Согласно подпункту 4 пункта 2 статьи 92 Договора промышленная политика в рамках Союза осуществляется государствами-членами на основе, среди прочего, принципа недискриминации. При этом Договор не содержит определения данного принципа.

Однако в нарушение цели своей работы – обеспечения единообразного применения права Союза (пункт 2 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору) – Большая коллегия Суда не разъяснила содержание принципа недискриминации.

Следовательно, необходимо разъяснить принцип недискриминации с учетом обычных правил толкования международных договоров, закрепленных в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, согласно которому договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Учитывая, что право ВТО составляет часть правовой системы ЕАЭС, пробел в виде определения нормативного содержания принципа недискриминации следовало заполнить обращением к праву ВТО, которое содержит универсальные правила, реализующие запрет дискриминации в сфере международной торговли, подкрепленный главным образом в обязательстве о предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации (статья I ГАТТ 1994) товарам, входящим на рынок ЕАЭС.

На данный момент принцип недискриминации в этом вопросе в Союзе реализуется в нормах, составляющих режим наиболее благоприятствуемой нации. Из этого следует, что товары, которые обращаются на внутреннем рынке государства – члена Союза и не являются товарами, которые произведены на территории данной страны, являются иностранными. Последнее относится и к товарам, произведенным в государствах – членах Союза. Единого национального режима для товаров, произведенных в дру-

гих государствах – членах Союза, в настоящее время еще не предусмотрено.

Соответственно, раздел XXIV Договора не содержит обязательств по предоставлению национального режима товарам из государств – членов Союза, в том числе в контексте промышленных субсидий. Национальный режим в Союзе предоставляется в ограниченном перечне случаев (например, в сфере государственных (муниципальных) закупок согласно статье 88 Договора, частично – в контексте охраны интеллектуальной собственности согласно пункту 1 статьи 90 Договора и иное).

Отмечу, что предоставление национального режима внутри Союза – это позиция на будущее, когда такой режим будет распространен на все товары Союза. При этом на данный момент серьезных изменений для перехода на национальный режим нет (небольшой шаг здесь сделан – например, наконец, национальный режим действует с исключениями в госзакупках). Поэтому попытка выдать режим наиболее благоприятствуемой нации (статья I ГАТТ 1994) за национальный режим (статья III ГАТТ 1994) – это неправомерное забегание вперед, которое может привести к разрушению Союза. Предоставление национального режима внутри Союза затрагивает правопорядок ВТО и в любом случае должно быть согласовано с универсальной организацией. Установление национального режима в Союзе предполагает участие Союза в ВТО как самостоятельного члена, возможно, с исключением членства государств, участвующих в Союзе (во всяком случае подобный механизм задействован для членства Европейского союза в ВТО).

4. В Союзе реализация принципа недискриминации и, как следствие, режима наиболее благоприятствуемой нации связана с особенностями ведения промышленной политики в Союзе, что предполагает необходимость уяснения степени дискреции государств-членов по вопросам, урегулированным в разделе XXIV Договора «Промышленность».

Согласно пункту 1 статьи 1 Договора данным актом стороны учреждают Союз, в рамках которого обеспечивается среди прочего проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Применительно к промышленной политике и предоставлению субсидий Суд правильно отмечает, что промышленная политика в рамках Союза составляет скоординированную политику, поскольку государства-члены самостоятельно формируют национальную промышленную политику, но с учетом подходов, которые изложены в основных направлениях промышленного сотрудничества (пункт 1 статьи 92 Договора).

При этом, как следует из статьи 3 Договора, государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются

ваются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза. В развитие этого, согласно пункту 1 статьи 93 Договора, в целях обеспечения условий для стабильного и эффективного развития экономик государств-членов, а также условий, способствующих развитию взаимной торговли и добросовестной конкуренции между государствами-членами, на территориях государств-членов действуют единые правила предоставления субсидий в отношении промышленных товаров, в том числе при их приобретении.

Из указанного следует, что в отношении осуществления промышленных субсидий в Союзе действует единая политика. Так, в силу правовой позиции Суда, изложенной в консультативном заключении от 4 апреля 2017 года, согласно статье 2 Договора для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям:

- 1) наличие унифицированного правового регулирования;
- 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Во-первых, согласно пункту 1 статьи 93 Договора действуют единые международные правила предоставления всех видов промышленных субсидий, устанавливающих свободу действий государств – членов Союза в пределах лишь допустимых субсидий; во- вторых, согласно пункту 6 статьи 93 Договора государства – члены Союза передали Комиссии компетенцию по контролю за реализацией положений статьи 93 Договора. Следовательно, предоставление промышленных субсидий составляет единую политику Союза.

Следовательно, реализация принципа недискриминации в контексте промышленных субсидий является единой политикой, что предполагает следование единым правилам их предоставления, закрепленным в статье 93 Договора и приложении № 28 к Договору.

5. Подпунктом а) пункта 3 статьи 93 Договора среди прочего предусмотрено, что для целей данной статьи под субсидией понимается финансовое содействие, которое оказывается субсидирующим органом государства-члена (или уполномоченной государством-членом структурой), в результате которого создаются (обеспечиваются) преимущества и которое осуществляется посредством приобретения промышленных товаров.

Следовательно, с точки зрения права ВТО промышленные субсидии могут считаться «преимуществом», которое должно предоставляться товарам иностранных государств на основе режима наиболее благоприятствуемой нации. Предоставление большего объема субсидирования иностранным товарам из одного государства (с указанием конкретных стран-производителей) и меньшего объема субсидирования аналогичным товарам из другого государства, в том числе из государства – члена Союза, может приводить к нарушению режима наиболее благоприятствуемой нации и, как следствие, дискриминации.

В этой связи отмечу, что реализация единой политики в контексте предоставления промышленных субсидий и, как следствие, принципа недискриминации, обеспечена компетенцией органов Союза, а также соответствующими обязательствами государств.

Так, например, Комиссия осуществляет согласование предоставления субсидий (пункты 6, 15 приложения № 28 к Договору), при этом государства предоставляют друг другу и в Комиссию уведомления обо всех субсидиях, планируемых к предоставлению в очередном году на федеральном (республиканском) и региональном (муниципальном, местном) уровнях (пункт 95 приложения № 28 к Договору). В силу подпункта 3) пункта 6 статьи 93 Договора Комиссия вправе проводить разбирательства по фактам предоставления специфических субсидий и принятие обязательных в отношении них решений в случаях, определенных международным договором в рамках Союза, предусмотренным пунктом 7 приложения № 28 к Договору.

В силу пункта 7 статьи 93 Договора споры, возникающие в отношении промышленных субсидий, могут быть переданы на рассмотрение Суда.

Следовательно, недискриминация является общим принципом промышленной политики, и при этом режим наиболее благоприятствуемой нации распространяется как на аналогичные товары, произведенные в государствах – членах Союза, так и на аналогичные товары, произведенные в третьих странах.

Судья

Т.Н. Нешагаева

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Федорцова А.А.
(консультативное заключение о разъяснении статьи 92 Договора
о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)

23 ноября 2021 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее, соответственно – Большая коллегия, Суд) по запросу Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) разъяснила положения статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС).

Большая коллегия Суда предоставила следующие ответы на вопросы Комиссии:

действие принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, распространяется на всю сферу промышленного сотрудничества в рамках Союза. Промышленные субсидии являются самостоятельной сферой правового регулирования, предусмотренной статьей 93 Договора;

принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, предусматривает наличие обязательств государств – членов Союза обеспечивать режим наибольшего благоприятствования промышленным товарам как государств-членов, так и третьих стран.

1. Полагаю необходимым обратить внимание, что в ответе на первый вопрос необоснованно акцентировано внимание на том, что промышленные субсидии являются самостоятельной сферой правового регулирования.

В соответствии с пунктом 3 статьи 92 Договора о ЕАЭС целями осуществления промышленной политики в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) являются ускорение и повышение устойчивости промышленного развития, повышение конкурентоспособности промышленных комплексов государств-членов, осуществление эффективного сотрудничества, направленного на повышение инновационной активности, устранение барьеров в промышленной сфере, в том числе на пути движения промышленных товаров государств-членов.

На достижение этих же целей направлено правовое регулирование сферы промышленных субсидий.

Как указано в статье 93 Договора о ЕАЭС, единые правила предоставления субсидий в отношении промышленных товаров и услуг, непосредственно связанных с производством, сбытом и потреблением промышленных товаров, направлены на обеспечение условий для стабильного и эффективного развития экономик государств-членов, а также условий, способствующих разви-

тию взаимной торговли и добросовестной конкуренции между государствами-членами.

Единые цели осуществления промышленной политики и предоставления промышленных субсидий, единые правила предоставления субсидий изложены в разделе XXIV Договора о ЕАЭС «Промышленность», в том числе в статье 92 Договора о ЕАЭС «Промышленная политика и сотрудничество». Их единство и общее правовое регулирование свидетельствуют о том, что промышленные субсидии являются не самостоятельной сферой правового регулирования, а одной из составляющих промышленной политики в рамках Союза, которая отражает более глубокую степень интеграции и правового регулирования в указанной сфере.

2. Один из вопросов, которые поставила перед Судом Комиссия, был сформулирован следующим образом:

«Предусматривает ли принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, наличие обязательства у государств-членов обеспечивать не менее благоприятные условия промышленным товарам, происходящим из государств-членов, по сравнению с товарами, происходящими из третьих стран, при ведении промышленной политики в рамках Союза?».

В пункте 3.2. резолютивной части консультативного заключения вместо разъяснения особенностей юридического статуса промышленных товаров государств-членов в рамках Союза, их беспрепятственного движения в интересах ускоренного и устойчивого промышленного развития, сделан вывод о едином правовом режиме промышленных товаров «как государств-членов, так и третьих стран». Более того, предоставление такого режима постулируется как «обязательство государств-членов».

Полагаю изложенное в акте Суда утверждение о наличии «обязательств государств – членов Союза обеспечивать режим наибольшего благоприятствования промышленным товарам как государств-членов, так и третьих стран» не основанным на праве Союза, противоречащим принципам и целям создания Союза, изложенным в преамбуле, статьях 3 и 4 Договора о ЕАЭС.

Принципы и цели создания Союза заключаются в том, чтобы обеспечить для товаров государств-членов внутри Союза условия их обращения не менее благоприятные, чем для товаров, которые происходят с территорий государств, не являющихся членами Союза. Более того, для обращения товаров, производимых в государствах-членах, правом Союза предусматривается ряд льгот и преимуществ, не распространяющихся на товары третьих стран.

Положение хозяйствующего субъекта одного государства-члена, производимых им товаров, не должно ограничиваться (ущемляться) другим государством-членом в сравнении с положением хозяйствующего субъекта этого государства, его товарами, и, тем более, третьих государств.

Таким образом, принцип недискриминации в контексте статьи 92 Договора о ЕАЭС означает, что в рамках Союза промышленное сотрудничество основано на равном отношении ко всем хозяйствующим субъектам государств-членов и производимым ими товарам.

По этим же причинам полагаю, что в пункте 3.2. консультативного заключения сделана неуместная ссылка на режим наибольшего благоприятствования в контексте разъяснения статьи 92 Договора о ЕАЭС.

Считаю необходимым обратить внимание, что термин «обеспечение не менее благоприятных условий промышленным товарам», примененный заявителем в запросе, и термин «режим наибольшего благоприятствования», изложенный в констатирующей части консультативного заключения, нельзя признать идентичными (равнозначными).

Понятие и смысловое наполнение использованного в ответе Суда термина «режим наибольшего благоприятствования» дано в статье 34 Договора о ЕАЭС и в большей части относится к внешней торговле товарами в соответствии с международными договорами Союза и договорами государств-членов с третьей стороной.

В мотивировочной части консультативного заключения обоснованно сказано, что Большая коллегия пришла к выводу, что принцип недискриминации, направленный на обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, гарантирует предоставление товарам государств-членов не менее благоприятных условий в сравнении с товарами, происходящими из третьих стран.

Также правильно констатировано, что принятие государствами-членами мер, направленных на создание для товаров, происходящих из третьих стран, условий более благоприятных по сравнению с товарами государств-членов, не согласуется с основными принципами функционирования и целями Союза.

Такие выводы соответствуют праву Союза, целям и принципам его создания, отвечают на вопросы, поставленные Комиссией, и их следовало изложить в ответе на вопросы Комиссии.

Судья

А.А. Федорцов

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-2-2/1-21-БК)

город Минск

26 ноября 2021 года

Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза 23 ноября 2021 года предоставлено консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Комиссия, заявление о разъяснении, Договор).

Регламент Суда Евразийского экономического союза, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда), наделяет судью правом в случае несогласия с решением Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) или его отдельными положениями заявить особое мнение при вынесении решения Суда (пункт 1 статьи 79 Регламента Суда).

Полагаю, что предоставленные в консультативном заключении Большой коллегии Суда по делу № СЕ-2-2/1-21-БК (далее – Консультативное заключение) ответы на вопросы, поставленные Комиссией в заявлении о разъяснении, не в полной мере согласуются с нормами Договора и решениями органов Евразийского экономического союза (далее – Союз), а их аргументация создает предпосылки для правовой неопределенности в понимании отдельных институтов права Союза.

В этой связи, пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

Комиссия просила Суд разъяснить:

1) распространяется ли действие принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, на всю сферу промышленного сотрудничества в рамках Союза, в том числе на предоставление промышленных субсидий, или только на отношения в рамках реализации основных направлений промышленного сотрудничества, утверждаемых Евразийским межправительственным советом;

2) предусматривает ли принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, наличие обязательства у государств-членов обеспечивать не менее благоприятные условия промышленным товарам, происходящим из государств-членов, по сравнению с товарами, происходящими из третьих стран, при ведении промышленной политики в рамках Союза?

1. На первый вопрос Комиссии Большая коллегия Суда ответила, что «действие принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, распространяется на всю сферу промышленного сотрудничества в рамках Союза. Промышленные субсидии являются самостоятельной сферой правового регулирования, предусмотренной статьей 93 Договора».

Анализ содержания указанного вывода позволяет заключить, что, с одной стороны, принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, распространяется на всю сферу промышленного сотрудничества в рамках Союза, в том числе, с учетом содержания первого вопроса Комиссии, на предоставление промышленных субсидий. В то же время промышленные субсидии признаны Большой коллегией Суда самостоятельной сферой правового регулирования. Полагаю, что совместное использование двух данных утверждений лишает их правового смысла, а их сопоставление создает логическую ошибку. Как следствие, осталась неустранимой правовая неопределенность в отношении пределов действия принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора как принципа промышленной политики в рамках Союза, – распространяется ли он только на данную сферу либо также и на национальные промышленные политики и связанные с ними вопросы промышленных субсидий.

Содержащаяся в Консультативном заключении аргументация выводов по данному вопросу носит фрагментарный и незавершенный характер. В этой связи полагаю необходимым проанализировать нормы права Союза в их системной взаимосвязи, а также поступившие в Суд от Комиссии материалы, после чего определить осуществляемые в Союзе политики по конкретным направлениям деятельности в сфере промышленности (единая, скоординированная, согласованная). Соблюдение приведенной последовательности позволяет сделать выводы, не имеющие внутренних противоречий и согласующиеся с правом Союза.

Как следует из буквального толкования статьи 92 Договора, право Союза различает два вида промышленных политик – национальная промышленная политика каждого из государств – членов Союза и промышленная политика в рамках Союза.

1.1 Для национальной промышленной политики, исходя из абзаца первого пункта 1 статьи 92 Договора, характерны:

- 1) ее разработка, формирование и реализация каждым из государств-членов с учетом национальных приоритетов;
- 2) содержательное включение в нее принятия национальных программ развития промышленности и иных мер промышленной политики;
- 3) самостоятельное определение государствами-членами способов, форм и направлений предоставления промышленных субсидий, которые не долж-

ны противоречить статье 93 Договора и Протоколу о единых правилах предоставления промышленных субсидий, являющемуся приложением № 28 к Договору (далее – Протокол № 28).

Статьей 32 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. устанавливается возможность обращения к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и обстоятельствам заключения международного договора, с целью подтверждения значения его положений, вытекающего из применения общего правила толкования.

В этой связи следует учитывать, что еще на этапе разработки проекта статьи 92 Договора было достигнуто соглашение о сохранении национальной компетенции государств-членов в отношении национальных промышленных политик, а также о координации национальных промышленных политик государств-членов по определенным направлениям (подпункт 1.2.3 протокола видеоконференции членов Совета Комиссии и Члена Коллегии (Министра) по промышленности и агропромышленному комплексу Комиссии по обсуждению проекта Договора и предварительного списка изъятий и иных ограничений, в том числе барьеров, взаимного доступа субъектов предпринимательской деятельности на рынок государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства, в части промышленности и агропромышленного комплекса от 5 сентября 2013 г.).

Целью национальной промышленной политики является развитие конкретного государства-члена. Основу экономической логики развития любого из государств-членов составляют национальные интересы, тогда как в основе экономической модели Союза лежат интеграционные цели с учетом национальных интересов государств-членов для построения общего (единого) рынка, обеспечивающего свободу перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

При реализации национальных промышленных политик государства-члены обязуются соблюдать нормы статьи 93 Договора и Протокола № 28, сфера применения которых:

- 1) включает принятие мер национальной промышленной политики государств-членов согласно указанным нормам (абзац первый пункта 1 статьи 92 Договора);
- 2) содержит взаимные обязательства государств-членов в связи с предоставлением субсидий в отношении субсидируемых товаров по единым для всех государств-членов правилам, которые не распространяются на правоотношения государств-членов с третьими странами (пункт 2 статьи 93 Договора);
- 3) ограничена субсидируемыми промышленными товарами, производимыми производителями субсидирующего государства-члена. Данный вывод основывается на содержании терминов «получатель субсидии» (производи-

тель промышленного товара, являющийся выгодоприобретателем от субсидии), «производители субсидируемого товара» (производители субсидируемого товара государства-члена, предоставившего специфическую субсидию) и «субсидируемый товар» (промышленный товар, при производстве, транспортировке, хранении или вывозе которого с территории субсидирующего государства-члена использовалась специфическая субсидия) (пункт 2 Протокола № 28).

В Протоколе № 28 раскрывается содержание специфических, запрещенных и допустимых субсидий для промышленных товаров.

Для специфических субсидий предусмотрены:

1) согласование с Комиссией предоставления государством-членом специфической субсидии (абзац первый пункта 6 Протокола № 28), наличие которого исключает применение компенсирующих мер;

2) инициирование государством-членом проведения Комиссией разбирательства, если имеются основания полагать, что предоставление специфической субсидии другим государством-членом может нанести ущерб отрасли национальной экономики. Если по итогам разбирательства подтверждается наличие ущерба отрасли национальной экономики, Комиссия принимает решение о том, что государство-член, предоставляющее такую специфическую субсидию, обязано устранить условия, приводящие к ущербу, если вовлеченные в разбирательство государства-члены не договорились об ином в течение срока, установленного в предусмотренном пунктом 7 Протокола № 28 международном договоре в рамках Союза. Комиссия устанавливает разумный срок для исполнения такого решения, а при его неисполнении другие государства-члены могут обратиться в Суд (пункт 6 Протокола № 28). Также возможно применение компенсирующих мер (пункт 87 Протокола № 28).

В развитие приведенных полномочий Комиссии и государств-членов 26 мая 2017 г. государствами – членами Союза заключено Соглашение о порядке добровольного согласования государствами – членами Евразийского экономического союза с Евразийской экономической комиссией специфических субсидий в отношении промышленных товаров и проведения Евразийской экономической комиссией разбирательств, связанных с предоставлением государствами – членами Евразийского экономического союза специфических субсидий.

В статье 93 Договора и Протоколе № 28 содержатся единые для всех государств-членов подходы и правила в отношении запрещенных промышленных субсидий, предоставление которых не допускается и не может быть согласовано Комиссией, механизмы консультаций об их отмене, разрешения разногласий, споров и введения компенсирующих мер.

Следуя позиции Большой коллегии Суда, сформированной в консультативном заключении по заявлению Министерства юстиции Республики Бе-

ларусь от 4 апреля 2017 г., для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям: 1) наличие унифицированного правового регулирования; 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Для специфических и запрещенных промышленных субсидий оба приведенные условия выполняются.

Изложенное дает основания сделать вывод о том, что в праве Союза регламентация порядка предоставления государствами-членами специфических субсидий, а также запрет на предоставление запрещенных субсидий отнесены к единой политике.

В Консультативном заключении Большой коллегией Суда указаны лишь правила и условия предоставления двух указанных видов субсидий, однако окончательный вывод о виде реализуемой в Союзе в их отношении политики отсутствует.

Данное обстоятельство является принципиальным для понимания сути правового регулирования сферы промышленных субсидий, которая автономна по отношению к промышленной политике в рамках Союза, строящейся по отличным от нее принципам.

Единая политика, реализуемая для промышленных субсидий, *a priori* создает условия для унифицированного правового регулирования отношений в данной сфере сообразно целям и принципам функционирования Союза и в интересах всех государств-членов, что исключает саму возможность дисбаланса в отношении промышленных товаров производителей государств-членов, поскольку нормы статьи 93 Договора и Протокола № 28 подразумевают равный и единообразный для всех государств – членов Союза подход к порядку предоставления промышленных субсидий, согласования специфических субсидий и проведения разбирательств.

Большая коллегия Суда, приводя особенности для специфических и запрещенных субсидий, не указала о наличии в праве Союза еще одного вида субсидий – допустимых, нормы и правила в отношении которых также содержатся в Протоколе № 28.

В частности, Протокол № 28 предусматривает возможность предоставления допустимых субсидий государствами-членами без ограничений (в отношении таких субсидий не действуют положения, касающиеся применения компенсирующих и ответных мер или запрета на предоставление субсидий). Неотъемлемым условием предоставления допустимых субсидий является отсутствие искажения взаимной торговли государств-членов (пункт 19 Протокола № 28).

Таким образом, для допустимых субсидий прослеживается гармонизация правового регулирования, когда сходное (сопоставимое) нормативное право-

вое регулирование строится на их предоставлении в отсутствие признаков, характерных для запрещенных субсидий, а в некоторых случаях и специфических субсидий. Наличие данных характерных признаков позволяет сделать вывод о реализации в Союзе в отношении допустимых субсидий согласованной политики.

Соответственно приведенным двум видам политик в Союзе (согласованной для допустимых субсидий и единой для специфических и запрещенных субсидий) в круг полномочий Комиссии в рамках реализации положений статьи 93 Договора входит содействие в организации консультаций государств-членов по вопросам гармонизации и унификации национального законодательства в сфере предоставления субсидий (подпункт 2 пункта 6 статьи 93 Договора).

1.2 Для промышленной политики в рамках Союза установлены следующие особенности.

Во-первых, она формируется государствами-членами по основным направлениям промышленного сотрудничества, утверждаемым Евразийским межправительственным советом (абзац второй пункта 1 статьи 92 Договора). С момента образования Союза основные направления промышленного сотрудничества в рамках Союза (далее – Основные направления) утверждались дважды: Решением Евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. № 9 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза» на срок с 2015 по 2020 годы, Решением Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2021 г. № 5 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года» (далее – Решение № 5) на срок с 2021 по 2025 годы.

Как следует из подготовительных материалов, для целей разработки Основных направлений использовались Методические рекомендации (направлены 26 января 2015 г. в адрес глав правительств государств-членов), подпунктом 2.2 пункта 2 которых установлено, что разрабатываемые Основные направления не затрагивают вопросы разработки, формирования и реализации национальных промышленных политик, включая предоставление промышленных субсидий, которые входят в национальную компетенцию в соответствии с абзацем первым пункта 1 статьи 92 Договора.

Тем самым разграничивались меры, принимаемые на национальном уровне государствами-членами, и меры, принимаемые при проведении промышленной политики в рамках Союза.

Во-вторых, промышленная политика в рамках Союза осуществляется государствами-членами при консультативной поддержке и координации Комиссии. Для этой цели Комиссия наделена полномочиями, которые закреплены в пункте 2 Протокола о промышленном сотрудничестве, являющегося приложением № 27 к Договору (далее – Протокол № 27).

Как следствие, субъектами промышленной политики в рамках Союза выступают государства-члены.

В-третьих, пункт 2 статьи 92 Договора закрепляет принципы промышленной политики в рамках Союза, включая принцип недискриминации.

В-четвертых, в Договоре определены цели промышленной политики в рамках Союза.

Из подготовительных материалов, связанных с разработкой проектов статей 92 и 93 Договора, следует, что заложенные в статье 92 Договора цели и принципы были предназначены исключительно для координации национальных промышленных политик (письма Комиссии в адрес правительств государств-членов от 24 июня 2013 г. № ТВ-1245/03, к которым приложен проект раздела XIX «Промышленность» в составе статей 95 и 96; протоколы видеоконференции подгруппы по вопросам промышленности Рабочей группы по кодификации международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства от 3 сентября 2013 г. № 11-365, от 20 сентября 2013 г. № 11-409).

В-пятых, пунктами 4 и 5 статьи 92 Договора предусмотрены меры, принимаемые государствами-членами для достижения целей осуществления промышленной политики в рамках Союза.

Промышленное сотрудничество в рамках Союза включает ряд инструментов (пункт 9 статьи 92 Договора), перечень которых не является исчерпывающим и детализируется в Основных направлениях. Также Основные направления содержат чувствительные товары и приоритетные виды экономической деятельности для промышленного сотрудничества, то есть виды деятельности, определенные всеми государствами-членами в качестве приоритетов для реализации основных направлений промышленного сотрудничества (пункт 1 Протокола № 27).

Для чувствительных товаров, то есть товаров с высоким уровнем конкуренции между производителями различных государств-членов (раздел II Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Союза до 2025 года, утвержденных Решением № 5), установлены следующие правила:

- 1) они приоритетны для промышленного сотрудничества;
- 2) в отношении них государства-члены обеспечивают предварительное взаимное информирование о планируемых направлениях реализации национальной промышленной политики, а перед принятием мер промышленной политики проводят консультации для взаимного учета позиций;
- 3) в отношении отдельных чувствительных товаров легкой промышленности Коллегией Комиссии рекомендовано Правительствам государств – членов Союза обеспечить равные условия доступа хозяйствующих субъектов государств – членов Союза, осуществляющих деятельность в сфере производства и реализации продукции легкой промышленности, к участию в государ-

ственных (муниципальных) закупках чувствительных товаров легкой промышленности по перечню согласно приложению к Рекомендации Коллегии Комиссии от 24 апреля 2017 г. № 10 «Об обеспечении равных условий доступа хозяйствующих субъектов государств – членов Евразийского экономического союза, осуществляющих деятельность в сфере производства и реализации продукции легкой промышленности, к участию в государственных (муниципальных) закупках». Равные условия допуска отдельных чувствительных товаров легкой промышленности в государственных (муниципальных) закупках, в свою очередь, отражают правовую сущность национального режима, закрепленного для данной сферы в пункте 1 статьи 88 Договора;

4) в отношении отдельных чувствительных товаров (автобусы, шины, постельное белье, одежда, обувь) в сфере государственных (муниципальных) закупок установлены условия, производственные и технологические операции, при выполнении которых товар считается происходящим из государства – члена Союза (приложение № 1 к Правилам определения страны происхождения отдельных видов товаров для целей государственных (муниципальных) закупок, утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2020 г. № 105). Данные условия, производственные и технологические операции являются едиными для всех производителей государств-членов, имеют прямое действие на территории государств-членов для целей определения страны происхождения товара из других государств-членов при осуществлении государственных закупок, когда в государстве-члене установлены запреты, условия допуска или преференции.

Приведенные правила согласуются с пунктом 7 статьи 92 Договора, которым предусмотрено, что при разработке и реализации политик в торговой, таможенно-тарифной, конкурентной, в области государственных закупок, технического регулирования, развития предпринимательской деятельности, транспорта и инфраструктуры и других сферах учитываются интересы развития промышленности государств-членов.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что промышленная политика в рамках Союза, ориентированная на промышленное сотрудничество, относится к скоординированной политике, которая предполагает осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором (статья 2 Договора).

Принципы промышленной политики в рамках Союза, осуществляемой на уровне промышленного сотрудничества государств-членов, ориентированы на последних. Именно государства-члены являются адресатами в том числе принципа недискриминации при построении промышленной политики на уровне Союза и при формировании Основных направлений с определением приоритетных видов экономической деятельности для промышленного со-

трудничества и перечня чувствительных товаров, а также тех инструментов, которые применяются для реализации промышленного сотрудничества в Союзе по Основным направлениям.

1.3 Таким образом, принимая во внимание, что нормы Протокола № 28 регламентируют отношения, связанные с предоставлением государствами-членами субсидий своим национальным производителям промышленных товаров, и одновременно статья 93 Договора не распространяется на правоотношения государств-членов с третьими странами (пункт 2 статьи 93 Договора), а также тот факт, что промышленное сотрудничество в рамках Союза, осуществляемое в рамках скоординированной политики, обособлено от промышленных субсидий (статья 93 Договора, Протокол № 28), в отношении которых в Союзе реализуется единая политика, правильным полагаю следующий ответ на первый вопрос Комиссии:

«Действие принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, распространяется исключительно на промышленную политику в рамках Союза, реализуемую по основным направлениям промышленного сотрудничества, утверждаемым Евразийским межправительственным советом, и относящуюся к скоординированной политике.

Осуществляемая в Союзе политика в отношении предоставления специфических и запрещенных промышленных субсидий является единой, предполагая унифицированное регулирование данной сферы на наднациональном уровне, что исключает возможность какой-либо дискриминации. В отношении допустимых субсидий в Союзе проводится согласованная политика».

2. Толкование содержания принципа недискриминации, упомянутого в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора в отношении скоординированной промышленной политики в рамках Союза, осуществлено Большой коллегией Суда посредством использования одного из правовых режимов Всемирной торговой организации (далее – ВТО) – режима наиболее благоприятствуемой нации (режим наибольшего благоприятствования), закрепленного в статье I Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (далее – ГАТТ 1994).

Полагаю, что использование подобного подхода при толковании невозможно в отсутствие принятия государствами-членами соответствующих обязательств по применению режима наибольшего благоприятствования для скоординированной промышленной политики в рамках Союза, что следует из статьи 92 Договора и Протокола № 27, в которых такие обязательства государств-членов отсутствуют.

Одновременно пунктом 2 статьи 93 Договора сфера действия обязательств государств-членов при предоставлении промышленных субсидий прямо ограничена правоотношениями государств-членов между собой и не распространяется на правоотношения государств-членов с третьими странами.

Кроме того, в Консультативном заключении отсутствует аргументация выбора из нескольких закрепленных в ГАТТ 1994 правовых режимов именно режима наибольшего благоприятствования как единственно возможного для уяснения содержания принципа недискриминации в промышленной политике в рамках Союза.

2.1 В праве ВТО недискриминация реализована в обязательствах не только о предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации, но также и национального режима (статьи I, III ГАТТ 1994).

Соглашаюсь с тем, что право Союза признает обязательства государств-членов в рамках ВТО, как это следует из преамбулы Договора, Протокола о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы, являющегося приложением № 31 к Договору, которым предусмотрено применение к соответствующим отношениям Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г. (далее – Договор о функционировании ТС). Вместе с тем обращаю внимание, что до приведения права Союза в соответствие с Марракешским соглашением об учреждении Всемирной торговой организации (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г., далее – Соглашение ВТО) такие обязательства возлагаются на каждое конкретное государство – член Союза, присоединяющееся к ВТО, распространяются на его отношения с другими участниками ВТО и действуют в объеме и с учетом особенностей, закрепленных в протоколе о его присоединении к ВТО. Для других государств – членов и органов Союза такие обязательства в случае противоречия их праву Союза являются лишь основанием допущения для присоединяющегося к ВТО государства-члена индивидуальных исключений из права Союза.

Так, пунктом 1 статьи 2 Договора о функционировании ТС предусмотрено, что Стороны примут меры для приведения правовой системы Таможенного союза и решений его органов в соответствие с Соглашением ВТО, как это зафиксировано в Протоколе о присоединении каждой из Сторон, включая обязательства каждой Стороны, принятые в качестве одного из условий ее присоединения к ВТО. До того как эти меры приняты, положения Соглашения ВТО, включая обязательства, принятые Сторонами в качестве условий их присоединения к ВТО, имеют приоритет над соответствующими положениями международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза, и решений, принятых его органами.

В решении Апелляционной палаты Суда по делу по заявлению закрытого акционерного общества «Дженерал Фрейт» от 21 июня 2016 г. выработаны два кумулятивных условия для применения в рамках Союза международных договоров, не являющихся международными договорами в рамках Союза или международными договорами Союза с третьей стороной: 1) все государства – члены Союза являются участниками международного договора;

2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках Союза.

Таким образом, в условиях, когда не все государства – члены Союза являются членами ВТО, и промышленная политика в рамках Союза является скоординированной, а не единой, невозможно утверждать о включении в содержание принципа недискриминации в промышленной политике в рамках Союза при его толковании режима наибольшего благоприятствования в значении, используемом в статье I ГАТТ 1994, как обязательного для всех государств-членов.

Полагаю, что действие содержащегося в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора принципа недискриминации не может выходить за пределы сотрудничества государств-членов по основным направлениям. В этой связи не могу согласиться с выводом Большой коллегии Суда в ответе на второй вопрос Комиссии о том, что обычное значение принципа недискриминации, в том числе закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, состоит в обеспечении режима наибольшего благоприятствования.

В разделе XXIV «Промышленность» Договора отсутствуют конкретные обязательства государств-членов относительно предоставляемого правового режима в целом в отношении промышленных товаров (режим наибольшего благоприятствования, национальный режим), а для промышленной политики в рамках Союза установление таких обязательств в принципе невозможно в силу ее координирующего характера.

И наоборот, конкретные обязательства государств-членов по обеспечению правового режима для товаров, услуг в зависимости от проводимой в Союзе политики содержатся в соответствующих разделах Договора и иных актах права Союза (разделы XV «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций», XVIII «Общие принципы и правила конкуренции», XXI «Транспорт», XXII «Государственные (муниципальные) закупки» Договора, Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. и иные).

2.2 С учетом изложенного, полагаю правильным следующий ответ на второй вопрос Комиссии:

«Принцип недискриминации как принцип промышленной политики в рамках Союза призван в равной степени учесть интересы государств-членов при формировании и реализации основных направлений промышленного сотрудничества в Союзе, в том числе в отношении приоритетных видов экономической деятельности для промышленного сотрудничества, осуществляемой на территории государств-членов, и чувствительных товаров, производимых производителями государств-членов. Наличие данного принципа в разделе XXIV «Промышленность» Договора (статья 92) не позволяет на основании данной нормы сформулировать вывод о наличии обязательства

у государства-члена в обеспечении какого-либо режима (наибольшего благоприятствования, национального, не менее благоприятных условий) для товаров других государств-членов по отношению к товарам третьих стран, поскольку приведенный в данной статье принцип недискриминации распространяется исключительно на сферу промышленного сотрудничества государств-членов при осуществлении промышленной политики в рамках Союза».

3. Ответы на вопросы Комиссии, сформулированные *in abstracto* и с использованием ограниченного в самих вопросах набора норм права Союза, не устраняют правовую неопределенность применительно к конкретной ситуации, разрешение которой являлось основной целью обращения Комиссии в Суд. В этой связи полагаю, что при принятии Консультативного заключения Большой коллегии Суда необходимо было учитывать предпосылки возникновения самих вопросов Комиссии, дополнительно давая толкование *in concreto* и используя иные, помимо указанных в заявлении о разъяснении, нормы права Союза, применимые к соответствующим правоотношениям.

Как следует из подготовительных и дополнительно направленных в Суд материалов, обращение Комиссии за разъяснением связано с принятием и.о. Министра сельского хозяйства Республики Казахстан приказа от 23 июля 2018 г. № 317 «Об утверждении Правил субсидирования по возмещению части расходов, понесенных субъектом агропромышленного комплекса, при инвестиционных вложениях» (далее – Приказ № 317), которым для сельскохозяйственной техники и оборудования производства Республики Казахстан, стран Содружества Независимых Государств, Китайской Народной Республики, Украины устанавливалась меньшая максимальная допустимая стоимость единицы товара для расчета исчисляемых в процентном отношении к ней субсидий на ее приобретение, чем для моделей производства Азии, Европы, Америки (в том числе произведенных на территории Республики Казахстан, стран Содружества Независимых Государств, Китайской Народной Республики, Украины).

Из текста Приказа № 317 следует, что он закрепляет меры национальной промышленной политики Республики Казахстан и не связан с вопросами промышленной политики в рамках Союза, а следовательно и с распространяемым исключительно на нее закрепленным в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора принципом недискриминации при ее осуществлении.

Согласно пункту 1 статьи 92 Договора реализация национальной промышленной политики государствами-членами не должна противоречить статье 93 Договора, а в соответствии с ней и Протоколу № 28.

Вместе с тем Приказом № 317 регулируются вопросы предоставления субсидий на приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования

субъектам агропромышленного комплекса Республики Казахстан, не являющимся ее производителями, тогда как Протокол № 28 регулирует правила предоставления государством-членом субсидий своим производителям промышленных товаров.

Таким образом, следует констатировать, что, применительно к конкретным ситуациям, связанным не с предоставлением субсидий производителям промышленных товаров, а с вопросами обеспечения не менее благоприятных условий доступа на внутренний рынок Союза товарам государств-членов по сравнению с аналогичными товарами третьих стран, правовая неопределенность не может быть устранена посредством применения указанных в вопросе Комиссии правовых инструментов – закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора принципа недискриминации в сфере промышленной политики в рамках Союза и механизмов предоставления государствами-членами субсидий своим производителям промышленных товаров, предусмотренных в статье 93 Договора и Протоколе № 28.

В то же время при подготовке ответа *in concreto* Суд не связан исключительно указанными в заявлении о разъяснении правовыми нормами, а имеющаяся правовая неопределенность устраняется путем толкования и использования всех релевантных рассматриваемой ситуации норм права Союза.

Таким образом, полагаю, что оценка соответствия праву Союза принимаемых государствами-членами мер, аналогичных указанным в Приказе № 317, а равно установление факта наличия либо отсутствия дискриминации в виде создания происходящим из третьих стран промышленным товарам более благоприятных условий по сравнению с товарами государств-членов, должны производиться с использованием норм права Союза, регламентирующих вопросы осуществления государствами-членами торговли товарами как между собой, так и с третьими странами, а не в контексте промышленной политики в рамках Союза.

В этой связи считаю необходимым проанализировать содержание конкретных обязательств государств-членов по обеспечению недискриминационных условий в рамках отношений, охватываемых таможенным союзом, и единым экономическим пространством.

Так, в рамках функционирования таможенного союза действует единый режим торговли товарами в отношениях с третьими сторонами (подпункт 3 пункта 1 статьи 25 Договора).

Одновременно Договором декларируется, что внешнеторговая политика Союза строится на недопущении произвольной или необоснованной дискриминации третьих стран, а также скрытого ограничения внешней торговли товарами (пункт 39 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран, являющегося приложением № 7 к Договору).

На основании статьи 34 Договора в отношении внешней торговли товарами действует режим наибольшего благоприятствования в понимании ГАТТ 1994 в тех случаях и на условиях, когда применение режима наибольшего благоприятствования предусмотрено международными договорами Союза с третьей стороной, а также международными договорами государств-членов с третьей стороной.

Таким образом, установление в Союзе режима наибольшего благоприятствования во внешней торговле с третьими странами обусловлено заключением с ними Союзом или государствами-членами соответствующих международных договоров.

Контекст Договора, включая его преамбулу, закрепляющую стремление укрепить экономики государств – членов Союза и обеспечить их гармоничное развитие и сближение, гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию, основные принципы функционирования Союза, среди которых обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон, соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции (статья 3 Договора), а также цели Союза, в том числе стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (статья 4 Договора), демонстрируют установление в Союзе равных, сбалансированных условий для развития внутренней торговли.

Согласно статье 28 Договора взаимная торговля в рамках функционирования внутреннего рынка осуществляется без применения ввозных и вывозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), мер нетарифного регулирования, специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, за исключением случаев, предусмотренных Договором.

Допустимые исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, предусмотренные статьей 29 Договора, следуя сформированной Судом в консультативном заключении от 30 октября 2017 г. позиции, сопоставимы с институтом общих исключений – статьями XX, XXI ГАТТ 1994. Они могут применяться для достижения некоторых определенных в Договоре целей и только при условии, когда такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли (статья 29 Договора). Таким образом, применение государствами – членами Союза ограничительных мер также основывается на принципе недискриминации.

Единое экономическое пространство составляет внутренний рынок Союза (пункт 2 статьи 28 Договора).

Сферы и отношения, входящие в единое экономическое пространство, в равной степени подчиняются основным принципам функционирования и

целям Союза, что выражается в недопущении дискриминации, обеспечении национального режима, режима наибольшего благоприятствования в значении, установленном для конкретных сфер, охватываемых Договором, а также недопустимости предоставления третьим странам режима более благоприятного, чем предоставляемый государствам-членам (пункт 8 статьи 65, пункт 1 статьи 88, статья 90, пункт 2 статьи 92 Договора, подпункт 10 пункта 3 Протокола о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики, являющегося приложением № 15 к Договору, пункты 15, 21-29, 68-69, 78 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору, пункт 4 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору, пункт 30 Протокола о порядке регулирования закупок, являющегося приложением № 25 к Договору).

Таким образом, принимая во внимание преамбулу Договора, основные принципы функционирования и цели Союза, учитывая приведенные выше нормы права Союза о таможенном союзе и едином экономическом пространстве, прихожу к выводу, что обеспечение свободы движения товаров, соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции возможны только при условии создания государствами – членами Союза для их товаров режима не менее благоприятного, чем для товаров, происходящих из третьих стран. Утверждение об обратном приводит к допущению функционирования не только Союза, но и каждого из государств-членов в ущерб заявленным целям создания Союза.

Как следствие, при оценке принимаемых государствами-членами мер, в том числе мер национальной промышленной политики, определяющим выступает характер их влияния на функционирование внутреннего рынка Союза, режим торговли товарами государств-членов и декларируемые в Союзе четыре свободы (пункт 1 статьи 1 Договора).

Подобное понимание сути интеграционного объединения в силу принятых международных обязательств исключает в рамках Союза какие-либо односторонние действия государств-членов, искажающие четыре свободы Союза, в том числе свободу движения товаров.

С учетом изложенного, полагаю правильным дополнить предложенный ответ на второй вопрос Комиссии следующим:

«Регулирование сфер и отношений в рамках обеспечения основополагающих свобод Союза, в том числе свободы движения товаров, базируется на основных принципах функционирования и целях Союза, в связи с чем в данной сфере не допускается принятие мер как создающих дискриминационные условия для товаров государств – членов Союза, так и предоставляющих товарам государств-членов менее благоприятные условия по сравнению с товарами третьих стран».

4. Не могу согласиться с ответом Большой коллегии Суда на второй вопрос Комиссии и в той части, что принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, предусматривает наличие обязательств государств – членов Союза обеспечивать режим наибольшего благоприятствования промышленным товарам не только государств-членов, но также и третьих стран.

Следуя данной логике Консультативного заключения, режим наибольшего благоприятствования в Союзе означает в том числе следующее: любое преимущество, предоставляемое промышленному товару, происходящему из государства-члена, должно немедленно предоставляться аналогичному товару, происходящему из любых третьих стран, даже если это не предусмотрено международными договорами Союза с третьей стороной, а также международными договорами государств-членов с третьей стороной, что, по моему мнению, не только не имеет под собой правового основания, но и противоречит статье 34 Договора.

Полагаю, что статьей 34 Договора установлен режим наибольшего благоприятствования во внешней торговле товарами, означающий предоставление такого режима на рынке Союза товарам третьих стран исключительно по отношению друг к другу (но не по отношению к товарам, происходящим из государств – членов Союза, торговля которыми регулируется нормами права Союза о внутреннем рынке) и только при условии заключения соответствующих международных договоров, в том числе обязательств в рамках ВТО.

При этом в Союзе также могут быть установлены обязательства по предоставлению товарам третьих стран режима наибольшего благоприятствования не только по отношению друг к другу, но и по отношению к товарам государств – членов Союза, однако не как общее правило, а исключительно в рамках заключения соответствующих международных договоров.

Судья

Колос Д.Г.

Резюме
по делу № СЕ-2-2/1-21-БК
(Евразийская экономическая комиссия)

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (Комиссия).

О разъяснении статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе.

Внутренний рынок Союза; свобода движения товаров; принцип недискриминации; национальная промышленная политика государств – членов Союза; промышленная политика Союза; промышленное сотрудничество в рамках Союза; промышленные субсидии.

Консультативное заключение – разъяснение Договора о Евразийском экономическом союзе – особые мнения.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд Союза с заявлением о разъяснении статьи 92 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

При проведении мониторинга исполнения Договора Комиссия выявила случаи введения мер, приводящих к дискриминации товаров, произведенных на территории государств-членов, в том числе по отношению к товарам, произведенным в третьих странах.

Комиссия обратилась в Суд за разъяснением пределов (границ) действия принципа недискриминации: предусматривает ли он обязательство государств-членов обеспечить не менее благоприятные условия товарам, происходящим из государств-членов, по сравнению с товарами, происходящими из третьих стран, при ведении промышленной политики в рамках Союза.

Комиссия также просила разъяснить, распространяется ли действие принципа недискриминации исключительно на меры, принимаемые государствами-членами при реализации основных направлений промышленного сотрудничества, утверждаемых Евразийским межправительственным советом, либо промышленная политика государств-членов в целом, в том числе при предоставлении промышленных субсидий, должна быть основана на принципе недискриминации.

В консультативном заключении от 23 ноября 2021 года Суд пришел к выводу, что действие принципа недискриминации, закрепленного в подпункте 4 пункта 2 статьи 92 Договора, распространяется на всю сферу промышленного сотрудничества, при этом промышленные субсидии являются самостоятельной сферой правового регулирования, предусмотренной статьей 93 Договора. Суд указал, что принцип недискриминации, закрепленный в подпункте 4

пункта 2 статьи 92 Договора, предусматривает наличие обязательств государств – членов Союза обеспечивать режим наибольшего благоприятствования промышленным товарам как государств-членов, так и третьих стран.

К консультативному заключению приложены особые мнения судей Колоса Д. Г., Нешатаевой Т. Н., Федорцова А. А.

Правовые позиции Суда:

1. Промышленная политика в рамках Союза составляет скоординированную политику, которая осуществляется при консультативной поддержке и координации Комиссии в рамках сотрудничества на основе общих подходов, согласованных в Союзе, но с учетом тех, которые изложены в основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Союза. При этом государства-члены самостоятельно формируют национальные промышленные политики, ориентированные на нужды экономики конкретного государства.

Применительно к субсидиям в рамках национальной промышленной политики государств-членов действуют единые правила предоставления промышленных субсидий – специфических и запрещенных (унифицированное регулирование).

(см. абзацы 18-19 пункта 1 части II «Выводы Суда» Консультативного заключения)

2. Принцип недискриминации, направленный на обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, гарантирует предоставление товарам государств-членов не менее благоприятных условий в сравнении с товарами, происходящими из третьих стран.

Принятие государствами-членами мер, направленных на создание для товаров, происходящих из третьих стран, условий более благоприятных по сравнению с товарами государств-членов, не согласуется с основными принципами функционирования и целями Союза.

(см. абзацы 11-12 пункта 2 части II «Выводы Суда» Консультативного заключения)

Summary
of case No. CE-2-2/1-21-БК
(Eurasian Economic Commission)

Keywords:

Eurasian Economic Commission (Commission).

On clarification of Article 92 of the Treaty on the Eurasian Economic Union.

Internal market of the Union; free movement of goods; principle of non-discrimination; national industrial policy of the Member States of the Union; industrial policy of the Union; industrial cooperation within the Union; industrial subsidies.

Advisory opinion – clarification of the Treaty on the Eurasian Economic Union – separate opinions.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission filed a request for clarification the provisions of Article 92 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014, with the Court of the Eurasian Economic Union.

When monitoring the implementation of the Treaty, the Commission identified cases of the introduction of measures that lead to discrimination of goods produced in the territory of the Member States, including measures related to goods produced in the third countries.

The Commission applied to the Court to clarify the limits of the principle of non-discrimination whether it requires the Member States to provide no less favourable treatment for goods originating from the Member States, in comparison with goods originating from the third countries, in the conduct of industrial policy within the framework of the Union.

Moreover, the Commission requested to clarify whether the principle of non-discrimination applies exclusively to the measures taken by the Member States in the implementation of the main areas of industrial cooperation approved by the Eurasian Intergovernmental Council, or whether the industrial policy of the Member States as a whole, including when providing industrial subsidies, is to be based on the principle of non-discrimination.

In the Advisory opinion of 23 November 2021, the Court concluded that the operation of non-discrimination principle, enshrined in paragraph 2 (4), Article 92 of the Treaty, applies to the entire field of industrial cooperation, while industrial subsidies are an independent area of legal regulation provided for by Article 93 of the Treaty. The Court pointed out that the non-discrimination principle, enshrined in subparagraph 4 of paragraph 2 of Article 92 of the Treaty, provides for the obligations of the Member States of the Union to ensure the most favoured nation treatment for industrial goods of both the Member States and the third countries.

The Advisory opinion of the Court is accompanied by the separate opinions of Judges D.G. Kolos, T.N. Neshataeva, A.A. Fedortsov.

Legal findings of the Court:

1. The industrial policy within the Union constitutes the coordinated policy, which is carried out with the advisory support and coordination of the Commission within the framework of cooperation based on common approaches agreed in the Union, but considering those set out in the main directions of industrial cooperation within the Union. At the same time, the Member States independently form national industrial policies focused on the needs of the economy of the particular State.

With regard to subsidies within the framework of the national industrial policy of the Member States, there are the uniform rules for granting industrial subsidies, i.e. specific and prohibited (uniform regulation).

(See subparagraphs 18-19 of paragraph 1, part II «Conclusions of the Court» of the Advisory Opinion)

2. The non-discrimination principle aimed at ensuring the free movement of goods, services, capital and labour, guarantees no less favourable treatment to the goods of the Member States in comparison with the goods originating from the third countries.

Adopted by the Member States measures, aimed at creating more favourable treatment for the goods originating from the third countries in comparison with the goods of the Member States, is inconsistent with the basic principles of functioning of the Union and its objectives.

(See subparagraphs 11-12 of paragraph 2, part II «Conclusions of the Court» of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

23 сентября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Сейтимова В.Х., при секретаре судебного заседания Афанасьеве А.О., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых истцом и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и зачете излишне оплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод» (далее – АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ответчик) в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в Докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), пунктам 101 и 107 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенса-

ционных мер по отношению к третьим странам (Приложение № 8 к Договору; далее – Протокол), пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору), и международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года (далее – ГАТТ 1994) и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI ГАТТ 1994, и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, с приведением размеров ставок таких антидемпинговых пошлин в соответствии с нормами права ЕАЭС, установив начиная с 7 декабря 2018 года их размер на уровне рассчитанной Департаментом индивидуальной демпинговой маржи: для обсадных труб – 9,98%, насосно-компрессорных труб (далее – НКТ) – 12,23%, нефтепроводных труб диаметром до 820 миллиметров включительно, газопроводных труб диаметром до 820 миллиметров включительно и горячедеформированных труб общего назначения диаметром до 820 миллиметров включительно (далее – НПП и ОН трубы) – 12,11% от таможенной стоимости, и зачетом сумм излишне оплаченных антидемпинговых пошлин при поставках товаров, производимых истцом, на таможенную территорию ЕАЭС в период с 7 декабря 2018 года по 1 июня 2021 года в размере 150 537,98 российских рублей, в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин при поставках в будущих периодах производимых истцом товаров на таможенную территорию ЕАЭС.

Требования АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод» обоснованы следующими обстоятельствами.

АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», общество с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», публичное акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» входят в группу компаний ИНТЕРПАЙП, занимающихся производством бесшовных труб и железнодорожных колес в Украине.

Решением Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 года № 702 «О мерах по защите экономических интересов производителей некоторых видов стальных труб в Таможенном союзе» (далее – Решение КТС № 702) установлены антидемпинговые пошлины сроком по 18 ноября 2015 года включительно в отношении ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза:

а) обсадных труб, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304 24 000 1, 7304 24 000 2, 7304 24 000 3, 7304 24 000 4, 7304 24 000 5, 7304 24 000 6, 7304 24 000 9, 7304 29 100 1, 7304 29 300 1, 7304 29 100 2, 7304 29 300 2, 7304 29 100 3, 7304 29 300 3, 7304 29 300 4, 7304 29 100 9, 7304 29 300 9, 7304 29 900 1 и 7304 29 900 9 ТН ВЭД ТС, в размере 18,9% от таможенной стоимости;

б) НКТ, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304 24 000 1, 7304 24 000 2, 7304 24 000 5, 7304 29 100 1, 7304 29 300 1, 7304 29 100 2,

7304 29 300 2, 7304 29 100 9, 7304 29 300 9 ТН ВЭД ТС, в размере 19,9% от таможенной стоимости;

в) НПП и ОН труб, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304, 7305 и 7306 ТН ВЭД ТС, в размерах ставки антидемпинговой пошлины (согласно Приложению) на уровне 19,4% от таможенной стоимости.

Решением Коллегии Комиссии от 6 октября 2015 года № 133 «О продлении применения антидемпинговой меры, установленной Решением Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 г. № 702» применение антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлено по 5 июля 2016 года включительно на срок проведения повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры.

По результатам повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры решением Коллегии Комиссии от 2 июня 2016 года № 48 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, и признании утратившим силу Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 октября 2015 г. № 133» действие антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлено по 1 июня 2021 года включительно.

Решением Коллегии Комиссии от 20 апреля 2021 года № 49 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» срок действия антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлен по 7 февраля 2022 года включительно.

17 октября 2016 года по инициативе группы компаний ИНТЕРПАЙП Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии (далее – Департамент) принято решение о начале повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами и на официальном сайте Комиссии было опубликовано соответствующее Уведомление.

Согласно проведенным Департаментом расчетам, отраженным в Докладе о результатах расследования от 4 октября 2017 года, на основании данных за период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года был определен размер индивидуальной демпинговой маржи для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП: для обсадных труб – 9,98%, НКТ – 12,23%, НПП и ОН труб – 12,11% от таможенной стоимости, являющиеся ниже размеров действующих ставок антидемпинговых пошлин, установленных Решением КТС № 702.

В ходе повторного расследования группой компаний ИНТЕРПАЙП неоднократно представлялись проекты ценовых обязательств.

В Докладе Департамента о результатах повторного антидемпингового расследования от 6 ноября 2018 года содержатся выводы: о невозможности принятия ценовых обязательств; наличии для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП изменившихся обстоятельств, носящих длительный характер; в связи с изменившимися обстоятельствами для группы компаний ИНТЕРПАЙП существующий размер антидемпинговой меры превышает размер, достаточный для противодействия демпинговому импорту; об изменении размера индивидуальной демпинговой маржи при поставках предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП в Союз некоторых видов стальных труб: обсадных труб – 9,98%, НКТ – 12,23%, НПП и ОН труб – 12,11%.

В Уведомлении Департамента от 6 ноября 2018 года «О завершении повторного антидемпингового расследования в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин, в связи с изменившимися обстоятельствами» содержалось сообщение о том, что на заседании 30 октября 2018 года Коллегией Комиссии принятие решения, предусматривающего изменение размеров ставок антидемпинговых пошлин, не поддержано.

С целью соблюдения досудебного порядка урегулирования спора истец дважды (27 июня, 3 декабря 2018 года) обращался в Комиссию с просьбой прекратить бездействие Комиссии, не соответствующее Договору, и устранить нарушение прав и законных интересов группы компаний ИНТЕРПАЙП путем принятия решения Коллегии Комиссии об изменении (снижении) размеров ставок антидемпинговых пошлин, и компенсировать нанесенный неправомерными действиями Коллегией Комиссии материальный ущерб в размере, равном избыточно уплаченным суммам антидемпинговых пошлин.

Указанные обращения оставлены Комиссией без удовлетворения.

II. Выводы Коллегии Суда

Согласно абзацу второму подпункта 2) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Истец просит признать вышеуказанное бездействие Комиссии не соответствующим Договору, в частности пунктам 101 и 107 Протокола, пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI ГАТТ 1994 и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI ГАТТ 1994 и нарушающим его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

По мнению истца, представленный в Докладах о результатах расследования от 4 октября 2017 года и 6 ноября 2018 года Департаментом расчет на основании данных за период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года, определяющий размер индивидуальной демпинговой маржи ниже размеров действующих ставок антидемпинговых пошлин, установленных Решением КТС № 702, являлся основанием для вынесения Коллегией Комиссии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин на уровне рассчитанной индивидуальной демпинговой маржи, и невынесение Комиссией соответствующего решения повлекло нарушение прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Учитывая положения подпункта 2 пункта 39 Статута Суда, изучив заявление и представленные к нему материалы, Суд полагает возможным требование об оспаривании вышеизложенного бездействия Комиссии принять к производству Суда.

Истец, АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», является юридическим лицом, зарегистрирован в соответствии с законодательством Украины, что подтверждается выпиской из Единого государственного реестра юридических лиц, физических лиц – предпринимателей и общественных формирований (идентификационный код юридического лица 05393139), соответствует понятию хозяйствующего субъекта по смыслу подпункта 2) пункта 39 Статута Суда, имеет право на обращение в Суд с заявлением о разрешении спора.

Согласно пункту 2 статьи 32 Регламента Суда заявление подписано уполномоченным лицом.

Предусмотренный пунктом 43 Статута Суда досудебный порядок урегулирования спора соблюден.

Заявление в Суд соответствует требованиям статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами, о том же предмете, по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Заявление истца оплачено пошлиной в порядке, установленном пунктами 62, 63 Статута Суда.

Истцом представлены доказательства, подтверждающие направление ответчику копии заявления в Суд.

Вместе с тем, требования истца о приведении размеров ставок антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права ЕАЭС и зачёте избыточно уплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин не соответствуют компетенции Суда, предусмотренной пунктом 39 Статута Суда. В этой связи, на основании подпункта а) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда в принятии заявления в этой части следует отказать.

Таким образом, заявление АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод» об оспаривании бездействия Комиссии в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, *prima facie* подлежит принятию к производству Суда.

Руководствуясь подпунктом 2) пункта 39, пунктами 41, 43, 62, 63, 76 Статута Суда, пунктом 1, подпунктом а) пункта 2 статьи 33, статьями 34 и 84 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в Докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе, в частности пунктам 101 и 107 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, и международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI Генераль-

ного соглашения по тарифам и торговле 1994 Всемирной торговой организации и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994.

Отказать акционерному обществу «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод» в принятии заявления в части приведения действующих размеров ставок антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права Евразийского экономического союза, зачета излишне оплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 11 ноября 2021 года в 11 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

В.Х. Сейтимова

Судьи

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

23 сентября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Сейтимова В.Х., при секретаре судебного заседания Афанасьеве А.О.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых истцом и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и зачете излишне оплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» (далее – ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ответчик) в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в Докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), пунктам 101 и 107 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых

и компенсационных мер по отношению к третьим странам (Приложение № 8 к Договору; далее – Протокол), пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору), и международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года (далее – ГАТТ 1994) и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI ГАТТ 1994, и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, с приведением размеров ставок таких антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права ЕАЭС, установив начиная с 7 декабря 2018 года их размер на уровне рассчитанной Департаментом индивидуальной демпинговой маржи: для обсадных труб – 9,98%, насосно-компрессорных труб (далее – НКТ) – 12,23%, нефтепроводных труб диаметром до 820 миллиметров включительно, газопроводных труб диаметром до 820 миллиметров включительно и горячедеформированных труб общего назначения диаметром до 820 миллиметров включительно (далее – НПП и ОН трубы) – 12,11% от таможенной стоимости, и зачетом сумм излишне оплаченных антидемпинговых пошлин при поставках товаров, производимых истцом, на таможенную территорию ЕАЭС в период с 7 декабря 2018 года по 1 июня 2021 года в размере 42 055 734,31 российских рублей, в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин при поставках в будущих периодах производимых истцом товаров на таможенную территорию ЕАЭС.

Требования ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» обоснованы следующими обстоятельствами.

ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», публичное акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод», акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод» входят в группу компаний ИНТЕРПАЙП, занимающихся производством бесшовных труб и железнодорожных колес в Украине.

Решением Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 года № 702 «О мерах по защите экономических интересов производителей некоторых видов стальных труб в Таможенном союзе» (далее – Решение КТС № 702) установлены антидемпинговые пошлины сроком по 18 ноября 2015 года включительно в отношении ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза:

а) обсадных труб, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304 24 000 1, 7304 24 000 2, 7304 24 000 3, 7304 24 000 4, 7304 24 000 5, 7304 24 000 6, 7304 24 000 9, 7304 29 100 1, 7304 29 300 1, 7304 29 100 2, 7304 29 300 2, 7304 29 100 3, 7304 29 300 3, 7304 29 300 4, 7304 29 100 9, 7304 29 300 9, 7304 29 900 1 и 7304 29 900 9 ТН ВЭД ТС, в размере 18,9% от таможенной стоимости;

б) НКТ, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304 24 000 1, 7304 24 000 2, 7304 24 000 5, 7304 29 100 1, 7304 29 300 1, 7304 29 100 2, 7304 29 300 2, 7304 29 100 9, 7304 29 300 9 ТН ВЭД ТС, в размере 19,9% от таможенной стоимости;

в) НПП и ОН труб, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304, 7305 и 7306 ТН ВЭД ТС, в размерах ставки антидемпинговой пошлины (согласно Приложению) на уровне 19,4% от таможенной стоимости.

Решением Коллегии Комиссии от 6 октября 2015 года № 133 «О продлении применения антидемпинговой меры, установленной Решением Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 г. № 702» применение антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлено по 5 июля 2016 года включительно на срок проведения повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры.

По результатам повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры решением Коллегии Комиссии от 2 июня 2016 года № 48 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, и признании утратившим силу Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 октября 2015 г. № 133» действие антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлено по 1 июня 2021 года включительно.

Решением Коллегии Комиссии от 20 апреля 2021 года № 49 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» срок действия антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлен по 7 февраля 2022 года включительно.

17 октября 2016 года по инициативе группы компаний ИНТЕРПАЙП Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии (далее – Департамент) принято решение о начале повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами и на официальном сайте Комиссии было опубликовано соответствующее Уведомление.

Согласно проведенным Департаментом расчетам, отраженным в Докладе о результатах расследования от 4 октября 2017 года, на основании данных за период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года был определен размер индивидуальной демпинговой маржи для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП: для обсадных труб – 9,98%, НКТ – 12,23%, НПП и ОН труб – 12,11% от таможенной стоимости, являющиеся ниже размеров действующих ставок антидемпинговых пошлин, установленных Решением КТС № 702.

В ходе повторного расследования группой компаний ИНТЕРПАЙП неоднократно представлялись проекты ценовых обязательств.

В Докладе Департамента о результатах повторного антидемпингового расследования от 6 ноября 2018 года содержатся выводы: о невозможности принятия ценовых обязательств; наличии для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП изменившихся обстоятельств, носящих длительный характер; в связи с изменившимися обстоятельствами для группы компаний ИНТЕРПАЙП существующий размер антидемпинговой меры превышает размер, достаточный для противодействия демпинговому импорту; об изменении размера индивидуальной демпинговой маржи при поставках предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП в Союз некоторых видов стальных труб: обсадных труб – 9,98%, НКТ – 12,23%, НГП и ОН труб – 12,11%.

В Уведомлении Департамента от 6 ноября 2018 года «О завершении повторного антидемпингового расследования в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин, в связи с изменившимися обстоятельствами» содержалось сообщение о том, что на заседании 30 октября 2018 года Коллегией Комиссии принятие решения, предусматривающего изменение размеров ставок антидемпинговых пошлин, не поддержано.

С целью соблюдения досудебного порядка урегулирования спора истец дважды (27 июня, 3 декабря 2018 года) обращался в Комиссию с просьбой прекратить бездействие Комиссии, не соответствующее Договору, и устранить нарушение прав и законных интересов группы компаний ИНТЕРПАЙП путем принятия решения Коллегии Комиссии об изменении (снижении) размеров ставок антидемпинговых пошлин, и компенсировать нанесенный неправомерными действиями Коллегией Комиссии материальный ущерб в размере, равном избыточно уплаченным суммам антидемпинговых пошлин.

Указанные обращения оставлены Комиссией без удовлетворения.

II. Выводы Коллегии Суда

Согласно абзацу второму подпункта 2) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Истец просит признать вышеуказанное бездействие Комиссии не соответствующим Договору, в частности пунктам 101 и 107 Протокола, пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI ГАТТ 1994 и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI ГАТТ 1994 и нарушающим его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

По мнению истца, представленный в Докладах о результатах расследования от 4 октября 2017 года и 6 ноября 2018 года Департаментом расчет на основании данных за период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года, определяющий размер индивидуальной демпинговой маржи ниже размеров действующих ставок антидемпинговых пошлин, установленных Решением КТС № 702, являлся основанием для вынесения Коллегией Комиссии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин на уровне рассчитанной индивидуальной демпинговой маржи, и невынесение Комиссией соответствующего решения повлекло нарушение прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Учитывая положения подпункта 2 пункта 39 Статута Суда, изучив заявление и представленные к нему материалы, Суд полагает возможным требование об оспаривании вышеизложенного бездействия Комиссии принять к производству Суда.

Истец, ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», является юридическим лицом, зарегистрирован в соответствии с законодательством Украины, что подтверждается выпиской из Единого государственного реестра юридических лиц, физических лиц – предпринимателей и общественных формирований (идентификационный код юридического лица 35537363), соответствует понятию хозяйствующего субъекта по смыслу подпункта 2) пункта 39 Статута Суда, имеет право на обращение в Суд с заявлением о разрешении спора.

Согласно пункту 2 статьи 32 Регламента Суда заявление подписано уполномоченным лицом.

Предусмотренный пунктом 43 Статута Суда досудебный порядок урегулирования спора соблюден.

Заявление в Суд соответствует требованиям статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами, о том же предмете, по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Заявление истца оплачено пошлиной в порядке, установленном пунктами 62, 63 Статута Суда.

Истцом представлены доказательства, подтверждающие направление ответчику копии заявления в Суд.

Вместе с тем, требования истца о приведении размеров ставок антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права ЕАЭС и зачёте избыточно уплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин не соответствуют компетенции Суда, предусмотренной пунктом 39 Статута Суда. В этой связи, на основании подпункта а) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда в принятии заявления в этой части следует отказать.

Таким образом, заявление ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» об оспаривании бездействия Комиссии в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, *prima facie* подлежит принятию к производству Суда.

Руководствуясь подпунктом 2) пункта 39, пунктами 41, 43, 62, 63, 76 Статута Суда, пунктом 1, подпунктом а) пункта 2 статьи 33, статьями 34 и 84 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление общества с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в Докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе, в частности пунктам 101 и 107 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, и международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 Всемирной торговой организации и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994.

Отказать обществу с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» в принятии заявления в части приведения действующих размеров ставок антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права Евразийского экономического союза, зачета излишне оплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 11 ноября 2021 года в 11 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

В.Х. Сейтимова

Судьи

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

23 сентября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Сейтимова В.Х., при секретаре судебного заседания Афанасьеве А.О., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление публичного акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии в принятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых истцом и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и зачете излишне оплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Публичное акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» (далее – ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ответчик) в принятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в Докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), пунктам 101 и 107 Протокола о применении специальных защит-

ных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (Приложение № 8 к Договору; далее – Протокол), пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору), и международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года (далее – ГАТТ 1994) и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI ГАТТ 1994, и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, с приведением размеров ставок таких антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права ЕАЭС, установив начиная с 7 декабря 2018 года их размер на уровне рассчитанной Департаментом индивидуальной демпинговой маржи: для обсадных труб – 9,98%, насосно-компрессорных труб (далее – НКТ) – 12,23%, нефтепроводных труб диаметром до 820 миллиметров включительно, газопроводных труб диаметром до 820 миллиметров включительно и горячедеформированных труб общего назначения диаметром до 820 миллиметров включительно (далее – НПП и ОН трубы) – 12,11% от таможенной стоимости, и зачетом сумм излишне оплаченных антидемпинговых пошлин при поставках товаров, производимых истцом, на таможенную территорию ЕАЭС в период с 7 декабря 2018 года по 1 июня 2021 года в размере 79 506 514,97 российских рублей, в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин при поставках в будущих периодах производимых истцом товаров на таможенную территорию ЕАЭС.

Требования ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» обоснованы следующими обстоятельствами.

ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод», акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», общество с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» входят в группу компаний ИНТЕРПАЙП, занимающихся производством бесшовных труб и железнодорожных колес в Украине.

Решением Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 года № 702 «О мерах по защите экономических интересов производителей некоторых видов стальных труб в Таможенном союзе» (далее – Решение КТС № 702) установлены антидемпинговые пошлины сроком по 18 ноября 2015 года включительно в отношении ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза:

а) обсадных труб, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304 24 000 1, 7304 24 000 2, 7304 24 000 3, 7304 24 000 4, 7304 24 000 5, 7304 24 000 6, 7304 24 000 9, 7304 29 100 1, 7304 29 300 1, 7304 29 100 2, 7304 29 300 2, 7304 29 100 3, 7304 29 300 3, 7304 29 300 4, 7304 29 100 9, 7304 29 300 9, 7304 29 900 1 и 7304 29 900 9 ТН ВЭД ТС, в размере 18,9% от таможенной стоимости;

б) НКТ, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304 24 000 1, 7304 24 000 2, 7304 24 000 5, 7304 29 100 1, 7304 29 300 1, 7304 29 100 2, 7304 29 300 2, 7304 29 100 9, 7304 29 300 9 ТН ВЭД ТС, в размере 19,9% от таможенной стоимости;

в) НПП и ОН труб, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304, 7305 и 7306 ТН ВЭД ТС, в размерах ставки антидемпинговой пошлины (согласно Приложению) на уровне 19,4% от таможенной стоимости.

Решением Коллегии Комиссии от 6 октября 2015 года № 133 «О продлении применения антидемпинговой меры, установленной Решением Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 г. № 702» применение антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлено по 5 июля 2016 года включительно на срок проведения повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры.

По результатам повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры решением Коллегии Комиссии от 2 июня 2016 года № 48 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, и признании утратившим силу Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 октября 2015 г. № 133» действие антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлено по 1 июня 2021 года включительно.

Решением Коллегии Комиссии от 20 апреля 2021 года № 49 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» срок действия антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлен по 7 февраля 2022 года включительно.

17 октября 2016 года по инициативе группы компаний ИНТЕРПАЙП Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии (далее – Департамент) принято решение о начале повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами и на официальном сайте Комиссии было опубликовано соответствующее Уведомление.

Согласно проведенным Департаментом расчетам, отраженным в Докладе о результатах расследования от 4 октября 2017 года, на основании данных за период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года был определен размер индивидуальной демпинговой маржи для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП: для обсадных труб – 9,98%, НКТ – 12,23%, НПП и ОН труб – 12,11%

от таможенной стоимости, являющиеся ниже размеров действующих ставок антидемпинговых пошлин, установленных Решением КТС № 702.

В ходе повторного расследования группой компаний ИНТЕРПАЙП неоднократно представлялись проекты ценовых обязательств.

В Докладе Департамента о результатах повторного антидемпингового расследования от 6 ноября 2018 года содержатся выводы: о невозможности принятия ценовых обязательств; наличии для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП изменившихся обстоятельств, носящих длительный характер; в связи с изменившимися обстоятельствами для группы компаний ИНТЕРПАЙП существующий размер антидемпинговой меры превышает размер, достаточный для противодействия демпинговому импорту; об изменении размера индивидуальной демпинговой маржи при поставках предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП в Союз некоторых видов стальных труб: обсадных труб – 9,98%, НКТ – 12,23%, НГП и ОН труб – 12,11%.

В Уведомлении Департамента от 6 ноября 2018 года «О завершении повторного антидемпингового расследования в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин, в связи с изменившимися обстоятельствами» содержалось сообщение о том, что на заседании 30 октября 2018 года Коллегией Комиссии принятие решения, предусматривающего изменение размеров ставок антидемпинговых пошлин, не поддержано.

С целью соблюдения досудебного порядка урегулирования спора истец дважды (27 июня, 3 декабря 2018 года) обращался в Комиссию с просьбой прекратить бездействие Комиссии, не соответствующее Договору, и устранить нарушение прав и законных интересов группы компаний ИНТЕРПАЙП путем принятия решения Коллегии Комиссии об изменении (снижении) размеров ставок антидемпинговых пошлин, и компенсировать нанесенный неправомерными действиями Коллегией Комиссии материальный ущерб в размере, равном избыточно уплаченным суммам антидемпинговых пошлин.

Указанные обращения оставлены Комиссией без удовлетворения.

II. Выводы Коллегии Суда

Согласно абзацу второму подпункта 2) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономи-

ческой деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Истец просит признать вышеуказанное бездействие Комиссии не соответствующим Договору, в частности пунктам 101 и 107 Протокола, пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI ГАТТ 1994 и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI ГАТТ 1994 и нарушающим его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

По мнению истца, представленный в Докладах о результатах расследования от 4 октября 2017 года и 6 ноября 2018 года Департаментом расчет на основании данных за период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года, определяющий размер индивидуальной демпинговой маржи ниже размеров действующих ставок антидемпинговых пошлин, установленных Решением КТС № 702, являлся основанием для вынесения Коллегией Комиссии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин на уровне рассчитанной индивидуальной демпинговой маржи, и невынесение Комиссией соответствующего решения повлекло нарушение прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Учитывая положения подпункта 2 пункта 39 Статута Суда, изучив заявление и представленные к нему материалы, Суд полагает возможным требование об оспаривании вышеизложенного бездействия Комиссии принять к производству Суда.

Истец, ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод», является юридическим лицом, зарегистрирован в соответствии с законодательством Украины, что подтверждается выпиской из Единого государственного реестра юридических лиц, физических лиц – предпринимателей и общественных формирований (идентификационный код юридического лица 05393116), соответствует понятию хозяйствующего субъекта по смыслу подпункта 2) пункта 39 Статута Суда, имеет право на обращение в Суд с заявлением о разрешении спора.

Согласно пункту 2 статьи 32 Регламента Суда заявление подписано уполномоченным лицом.

Предусмотренный пунктом 43 Статута Суда досудебный порядок урегулирования спора соблюден.

Заявление в Суд соответствует требованиям статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами, о том же предмете, по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Заявление истца оплачено пошлиной в порядке, установленном пунктами 62, 63 Статута Суда.

Истцом представлены доказательства, подтверждающие направление ответчику копии заявления в Суд.

Вместе с тем, требования истца о приведении размеров ставок антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права ЕАЭС и зачёте избыточно уплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин не соответствуют компетенции Суда, предусмотренной пунктом 39 Статута Суда. В этой связи, на основании подпункта а) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда в принятии заявления в этой части следует отказать.

Таким образом, заявление ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» об оспаривании бездействия Комиссии в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, *prima facie* подлежит принятию к производству Суда.

Руководствуясь подпунктом 2) пункта 39, пунктами 41, 43, 62, 63, 76 Статута Суда, пунктом 1, подпунктом а) пункта 2 статьи 33, статьями 34 и 84 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление публичного акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в Докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе, в частности пунктам 101 и 107 Протокола о применении спе-

циальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, и международным договорам в рамках Союза, в частности пункту 2 статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 Всемирной торговой организации и подпунктам 9.1, 9.3 Соглашения по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994.

Отказать публичному акционерному обществу «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» в принятии заявления в части приведения действующих размеров ставок антидемпинговых пошлин в соответствие с нормами права Евразийского экономического союза, зачета излишне оплаченных антидемпинговых пошлин в счет последующих платежей антидемпинговых пошлин.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 11 ноября 2021 года в 11 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

В.Х. Сейтимова

Судьи

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

23 ноября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Сейтимова В.Х., при секретаре судебного заседания Афанасьеве А.О., при участии представителей акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», общества с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», публичного акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» Шкарбана Е.П., Шульги Ю.В.,

представителей Евразийской экономической комиссии Авдеева А.Д., Захарова А.В., Соколова Ю.Е.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявления акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», общества с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», публичного акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии, выраженного в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, в частности, пунктам 101 и 107 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, и международным договорам в рамках Союза, пункту 2 статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года Всемирной торговой организации и пунктам 9.1, 9.3 статьи 9 Соглашения по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод» (далее – АО «ИНТЕРПАЙП НМТЗ»), общество с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ» (далее – ООО «НИКО»), публичное акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» (далее – ПАО «ИНТЕРПАЙП НТЗ») (далее совместно – истцы, группа компаний ИНТЕРПАЙП) обратились в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлениями о признании бездействия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК, ответчик), выраженного в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), в частности, пунктам 101 и 107 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение № 8 к Договору; далее – Протокол № 8), пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о ЕЭК), и международным договорам в рамках Союза, пункту 2 статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года (далее – ГАТТ 1994) и пунктам 9.1, 9.3 статьи 9 Соглашения по применению статьи VI ГАТТ 1994, и нарушающим права и законные интересы истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Истцы считают, что оспариваемое бездействие Комиссии повлекло применение в отношении производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП товаров антидемпинговых мер, размер которых не соответствует Договору и международным договорам в рамках Союза, нарушает права и законные интересы истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и международными договорами в рамках Союза, в результате чего истцам был причинен материальный ущерб, подлежащий компенсации.

Истцы также полагают, что оспариваемым бездействием Комиссии нарушены основные принципы применения мер защиты внутреннего рынка ЕАЭС и правил конкуренции.

Свои требования истцы обосновывают следующими обстоятельствами.

АО «ИНТЕРПАЙП НМТЗ», ООО «НИКО», ПАО «ИНТЕРПАЙП НТЗ» входят в группу компаний ИНТЕРПАЙП, производящую бесшовные трубы и железнодорожные колеса в Украине.

Решением Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 года № 702 «О мерах по защите экономических интересов производителей некоторых видов стальных труб в Таможенном союзе» (далее – Решение КТС № 702) установлены антидемпинговые пошлины сроком по 18 ноября 2015 года включительно в отношении ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза:

а) обсадных труб, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304 24 000 1, 7304 24 000 2, 7304 24 000 3, 7304 24 000 4, 7304 24 000 5, 7304 24 000 6, 7304 24 000 9, 7304 29 100 1, 7304 29 300 1, 7304 29 100 2, 7304 29 300 2, 7304 29 100 3, 7304 29 300 3, 7304 29 300 4, 7304 29 100 9, 7304 29 300 9, 7304 29 900 1 и 7304 29 900 9 ТН ВЭД ТС (далее – обсадные трубы), в размере 18,9% от таможенной стоимости;

б) насосно-компрессорных труб, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304 24 000 1, 7304 24 000 2, 7304 24 000 5, 7304 29 100 1, 7304 29 300 1, 7304 29 100 2, 7304 29 300 2, 7304 29 100 9, 7304 29 300 9 ТН ВЭД ТС (далее – НКТ), в размере 19,9% от таможенной стоимости;

в) нефтепроводных труб диаметром до 820 миллиметров включительно, газопроводных труб диаметром до 820 миллиметров включительно и горячедеформированных труб общего назначения диаметром до 820 миллиметров включительно, происходящих из Украины и классифицируемых кодами 7304, 7305 и 7306 ТН ВЭД ТС (далее – НПП и ОН трубы), в размерах ставок антидемпинговой пошлины согласно приложению к Решению КТС № 702.

Решением Коллегии Комиссии от 6 октября 2015 года № 133 «О продлении применения антидемпинговой меры, установленной Решением Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 г. № 702» (далее – Решение № 133) применение антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлено по 5 июля 2016 года включительно на срок проведения повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры.

По результатам повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры решением Коллегии Комиссии от 2 июня 2016 года № 48 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического

союза, и признании утратившим силу Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 октября 2015 г. № 133» (далее – Решение № 48) действие антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлено по 1 июня 2021 года включительно.

17 октября 2016 года в период действия Решения КТС № 702 и Решения № 48 по инициативе группы компаний ИНТЕРПАЙП Департаментом защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии (орган, ответственный за проведение расследований на основании решения Коллегии Комиссии от 7 марта 2012 года № 1 «О некоторых вопросах применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер на единой таможенной территории Таможенного союза»; далее – орган, проводящий расследование) начато повторное антидемпинговое расследование в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, о чем на официальном сайте Комиссии опубликовано соответствующее уведомление.

4 октября 2017 года орган, проводящий расследование, в соответствии с процедурой, предусмотренной Протоколом № 8 и Регламентом принятия решений и подготовки проектов решений Евразийской экономической комиссии по вопросам специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, утвержденным решением Коллегии Комиссии от 7 марта 2012 года № 1 (далее – Регламент принятия решений и подготовки проектов решений Комиссии), опубликовал доклад о результатах повторного антидемпингового расследования, в котором содержатся выводы: о наличии для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП изменившихся обстоятельств, носящих длительный характер; в связи с изменившимися обстоятельствами для группы компаний ИНТЕРПАЙП существующий размер антидемпинговой меры превышает размер, достаточный для противодействия демпинговому импорту; об изменении размера индивидуальной демпинговой маржи при поставках предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП. Согласно расчетам, проведенным органом, проводящим расследование, на основании данных за период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года размер индивидуальной демпинговой маржи для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП в указанный период составлял: для обсадных труб – 9,98%, для НКТ – 12,23%, для НГП и ОН труб – 12,11% от таможенной стоимости, являющийся ниже размера действующих ставок антидемпинговых пошлин, установленных Решением КТС № 702.

В ходе повторного антидемпингового расследования группой компаний ИНТЕРПАЙП неоднократно представлялись проекты ценовых обязательств.

В докладе органа, проводящего расследование, о результатах повторного антидемпингового расследования, размещенном на официальном сайте Комиссии 6 ноября 2018 года, также содержится заключение о невозможности принятия ценовых обязательств.

В уведомлении органа, проводящего расследование, от 6 ноября 2018 года № 2018/145/AD1R3 «О завершении повторного антидемпингового расследования в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин, в связи с изменившимися обстоятельствами» содержится сообщение о том, что на заседании 30 октября 2018 года Коллегией Комиссии рассмотрен проект решения, предусматривающий изменение размеров ставок антидемпинговых пошлин, и принятие такого решения не поддержано.

В досудебном порядке группа компаний ИНТЕРПАЙП 27 июня 2018 года направила в Комиссию обращение с просьбой прекратить бездействие Комиссии, не соответствующее Договору, и устранить нарушение прав и законных интересов группы компаний ИНТЕРПАЙП путем принятия решения Коллегии Комиссии об изменении (снижении) размеров ставок антидемпинговых пошлин.

3 декабря 2018 года группа компаний ИНТЕРПАЙП вновь обратилась в Комиссию с просьбой привести действующие ставки антидемпинговых пошлин в соответствие с положениями законодательства Союза, устранить нарушение прав и законных интересов группы компаний ИНТЕРПАЙП путем принятия решения Коллегии Комиссии об изменении (снижении) размеров ставок антидемпинговых пошлин в соответствии с размерами демпинговой маржи, а также компенсировать нанесенный неправомерными действиями Коллегии Комиссии группе компаний ИНТЕРПАЙП материальный ущерб в размере, равном избыточно уплаченным суммам антидемпинговых пошлин.

Указанные обращения оставлены Комиссией без удовлетворения.

Истцы полагают, что непринятие Комиссией после завершения повторного антидемпингового расследования решения об изменении действующих ставок антидемпинговых пошлин является обязательным в рамках осуществления мониторинга и контроля исполнения Решения КТС № 702, как акта права ЕАЭС, и подтверждает факт наличия бездействия Комиссии.

Решением Коллегии Комиссии от 20 апреля 2021 года № 49 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 49) срок действия антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, продлен в соответствии с пунктом 109 Протокола № 8 по 7 февраля 2022 года включительно на срок проведения повторного антидемпингового расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры.

Ответчиком в Суд представлены письменные возражения на доводы заявлений, в которых Комиссия утверждает, что непринятие решения Коллегией Комиссии об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин на

уровне размера индивидуальной демпинговой маржи не может быть признано бездействием Комиссии.

Ответчик полагает, что в соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о ЕЭК на Комиссию не возложены обязательства производить мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и действующих решений Комиссии в отношении их соответствия нормам Договора и международным договорам в рамках Союза, в частности, обязательство по контролю исполнения Решения КТС № 702.

По мнению Комиссии, истцы недобросовестно расширительно толкуют полномочия Комиссии и тем самым заменяют полномочие по «контролю исполнения решений Комиссии» полномочием «контроля исполнения решений Комиссии в отношении их соответствия нормам Договора и международным договорам в рамках Союза», отсутствующим в пункте 43 Положения о ЕЭК.

Ответчик полагает, что на Комиссию как на регулирующий орган ЕАЭС не возложено обязательство по проведению контроля исполнения действующих решений Комиссии в отношении их соответствия нормам Договора и международных договоров в рамках Союза в связи с тем, что вопросы, относящиеся к прерогативе Суда, не могут являться предметом мониторинга и контроля со стороны Комиссии.

Комиссия не согласна с утверждением истцов о том, что Коллегия Комиссии была обязана на заседании 30 октября 2018 года (или на последующих заседаниях) принять решение, предусматривающее изменение размеров ставок антидемпинговых пошлин на некоторые виды стальных труб, производимых предприятиями группы компаний ИНТЕРПАЙП.

По мнению ответчика, у Коллегии Комиссии отсутствует прямая обязанность принять решение об изменении ставок антидемпинговых пошлин на основании доклада о результатах повторного антидемпингового расследования. Подготовка и внесение соответствующего проекта решения Коллегии Комиссии не означает, что данное решение будет поддержано и принято, поскольку все решения Коллегии Комиссии принимаются голосованием.

Комиссия полагает, что оспариваемое бездействие Комиссии не повлекло применение антидемпинговых мер, размер которых не соответствует Договору и международным договорам в рамках Союза, а также не могло повлечь нарушение принципов применения мер защиты внутреннего рынка ЕАЭС и правил конкуренции; отсутствует причинно-следственная связь между оспариваемым бездействием Комиссии и нанесением ущерба истцам, поскольку обязанность Комиссии, на которую ссылаются истцы, не предусмотрена Договором или решениями Комиссии.

Таким образом, по мнению ответчика, бездействие не могло повлечь нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Комиссия, не соглашаясь с утверждениями истцов о несоответствии размера применяемых антидемпинговых мер Договору, считает, что положения пунктов 101 и 107 Протокола № 8, а также пунктов 9.1, 9.3 статьи 9 Соглашения по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года неприменимы к рассматриваемой ситуации, поскольку указанные нормы касаются принятия решения о введении или изменении антидемпинговой пошлины на основании расчетов демпинговой маржи, то есть ситуации, которая не имела место по итогам повторного антидемпингового расследования в связи с изменившимися обстоятельствами, проведенного в 2016-2018 годах.

В рамках подготовки дел к рассмотрению по запросу Суда Комиссия представила документы, в том числе конфиденциальные материалы, относящиеся к рассмотрению результатов повторного антидемпингового расследования в отношении товаров, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП. Протокольным постановлением Коллегии Суда от 11 ноября 2021 года заявления истцов АО «ИНТЕРПАЙП НМТЗ», ООО «НИКО» и ПАО «ИНТЕРПАЙП НТЗ» объединены в одно производство.

В судебном заседании представители истцов поддержали заявленные требования. Представители ответчика, настаивая на позиции о необоснованности заявленных требований, просили прекратить производство по делу, ссылаясь на отсутствие компетенции Суда по рассмотрению заявленных истцами требований.

II. Выводы Коллегии Суда

2.1. В соответствии с подпунктом 2) пункта 39 главы IV «Компетенция Суда» Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта:

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или)

международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Таким образом, право Союза устанавливает две различные категории споров, рассматриваемых Судом по заявлениям хозяйствующих субъектов, предоставляя последним два способа защиты своих прав и законных интересов.

Как следует из текста указанных положений, предусмотренные Статутом Суда способы защиты нарушенных прав и законных интересов хозяйствующих субъектов применяются в зависимости от того, чем затрагиваются их права и интересы, – правовым актом Союза или ненадлежащим исполнением (неисполнением) Комиссией своих функциональных обязанностей, регламентированных правом Союза.

2.2. 14 сентября 2021 года группа компаний ИНТЕРПАЙП обратилась в Суд с заявлениями об оспаривании бездействия, выраженного в непринятии Комиссией решения об изменении размеров ставок антидемпинговых пошлин на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной органом, проводящим расследование, и указанной в докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин (в связи с изменившимися обстоятельствами), которые устанавливаются или изменяются актом Союза – решением Коллегии Комиссии (пункт 2 статьи 48 Договора; пункты 5, 219 Протокола № 8; пункт 2.4 Регламента принятия решений Комиссии).

Определяя в рассматриваемых правоотношениях подлежащий оспариванию в судебном порядке предмет, Суд исходит из необходимости установления того, затрагиваются ли права и законные интересы истцов действием (бездействием) или применением решения Комиссии

2.3. Решением КТС № 702 в отношении товаров, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП, установлены антидемпинговые пошлины. На основании Решения № 48 применение антидемпинговых пошлин продлено до 1 июня 2021 года.

Как следует из материалов дела, орган, проводящий расследование, в соответствии с пунктом 110 Протокола № 8 по инициативе группы компаний ИНТЕРПАЙП в целях пересмотра антидемпинговой меры в связи с изменившимися обстоятельствами провел повторное антидемпинговое расследование и пришел к выводу об изменении размера индивидуальной демпинговой маржи для предприятий группы компаний ИНТЕРПАЙП, который в период с 1 января 2015 года по 30 июня 2016 года составил для обсадных труб – 9,98%, для НКТ – 12,23%, для НГП и ОН труб – 12,11%.

30 октября 2018 года Коллегия Комиссии на заседании не поддержала итоги повторного расследования (доклад органа, проводящего расследование; проект решения Комиссии).

Неоднократные обращения группы компаний ИНТЕРПАЙП в Комиссию в порядке досудебного урегулирования спора после проведения указанного повторного расследования (27 июня, 3 декабря 2018 года) были оставлены без удовлетворения.

20 апреля 2021 года в соответствии с пунктом 109 Протокола № 8 Коллегия Комиссии приняла Решение № 49 о продлении действия антидемпинговой меры, установленной Решением КТС № 702, по 7 февраля 2022 года на период повторного расследования в связи с истечением срока действия антидемпинговой меры.

2.4. 14 сентября 2021 года, в период действия указанного Решения № 49, группа компаний ИНТЕРПАЙП обратилась в Суд с заявлениями об оспаривании «бездействия» Комиссии, выраженного в непринятии ЕЭК требуемого истцами решения об уменьшении антидемпинговых пошлин.

Исходя из позиции истцов, их права и законные интересы затронуты вышеуказанным бездействием Комиссии.

Из статьи 48 «Общие положения о введении мер защиты внутреннего рынка» Договора следует, что формой реализации Комиссией полномочий по введению, применению, изменению, отмене, неприменению на территории Союза антидемпинговых мер является принятие решения Комиссии.

Как следует из фактических обстоятельств дела, в отношении группы компаний ИНТЕРПАЙП с 2011 года действует антидемпинговая мера, установленная Решением КТС № 702, срок действия которой продлевался Решениями № 133, № 48 и № 49.

На момент рассмотрения спора Судом антидемпинговые пошлины в отношении товаров, производимых истцами и ввозимых на таможенную территорию Союза, применяются на основании Решения КТС № 702 и Решения № 49.

Таким образом, обязанность по уплате антидемпинговых пошлин, размер которых оспаривается истцами, основывается на применении действующих решений Комиссии.

2.5. В соответствии с пунктом 1 статьи 31 Венской конвенции от 23 мая 1969 года «О праве международных договоров» договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Устанавливая компетенцию Суда по рассмотрению споров по заявлениям хозяйствующих субъектов, подпункт 2) пункта 39 Статута Суда предусматривает различие между категориями споров, рассматриваемых на основании таких заявлений.

Коллегия Суда отмечает, что если право Союза устанавливает в определенной сфере форму реализации полномочий Комиссии, и такие полномочия

реализованы в решении, то надлежащим способом защиты предполагаемого нарушенного права является оспаривание решения Комиссии, применяемого в отношении хозяйствующего субъекта.

2.6. Поскольку права и законные интересы истцов непосредственно затрагиваются применением к ним решения Комиссии, Коллегия Суда приходит к выводу об отсутствии у Суда предметной компетенции (*ratione materiae*) по рассмотрению спора об оспаривании бездействия Комиссии на основании абзаца второго подпункта 2) пункта 39 Статута Суда.

2.7. Вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной (пункт 41 Статута Суда).

Анализ обстоятельств дела и применимого права Союза позволил сделать вывод об отсутствии компетенции Суда по рассмотрению данного обращения группы компаний ИНТЕРПАЙП.

Заявления истцов приняты к производству *prima facie* (на первый взгляд), без выводов в постановлениях Коллегии Суда от 23 сентября 2021 года о компетенции Суда.

Учитывая, что рассмотрение данного спора не относится к компетенции Суда, производство по делу подлежит прекращению на основании подпункта а) пункта 1 статьи 56 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 41, подпунктом 3) пункта 95 Статута Суда, подпунктом а) пункта 1 статьи 56, пунктами 2, 3 статьи 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза,

ПОСТАНОВИЛА:

Прекратить производство по делу по заявлениям акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», общества с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», публичного акционерного общества «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии, выраженного в непринятии решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, на уровне размера индивидуальной демпинговой маржи, рассчитанной Департаментом

защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии и указанной в докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами, – не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, в частности, пунктам 101 и 107 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, пункту 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, и международным договорам в рамках Союза, пункту 2 статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года Всемирной торговой организации и пунктам 9.1, 9.3 статьи 9 Соглашения по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года.

Пошлины, уплаченные при обращении в Суд Евразийского экономического союза, возврату не подлежат.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

В.Х. Сейтимова

Судьи

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Резюме

по делам № СЕ-1-2/9-21-КС; СЕ-1-2/10-21-КС; СЕ-1-2/11-21-КС
(АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод»;
ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ»; ПАО «ИНТЕРПАЙП
Нижнеднепровский трубопрокатный завод»)

Ключевые слова:

Акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», Общество с ограниченной ответственностью «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», Публичное акционерное общество «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» (хозяйствующие субъекты, юридические лица) – истцы, группа компаний ИНТЕРПАЙП – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК, Комиссия).

Об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии.

Стальные трубы – размеры ставок антидемпинговых пошлин – индивидуальная демпинговая маржа – антидемпинговое расследование – изменившиеся обстоятельства – компетенция Суда.

Решение Комиссии Таможенного союза от 22 июня 2011 г. № 702 «О мерах по защите экономических интересов производителей некоторых видов стальных труб в Таможенном союзе», принятое в отношении группы компаний ИНТЕРПАЙП – Решение Коллегии Комиссии от 20 апреля 2021 года № 49 «О продлении действия антидемпинговой меры (установленной решением Комиссии Таможенного союза № 702) в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза».

Постановление Коллегии Суда – принятие к производству – постановление Коллегии Суда – прекращение производства.

Описание:

АО «ИНТЕРПАЙП Новомосковский трубный завод», ООО «ИНТЕРПАЙП НИКО ТЬЮБ», ПАО «ИНТЕРПАЙП Нижнеднепровский трубопрокатный завод» обратились в Суд ЕАЭС с заявлениями о признании бездействия ЕЭК не соответствующим Договору, международным договорам в рамках Союза и др., нарушающим права и законные интересы истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. По мнению истцов, такое бездействие выразилось в непринятии Комиссией решения об установлении размеров ставок антидемпинговых пошлин в отношении некоторых видов стальных труб, происходящих из Украины, производимых группой компаний ИНТЕРПАЙП и ввозимых на территорию ЕАЭС, на уровне размера рассчитанной Департаментом защиты внутреннего рынка ЕЭК индивидуальной демпинговой

маржи и указанной в докладе о результатах повторного антидемпингового расследования в целях пересмотра индивидуальных размеров ставок антидемпинговых пошлин в связи с изменившимися обстоятельствами.

Заявления истцов объединены Судом в одно производство.

Постановлением Коллегии Суда от 23 ноября 2021 года производство по делу прекращено. Коллегия Суда установила, что обязанность по уплате антидемпинговых пошлин, размер которых оспаривается истцами, основывается на применении действующих решений Комиссии. Поскольку формой реализации Комиссией полномочий по введению, применению, изменению, отмене, неприменению на территории Союза антидемпинговых мер является принятие решения Коллегией Комиссии, а права и законные интересы истцов непосредственно затрагиваются применением к ним такого решения, то надлежащим способом защиты предполагаемого нарушенного права является оспаривание применяемого к ним решения Комиссии. В этой связи Коллегия Суда пришла к выводу, что у Суда отсутствует предметная компетенция (*ratione materiae*) по рассмотрению спора об оспаривании бездействия Комиссии.

Правовые позиции Суда

1. Предусмотренные Статутом Суда способы защиты нарушенных прав и законных интересов хозяйствующих субъектов применяются в зависимости от того, чем затрагиваются их права и интересы, – правовым актом Союза или ненадлежащим исполнением (неисполнением) Комиссией своих функциональных обязанностей, регламентированных правом Союза.

Из статьи 48 «Общие положения о введении мер защиты внутреннего рынка» Договора следует, что формой реализации Комиссией полномочий по введению, применению, изменению, отмене, неприменению на территории Союза антидемпинговых мер является принятие решения Комиссии.

В случае, когда право Союза устанавливает в определенной сфере форму реализации полномочий Комиссии, и такие полномочия реализованы в решении, то надлежащим способом защиты предполагаемого нарушенного права является оспаривание решения Комиссии, применяемого в отношении хозяйствующего субъекта.

(см. абзац 3 пункта 2.1., абзац 3 пункта 2.4., абзац 3 пункта 2.5. Постановления)

Summary

**of cases No. CE-1-2/9-21-KC; CE-1-2/10-21-KC; CE-1-2/11-21-KC
(INTERPIPE Novomoskovsk Pipe Plant Joint Stock Company,
INTERPIPE NIKO TUBE Limited Liability Company, INTERPIPE
Nizhnedneprovsky Tube Rolling Plant Public Joint Stock Company)**

Keywords:

INTERPIPE Novomoskovsk Pipe Plant Joint Stock Company, INTERPIPE NIKO TUBE Limited Liability Company, INTERPIPE Nizhnedneprovsky Tube Rolling Plant Public Joint Stock Company (economic entities, legal persons) – claimants, INTERPIPE Group – Eurasian Economic Commission (EEC, Commission).

On contesting failure to act of the Eurasian Economic Commission.

Steel pipes – rates of anti-dumping duties – individual dumping margin – anti-dumping investigation – changed circumstances – the Court jurisdiction.

Decision of the Customs Union Commission No. 702 “On measures to protect the economic interests of producers of certain types of steel pipes in the Customs Union” dated June 22, 2011, adopted in relation to the INTERPIPE Group – Decision of the Board of the Commission No. 49 “On the extension of the anti-dumping measure (established by the decision of the Customs Union Commission No. 702) regarding certain types of steel pipes originating from Ukraine and imported into the customs territory of the Eurasian Economic Union” dated April 20, 2021.

Order of the Chamber of the Court – acceptance for proceedings – order of the Chamber of the Court – termination of proceedings.

Substance of the case:

INTERPIPE Novomoskovsk Pipe Plant JSC, INTERPIPE NIKO TUBE LLC, Interpipe Nizhnedneprovsky Tube Rolling Plant PJSC filed the applications with the Court of the Eurasian Economic Union asking to recognize a failure to act of the EEC as inconsistent with the Treaty, international treaties within the Union, etc., violating the rights and legitimate interests of the claimants in the field of entrepreneurial and other economic activities. In the Claimants' opinion, such failure to act has been expressed in the Commission's failure to adopt a decision on setting the rates of anti-dumping duties for certain types of steel pipes originating from Ukraine, produced by the INTERPIPE Group and imported into the territory of the EAEU, at the level of the individual dumping margin calculated by the Department of internal market protection of the EEC and indicated in the report on the results of the anti-dumping reinvestigation in order to revise the individual rates of the anti-dumping duties due to changed circumstances.

The applications of the claimants are consolidated by the Court into one proceeding.

The Order of the Chamber of the Court dated November 23, 2021 terminated the proceedings on the case. The Chamber of the Court found that the obligation to pay anti-dumping duties, the amount of which is disputed by the claimants, is based on the application of the effective decisions of the Commission. Since the Commission implements its power to introduce, apply, change, cancel, non-apply anti-dumping measures within the territory of the Union by adoption of a decision of the Commission's Board, and the rights and legitimate interests of the claimants are directly affected by the application of such decision to them, the proper way to protect the alleged violated right is to contest the Commission's decisions applied thereto. In this regard, the Chamber of the Court concluded that the Court lacks *ratione materiae* to consider the dispute over contesting the Commission's failure to act.

Legal findings of the Court:

1. Stipulated by the Statute of the Court, the legal remedies of legal entities' rights and legitimate interests violated apply depending on what affects the rights and legal interests, whether there is a legal act of the EAEU or the Commission improper performance (non-performance) of its functional duties regulated by the law of the Union.

As follows from article 48 of the Treaty of EAEU on 'the General issues of introduction of the measures of internal market protection', the form of exercising of the Commission powers to enact, apply, amend, cancel, or non-apply the anti-dumping measures in the territory of the Union, is a Commission decision adoption.

In case, the law of the Union establishes the form of exercising of the Commission powers in a certain area, and the such the powers implemented in the Commission decision, then appropriate legal remedy to protect the alleged right violated is contesting of the Commission decision, applied to the legal entity.

(see subparagraph 3 of paragraph 2.1. of the Ruling of the Chamber of the Court, subparagraph 3 of paragraph 2.4. of the Ruling of the Chamber of the Court, subparagraph 3 of paragraph 2.5. of the Ruling of the Chamber)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

23 ноября 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., под председательством судьи-докладчика Айриян Э.В., при секретаре судебного заседания Винник В.В., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Таможенно-Логистический Оператор» (Российская Федерация),

УСТАНОВИЛА:

В Суд Евразийского экономического союза 15 ноября 2021 года поступило заявление общества с ограниченной ответственностью «Таможенно-Логистический Оператор», Российская Федерация (далее – истец, ООО «Таможенно-Логистический Оператор»).

В заявлении истец просит Суд признать бездействие Евразийской экономической комиссии по непринятию мер, направленных на обеспечение соблюдения и применения в Российской Федерации прямых норм права Союза, регламентирующих исполнение таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Таможенно-Логистический оператор» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В обоснование своих требований истец приводит следующие доводы.

Истец, осуществляющий деятельность в сфере таможенного дела на основании свидетельства №1069/00 от 6 сентября 2019 года о включении в реестр таможенных представителей, обратился 18 мая 2021 года за исх. № 362 в Комиссию с целью урегулирования вопроса и принятия мер, направленных на обеспечение соблюдения и применения в Российской Федерации прямых норм права Союза, регламентирующих порядок установления солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов таможенного представителя.

Истец полагает, что в отношении норм права, установленных ст.50, п.1 ст.51, п.3 ст.55, п.п.1-2 ст.401, п.п.4-6 ст.405 Таможенного кодекса Евразий-

ского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), в Российской Федерации существует неединообразная правоприменительная практика.

Пунктом 4 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося Приложением №1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор от 29 мая 2014 года; Положение о Комиссии) установлено, что Комиссия в пределах своих полномочий обеспечивает реализацию международных договоров, входящих в право Союза. ТК ЕАЭС является международным договором в рамках Союза и в силу положений статьи 6 Договора входит в право Союза. Таким образом, в обязанности Комиссии входит обеспечение реализации Договора о ТК ЕАЭС, включая приложение № 1 к нему – ТК ЕАЭС в государствах-членах в пределах полномочий, предоставленных Комиссии правом Союза.

Комиссия, рассмотрев обращение истца, письмом от 11 августа 2021 №18-452 (получено истцом 23 августа 2021года) сообщила, что вывод истца не нашёл подтверждения.

Истец не может согласиться с мнением Комиссии, поскольку бездействием Комиссии непосредственно затронуты права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, т.к. бездействие Комиссии повлекло нарушение предоставленных Договором от 29 мая 2014 года и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов истца.

Истец, являясь таможенным представителем, на основании договоров поручения совершает таможенные операции в интересах участников внешне-экономической деятельности.

Согласно п.2, ст. 405 ТК ЕАЭС обязанности таможенного представителя при совершении таможенных операций обусловлены требованиями и условиями, установленными международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования и (или) законодательством государств-членов о таможенном регулировании.

Так, пунктом 4 статьи 405 ТК ЕАЭС установлено, что в случае совершения таможенных операций таможенным представителем от имени декларанта, таможенный представитель несет с таким декларантом солидарную обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в полном размере подлежащей исполнению обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин.

По мнению истца, из п.5 ст.405 ТК ЕАЭС следует, что при наступлении предусмотренных в соответствии с ТК ЕАЭС обстоятельств, при которых обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин подлежит исполнению, такая обязанность

исполняется таможенным представителем солидарно с представляемым им лицом, за исключением случаев, когда исполнение такой обязанности связано:

- 1) с несоблюдением условий использования товаров в соответствии с таможенной процедурой, под которую помещены товары;
- 2) с изменением сроков уплаты таможенных пошлин, налогов в соответствии с главой 8 настоящего Кодекса;
- 3) с совершением действий в нарушение целей и условий предоставления льгот по уплате таможенных пошлин, налогов и (или) ограничений по пользованию и (или) распоряжению товарами в связи с применением таких льгот.

Кроме того, в соответствии с пунктом 6 статьи 405 ТК ЕАЭС законодательством государств-членов могут устанавливаться иные случаи, чем случаи, указанные в пункте 5 настоящей статьи, когда обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, возникшая солидарно с декларантом, не подлежит исполнению таможенным представителем.

Как следует из заявления, из приведенных норм следует очевидный вывод о том, что наличие солидарной обязанности таможенного представителя носит диспозитивный характер, а следовательно, наличие или отсутствие солидарной обязанности должно решаться в индивидуальном порядке с учётом обстоятельств декларирования товаров декларанта.

Однако, на практике в национальном законодательстве отсутствует механизм установления наличия или отсутствия солидарной обязанности, таможенного представителя с учетом обстоятельств декларирования товаров декларантом. Так, таможенные органы Российской Федерации руководствуются Приказом Федеральной таможенной службы Российской Федерации № 901 от 3 июня 2019 года «Об утверждении Порядка использования личного кабинета и организации обмена электронными документами и (или) сведениями между таможенными органами и декларантами, перевозчиками, лицами, осуществляющими деятельность в сфере таможенного дела, уполномоченными экономическими операторами, правообладателями и иными лицами, а также Порядка получения доступа декларантов, перевозчиков, лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, уполномоченных экономических операторов, правообладателей и иных лиц к личному кабинету».

Истец утверждает, что таможенным органом Российской Федерации на основании положения п.4 ст.405 ТК ЕАЭС, без учета диспозитивности норм права, устанавливающих солидарную обязанность таможенного представителя, направляется уведомление таможенному представителю по результатам таможенного контроля, проведённого в отношении декларанта.

В соответствии со ст.73 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законо-

дательные акты Российской Федерации» от 3 августа 2018 года № 289-ФЗ (далее – Закон № 289-ФЗ), уведомление по своей сути является властным распоряжением о безусловной уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин в установленный срок, при нарушении которого таможенные органы Российской Федерации осуществляют взыскание налогов в принудительном порядке, установленном ст. 68 ТК ЕАЭС, а следствием неисполнения таможенным представителем такого властного распоряжения является его исключение из реестра таможенных представителей.

Таким образом, после проведения таможенной проверки и определения задолженности декларанта по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, таможенным органом Российской Федерации посредством эксплуатации автоматического программного средства (АПС) «Задолженность», установленным распоряжением ФТС России от 8 мая 2019 года № 82-р, признаётся наличие солидарной обязанности таможенного представителя в императивном (безусловном) порядке.

Согласно пункта 3 статьи 1 ТК ЕАЭС таможенное регулирование в Союзе основывается на принципах равноправия лиц при перемещении товаров через таможенную границу Союза, четкости, ясности и последовательности совершения таможенных операций, гласности в разработке и применении международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и их гармонизации с нормами международного права, а также на применении современных методов таможенного контроля и максимальном использовании информационных технологий в деятельности таможенных органов.

Истец полагает, что таможенными органами Российской Федерации в отношении таможенного представителя решение о наличии или отсутствии солидарной обязанности по результатам таможенной проверки декларанта не принимается, а устанавливается внутриведомственным функционированием в императивном (безусловном) порядке.

Истец, будучи таможенным представителем, не имеет возможности воспользоваться правом на обжалование незаконных решений и представление доказательств отсутствия у него солидарной обязанности.

По мнению истца, поскольку наличие солидарной обязанности таможенного представителя носит диспозитивный характер, то направлению истцу уведомления должно предшествовать принятие решения о признании истца лицом, несущим солидарную обязанность по уплате таможенных платежей, с учётом особенностей декларирования товаров. В противном случае, нарушается связь между правом и обязанностью в правоотношении, имеющим характер объективной закономерности.

Из фактических обстоятельств следует, что порядок отправления декларируемых прав таможенного представителя не урегулирован актами в сфере таможенного дела.

Как следует из заявления, несмотря на то, что пунктом 4 статьи 401 ТК ЕАЭС установлено, что для таможенного представителя не должны устанавливаться менее благоприятные условия или предъявляться более жесткие требования, чем те, которые установлены и предъявляются в соответствии с ТК ЕАЭС при совершении таможенных операций декларантом или иными заинтересованными лицами, на практике таможенный представитель не имеет возможности возразить относительно действий таможенного органа по определению его безусловным солидарно обязанным субъектом.

Отсутствие механизма признания истца лицом, несущим солидарную обязанность по уплате таможенных платежей, порядка установления обстоятельств нарушения истцом норм права, порядка принятия соответствующего ненормативного акта, которым бы были установлены правовые и фактические основания солидарной обязанности таможенного представителя, лишает истца права в административном порядке возразить относительно безусловного определения его солидарно обязанным лицом, в том числе применительно к части 7 статьи 346 Закона № 289-ФЗ, права оспорить признание солидарно обязанным субъектом, лишает его права на судебную защиту.

Истец полагает, что в Российской Федерации не обеспечена реализация норм статьи 50, пункта 1 статьи 51, пункта 3 статьи 55, пунктов 1-2 статьи 401, пунктов 4-6 ст.405 ТК ЕАЭС, устанавливающих солидарную обязанность декларанта и таможенного представителя по уплате дополнительно начисленных таможенным органом сумм таможенных платежей за иностранные товары, ввезенные декларантом на таможенную территорию Союза, что влечёт нарушение прав и законных интересов истца. При этом, Комиссией в нарушение пункта 4 Положения о Комиссии, не обеспечена реализация международных договоров, входящих в право Союза.

Кроме того, в нарушение п.п.4 п.24, п.п. 4 п.43, п.п. 2 и п.п.3 п.55 Положения о Комиссии, Комиссией не осуществлён мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, решений Комиссии и законодательства государств-членов в сферах, регулируемых правом Союза.

Таким образом, Комиссией, по мнению истца, не обеспечено соблюдение и применение в Российской Федерации прямых норм таможенного законодательства Союза, регламентирующих порядок исполнения декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, что повлекло нарушение его прав и законных интересов. Меры, направленные на обеспечение соблюдения и применения в Рос-

сийской Федерации прямых норм права Союза, регламентирующих исполнение таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов Комиссией не приняты.

Выводы Коллегии Суда

Согласно абзацу третьему подпункта 2) пункта 39 Статута Суда, Суд рассматривает споры по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Истец просит Суд признать бездействие Евразийской экономической комиссии по непринятию мер, направленных на обеспечение соблюдения и применения в Российской Федерации прямых норм права Союза, регламентирующих исполнение таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Таможенно-Логистический Оператор» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Истец указывает права и законные интересы ООО «Таможенно-Логистический Оператор», как хозяйствующего субъекта, которые, по его мнению, нарушены оспариваемым бездействием Комиссии; приводит обстоятельства и доводы в обоснование своих требований.

Спорные правоотношения возникли после 1 января 2015 года в рамках Евразийского экономического союза.

Коллегия Суда считает, что указанный спор относится к компетенции Суда Союза, установленной абзацем третьим подпункта 2) пункта 39 Статута Суда.

К заявлению в Суд Евразийского экономического союза приложены копии документов о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора, установленного положениями пункта 43 Статута Суда Евразийского экономического Союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), иных документов.

Заявление подписано Генеральным директором ООО «Таможенно-Логистический Оператор» Д.В. Еремеевым, имеющим право без доверенности действовать от имени юридического лица.

Подпись скреплена круглой чернильной печатью ООО «Таможенно-Логистический Оператор».

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда Евразийского экономического союза по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

К заявлению также приложены почтовая квитанция о направлении 9 ноября 2021 года в адрес ЕЭК заказного письма, о чем также указано в пункте 6 перечня прилагаемых документов на стр.9 заявления и подлинник платежного документа об уплате пошлины.

Коллегия Суда констатирует, что истцом соблюдены соответствующие положения Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда). Право хозяйствующего субъекта на обращение в Суд Евразийского экономического союза, и, соответственно, на доступ к правосудию также закреплено положением подпункта 18.2 пункта 18 Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений Евразийской экономической комиссии, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 марта 2013 года № 46 (в редакции решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 года № 179).

Оснований для отказа в принятии к производству или оставлению заявления без движения Коллегия Суда *prima facie* не усматривает.

Руководствуясь пунктом 39 Статута, статьями 34 и 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление общества с ограниченной ответственностью «Таможенно-Логистический Оператор» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии по непринятию мер, направленных на обеспечение соблюдения и применения в Российской Федерации прямых норм права Союза, регламентирующих исполнение таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы Общества с ограниченной ответственностью «Таможенно-Логистический Оператор» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности принять к производству.

Заседание Коллегии Суда по рассмотрению дела назначить на 27 января 2022 года в 10.00 в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий:

Э.В. Айриян

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 23 ноября 2021 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

6 декабря 2021 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Айриян Э.В., судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Панове А.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Министерства юстиции Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Министерство юстиции Республики Казахстан (далее – заявитель) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Заявитель указывает, что согласно пункту 2 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Приложение № 32) члены Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), директора департаментов, их заместители и сотрудники Комиссии являются международными служащими.

Заявитель отмечает, что Договор не содержит определения понятия «международный служащий», но в теории международного права к данной категории относятся все штатные сотрудники международных организаций.

В связи с этим заявитель просит Суд дать разъяснение по следующим вопросам:

- 1) являются ли термины «международные служащие» и «служащие международной организации» равнозначными понятиями;
- 2) допустимо ли относить членов Коллегии Комиссии, директоров департаментов, их заместителей и сотрудников Комиссии к категории «служащие международной организации»?

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономиче-

ском союзе от 29 мая 2014 года (далее - Статут Суда), Суд по заявлению государства-члена или органа Евразийского экономического союза (далее – Союз) осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Согласно пункту 49 Статута Суда обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Подпунктом 2 пункта 1 Указа Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 года № 20 «Об органах и организации, уполномоченных на обращение в Суд Евразийского экономического союза» (с учетом изменений, внесенных Указом Президента Республики Казахстан от 27 февраля 2021 года № 526) установлено, что Министерство юстиции Республики Казахстан является одним из органов, уполномоченных на обращение от имени Республики Казахстан в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Соответствующая информация была направлена в Суд нотой Посольства Республики Казахстан в Республике Беларусь.

В силу пункта 2 статьи 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 Регламента Суда. Согласно подпункту «б» пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителями государств-членов в Суде могут выступать руководители уполномоченных органов и организаций государств-членов, определенных согласно пункту 49 Статута Суда.

Заявление подписано министром юстиции Республики Казахстан – руководителем органа, уполномоченного на обращение в Суд в порядке, предусмотренном пунктами 46 и 49 Статута Суда.

В заявлении испрашивается разъяснение положений Договора, в частности пункта 2 Приложения № 32, что соответствует компетенции Суда по рассмотрению заявлений о разъяснении в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что заявление Министерства юстиции Республики Казахстан о разъяснении соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 49, 73, 74 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10 и 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление Министерства юстиции Республики Казахстан о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 31 января 2022 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Э.В. Айриян

Судьи

А.М. Ажибраимова

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

6 декабря 2021 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л. под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Абдылдабековой К.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление акционерного общества «ИнВест Мультимодал» о признании отдельных положений решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 августа 2018 года № 139 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении подшипников качения (за исключением игольчатых), происходящих из Китайской Народной Республики, и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и внесении изменения в пункт 1 указанного решения Коллегии Евразийской экономической комиссии,

УСТАНОВИЛА:

Акционерное общество «ИнВест Мультимодал» (далее – АО «ИнВест Мультимодал», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании отдельных положений решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) от 21 августа 2018 года № 139 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении подшипников качения (за исключением игольчатых), происходящих из Китайской Народной Республики, и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» (далее – Решение Комиссии № 139) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), в частности, в части отсутствия в Решении Комиссии № 139 среди основных классифицирующих признаков товара области применения стальных шариков как части шарикоподшипника.

Истец также просит внести изменения в пункт 1 Решения Комиссии № 139, дополнив его текстом следующего содержания: «Для целей применения указанной антидемпинговой меры товар определяется кодом ТН ВЭД ЕАЭС и требованиям ГОСТ 3722-2014 Международный стандарт «Подшипники качения. Шарикоподшипники. Технические условия».

Истец считает, что оспариваемым Решением Комиссии № 139 нарушаются права и законные интересы АО «ИнВест Мультимодал», так как на него возлагается обязанность доплатить за декларанта антидемпинговую пошлину, установленную этим Решением.

Изучив заявление АО «ИнВест Мультимодал», Коллегия Суда приходит к следующему.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В подтверждение статуса юридического лица АО «ИнВест Мультимодал» к заявлению приложило выписку из Единого государственного реестра юридических лиц Российской Федерации.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, АО «ИнВест Мультимодал», являясь юридическим лицом, имеет право на обращение в Суд с заявлением о разрешении спора.

Досудебный порядок урегулирования спора истцом соблюден.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору, между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном объеме.

Вместе с тем, к заявлению в Суд АО «ИнВест Мультимодал» не приложило документы, подтверждающие направление ответчику (Комиссии) копии заявления и прилагаемых к нему документов (подпункт «е» пункта 3 статьи 9 Регламента Суда); в подтверждение статуса юридического лица истец не предоставил копию свидетельства о государственной регистрации, копию свидетельства о включении в реестр таможенных представителей (подпункт «б» пункта 3 статьи 9 Регламента Суда); документы на бумажном и электронном носителе не совпадают (пункт 4 статьи 9 Регламента Суда).

В соответствии с пунктом 3 статьи 33 Регламента Суда Коллегия Суда оставляет заявление АО «ИнВест Мультимодал» без движения.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 39 Статута Суда, статьей 9, пунктами 2 и 3 статьи 33, пунктом 1 статьи 34, статьей 84 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Оставить без движения заявление акционерного общества «ИнВест Мультимодал» о признании отдельных положений решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 августа 2018 года № 139 «О продлении действия антидемпинговой меры в отношении подшипников качения (за исключением игольчатых), происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза, в части отсутствия среди основных классифицирующих признаков области применения стальных шариков как части шарикоподшипника, и внесении изменения в п.1 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 августа 2018 года № 139, дополнив его текстом следующего содержания: Для целей применения указанной антидемпинговой меры товар определяется кодом ТН ВЭД ЕАЭС и требованиями ГОСТ 3722-2014 Международный стандарт «Подшипники качения. Шарики стальные. Технические условия».

Предоставить АО «ИнВест Мультимодал» срок для устранения недостатков до 6 января 2022 года.

Копию постановления направить заявителю и Евразийской экономической комиссии.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БЮЛЛЕТЕНЯ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
(по состоянию на 01.01.2022 г.)**

Председатель редакционного совета:

Чайка К.Л. – заместитель Председателя Суда Евразийского экономического союза.

Заместитель председателя редакционного совета:

Колос Д.Г. – судья.

Члены совета:

Ажибраимова А.М. – судья;

Айриян Э.В. – судья, Председатель Суда Евразийского экономического союза;

Баишев Ж.Н. – судья;

Нешатаева Т.Н. – судья;

Сейтимова В.Х. – судья;

Скрипкина Г.А. – судья;

Туманян А.Э. – судья;

Федорцов А.А. – судья.

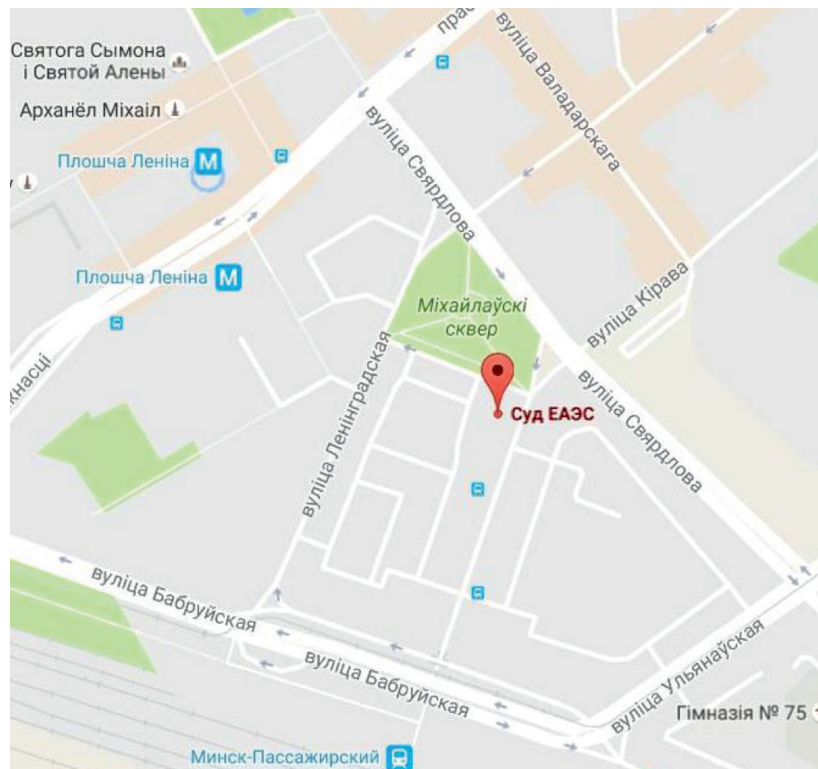
**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ БЮЛЛЕТЕНЯ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
(по состоянию на 01.01.2022 г.)**

Члены коллегии:

- Абдуллина Г.Б. – советник судьи;
- Адерейко А.Н. – советник судьи;
- Амельченя Ю.А. – советник судьи;
- Будник Я.В. – советник судьи;
- Дьяченко Е.Б. – советник судьи;
- Мысливский П.П. – советник судьи;
- Осипян Э.Ю. – советник судьи;
- Резванова О.А. – советник судьи;
- Самсонов Д.С. – советник судьи;
- Симонян Г.В. – советник судьи.

Ответственный секретарь:

- Туреханов А.А. – советник Секретариата Суда Евразийского экономического союза.

Телефон /факс:

+375 17 222 60 98

Интернет-сайт:www.courteurasian.org**Электронная почта:**info@courteurasian.org**Почтовый адрес:**Республика Беларусь, 220006,
г. Минск, ул. Кирова, 5**Режим работы:**Пн.-Чт. 9.00 - 18.00
Птн. 9.00 - 16.45**Обеденный перерыв:**

13.00 - 13.45

Выходные дни:

суббота, воскресенье

Telephone / fax:

+375 17 222 60 98

Internet:www.courteurasian.org**E-mail:**info@courteurasian.org**Postal address:**5, Kirov st., Minsk, 220006,
Republic of Belarus**Working hours:**Mon.-Thu. 9.00 - 18.00
Fri. 9.00 - 16.45**Lunch break:**

13.00 - 13.45

Days off:

Sat., Sun.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Отпечатано в типографии ОАО «ТРАНСТЭК».
Лиц. 02330/36 от 23.01.2014.
Свид. о гос. рег. ИИРПИ № 2/37 от 29.01.2014. З. 386. Т. 300.